СТРАНИЦЫ *советской и российской* ИСТОРИИ

Элен
КАРРЕР д'АНКОСС

Александра КОЛЛОНТАЙ

Валькирия революции

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Настоящая книга известного французского специалиста по истории России постоянного секретаря Французской академии Элен Каррер д'Анкосс посвящена одному из самых ярких персонажей советской истории.

Речь идет о первой в истории женщине-министре Александре Коллонтай. Российская революционерка, член большевистской партии с 1915 года, после Октябрьской революции в России в 1917–1918 годах входила в состав первого советского правительства — Совета народных комиссаров — в качестве наркома государственного призрения. С 1922 года — на дипломатической работе в качестве Чрезвычайного и Полномочного посла СССР.

В начале XX столетия идеи о возможных путях женской эмансипации, изложенные ею в книге «Новая женщина» и ряде беллетристических произведений, произвели фурор.

- Элен Каррер д'Анкосс
  -
  -
  - Вместо предисловия
  - Введение
  - Глава первая. Привилегированная юность
  - Глава вторая. «Товарищ» Коллонтай
  - Глава третья. Жорес в юбке
  - Глава четвертая. Вместе с Лениным: против войны
  - Глава пятая. Наконец-то революция!
  - Глава шестая. Приучение к власти
  - Глава седьмая. Против Ленина: рабочая оппозиция
  - Глава восьмая. От революции к дипломатии
  - Глава девятая. Посол Коллонтай
  - Глава десятая. Мексика: миссия невыполнима
  - Глава одиннадцатая. Возвращение в скандинавский рай
  - Глава двенадцатая. «Тайный дипломат»
  - Заключение. Кем же на самом деле была Коллонтай?
  - Библиография
  - Указатель имен
- notes
  - 1
  - 2
  - 3

Элен КАРРЕР д'АНКОСС

Александра КОЛЛОНТАЙ

Валькирия революции

Перевод с французского

СИСТЕМА РОССПЭН

Москва
2022

Элен Каррер д’Анкосс Александра Коллонтай. Валькирия революции

Научный консультант серии «Страницы советской и российской истории» *А. К. Сорокин*

Опубликовано в сотрудничестве с SAS Lester Literary Agency & Associates

Перевод с французского языка Антона Юрьевича Петрова

Ведущий редактор *Е. Д. Щепалова*
Редактор *Л. Ю. Пантина*
Выпускающий редактор *Н. Н. Доломанова*
Верстка *Т. Т. Богданова*
Корректор *Т. Я. Кокорева*

© Librairie Arthème Fayard, 2021
© Фонд поддержки социальных исследований, 2022
© Российский государственный архив кинофото- документов, иллюстрации, 2022
© Российский государственный архив социально-политической истории, иллюстрации, 2022
© Политическая энциклопедия, 2022

* * *

Вместо предисловия

Александра Коллонтай. Кто в 2021 году хоть раз в жизни слышал это имя? Почти никто. А какой славой пользовалась она сто лет назад! Ярким тому подтверждением служит «Иллюстрация» — престижный журнал, в период между двумя мировыми войнами являвшийся во Франции весьма влиятельным изданием. В номере от 20 сентября 1924 года имелась страница, которая тогда произвела сенсацию. В статье, озаглавленной «Первая женщина-посол», сообщалось о назначении Александры Коллонтай послом СССР в Норвегии и подчеркивалось, что никогда прежде женщина не занимала такой пост. Вывод в статье делался следующий: «Это событие стало вехой в истории международного женского движения».

Конечно, с тех пор некоторые феминистки посвящали свои исследования этой позабытой личности, однако их работ оказалось недостаточно, чтобы пробудить к ней интерес. В большинстве словарей ее имя не упоминается. Единственное исключение составляет внушительный «Словарь политических трудов», изданный в конце прошлого столетия именитыми университетскими преподавателями и предназначавшийся не только для студентов, но и для широкой публики. В пространной статье здесь показан масштаб личности Александры Коллонтай, которая являлась теоретиком женской эмансипации, а с 1917 года стала первой женщиной — народным комиссаром. И обязана она была своим положением тому резонансу, который вызвали ее сочинения о женщине (в первую очередь «Социальные основы женского вопроса»). Ряд работ, написанных после Октября 1917 года, выставляли Александру Коллонтай в роли певицы свободной любви. Впрочем, ранее она стояла у истоков движения, ратовавшего за открытие абортариев. Вот такой была Александра Коллонтай: русская феминистка, приближенная Ленина, во время Революции 1917 года ставшая министром. Западной Европе, и в частности Франции, пришлось ждать не одно десятилетие, пока женщина заняла подобную должность…

Как же так получилось, что в наше время, для которого характерны успехи женщин во всех властных сферах, запрос на равенство с мужчинами, а также сексуальная эмансипация, имя Александры Коллонтай остается неизвестным? Разве не является оно символом всех женских требований и завоеваний, и прежде всего того великого морального и политического переворота, в котором все мы принимаем участие?

Введение

«Россия сошла с магистрального пути цивилизации, и никому не под силу воротить ее назад», — писал Кюстин в своем знаменитом произведении «Россия в 1839 году».

Обрушив на читателя столь безапелляционное суждение, надолго утвердившее в европейском общественном сознании представление о плачевном положении России, Кюстин и вообразить себе не мог, какие перемены ожидали эту страну, равно как не учитывал, сколь бурная дискуссия развернулась в ту эпоху в образованных кругах российского общества.

Не прошло и сорока лет с момента публикации «России в 1839 году», как Россия стала мало походить на свое описание в той книге. Крепостное право, в течение длительного времени служившее свидетельством отсталости России, было отменено в 1861 году Александром II. Вслед за тем, что само по себе явилось подлинной революцией, «царь-освободитель» провел новые реформы, преобразившие тяжеловесную бюрократическую систему России, которую поносил маркиз. Вместе с земствами он создал систему местного самоуправления, которая привлекала общество — хотя и робко, но и это уже было прорывом — к отправлению власти. Прежде всего судебная реформа покончила с архаичной и коррумпированной системой, заменив ее правосудием, основанным на двух фундаментальных принципах — независимости и силы закона, подчиняться которому в равной степени обязан всякий, начиная с самодержца и заканчивая его последним подданным. Благодаря этой реформе отсталая Россия в скором времени оказалась среди передовых европейских стран.

Токвиль в своих размышлениях о реформах предупреждал, что ступившей на этот путь политической системе следует опасаться, как бы реформы не высвободили непредвиденные силы, способные прервать их ход и даже сломать саму систему. История России после 1861 года свидетельствует о справедливости данного предупреждения.

В начале 1870-х годов в России сложилась крайне противоречивая политическая ситуация. Политический строй в лице самодержавия не претерпел изменений, однако общество было взбудоражено реформами. Дворянство сохраняло видимость могущества, но лишилось авторитета и главенствующего положения в обществе, что сказалось прежде всего на его отношениях с крестьянством. Раньше дворяне, опираясь на систему крепостного права, помыкали крестьянами. Освобожденные же крестьяне больше не верили в прирожденное

господство дворян и утвердились в мысли, что отныне все зависит от соотношения сил между ними и их бывшими господами.

Дворянство также утратило статус интеллектуального сословия. Оно считало себя культурным авангардом и ориентиром, но было вынуждено уступить место новой элите, порожденной реформами. Речь идет об интеллигенции — характерном явлении русской истории, о котором ранее возвестил Жозеф де Местр: «России, безусловно, грозит гнев крестьян — избавленные от рабства, они по-прежнему лишены земли, — но куда большую опасность представляют „университетские Пугачевы“». Это и есть интеллигенция — та самая новая прослойка общества, столь прекрасно описанная Бердяевым: «Она обнаруживается среди крестьянских сынов, дьяконов, мелких торговцев», «сменяет дворянство в качестве мыслящего сословия и привносит в него новый дух и нравы».

Социальные изменения служили фоном для споров, в течение нескольких десятилетий бурливших в русском обществе. В действительности общественная дискуссия началась задолго до реформ и социальных перемен. Это произошло после неудавшейся революции 1825 года, ставшей первым признаком того, что Россия пришла в движение и уже не была той закосневшей страной, какой ее спустя полтора десятилетия изобразил Кюстин.

После провала декабристов многие русские задавались вопросом: что есть Россия? Где она расположена? Это европейская страна, хотя бы и отстающая от Европы, но призванная идти вслед за ней и воспроизводить европейскую модель развития? Или же у нее собственная судьба? Петр Чаадаев, самый радикальный из русских мыслителей, которого считали сумасшедшим, в своих «Философических письмах» изначально утверждал, что Россия не является ни Западом, ни Востоком, что она не внесла своего вклада ни в одну из цивилизаций, что она представляет собой особую историческую аномалию без прошлого, настоящего и будущего.

После такого неутешительного для соотечественников вердикта Чаадаев пояснил в «Апологии сумасшедшего», что страна без истории могла бы использовать это как преимущество и, позаимствовав западный опыт, развиваться столь стремительно, что обогнала бы Запад. Размышления Чаадаева позднее повлияли на славянофилов, полагавших, что отличительная особенность России, связанная с ее духовностью, основанной на православной вере и соборности, должна повести страну по пути развития с опорой на моральный и социальный

опыт той России, которую Петр Великий напрасно презирал.

В отличие от славянофилов, западники, друзья просветителей, противопоставляли идеальной России идеальный Запад, годившийся для того, чтобы послужить для России образцом, с оглядкой на который она могла бы обновиться и принять участие в общей истории.

Как славянофилы, так и западники были исполнены романтизма и вскормлены немецкой классической философией, однако с середины XIX века их идеи утрачивали популярность по мере того, как социализм прокладывал себе путь благодаря интеллигенции, чьи ряды с каждым годом ширились, а настроения становились все радикальнее. Ярким примером такой эволюции служил Александр Герцен. Выходец из дворянской семьи, внебрачный ребенок, Герцен был убежденным западником, поклонником Петра Великого, но также и Жорж Санд. После тюрьмы и ссылки он обосновался в Лондоне, откуда наблюдал за родиной и приветствовал появление «новых людей», которые тайно объединялись в небольшие кружки, намечали путь для России, устраивали стачки и мечтали о радикальных переменах для своей страны. Нужно «идти в народ», напутствовал их Герцен.

В свою очередь, «народники» во главе с Петром Лавровым учили своих последователей, что «хождение в народ» означает «слияние с народом», и объясняли, как это следовало делать. В начале 1870-х годов чайковцы, ученики Николая Чайковского, откликнулись на этот призыв. Всех вместе их собрал князь-анархист Петр Кропоткин. Вереницы юных народников устремились тогда в деревню, вооруженные «Капиталом» Маркса, «Историческими письмами» Лаврова и романами Жорж Санд. Они читали эти произведения, передавали их содержание крестьянам, а также объясняли им причину своего появления в деревне. Юные идеалисты, среди которых было очень много девушек, желали послужить народу, которому они, с их точки зрения, задолжали. Они «шли в народ» ради искупления и братания с крестьянством. В число этих молодых людей входили не только «университетские Пугачевы», но и немало молодых дворян, которые испытывали раскаяние от обладания привилегиями и ориентировались на образ «кающегося дворянина», встречавшийся им у многих писателей. «Хождение в народ» ради его просвещения и главным образом получения от него прощения — характерное явление русской истории XIX века, примечательное своим великодушием и самоотверженностью. Нигде больше не встречаются подобные примеры. Это движение ориентировалось также и на рабочих, хотя и в меньшей степени. Юные народники иногда собирались на заводах, чтобы встретиться там с новоиспеченными рабочими,

а на деле — с безземельными крестьянами, которые разочаровались в реформе 1861 года и отправились в город в надежде найти здесь средства к существованию.

Если план Лаврова и его последователей заключался в просвещении крестьянства, с тем чтобы оно взяло свою судьбу в собственные руки, то Михаил Бакунин лелеял более радикальный план: он хотел подтолкнуть крестьян к бунту. Бакунин, как и Герцен, был дворянским отпрыском, увлекавшимся немецкой философией. Близкий идеям Прудона, который критиковал Маркса, Бакунин верил в «бунтарскую природу» русского крестьянина, в котором видел вечного Пугачева. Связывая будущее России со склонностью крестьян к мятежу, он грезил об установлении крестьянского социализма вне национальных границ и создании Крестьянского Интернационала.

Наконец, в хвосте этой вереницы «интеллигентов», где народники перемежались с анархистами, шел тот, кто осмыслил всеобщее стремление к переменам в рамках единой теории и предложил средства для их осуществления. Петр Ткачев, так как именно о нем идет речь, являл собой воплощение того самого «университетского Пугачева», о котором возвестил Жозеф де Местр. Выходец из мелкопоместного дворянства, он выделялся благодаря своим крайним взглядам с момента поступления в Санкт-Петербургский университет. Он участвовал в манифестациях, организовывал стачки, призывал к восстанию и побывал в тюрьме, прежде чем уйти в подполье. И в течение всего этого времени он размышлял об опыте и проектах народников и анархистов, их конфликтах и особенно об их провалах.

Ткачев, как и все ему подобные, читал Маркса, но отошел от его концепции и сосредоточил внимание на России и том пути, который наилучшим образом соответствовал ее специфике. Он сознавал, что Россия отстает, но был убежден в том, что именно эта отсталость дает стране исторический шанс. Маркс утверждал, будто русской буржуазии не существует. В отличие от немецкого мыслителя, Ткачев полагал, что Россия не нуждается ни в буржуазии, ни тем более в капиталистическом производстве. Она может, минуя данный этап, устремиться по революционному пути, если только удастся вовлечь в этот проект народ. И хотя основную массу русского народа составляют крестьяне, что Маркс считал еще одним слабым местом, крестьянин способен совершить революцию, если его направить и руководить им. С этого времени Ткачев выступил с теорией революции, построенной вокруг идеи захвата власти с помощью методов и технических приемов, которые позволяли не только взять власть в свои руки, но и удержать ее.

С появлением Ткачева времена размышлений о революции, специфике России и ее будущем закончились. Ткачев сумел примирить марксизм с русской действительностью и перейти к действиям, несмотря на отсталость страны. Ее предполагалось преодолеть с помощью таких средств, которые Маркс не мог и вообразить. Через какое-то время некий Ленин, о котором никто до этого не слышал, воспользовался теоретическим наследием Ткачева и реализовал его идеи на практике.

Пока интеллигенция вела жаркий спор об особенностях России и ее принадлежности к западной цивилизации, что отрицалось Кюстином, русский социальный ландшафт преобразился. После реформы 1861 года очень многие крестьяне, разочарованные тем, на каких условиях распределялись земельные наделы, стали уезжать из деревни в город. Рабочие, в свою очередь, поверили в то, что реформа повлечет за собой раздел земельных угодий («черный передел»), и устремились в деревню, чтобы не упустить свою выгоду. Когда же их иллюзии развеялись, рабочие вернулись на ранее покинутые ими заводы. Исходу крестьян из деревни способствовал и промышленный рост в России, ускорившийся после 1855 года вследствие желания правительства развернуть на просторах страны сеть железных дорог.

Массы рабочих, сосредоточенные в то время в нескольких городах, испытывали недовольство и беспокойство, готовность откликнуться на призывы к забастовке и бунту, но им еще не хватало классового сознания. Всевозможным агитаторам путь был открыт, а стачки предоставляли им неограниченное поле для деятельности. В середине 1870-х годов в России насчитывался миллион рабочих, которые участвовали в демонстрациях по малейшему поводу и призыву и присоединялись к любой объявляемой забастовке, которые таким образом становились еще многочисленнее.

В 1870 году первая стачка охватила текстильную промышленность столицы и парализовала ее деятельность. Народники, смотревшие в сторону крестьянства, оказались плохо подготовлены к тому, чтобы примкнуть к рабочему движению и его требованиям, тогда как студенты, напротив, охотно и без колебаний встали на сторону рабочих. Они организовывали учебные группы, кружки чтения для рабочих и побуждали тех, кто их посещал, перейти к действиям. Смешавшись с рабочими и участвуя вместе с ними в стачках, студенты завоевывали их доверие и оказывали на них существенное влияние. Как видно, Ткачева слушали и следовали за ним.

Тогда же появилась первая революционная организация —

«Земля и воля», которая зародилась в столице, но быстро раскинула свою сеть на юге страны (важными центрами здесь стали Одесса и Киев) и проникла в деревню. Внутри «Земли и воли» интеллектуалы и рабочий класс объединились, чтобы действовать сообща, выработать порядок действий, в первую очередь в деревне, где они взывали к бунтарскому духу крестьян, столь милому сердцу Бакунина.

В деревне беспокойство и волнения среди крестьян усиливались благодаря стойкости древних верований и мифов, главным образом о «лжецаре». В свое время это позволило Пугачеву поднять крестьянский бунт и создать угрозу монархии в правление Екатерины II. В 1870-е годы, вслед за отменой крепостного права, этот миф обрел новую силу. В деревнях быстро распространился следующий слух: манифест Александра II, даровавший свободу крестьянам, вывел дворян из себя, в ответ они избавились от монарха и, возможно, убили его. «Лжецарь» якобы занял место Александра II. Бакунин и его сторонники боролись с этим слухом. Они хотели просветить крестьян, подвести их к идее восстания, опираясь на их бунтарский дух и понимание реального положения дел, а не играя на их доверчивости.

Чем ближе к концу десятилетия, тем очевиднее становилось обострение политической ситуации. Появление организации «Народная воля» — тому свидетельство. Эта организация в качестве программы действий избрала ликвидацию монархического строя террористическими методами. Народники верили в то, что крестьяне добродетельны и желают трудиться на благо страны. Интеллигенция, руководившая вновь созданными организациями, была убеждена в том, что именно ей, учитывая сделанное ею и проявленный героизм, суждено изменить Россию, а средствами к этому служили террор и покушения, призванные расшатать общественный строй. Что до народа, то он мог лишь последовать за ней. С этого момента споры сменились покушениями на высокопоставленных слуг царя, а затем и на самого монарха. В начале 1880-х годов последовало убийство самодержца, того самого «царя-освободителя», которое положило конец реформаторским иллюзиям и стало аргументом в пользу ранее приведенного мнения Токвиля.

Движение мысли в направлении чистого насилия и трагической развязки предчувствовали великие русские писатели. Еще несколькими десятилетиями ранее Пушкин, за которым закрепился прежде всего образ певца русского величия, воспел также и свободу, во имя которой его друзья декабристы пожертвовали собственными жизнями. Не он ли писал:

Хочу воспеть Свободу миру,
На тронах поразить порок.

Впоследствии Достоевский и Толстой хотя и в разной манере, но всем своим творчеством подводили к мысли, что Россия жила в атмосфере тревоги и беспокойства, в ожидании будущего, которое нельзя было предвидеть, и несчастья. Обоими писателями, как и некоторыми из их современников, владевших пером, — Белинским, Писаревым, Чернышевским — владело чувство грядущей катастрофы, и, читая их, поражаешься, насколько пророческими оказались их тексты. Все они, каждый по-своему, передавали ощущение, что Россия стоит на краю пропасти, что XIX век в России — это столетие революции, охватившей умы, людей и общественный строй. Почти все русские писатели разделяли тогда апокалиптические взгляды на судьбу своей родины.

В этой России, отличавшейся политической отсталостью, неизменно активным брожением умов, стремительностью социальных перемен и нарастанием тревожных предчувствий, явились на свет две личности, чьи судьбы причудливо сплелись; при этом каждой из них было суждено сыграть центральную роль в апокалипсисе, который предрекали все мыслящие люди. В 1870 году Владимир Ульянов, будущий Ленин, родился в Симбирске — провинциальном городе на берегах Волги, вдали от столичной суеты. Два года спустя в столичном Санкт-Петербурге родилась Александра Коллонтай. Их встреча состоится тридцать пять лет спустя в России, где предчувствие катастрофы нашло подтверждение в первой революции, впервые поставившей под угрозу самодержавие. Эта книга предлагает двинуться навстречу двум этим личностям, а значит, и России.

Глава первая. Привилегированная юность

Та, кто в будущем станет Александрой Коллонтай, родилась 19 марта 1872 года. Эта дата, о чем она впоследствии часто упоминала, была символичной, словно предвещавшей ее судьбу. Действительно, годом ранее, 18 марта 1871 года, торжествовала победу Парижская коммуна. И это еще не все, добавляла наша героиня, ибо ее родители узнали о том, что ей суждено появиться на свет, в час исчезновения Парижской коммуны. Это революционное событие, столь мимолетное, решительное и печальное для Маркса и его сторонников, в сознании Александры оказалось навеки неотделимо от ее собственной судьбы.

Однако подобное совпадение никак не сказалось на начальном этапе ее жизни, который был особенно благоприятным. Она родилась в красивом особняке в столице, как и полагалось ребенку из высшего общества. Ее отец, Михаил Алексеевич Домонтович, принадлежал к знатному малороссийскому дворянскому роду, который, как он любил повторять, «восходил к XII веку, а в XIII веке дал стране святого Довмонта, чьи останки покоятся в псковском монастыре»[1].

Предки Александры по материнской линии, не столь именитые, имели, однако, свои достоинства. Мать нашей героини, Александра Александровна Масалина, происходила, с одной стороны, из русской помещичьей семьи, а с другой — из финской. Согласно семейной легенде, ее дедушка-финн был так беден, что отправился босиком в столицу, где и заработал себе состояние. Тогда же он приобрел и завещал потомкам великолепную усадьбу Кууза, располагавшуюся на берегу одного финского озера. Александра Коллонтай всегда с гордостью упоминала о своих разноплеменных предках, в чьих жилах текла русская, финская, даже французская и немецкая кровь.

Мать А. М. Коллонтай А. А. Массалин-Мравинская. Не ранее 1872. [РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 1. Д. 31. Л. 5]

Отец А. М. Коллонтай М. А. Домонтович. Не ранее 1872. [РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 1. Д. 31. Л. 6]

Александра Масалина, мать Александры Коллонтай, была примечательна не только своим происхождением, но и романтической и необычной судьбой. Едва выйдя из отроческого возраста, она встретила в опере красивого офицера, который влюбился в нее, стал ухаживать и предложил ей руку и сердце. Это был Михаил Домонтович. Однако ее отец категорически возражал против этого союза, сочтя воздыхателя недостаточно состоятельным, а значит, и недостойным руки его дочери. Он воспользовался тем, что Домонтовича отправили воевать (тогда разгорелся конфликт между австрийцами и венграми), и навязал дочери в мужья выбранного им самим офицера польского происхождения Константина Мравинского, который был старше невесты.

Мать Александры Михайловны Коллонтай А. А. Массалин-Мравинская со старшими детьми А. К. Мравинским и А. К. Мравинской. Не позднее 1872. [РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 1. Д. 31. Л. 4]

«Устроенный» брак поначалу казался удачным, в нем родилось трое детей — мальчик и две девочки. Но Александра и Михаил Домонтович не смирились с тем, что их разлучили. И когда Домонтович вернулся в Россию, покрыв себя славой, Александра взяла под мышку дочерей и ушла от мужа, оставив

ему сына. Взбешенный Мравинский упорно противился разводу, которого требовала супруга. Каким же характером обладала эта Александра, будущая мать нашей героини! В Российской империи на разведенную женщину смотрели косо. Что и говорить о репутации женщины, оставившей мужа, сожительствующей с другим мужчиной и готовой вот-вот родить от него ребенка! Она превратилась в объект презрения всего общества. Домонтович обратился к Святейшему синоду с просьбой урегулировать их ситуацию, призвав на помощь своего семейного святого, и вместе с той, кто вскоре станет его женой, смиренно признал адюльтер в присутствии специальной комиссии. В итоге Святейший синод даровал им прощение, приняв во внимание, что Александра была на сносях. Домонтовичи вместе с тремя детьми (двумя дочерьми Мравинского и новорожденной) обосновались сначала в доме брата Михаила, а затем переехали в красивое здание близ кавалерийского училища.

Александра Коллонтай. Санкт-Петербург, 1878. [РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 1. Д. 31. Л. 8]

Александра, которую в детстве называли уменьшительным именем Шура, была не только третьей дочерью, выращенной Домонтовичами, но также их третьим совместным ребенком, поскольку двое других родились раньше нее и умерли во младенчестве. Это объясняет, почему Александра Александровна окружила столь ревностной заботой своего позднего ребенка и почему это излишнее внимание часто становилось для Шуры тяжким бременем. Маленькая девочка взяла привычку укрываться от властной матери у своей гувернантки-англичанки миссис Хогдон. Особую близость она чувствовала к отцу, о котором позже скажет: «Человеком, оказавшим наибольшее влияние на мой ум, на мое становление, был мой отец».

Впрочем, ее родители были очень непохожи, хотя оба разделяли либеральные идеи и не отличались конформизмом по отношению к окружающей действительности. Ярким тому примером служила Александра Александровна, мама Шуры, которая после замужества решила заработать на своем имении в Куузе, где семья проводила лето. Она устроила предприятие, занимавшееся производством молочных продуктов, которые она продавала в Санкт-Петербурге. Это глубоко шокировало общество, к которому она принадлежала.

Пока супруга отдавалась хозяйственной деятельности, началась русско-турецкая война, опустошавшая Балканы, и Домонтович отправился на войну с традиционным врагом — Османской империей. После подписания Сан-Стефанского мира в 1878 году он остался в Болгарии в качестве советника, чтобы помочь этой ставшей независимой стране создать общественные институты. Он содействовал болгарам в обзаведении либеральной конституцией, что не соответствовало взглядам русского правительства. Отзыв Домонтовича в Россию год спустя положил конец такому либерализму, который сочли неуместным.

Детство Шуры прошло под знаком политики. Сначала она увлеченно слушала рассказы о русско-турецкой войне, разделяла восторженный панславизм русского общества, затем повидала вблизи независимую Болгарию, куда она отправилась к отцу. За год, проведенный в Софии, Шура завела знакомство, решительным образом повлиявшее на всю ее последующую жизнь, с девушкой одного с ней возраста — Зоей Шадурской. Зоя обладала крайне независимым характером, отличалась особенной живостью и стала для Шуры образцом для подражания. Дружба, завязавшаяся в течение того года, продлилась всю жизнь. Впоследствии Александра Коллонтай называла Зою, наряду с сыном, самым близким для себя человеком.

Шура интересовалась всем, что видела и слышала о событиях, связанных с ее отцом. Когда ей исполнилось десять лет, царь-освободитель был убит. Его смерть и то, что за нею последовало, произвели глубокое впечатление на ребенка. Ее родители, придерживавшиеся либеральных убеждений, тяжело переживали кончину монарха, подготовившего радикальную политическую реформу. Они сознавали, что тем самым смертельный удар нанесен их надеждам увидеть, как Россия вступает в конституционную эпоху. Однако убийство также непосредственно сказалось на их собственных жизнях. Мравинского, первого мужа Александры Домонтович, обвинили в сговоре с убийцами. Вмешавшийся по настоянию жены Домонтович сумел спасти его от Сибири, но не смог избавить от ссылки и лишения всех гражданских прав.

На девочку это событие наложило очень сильный отпечаток. Прежде всего изменился семейный климат, ибо ее мать, хоть и давно состоявшая в разводе, не могла удержаться от того, чтобы проявить участие к бывшему мужу и попытаться помочь ему всеми возможными способами. Она втягивала в это Домонтовича, и в какой-то момент между супругами возникла напряженность. В то же время Домонтовичи в силу своих отношений с Мравинским стали неблагонадежными в глазах петербургского общества, не забывшего к тому же об их добрачной связи и шокированного необычной деятельностью Александры Александровны. Ребенок не мог не ощущать атмосферу презрения и даже враждебности, царившую тогда вокруг его близких.

Затем жизнь пошла своим чередом. Шура подрастала, получала хорошее воспитание, увлекалась, как и ее отец, историей и легко овладевала несколькими языками: английским (в общении с гувернанткой), французским (языком высшего общества, на котором она говорила с матерью и сестрами), немецким (который тогда изучала) и финским (им она пользовалась в летнее время, проведенное в материнской усадьбе Куузе). Ее особенно тянуло к сестре Евгении, или просто Жене, которую мать подталкивала к получению образования, что для женщины в тогдашней России являлось редкой возможностью. Но весьма своенравная Женя желала посвятить себя пению и настояла на своем. Она познакомила Шуру с музыкой, что сильно сблизило двух сестер и вызвало у них общее желание противиться воле матери.

Когда Шура заявила, что хочет учиться в университете, она, как ранее Женя, столкнулась с противодействием матери, которая считала, что той следует получить необходимую квалификацию и заниматься с маленькими детьми, и твердила ей, что замужество

и материнство — нормальный удел женщины. Как переменилась нонконформистка Александра! Более того, она настояла на том, чтобы одна из ее дочерей от первого брака сделала так называемую хорошую партию, выйдя замуж за кузена ее мужа, который был богат и знатен, но много старше новоиспеченной супруги. Этот брак, надеялась Александра Александровна, должен послужить примером для ее младшей дочери. Но Шура хотела самостоятельно решать, какой образ жизни вести и какой выбор делать. И вскоре она это продемонстрировала.

В пятнадцать лет она увлеклась братом одного из своих друзей — Ваней Драгомировым. Ваня был сыном друга генерала Домонтовича, также героя русско-турецкой войны. Надо полагать, дружба с детьми Драгомирова в семье Домонтовичей поощрялась. Эта идиллия длилась совсем недолго и кончилась трагически, поскольку после одного свидания, сопровождавшегося, согласно рассказу Александры, мимолетным поцелуем, юный Ваня покончил с собой. Выстрела из пистолета оказалось достаточно.

Причина самоубийства осталась неизвестна, но в жизни Шуры это событие произвело переворот. Ее родители, видя печаль дочери, предложили ей лошадь и пустили ее галопом до Куузы в надежде, что она таким образом сумеет развеяться. Позже, отметив про себя, что дочь по-прежнему безутешна, Александра отправила ее в путешествие в Стокгольм вместе с подругой. Их поездка длилась две недели. Идея оказалась прекрасной: путешествие и встречавшиеся по пути развлечения помогли Шуре справиться с отчаянием. Но она вернулась к своему плану получить образование, и мать не смела более ей перечить. Особый интерес Шура проявляла к истории и литературе, и благодаря связям и щедрости отца ей посчастливилось брать уроки у признанных знатоков этих предметов.

Домонтович представил дочь историку Константину Бестужеву-Рюмину, который заинтересовался ею. Для занятий литературой Михаил Алексеевич обратился к известному профессору Санкт-Петербургского университета Виктору Острогорскому, который давал Шуре частные уроки. Он читал ей лекции, предложил изучать творчество Толстого и Тургенева, так как Шура с самого начала призналась ему, что ее заветное желание — стать писателем. С тех пор у Шуры начались студенческие будни, которые перемежались веселым досугом — катанием на коньках, танцевальными вечерами. Во время одного из таких вечеров Александра пленила адъютанта императора, генерала Ивана Тутолмина, старше нее на четверть века. Он тотчас же попросил ее руки, но, несмотря на свой статус и достоинства, воздыхатель был отвергнут, хотя слыл в столице

очень выгодной партией. Отказ Шуры, данный без оговорок и обиняков, вызвал недовольство матери и скандал в петербургском обществе. Какое легкомыслие, шептались в салонах, и какая невоспитанность! Шура оставалась глуха к критике. И вскоре повстречала человека, который пленил ее и изменил течение ее жизни.

Александра Коллонтай. 1888. [РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 1. Д. 31.

Л. 11]

Генерал Домонтович, отправляясь по службе в Грузию, решил взять с собой дочь, чтобы та развеялась. Там она познакомилась с Владимиром Коллонтаем, за которого впоследствии вышла замуж. Этот красивый юноша был немного старше нее и приходился ей кузеном. Он являлся единственным сыном Прасковьи Ильиничны Коллонтай, кузины генерала Домонтовича и вдовы одного поляка, который за участие в восстании 1863 года заплатил жизнью. Такая судьба, овеянная романтическим ореолом, не могла не прельстить Шуру. Она совершила несколько экскурсионных поездок вокруг Тифлиса в компании Владимира, познакомилась с его друзьями — одним словом, ее пребывание обернулось идиллией.

Муж А. М. Коллонтай В. Л. Коллонтай. Позднее 1893. [РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 1. Д. 31. Л. 15]

Однако по возвращении в столицу Александра вступила в конфликт с родителями. Она объявила им, что хочет замуж за Коллонтая. Отец воспринял новость враждебно, поскольку находил, что избранник дочери плохо сочетается с ее

интеллектуальными устремлениями. Мать же возражала по причине бедности жениха, которая обрекала Шуру на жизнь в нужде. Ее противодействие было настойчивым и сопровождалось оскорбительными выходками по отношению к Владимиру Коллонтаю. Чтобы отделаться от назойливого воздыхателя, Домонтовичи прибегли к весьма традиционному способу, отправив Александру за границу. В сопровождении одной из сводных сестер, Адели, она провела несколько недель в Германии и Франции. Но ни Париж, ни Берлин, хотя и являлись оживленными и чарующими городами, в которых Александра могла бы удовлетворить свое интеллектуальное любопытство и почувствовать вкус к жизни, не смогли заставить ее забыть о запланированном замужестве.

Отправка ее за границу в попытке дать ей возможность развеяться свидетельствовала о недостаточном знании ее своевольного характера. Противодействие родителей, напротив, лишь укрепило ее решимость. Она желала продемонстрировать свою независимость (возможно, даже больше, чем любовь) и в конечном итоге настояла на своем. Она вышла замуж за Владимира в 1893 году, в возрасте двадцати двух лет, навсегда став Александрой Коллонтай, хотя этот брак продлился недолго и впоследствии в ее жизни были другие мужчины.

Спустя всего год после замужества Александра родила сына Михаила — или просто Мишу. Она сразу же горячо полюбила его, проявляла к нему живой интерес и окружила нежной заботой и пристальным вниманием. В первое время она сделалась образцовой супругой и матерью, соответствовала чаяниям и представлениям Владимира. Он считал, что его жена должна посвящать ему все свое время, как делала она это по отношению к их ребенку, и что она должна быть довольна их совместной жизнью. Но Александре потребовалось немного времени, чтобы понять, что жизнь, всецело посвященная семье, ей невыносима, что она не может отречься от личной свободы. Совсем скоро она заявила своей конфидентке Зое: «Я ненавижу брак»; «Я хочу писать, а не вести эту тупую жизнь».

Зоя предупредила об этом Владимира, и тот, будучи сильно влюблен и уважая чувства жены, хотел показать, что он ее понимает. Он нанял новую прислугу, чтобы избавить супругу от материальных забот и предоставить ей свободное время для интеллектуальных занятий. Такой компромисс вовсе не стал решением нараставшей проблемы в отношениях между супругами, которую генерал Домонтович предвидел еще до заключения брака. Владимиру амбиции Александры и ее интерес к политике (ибо уже тогда она увлеклась социализмом и читала

все, что ей удавалось найти по этой теме) казались милой прихотью и не вызывали у него ни малейшего интереса. Этот серьезный, квалифицированный инженер снисходительно относился к тому, что считал фантазиями избалованного ребенка, но был не в состоянии уделить этому хоть какое-то внимание. И он не отдавал себе отчета в том, какую опасность для их супружеской жизни представляло его благосклонное и великодушное отношение, которое, тем не менее, не соответствовало ожиданиям Александры.

Александра Коллонтай. 1893. [РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 1. Д. 31. Л. 12]

К этому стоит добавить, что на личном фронте появился мужчина, потенциальный соперник — Александр Саткевич, друг Владимира и тоже инженер, который, в отличие от Владимира, интересовался интеллектуальным багажом Александры. Зная о ее ожиданиях, он поощрял ее к писательству и обсуждал с ней ее

работы. Воодушевленная этой поддержкой, Шура посвятила себя написанию рассказа, который отправила на отзыв известному писателю Владимиру Короленко — издателю литературного журнала «Русское богатство». Для начинающей писательницы, никому неизвестной молодой женщины это был смелый поступок, и он не увенчался успехом. Короленко ее не слишком обнадежил. Однако упорный характер Александры проявился и на сей раз. Сдержанность Короленко не произвела на нее сильного впечатления, несмотря на влияние и авторитет, которыми пользовался писатель. Он нашел ее недостаточно талантливой для создания романтических произведений? Что ей до того! Она просто решила на какое-то время сменить деятельность, бросить рассказы и романы ради получения образования, чтобы сделать из этого сюжет для своих будущих произведений.

Какие перемены в жизни Александры! С тех пор она стала еще более открытой для политической деятельности, идейных споров и новых веяний. Одно событие, произошедшее в 1896 году, ускорило формирование у Александры политического сознания. Владимир Коллонтай собрался в Нарву для установки вентиляции на крупном текстильном предприятии, где были заняты двенадцать тысяч рабочих обоего пола. Александра решила сопровождать его в поездке в компании своей неразлучной подруги Зои. Поначалу женщины полагали, что это путешествие станет приятным времяпрепровождением. Они катались на лыжах, коньках и танцевали, пока инженеры представляли свои проекты. Но спустя два дня после прибытия Александра передумала и захотела посетить завод и жилые помещения рабочих. Она пришла в ужас при виде примитивных бараков, мира нищеты, описание которого ей порою встречалось в книгах, но она и представить себе не могла, что этот мир существует на самом деле. Впоследствии она скажет, что убожество, увиденное ею тогда, оказало определяющее влияние на ее развитие. Тогда же она пришла к выводу, что ее долг — поставить себя на службу обездоленному пролетариату и попытаться улучшить его положение.

По возвращении в столицу она в еще большей мере посвятила себя социальным вопросам. Часто принимала участие в различных дискуссиях, конференциях и помогала Передвижному музею учебных пособий, который обеспечивал учебными материалами рабочих, посещавших вечерние курсы. Александра занималась всем этим вместе с преданными друзьями: прежде всего с неразлучной подругой Зоей и Саткевичем, также ставшим ей другом. Отношения Александры с этими двумя столь близкими ей людьми обернулись так, как никто из них и

представить себе не мог. После свадьбы чета Коллонтай поселилась в доме Домонтовичей. Поскольку он был огромен, у Александры возникла мысль предложить незанятую комнату Саткевичу, который до этого жил стесненно. Затем и Зоя, которую Александра одно время думала выдать замуж за Саткевича, получила приглашение присоединиться к друзьям в этом просторном жилище.

Таким образом, под крышей у Коллонтаев зародилась маленькая «коммуна», соответствовавшая интеллектуальным мечтаниям той эпохи. Здесь встречались многочисленные друзья, часто до рассвета велись жаркие споры, вдохновленные идеями Маркса, Чернышевского, Бакунина. Обсуждали будущее России и грезили о революции. Мысль о женитьбе Зои и Саткевича не получила развития, поскольку тот влюбился в Александру, которая, разочаровавшись в муже, не могла перед ним устоять. «Можно ли любить двух мужчин одновременно?» — вопрошала она подругу. Но совсем скоро ее стали возмущать рассуждения в категориях принадлежности одного человека другому, потому как она желала самостоятельно распоряжаться своей свободой. И все же Саткевич, которого она в своих письмах обозначала инициалами А. А., а Зоя называла «человеком, явившимся с планеты Марс» и «славным малым», навсегда занял важное место в ее жизни.

Владимир Коллонтай долго не знал об отношениях, лишивших его жены, но этот обман не мог длиться вечно. А тем более коммунальная жизнь, которая так плохо его скрывала. Зоя в конце концов уехала в 1898 году, и Александра решила оставить мужа, семью, столицу, чтобы пойти своим путем, принять судьбу, которую она для себя определила. Вот как она это объясняет в своей автобиографии: «Я все еще любила своего мужа, но счастливая жизнь домохозяйки и супруги стала для меня тюрьмой». И дальше добавляет: «Мне нужно было уехать. Порвать с человеком, которого я сама прежде выбрала, даже если (я это смутно чувствовала) я подвергну себя опасности потерять саму себя. Также следует сказать, что ни один мужчина, который был со мной близок, не оказывал определяющего влияния на мои желания, действия или видение мира. Напротив, большую часть времени именно я вела за собой. Я протаскивала свои представления о жизни, свою политическую линию, сформированную как самой жизнью, так и непрерывным чтением книг».

Прежде чем последовать за Александрой, порвавшей со своим прошлым, следует уделить внимание ее дружбе с другими людьми, повлиявшими на ее становление. Одна такая дружба

завязалась еще в детстве. Речь идет о гувернантке Марии Ивановне Страховой — личности выдающейся, происходившей из семьи признанных интеллектуалов. Страхова объяснила своей воспитаннице в самом раннем возрасте, что необходимо радикально изменить русское общество и освободить женщин от подчиненного положения, на которое тогдашнее общество их обрекало. Мария Страхова давно занималась образованием рабочих, и именно она познакомила Александру с Передвижным музеем учебных пособий. Там Коллонтай познакомилась с одной из учениц Страховой — Еленой Стасовой, дочерью сановника и известным искусствоведом.

Общее фото семьи Домонтович с друзьями. Санкт-Петербургская губерния, усадьба Кууза, 1897. [РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 1. Д. 31. Л. 1]

Стасовы принадлежали к наиболее изысканному интеллектуальному кругу, и Александру впечатлило дружелюбное отношение Елены, хотя они так и не стали близкими подругами. Елена Стасова рекомендовала ей книги для чтения, говорила с ней о социализме. Осторожная по натуре, она воздерживалась от разговоров о собственной политической деятельности, но приглашала Александру на тайные собрания. А иногда просила ее спрятать у себя дома агитационные листовки, которые распространяла на подступах к заводам, с призывами к

участию в «дне рабочих» или стачке. В то время стачки были частым явлением в текстильной промышленности, где широко использовался женский труд. Участь женщин живо интересовала Александру, и именно этой проблеме она решила себя посвятить. Узнав, что данную тему ранее затронула на лондонском Международном конгрессе рабочих-социалистов и профсоюзов Клара Цеткин, которая воспользовалась случаем для популяризации книги Августа Бебеля «Женщина и социализм», Александра прочла этот труд и получила пищу для размышлений.

Однако прежде всего ее интересовали вопросы образования, способы внушения детям чувства свободы и независимости с целью превращения их в полезных членов общества. Оттолкнувшись от этой темы, она направила свою мысль в социально-политическое русло. Она полагала, что, сосредоточившись на формировании независимых личностей, родители и воспитатели способствуют появлению взрослых, осознающих неотложность всеобъемлющей реформы общества ради прогресса всего человечества.

Таким образом, Александра мысленно соединяла развитие человеческой личности с марксистским дискурсом движения к прогрессу. Используя эту общую тему в качестве ориентира, Александра старалась определить свое место в обществе и имевшиеся у нее средства, с помощью которых она могла внести свой вклад в развитие себе подобных. Коллонтай направила в журнал «Образование» статью на данную тему, которую сразу же приняли. Этот первый успех укрепил ее уверенность в том, что она должна писать и может своими текстами принести пользу себе подобным. В то же время, уверившись в своем писательском призвании, Александра вынуждена была констатировать (и все обсуждения, в которых она участвовала в течение двух последних лет, подтверждали опасения) недостаток у себя знаний, а следовательно, невозможность взяться за реализацию каких-либо писательских планов без серьезной подготовки.

Осознание недостатка знаний вернуло Александру к старой навязчивой идее: ей следовало учиться. Тяга к знаниям побудила ее полностью порвать с жизнью, которую она вела. Она убедилась, что личная независимость — это первое условие ее вхождения в мир знаний. И она знала, как ей нужно действовать. Она объявила родителям о разрыве с Коллонтаем и своем отъезде в Цюрих с целью серьезного изучения трудов Маркса. Она доверила им Мишу, в сопровождении гувернантки, возложив на них задачу по воспитанию внука.

Почему же был выбран Цюрих? Прежде всего потому, что Александра открыла для себя и горячо обсуждала с друзьями

одно произведение, посвященное «рабочему вопросу». Оно принадлежало Генриху Геркнеру — экономисту-марксисту, преподававшему в Цюрихском университете. Кроме того, Цюрихский университет славился своим либерализмом, принимая студентов, которых не допускали к университетскому образованию в родной стране. Для русских студентов Цюрих служил несравненным полюсом притяжения, и они устремлялись туда в большом количестве.

Александре при поступлении было двадцать шесть лет. Она никого не знала ни в Цюрихе, ни в Швейцарии, ни в университете, но располагала материальными средствами, позволявшими ей неплохо жить. Действительно, отец обеспечивал ей финансовую поддержку, которая освобождала ее от всех ежедневных забот. Она также знала, что Миша в безопасности и окружен заботой любящих его бабушки и дедушки. К этой живительной уверенности добавлялась моральная поддержка самых близких друзей: Зои, обещавшей быть рядом с ее сыном, Саткевича, «славного малого», прежде (а может быть, все еще?) очень ей близкого и вдохновившего ее следовать по пути, подсказанному ей внутренним голосом. Наконец, она извлекла пользу из подспудной договоренности с Владимиром Коллонтаем, согласно которой он, брошенный и едва ли счастливый, тем не менее, избавил ее от упреков и шантажа, благодаря чему их расставание не приняло драматический оборот. Для Александры, для Миши, чье благополучие служило необходимым условием ее внутреннего спокойствия, этот безболезненный разрыв стал ценным даром. Она смогла отправиться в Цюрих с легким сердцем.

Ей также посчастливилось быть крайне благосклонно принятой профессором Геркнером, который включил ее в состав своей семинарской группы. Он уделил время своей новой ученице, наметив для нее список литературы и сориентировав в выборе темы для исследования. Доброжелательность профессора укрепила уверенность Александры в том, что она правильно сделала, начав новую жизнь. Очевидно, все ей благоприятствовало и легко давалось. Однако Александра не была создана для легкой жизни.

Расставание с Мишей оказалось более болезненным, чем она себе представляла, когда принимала такое решение. Едва покинув столицу, она осознала, что страдает, причем настолько сильно, что несколько раз сходила с поезда, увозившего ее в Цюрих, чтобы вернуться к сыну в Куузу. Но, добравшись до Цюриха, Александра взяла себя в руки. Следуя совету своего профессора, она решила сосредоточиться на проблемах знакомой ей

Финляндии. И приступила к работе. Вскоре, однако, ей пришлось прерваться, ибо внезапно, возможно, под влиянием потрясений в жизни страны и ее близких, у Александры обнаружились проблемы с нервами — не начиналась ли у нее депрессия? На факультете ей посоветовали поехать поправить здоровье на солнце. Она повиновалась, позволила себе ненадолго остановиться в Италии, затем отправилась в Берлин, чтобы получить консультацию у именитых врачей, которые диагностировали у нее всего лишь (стоит ли этому удивляться?) тоску по России и по семье. Положившись на их рекомендации, Александра возвратилась к родителям спустя год после отъезда. Для них, для Миши ее возвращение стало огромной радостью, и прием ей оказали соответствующий. Преданный «славный малый» тоже был тут как тут, готовый откликнуться на любые ее желания и даже предвосхитить их. Что до Владимира, брошенного мужа, то он сообщил, что вопрос о возвращении к совместному проживанию не стоит и разрыв между ними окончателен.

Проведя несколько месяцев в кругу близких, в том числе какое-то время в усадьбе Кууза, и успокоив тем самым расшатанные нервы, Александра с новыми силами вернулась в Цюрих к своим занятиям. Однако ее бескомпромиссная натура в очередной раз осложнила положение. Разумеется, своего профессора, именитого ученого, она уважала. Но, вновь начав посещать семинарские занятия, была вынуждена констатировать, что образ мыслей учителя, которого она ранее сама выбрала, более не соответствует ее ожиданиям.

Социалисты в то время делились на фракции. Реформисты и радикальные марксисты безудержно ругались друг с другом. И, к своей великой досаде, Александра обнаружила, что профессор Геркнер изменил взгляды на крупный конфликт в среде социалистов и двинулся в направлении, противоположном тому, которое выбрала она сама. Социалисты были непримиримы. Немец Бернштейн непрестанно критиковал то, что считалось сердцевиной ортодоксальной марксистской теории — Эрфуртскую программу Маркса и Каутского. Их убежденности в том, что пауперизация пролетариата непременно ведет к революционным изменениям, Бернштейн противопоставлял тезис о том, что положение рабочих меняется, зарплата и условия жизни постепенно улучшаются, а это открывает возможность для мирного перехода к социализму. Конечно, рассуждения Бернштейна основывались в первую очередь на наблюдении за положением рабочих в Германии, самой передовой стране Европы, однако его риторика привлекла внимание всех социалистических партий и движений и вызвала в них споры.

Так произошло и в России, где социалисты живо заинтересовались этим вопросом и их мнения разделились. Лидеры Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП) Георгий Плеханов, Павел Аксельрод, Вера Засулич, Владимир Ленин подвергли резким нападкам мысль о том, что мирное поступательное развитие позволит избежать революционного насилия. Плеханов обвинял Бернштейна в том, что тот взял за основу популистские тезисы, которые, напоминал он, уже не раз приводили социализм к провалу. Большинство русских марксистов воспротивились реформизму Бернштейна. Но Александра Коллонтай с горечью признала, что ее учитель думал точно так же, как Бернштейн, тогда как сама она, рассматривая Финляндию, объект своего исследования, в свете радикальных представлений Маркса, стремилась показать, что в этой части Российской империи, населенной преимущественно крестьянами (чей революционный потенциал Маркс отрицал по причине их привязанности к собственности), крестьянство, тем не менее, являлось революционным классом.

Осознавая, что сомнения отдаляют от него мятежную ученицу, профессор Геркнер предложил ей обратить внимание на английских социалистов, особенно на Беатрис и Сидни Вебб, и даже организовал встречу с ними. Несмотря на оказанный ей теплый прием, Александра призналась своим друзьям, что собеседники, рекомендованные ей учителем, произвели на нее жалкое впечатление. Все сказанное ими, напротив, подталкивало ее в сторону тех социалистов, которые непримиримо боролись с реформизмом.

Роза Люксембург, с которой она познакомилась тогда же, поразила ее силой убежденности, мощью своей личности и произвела на Александру глубокое впечатление. К тому же во многом обе женщины были схожи. Как и Роза Люксембург, Александра проявляла неуступчивость в противостоянии с другими марксистами, яростно нападая на уважаемых деятелей. Однажды это случилось с Петром Струве — теоретиком марксизма, которого она встретила на одном из вечеров, организованных в столице отцом Елены Стасовой с целью сбора средств для помощи рабочим. Струве расхваливал Бернштейна. Она напала на оратора без оглядки на моральный авторитет, которым тот пользовался в России и среди социалистов во всем мире. Резкость ее речи изумила всех собравшихся и неприятно потрясла многих из них.

Однако цюрихский период в жизни Коллонтай близился к завершению, ибо ее родители друг за другом ушли в мир иной. Их смерть привела ее в отчаяние, особенно кончина отца, с

которым она была так близка и который всегда поддерживал ее морально и материально. Более того, Миша, которого бабушка с дедушкой холили и лелеяли, чувствовал себя осиротевшим. Александре пришлось взять на себя заботу о сыне, распорядиться его судьбой, тогда как ранее эта ответственность лежала на Домонтовичах.

Печаль Александры усугублялась проблемой, о которой она до этого и подумать не могла: отношения с Владимиром Коллонтаем приняли новый оборот. Прежде Владимир довольствовался самим фактом их расставания и не требовал от нее практических шагов. Но в тот самый момент, когда ей пришлось в одиночку обустраивать жизнь своего ребенка, муж объявил ей о желании развестись. Развод в царской России был делом непростым, и ранее Александра никогда не считала его целесообразным, коль скоро в ее жизни Владимира больше нет. Но тот, встретив молодую женщину, которая привязалась к Мише (и эта привязанность оказалась взаимной), хотел вновь жениться. Ему понадобилось разрешение Святейшего синода на развод, что требовало малоприятных и длительных хлопот. Это вовсе не устраивало Александру, но ей пришлось смириться. Можно вообразить, что преданность и знаки внимания со стороны Саткевича помогли ей пережить это трудное время, хотя гибель почти всей их переписки исключает всякую возможность узнать что-либо наверняка об их отношениях в тот период.

После смерти матери Александра сделала открытие, перевернувшее всю ее жизнь. Та завещала Куузу детям от своего первого брака, тем самым лишив Александру доступа к усадьбе, которую она так любила. Она не понимала причины такого решения, которое и правда труднообъяснимо. Зато отец завещал ей прекрасное имение в Черниговской губернии, что гарантировало ей солидный доход, но и возлагало на нее тяжкое бремя по управлению хозяйством.

Отныне Александра была вольна организовать свою жизнь и жизнь сына по собственному усмотрению. Благодаря отцу у нее имелось достаточно материальных средств. Она тотчас же покинула семейный особняк и вместе с Зоей Шадурской обосновалась в другом, более скромном жилище, где Мише предстояло жить окруженному заботой Зои и гувернантки, а также, по крайней мере поначалу, «славного малого», который обеспечивал эпизодическое присутствие мужчины в жизни ребенка.

Смерть родителей, утрата Куузы, обустройство новой жизни для Миши — все это перевернуло в жизни Александры страницу ее первой молодости — такой счастливой и беззаботной.

Глава вторая. «Товарищ» Коллонтай

Во время пребывания в Цюрихе Александра под руководством профессора Геркнера приступила к изучению проблем рабочих в Финляндии и опубликовала несколько статей по этой теме. В 1903 году она отпраздновала выход своей первой книги «Жизнь финляндских рабочих», очень благосклонно встреченной в кругах социалистов. Через какое-то время она впервые выступила перед столичными студентами и обнаружила, насколько для нее естественно выражать свои мысли публично и устанавливать контакт с аудиторией. Так родилась оратор Коллонтай, которую впоследствии будут часто и настойчиво просить выступить из-за ее умения мобилизовать массы.

Но Александра не выносила долгого пребывания в одной стране. Она всегда чувствовала потребность заводить новые знакомства и намеревалась делать это по всей Европе. Именно поэтому в 1903 году она отправилась во Францию, где сначала провела некоторое время на Лазурном Берегу вместе с Мишей. Однако в Европе ее привлекали не столько увеселительные поездки, сколько возможность расширить свой кругозор за счет встреч с представителями социалистического движения и новых знакомств. В Париже она познакомилась с Полем и Лаурой Лафарг, которые ее тепло приняли: так началась дружба, столь много для нее значившая. Роза Люксембург представила ее Карлу Каутскому, и тот опубликовал в своем журнале «Новое время» ее статьи о социально-экономическом положении Финляндии, которые она подписала псевдонимом. В 1905 году к ее публикациям добавилась статья «К вопросу о классовой борьбе», за которую на автора обрушилась цензура.

Потом случилась революция 1905 года. Удивительная революция, которую никто не предвидел и не организовывал. На фоне стачек мирная толпа под предводительством священника Георгия Гапона в воскресенье 9 января 1905 года потребовала от своего монарха реформировать политическую систему и привлечь народ к участию в этой реформе. По крайней мере, таков был общий план.

А. М. Коллонтай с сыном Михаилом Коллонтай. 1903. [РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 1. Д. 31. Л. 21]

Однако мирная демонстрация обернулась трагедией. Император отсутствовал в столице и не ведал, что там творится, оставив бразды правления своим приближенным, которые потеряли голову и решили подавить выступление. Результатом отсутствия государя, его неосмотрительности, нежелания власти слышать воззвания народа стало ужасающее побоище, вошедшее в историю под названием «Кровавое воскресенье». В тот день расстрелянный войсками народ навеки утратил веру в своего венценосца. А тот, пытаясь исправить катастрофическое

положение, постоянно колебался между продолжением репрессивных мер и неохотным следованием по пути реформ, начавшихся с Манифеста 17 октября 1905 года, который должен был дать стране право избрать всеобщим голосованием представительный орган — Государственную думу, учрежденную в 1906 году. Революция вызвала к жизни также Советы рабочих депутатов, среди которых самым важным являлся столичный Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов во главе с Львом Троцким.

Во время выступлений Александра оказалась на улицах Санкт-Петербурга среди демонстрантов. Охваченная ужасом, она присутствовала при жуткой расправе, и это зрелище побудило ее действовать. С тех пор она отправлялась на заводы, выступала перед рабочими, а ее речи воодушевляли слушателей. Именно в тот год она впервые встретилась с Лениным во время собрания, на котором большевики и меньшевики, уже в течение двух лет бывшие злейшими врагами, в порядке исключения сошлись вместе.

До первой русской революции Александра, как и все социалисты, была втянута в конфликт, разгоравшийся внутри социал-демократического движения, продолжением которого являлось противостояние большевиков и меньшевиков в России. Коллонтай привлекал умеренный путь, предложенный Плехановым. Александре импонировала личность последнего, его речи, провозглашаемая уверенность в добродетелях пролетариата. Разумеется, она также дружила с Еленой Стасовой и охотно помогала ей вести курсы для рабочих. Эта близость могла бы толкнуть ее вслед за Стасовой, твердо стоявшей на большевистских позициях. Но от Ленина Коллонтай держалась на расстоянии, досадуя на него за недостаточную веру в рабочий класс и отказывая ему в способности сыграть подлинную роль в революции.

Аналогичным образом, когда встала проблема участия в работе первой Думы, рожденной революцией 1905 года, Коллонтай рукоплескала позиции меньшевиков, которые хотели представлять рабочий класс и тем самым развивать классовую сознательность рабочих. Давление на выбор Александры в пользу меньшевиков оказывал также личный фактор: ее встреча с Петром Павловичем Масловым, блестящим экономистом, работавшим в «Московской газете» — первом легальном печатном органе русской социал-демократии. Ленин резко критиковал Маслова за его экономические положения и отстаивание меньшевистских идей. Маслов произвел впечатление на Коллонтай и за короткое время занял в ее сердце место «славного малого». Но Маслов был

женат, его жена — ревнива, бескомпромиссна в вопросе супружеской верности, а сам он не готов к беспорядочной жизни и еще меньше — к разрыву брачных уз.

По чистой случайности как раз в то время его пригласили для проведения лекционного тура в Германию. Александра решила поехать следом, воспользовавшись различными предложениями, которые ей делали. Таким образом, отправляясь в Мангейм на съезд Социал-демократической партии Германии (СДПГ) 1906 года, в Берлин и на конгресс Интернационала, проходивший в 1907 году в Штутгарте, Коллонтай всякий раз встречала Маслова, и это способствовало их сближению.

Благодаря этому германскому периоду «конгрессистка» также расширила круг своих знакомств в среде марксистов. В Мангейме она встретила Клару Цеткин, Карла Либкнехта и Августа Бебеля. Они уже знали ее по ее работам, но личное знакомство впечатлило их еще больше. Со всеми тремя у Коллонтай завязалась дружба. В этом ей помогло идеальное знание немецкого языка, позволившее ей встать вровень с германской социал-демократической элитой, представителей которой восхищало ее умение спонтанно вмешиваться в любой спор. В Штутгарте она также была принята русскими социалистами — Лениным, Плехановым, Троцким, Луначарским. Они читали ее работы, но, как и их германские коллеги, восхитились ее ораторским талантом. С тех пор она стала «товарищем Коллонтай».

Вот как была в течение некоторого времени устроена ее жизнь. Она ездила из города в город и участвовала в «крупных мессах» социалистов, затем устремлялась туда, где находился Маслов, забывая рядом с ним обо всех спорах и конфликтах. Но встречаться таким образом они долго не могли. В программе Маслова, откликнувшегося на все приглашения, больше не осталось лекций. Он вернулся в Россию. Впрочем, своему родному городу москвич предпочитал столицу, где жила Александра, что усложняло их отношения. Проживание в одном и том же городе, разумеется, создавало благоприятные условия для встреч, которые, однако, по-прежнему приходилось держать в тайне, что их совсем не устраивало.

Хлопот матери добавлял Миша. Подрастая (ему тогда уже исполнилось двенадцать лет) и оказавшись свидетелем ее двойной жизни, он проявлял ревность, враждебность к новому человеку, вторгшемуся в их семейный мирок. Ребенок, на долгое время вверенный воспитателям, и правда не всегда мог рассчитывать на полноценное внимание матери. Внезапно он стал выказывать понимание того, что в какой-то мере мать

пожертвовала им в пользу своей деятельности и дружеских отношений, и Александра не могла с этим не считаться. Тогда же она обнаружила в себе интерес к новой области. Круг ее знакомств, ее баталии побудили ее взглянуть за пределы Финляндии и ее проблем. Она понимала, что перед ней открывалась новая эпоха, когда «той самой Коллонтай», как ее начинали называть, предстояло защищать более масштабное дело — женский вопрос. Этот новый бой, в который она втягивалась, имел в ее глазах и то достоинство, что позволял ей вновь уйти от личных и семейных проблем. Коллонтай была прежде всего, и она это сознавала, женщиной-воительницей, стоявшей за правое дело, хотя ради того, чтобы посвятить себя этому, ей пришлось многим пожертвовать.

Глава третья. Жорес в юбке

Рано увлекшаяся меньшевиками, но старавшаяся щадить сторонников Ленина Коллонтай постепенно пришла к мысли, что и тем, и другим безразличны женщины и их проблемы. Конечно, Надежда Крупская к тому времени уже опубликовала свой небольшой по объему труд «Женщина-работница», в котором, исходя из очевидного факта роста количества женщин-пролетариев, ставился вопрос об отношении рабочего движения к ним. Но, как и Ленин, Крупская в этот период придавала больше значения выборам в Думу, чем женщинам. Только народников по-настоящему интересовали женщины, их место в обществе, только они отстаивали их равноправие, в том числе право голоса. Однако Александра Коллонтай замкнулась в кругу социал-демократов и не уделяла внимания позиции народников. Зато ее больно задевало безразличие к женскому вопросу, которое она подмечала у своих товарищей, особенно в сравнении с совершенно иным взглядом на эту проблему, характерным для германской социал-демократии.

Во многом раскрыть глаза на различие в подходах Александре помогла Клара Цеткин. Весной 1906 года, когда Коллонтай готовилась к выступлению на съезде социал-демократов в Мангейме на тему забастовки, Клара Цеткин сообщила своей новой подруге, что женская делегация СДПГ, состоявшая из пятидесяти женщин, собиралась включить в повестку дня съезда предложение о проведении 1-го Конгресса женщин-социалисток. Этот учредительный конгресс должен был совпасть с намеченным на следующий год седьмым конгрессом Интернационала в Штутгарте. Новость потрясла Александру. Она решила тотчас же отправиться на съезд социал-демократов в Мангейм, и Клара Цеткин ее в этом поддержала.

Коллонтай видела в Мангейме прежде всего родину Фридриха Шиллера, одного из ее любимых поэтов, но она также понимала, что городу предстояло стать центром увлекательной и новой по содержанию полемики между социалистами. В этом она не ошиблась. Здесь обсуждались как политические вопросы, в том числе право голоса для женщин, так и конкретные проблемы, касающиеся жизни женщин. Был поставлен вопрос, давно занимавший Александру: как увлечь рабочих социализмом? И как дать им понять, что социалисты могут улучшить, а то и кардинально изменить к лучшему их социально-экономическое положение?

Сразу после возвращения из Мангейма Александра

подготовила две статьи о дискуссии и предложениях, имевших место на съезде, и в ноябре 1906 года опубликовала их в меньшевистском журнале «Современный мир». В следующем году, накануне штутгартского конгресса Интернационала, была проведена первая Международная женская конференция, как и планировалось. Коллонтай устремилась туда и страстно внимала выступлениям Клары Цеткин, обращенным к женщинам. Она убедилась, что право голоса для женщин, этот краеугольный камень политического равенства полов, являлось центральной темой всего мероприятия.

Какое же разочарование она испытала, подметив, что делегации из разных стран отдавали приоритет требованию всеобщего избирательного права для мужчин, вместо того чтобы выдвинуть на первый план равноправие полов. Одна делегатка из числа германских социалисток, хотя и объявила себя феминисткой, рекомендовала женщинам набраться терпения в этом вопросе и дать мужчинам необходимое время для успешного выполнения их требования. В этом споре Клара Цеткин оказалась практически единственной, кто отказался задвинуть на задний план женщин и их требования. Она вновь и вновь твердила о том, как жизненно необходима социалистам их поддержка, что Александре Коллонтай было и так очевидно.

На этой женской конференции, на которой пятьдесят восемь делегаток представляли социалистические партии четырнадцати стран, Коллонтай единственная выступала от имени русских социалисток. Зато на конгрессе в Штутгарте, собравшемся два дня спустя, русская делегация была весьма представительной. В нее вошли такие центральные фигуры, как Троцкий, Ленин, Мартов, хотя они и не брали слово. Ленин предпочел, чтобы Роза Люксембург, чьими страстными речами, независимо от темы, он восхищался, выступила в качестве выразителя его позиции. Его мало волновало, что она не являлась членом русской делегации.

Александра, живо поддерживавшая Клару Цеткин в предшествующие дни, последовала примеру своих соотечественников и хранила молчание. Однако она наверстала упущенное по возвращении в Россию, приложив все усилия, чтобы убедить руководство РСДРП создать внутри партии структуру, специально занимавшуюся вопросами женщин. Как писала она в одной из своих статей в 1907 году, это было бы предпочтительным способом вовлечения женщин в социалистическое движение, которому она бы отдала все свои силы.

Привлечь женщин в партию, устроить женский социализм — эти предложения, на первый взгляд разумные, русские

социалисты восприняли очень плохо. Даже Вера Засулич, почитавшаяся по всей России за то, что в свое время совершила покушение на высокопоставленного чиновника Российской империи и заплатила за это длительным тюремным заключением, Засулич — символ борьбы женщин против власти — позволила себе презрительное суждение о Коллонтай и ее предложениях: «Она не понимает, что внесет раскол в революционное движение».

Но с 1906 года Коллонтай твердо решила биться за это дело, и ничто и никто не мог отбить у нее охоту идти до конца. Поскольку РСДРП не желала создавать внутри себя специальный орган, состоявший из одних женщин, Александра придумала альтернативное решение. Она основала нечто вроде клуба или общества взаимопомощи, которое называла «Обществом взаимопомощи работниц».

Ради своего детища она заручилась поддержкой профсоюза работниц текстильной промышленности, в котором у нее было много знакомых и даже друзей. Причины такой поддержки ясны: в текстильной промышленности существовал большой спрос на женский труд, а Коллонтай и ранее, и теперь доказывала Центральному комитету (ЦК) РСДРП, что при выработке политической линии следует учитывать улучшение условий жизни женщин. Со временем работниц на фабриках сильно прибавилось, и текстильная промышленность представляла собой особенно показательный пример в данном отношении.

Но как жилось этим женщинам? Трудились они в очень тяжелых условиях, зарплату получали неизменно меньше, чем мужчины, а самим им приходилось совмещать оплачиваемую работу и семейную жизнь — тем более трудную, что их мужья часто бывали требовательны и жестоки, а дети нуждались в неустанном внимании. Все это делало положение работниц особенно неблагоприятным. По этой самой причине РСДРП могла, и довольно легко, показать им привлекательность социализма, пополнить ряды социалистов за счет разочаровавшихся. Но партия оставалась глуха к доводам Коллонтай, а некоторые женщины-социалистки, по примеру Веры Засулич, огульно обвиняли ее в «расколе» пролетариата.

Александра Коллонтай. 1908. [РГАКФД]

В 1908 году Коллонтай наконец представился случай продвинуть свои идеи. Русское феминистское движение объявило об организации осенью Всероссийского женского съезда и даже рассматривало возможность создания партии феминисток. Коллонтай всегда неприязненно относилась к феминисткам, полагая, что феминистским движением заправляют женщины из буржуазной среды, а их проект вовсе не в интересах рабочего класса. С точки зрения Коллонтай, проблемы политического неравенства, жертвами которого являлись женщины, оплаты

труда и неустроенности быта женщин не могли быть решены без коренной политической перестройки, а значит, и без совершения революции. Борьба, которую вели феминистки (в традиционном понимании этого термина), исключала женщин из революционного процесса, одновременно ослабляя женское движение и уменьшая шансы революции на успех.

Узнав о планах по проведению Женского съезда, Александра Коллонтай, несмотря на свою неприязнь к феминистскому движению, решила, не советуясь с партией, отправить туда работницу-делегатку от профсоюза текстильных работниц, членом которого она являлась, и приступила к систематическому исполнению своего плана. Она провела избирательную процедуру, чтобы определить членов делегации, которые должны были принять участие в съезде.

Узнав о данной инициативе, которая сразу же заинтересовала некоторых членов РСДРП (как большевиков, так и меньшевиков), ЦК отреагировал и решил отправить на съезд двух собственных делегатов. Делегация из сорока пяти работниц, сформированная при содействии Коллонтай, 10 декабря 1908 года участвовала в манифестации, на которую вышла тысяча женщин. Коллонтай не хотела возглавлять свою группу и довольствовалась ролью тайного, но могущественного серого кардинала, поручив отстаивать свою позицию на съезде Варваре Волковой — текстильной работнице, связанной с ней дружескими узами.

Женщинам было дозволено провести съезд в торжественной обстановке — в Александровском зале Таврического дворца, в котором располагалась Государственная дума. Именно здесь при свете хрустальных люстр Волкова, преданный глашатай Коллонтай, выразила свои взгляды, и в первую очередь неприятие феминизма, который она изобличала как уловку буржуазии, призванную гарантировать последней господство в обществе и нейтрализовать рабочий класс. «Между буржуазным феминизмом и классом женщин-работниц нет места для сотрудничества», — отчеканила она.

Борьба на съезде велась в первую очередь за политические права для феминисток от рабочего класса, но также и за то, чтобы женщинам дали возможность выжить и прокормить своих детей. Законодательным требованиям феминисток Коллонтай через Волкову противопоставляла более насущные требования, некоторые из них также имели отношение к правам: предоставление права голоса во всех органах самоуправления, принятие мер по защите труда, введение запрета на работу в ночное время и на избыточную продолжительность рабочего дня, а также на работу в опасных для здоровья условиях. В дополнение

к этому выдвигались требования по защите материнства: декретный отпуск продолжительностью восемь месяцев до и столько же после рождения ребенка и пособие по уходу за ребенком. Правда, последние были включены в программные документы как феминисток, так и русских социал-демократов. Однако, с точки зрения Коллонтай, эти пункты вытекали из политической потребности — закрепления за женщинами равноправного положения.

Пока Коллонтай занималась подготовкой к съезду, она боялась, как бы ей не помешали высказаться. Это стало одной из причин, по которой она решила уступить трибуну Волковой. Но еще до съезда она позаботилась о публикации важной работы, в которой раскрывалась суть ее расхождений с феминистками и развивались ее тезисы в целом. Поначалу Коллонтай думала написать небольшой памфлет, но в процессе редактирования ощутила потребность переработать свое произведение в настоящий научный доклад, посвященный женскому вопросу.

Получившаяся в результате книга «Социальные основы женского вопроса» объемом четыре сотни страниц была завершена слишком поздно и не получила распространения среди участников съезда. В книге, и это являлось ее несомненным достоинством, подводилась солидная теоретическая база под разногласия автора не только с феминистским движением, но и с отдельными установками русской социал-демократии. Убежденная в важности этого труда, Коллонтай передала его Максиму Горькому, находившемуся тогда на Капри, с тем чтобы тот опубликовал его в своем издательстве.

В книге Коллонтай настойчиво проводила мысль о бесполезности реформ в пользу женщин при сохранении неизменным общества, в котором они жили. Только революция могла обеспечить женщинам эмансипацию во всех сферах и дать ход реформам. Коллонтай также оспаривала концепцию брака и полового поведения, выдвинутую феминистками. Они предлагали бороться за права женщин в рамках традиционного брака, тогда как, по мнению Коллонтай, решение лежало в политической плоскости. Порожденный революцией социализм, считала она, должен разрешить все проблемы, связанные с традиционной семьей (в том числе отношения между двумя людьми, т. е. половые отношения), а также с образованием и воспитанием детей.

На съезде Коллонтай вела себя очень осмотрительно. Несмотря на ее сдержанное поведение, полиция, считавшая Александру опасной революционеркой, следила за каждым ее шагом. Понимая, что за ней идет слежка, и уверенная в том, что

участь ее предопределена, Коллонтай давно решила, что спасти ее может только отъезд из страны, и готовилась к нему. Во время работы съезда она не возвращалась домой, а ночевала у верных друзей, пока Миша находился под присмотром отца. Причины такой предосторожности понятны. Накануне открытия женского съезда появилась полиция и подвергла участниц унизительному досмотру. С этого момента Александра пришла к мысли, что ее дни на свободе сочтены.

12 декабря 1908 года, спустя два дня после начала съезда, она уехала из России по фальшивому паспорту. Она рассчитывала провести за границей непродолжительное время. Однако этот побег обернулся настоящим восьмилетним изгнанием. Подруги Александры и вообразить не могли, что их ждет столь долгое расставание. Одна из них, которой в тот раз не удалось уйти от полиции, писала ей из Сибири, куда ее отправили в ссылку, что борьба скоро возобновится и что они вместе примут в ней участие. Эта подруга, Маруся Бурко, еще не понимала, как и сама Александра, что именно за пределами России все несогласные с этого момента вступили в борьбу с самодержавием, которая продлится вплоть до его падения.

Но куда уехать? Естественно, Коллонтай направилась в Германию, в Берлин, где ей нравилось жить и все было знакомо. СДПГ, ее друзья Клара Цеткин, Карл Либкнехт и Роза Люксембург — вот чем политически привлекала Александру эта страна, где ее полностью устраивала позиция социал-демократов.

1908

Политехническій Музей

Новая большая аудиторія.

(Малый Лубянскій проѣздъ).

Въ Среду 19 марта 1908 г.

А. М. КОЛЛОНТАЙ

ПРОЧТЕТЪ ПУБЛИЧНУЮ ЛЕКЦІЮ НА ТЕМУ:

„СЕМЕЙНЫЙ ВОПРОСЪ ВЪ СВѢТѢ НАУЧНАГО СОЦІАЛИЗМА".

Программа лекціи:

Начало ровно въ 8 ч. вечера.

Билеты отъ 40 коп. до 3 рублей 50 коп. можно заблаговременно пріобрѣсти въ Музеѣ (у швейцара), въ книжныхъ магазинахъ: Карбасникова (Мясницкая 24), „Трудъ" (Петровка 30), Печковской (Арбатъ 18), Филиппова (Б. Никитская 22), въ „Петровской библіотекѣ" (Петровскій пассажъ, с [illegible] день лекціи съ 4 час. вечера.

Можно получить также въ книжн. маг. „Образованіе" (Кузнецкій мостъ 11) и „Досугъ" (Б. Никитская).

Парижская Группа Содѣйствія Рос. С.-Д. Р. П.

ВЪ ПОНЕДѢЛЬНИКЪ, 4 ДЕКАБРЯ

Salle Alcazar, 190, avenue de CHOISY

СОСТОИТСЯ РЕФЕРАТЪ

Александры Петровны Коллонтай

НА ТЕМУ:

ОТНОШЕНІЕ ПОЛОВЪ

какъ отраженіе соціальной борьбы

НАЧАЛО ВЪ 8½ Ч. ВЕЧ.

БИЛЕТЫ ВЪ 3, 2, 1 фр. и 50 сантимовъ ПРИ ВХОДѢ

Imp. UNION, 30, Bd. Arago, Paris (13e)

Den ryska generalsdottern

ALEXANDRA KOLLONTAY

från Ryssland

håller föredrag i Folkets Hus Torsdagen den 25 April kl. 8 em. öfver ämnet:

„Hem och prostitution".

Fru Kollontay är en af den ryska socialdemokratiens ledande krafter och har särskildt ägnat sig åt arbetet för kvinnornas frigörelse.

Föredraget hålles på tyska och tolkas af Fil. Kand. Hannes Sköld från Stockholm.

Allmänheten inbjudes. Försumma ej att höra denna berömda talarinna! Inträde 25 öre.

Borås Soc.-Dem U. K.

Borås 1912. Västra Dagbl. Tryckeri.

Ihr Maenner und Frauen von Staunton!

Eine Gelegenheit steht Euch bevor, wie sie selten kommt.

Eine der **interessantesten, kenntnissreichsten** und **mutigsten** Rednerinnen der Welt.

Frau Alexandra Kollantay

aus **BERLIN**, Deutschland, wird uns besuchen.

Sie wird im Auftrage der deutschen Sprachgruppe der sozialistischen Partei am

Donnerstag den 28. Oktober 1915. Abends 8 Uhr.

im Labor Lyceum in Staunton

in einer Versammlung sprechen.

ALEXANDRA KOLLANTAY.

Alexandra Kollantay

stammt aus altrussischem Adel, studierte in Zuerich, Schweiz, Nationaloekonomie und wurde dabei Sozialistin. Heimgekehrt verkuendete die junge Revolutionaerin das Evangelium der Freiheit, wofuer sie von der Regierung des Zarenhenkers so drangsalirt wurde, dass sie nach Berlin, Deutschland, auswanderte, von wo aus die aeusserst begabte Rednerin im Auftrage der sozialdemokratischen Partei viele Agitationsreisen durch Deutschland machte.

Und uns winkt jetzt der hohe Genuss, diese Rednerin hoeren zu duerfen!

ALSO KOMMT ALLE, MAENNER UND FRAUEN, ZU DIESER VERSAMMLUNG,

am Donnerstag den 28. Oktober, im Labor Lyceum!

Афиши, объявления о выступлении А. М. Коллонтай с докладами и лекциями. 19 марта 1908 — 28 октября 1915. На русском, шведском и немецком языках. [РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 1. Д. 30. Л. 5, 10, 12, 30]

Поначалу она остановилась в отеле в Грюнвальде, небольшом городке неподалеку от Берлина, и провела там некоторое время, совершенствуя свой немецкий, если в этом вообще была какая-то нужда. Конечно, она прекрасно знала немецкий язык и легко на нем изъяснялась, но ей следовало задуматься о поиске работы в Германии, поскольку доходы от имения грозили вот-вот иссякнуть. Журналистика показалась ей занятием, наиболее

соответствующим ее способностям и склонностям, что объясняет ее желание овладеть немецким в совершенстве. Вскоре ее усилия увенчались успехом.

Однако в Грюнвальде она остановилась лишь на время. Жизнь в Берлине открывала куда более заманчивые перспективы. К числу немецких друзей, которыми обзавелась Александра, добавились многочисленные русские: они проживали в соседних странах и часто приезжали в Берлин, привлеченные возможностью встретиться там с Либкнехтом. Так, Карл Радек, Николай Бухарин, Григорий Зиновьев, Лев Каменев, Георгий Чичерин, бежавшие в Вену, Швейцарию и Францию, были постоянными участниками этих берлинских встреч. Все они желали быть приглашенными на вечера, устраивавшиеся Либкнехтом в ресторане «Рейнгольд», который в те дни превратился в настоящий форум для революционеров.

В 1909 году Александра Коллонтай стала членом СДПГ, с линией которой всегда была в полном согласии. Она предложила партии свои услуги в качестве публичного лектора или агитатора там, где их не хватало. Члены СДПГ посовещались и без колебаний приняли ее предложение о сотрудничестве. С весны 1909 года ее отправляли в разные немецкие города, где она выступала перед рабочими. Слух об ее ораторском таланте разнесся повсюду, всегда гарантируя ей аудиторию и крупный успех, о чем сообщала немецкая пресса.

Коллонтай настолько хорошо интегрировалась в СДПГ, что вошла в состав германской делегации на конгрессе Интернационала в Копенгагене. Конгресс принял историческое решение о ежегодном праздновании «женского дня» 8 Марта. После Копенгагена шведская партия социалистов пригласила Коллонтай на конгресс в Стокгольме. Она зажгла своей речью аудиторию, заявив, что в России назревает революция.

Затем Клара Цеткин попросила Коллонтай составить ей компанию в поездке в Англию, куда она отправлялась для встречи с социалистами. Коллонтай пригласили выступить с речью на шести крупных общественных мероприятиях, последнее из которых по традиции проводилось в лондонском Гайд-парке. Здесь ее также ждал успех: обычно довольно сдержанные англичане встретили ее восторженно. Сама же Александра Коллонтай в англичанах разочаровалась, найдя их представления о революции чересчур прагматичными и умеренными. Она однозначно отдавала предпочтение немцам, чьи взгляды в большей мере соответствовали ее устремлениям и нетерпеливому ожиданию глобальных перемен.

Из каждой такой поездки она возвращалась в Германию

счастливой. К тому же она непрестанно разъезжала по этой стране с многочисленными выступлениями. И неизменно писала. Столь бурная деятельность ее устраивала, в том числе потому, что не позволяла поддаваться тревоге, на что у Александры имелись личные причины. Прежде всего дело было в Мише, который учился в России и которого ей ужасно не хватало. В январе 1910 года ей удалось вывезти сына в Дрезден, где они провели вместе несколько недель, но затем ему пришлось вернуться в Россию, и Коллонтай осталась одна.

Конечно, Маслов тогда находился в Германии, но приехал туда с женой и детьми, а Коллонтай не хотела втягиваться в тайную авантюру и еще меньше желала подтолкнуть Маслова к разрыву с семьей. К тому же для нее не стоял вопрос о совместной жизни с Масловым, поскольку это означало бы отказ от свободы. Из-за этих недомолвок их отношения находились в плачевном состоянии.

Коллонтай могла свободно полностью отдаться своей деятельности, но как же пусто было на сердце! Именно тогда, и очень вовремя, она получила письмо от Горького с приглашением приехать и выступить в рабочем университете, которым тот руководил в Италии. Эту так называемую Болонскую школу поддерживали левые большевики, которых сильно раздражал, по их выражению, «легализм друзей Ленина». С точки зрения этих большевиков, партии следовало прекратить всякое сотрудничество с легальными институтами (в частности, депутатам-социалистам надлежало покинуть Думу), ибо их долг — посвятить себя нелегальной деятельности, чтобы ускорить ход событий.

Еще важнее противостояния на уровне стратегии были философские взгляды мыслителей, собравшихся в Болонье, — в первую очередь Александра Богданова и его зятя Анатолия Луначарского. Богданов не признавал материализм, свойственный ортодоксальному марксизму, и утверждал, что материя — не единственный источник движения.

Еще один представитель этой оппозиции, Владимир Базаров, отметился в 1909 году трудом под названием «Богостроительство», в котором подтверждал справедливость суждений своих товарищей-антипозитивистов и даже идеалистов, называвших себя богоискателями. В их число входил и будущий крупный теолог Сергей Булгаков. Как и богостроители, богоискатели отвергали мысль об имманентном боге и противопоставляли ей идею бога социального и социалистического, который должен стать порождением коллективных усилий человечества. С точки зрения Богданова,

прогресс зависел от напряженной духовной работы, и если революция являлась завоеванием средств производства пролетариатом, то тем более важно было создать «пролетарскую культуру» — основополагающий элемент преобразования мира.

Подобные религиозные поиски вызывали негодование у Ленина, который раскритиковал их в своем труде «Материализм и эмпириокритицизм», опубликованном в 1909 году, так же как это сделал Плеханов в работе «Materialismus militans (Воинствующий материализм)». Однако богоискателям удалось прельстить социалистическое движение, и особенно его верхушку, и оказать на него одновременно духовное и политическое влияние. Это объясняет, почему Ленин подвергал их столь яростным нападкам.

Болонья стала центром этой интеллектуальной агитации, и Александра прибыла туда в тот самый момент, когда спор был в полном разгаре. Однако религиозные прения ее мало впечатлили. Внимание ее сразу привлекли иные идеи, высказанные в Болонье, а также личности тех, кто их распространял. В их число входили историк Михаил Покровский, тогда депутат Думы, Луначарский, преподававший в «Болонской школе» философию, и Горький, который рассуждал о религии. Эта ученая братия приняла Александру с распростертыми объятиями и предложила ей подискутировать о семье, семейных отношениях и финляндском рабочем классе.

Неудивительно, что российский политический сыск столь пристально следил за деятельностью этого особенного учебного заведения и что Александра невольно оказывалась среди слушателей курсов в роли шпиона, собиравшего сведения об участниках дебатов и идеях, которые они обсуждали. Некоторые студенты по возвращении в Россию были арестованы, тогда как Александра смогла беспрепятственно вернуться в Берлин. Она торопилась, поскольку потом ей предстояло отправиться в Копенгаген на конгресс, о котором говорилось выше. Однако до начала копенгагенского конгресса еще одно событие потребовало внимания Коллонтай.

Предполагалось, что конференция женщин-социалисток пройдет до начала съезда. Коллонтай на ней представляла текстильных работниц Санкт-Петербурга и одновременно принимала участие в конгрессе Интернационала как член делегации германских социал-демократов, поскольку вступила в ряды СДПГ. Наделенная двумя мандатами, она развернула бурную деятельность на обеих площадках. По своему обыкновению произносила речи на английском, французском и немецком языках и одержала верх над Жаном Жоресом,

выражавшим свои мысли по-немецки, и Луначарским, изъяснявшимся по-французски. Все присутствовавшие журналисты единодушно отмечали, что на всех трех языках она выступала одинаково содержательно и свободно.

Тогда же Коллонтай познакомилась с Анжеликой Балабановой, бежавшей из России и примкнувшей к итальянской партии социалистов, и встретила свою старую подругу Клару Цеткин. Они были единодушны относительно права женщин голосовать, тогда как по вопросу прав для матерей их мнения разошлись. Социал-демократы с давних пор требовали предоставления будущим матерям четырехмесячного отпуска с сохранением заработной платы и пособий на детей. Однако два вопроса оставались спорными. Кому предоставить эти права — только ли замужним женщинам или незамужним тоже? И каков должен быть источник предназначенных им средств — налог или взносы в страховой фонд?

Коллонтай считала, что материнство — это социальная функция и что, следовательно, оно должно финансироваться государством. Она хотела, чтобы за незамужними матерями были закреплены те же самые права и льготы, что и за состоявшими в браке, тогда как большинство социалистов придерживались традиционных представлений о материнстве и не могли отказаться от деления женщин на замужних и незамужних с точки зрения социального обеспечения из опасения поощрить «развратное поведение». Несовпадение взглядов Клары Цеткин и Коллонтай на этот вопрос, тем не менее, не повлияло на теплые отношения, установившиеся между двумя женщинами.

Во время пребывания в Копенгагене Александре также представился случай завести новые знакомства и, как мы видели, получить большое количество приглашений. К тем, что уже упоминались, следует добавить приглашение выступить на крупном митинге в поддержку мира в Мальмё, где Александре повстречались Жорес и бельгиец Эмиль Вандервельде. Последний потом пригласил ее в Бельгию для чтения публичных лекций, посвященных требованиям женщин. Там она встретила Луначарского, с которым раньше жила по соседству в Болонье. Мир социалистов всегда был ей близок и, в свою очередь, очень внимателен к женщине-оратору, чей талант и лингвистические дарования его так завораживали. Выступления Александры в Копенгагене и Мальмё прошли столь удачно, что ее избрали в Международный женский секретариат Интернационала и пригласили работать в его официальном печатном органе под названием «Равенство».

А. М. Коллонтай за чтением. Дания, Копенгаген, 1910. [РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 1. Д. 31. Л. 25]

Некоторое время спустя она соблазнилась предложением своего старого знакомого Георгия Чичерина, тогда бывшего секретарем Заграничного бюро ЦК РСДРП и проживавшего в Париже. Он попросил Александру приехать во Францию с платными лекциями: вырученные средства должны были пойти в фонд помощи нуждающимся соотечественникам, которым управлял Чичерин. В ту эпоху в Париже нашло прибежище крупное сообщество русских эмигрантов, бежавших от политического произвола царизма и зачастую не имевших средств к существованию. Чичерин намекнул Александре, что в городе, столь благоприятном для работы и интеллектуального общения, у нее найдется время для написания собственных статей в спокойной обстановке. Александра ухватилась за эту возможность

и действовала без промедления.

С весны 1911 года она обосновалась в Париже в небольшом отеле «Пасси», где к тому времени уже обитали несколько русских эмигрантов. При всей своей скромности, отель хорошо содержался и отапливался, что было важно для женщины, собиравшейся заняться в его стенах умственным трудом. Коллонтай с пользой провела десять месяцев в Париже: собрала свои воспоминания и впечатления от скитаний по Европе в книге под названием «По рабочей Европе», после чего приступила к реализации более амбициозного замысла, через три года воплотившегося в виде книги «Общество и материнство».

За время, проведенное в Париже, Коллонтай также написала две статьи, которые привлекли внимание общественности, поскольку автор обнаружила интерес к сексуальным отношениям, показанным через призму политики. Первая статья, озаглавленная «На старую тему», по сути являлась кратким изложением книги Греты Майзель-Гессе «Сексуальный кризис», опубликованной в Йене в 1910 году. Эта книга критиковала традиционный моногамный брак, который, по мнению автора, не отвечал глубинным чаяниям женщин, но запирал их в клетке социального притворства и подчинял воле мужчин ради удовольствия последних. Коллонтай выдвигала эти темы на передний план, назвав их «нитью Ариадны», призванной дать женщинам возможность выйти из тупика, в который их загнало общество. Она также была солидарна с автором в том, что традиционное упование женщин на истинную любовь может быть реализовано через эротическую дружбу и любовь, освобожденные от оков брака.

Некоторое время спустя в тридцатистраничной статье под названием «Отношение между полами и классовая борьба», опубликованной, как и предыдущая работа, в журнале «Новая жизнь», Коллонтай утверждала, что для победы над одиночеством человеческим существам нужно устанавливать между собой разнообразные отношения. Это сексуальные отношения, свободные от уз брака, которые не могут зародиться при существующей системе собственности. Лишь радикальное изменение социального порядка позволит создать новые сексуальные и тем самым подлинно человеческие — свободные — отношения. Таким образом, настаивая на политическом значении сексуальных отношений и на их связи с социальным устройством, Александра Коллонтай занимала чересчур смелую позицию, которая с трудом могла быть принята социал-демократией, тем более германской.

В Париже она нашла новых собеседников, и это стало одним

из самых счастливых моментов ее пребывания там. Прежде всего это Поль и Лаура Лафарг — доброжелательная и примечательная семейная пара, которая очень быстро заняла важное место в жизни Александры. Лаура была дочерью Карла Маркса. Они тепло приняли Александру в своем небольшом доме, располагавшемся в столичном пригороде Дравей.

Тогда же ей представился случай сблизиться с Лениным, хотя это сближение состоялось лишь наполовину. Впервые они встретились в 1905 году на подпольном собрании, на котором Ленин спорил об аграрной реформе с Масловым, вызывавшим у него одновременно и восхищение, и отвращение. Затем Коллонтай пересекалась с Лениным в Штутгарте в составе русской делегации, объединившей большевиков с меньшевиками: здесь бок о бок оказались Ленин, Мартов, Троцкий и ряд других участников, в том числе Александра. Но, хотя Ленин в тот раз отметил ее ораторский талант, друг друга они сторонились. Конфликт между Лениным и Масловым вынуждал Коллонтай принять сторону последнего. Она была убеждена, что Мартов и Плеханов могут наилучшим образом двигать вперед дело, за которое она сражалась, и Ленин это знал. Он также слышал о ее отношениях с Масловым, что не способствовало сближению с Коллонтай, примкнувшей к лагерю меньшевиков.

Тем не менее в 1911 году практические соображения подтолкнули ее сблизиться с Лениным. Он проживал в XIV округе Парижа на улице Мари-Роз в очень комфортабельной квартире, в отличие от многих русских эмигрантов, влачивших жалкое существование. Ленин руководил тогда школой для рабочих в Лонжюмо, организованной наподобие школ на Капри и в Болонье. По мысли Ленина, набранные в Лонжюмо ученики являлись будущими партийными кадрами. Вот почему в 1911 году учащиеся тщательно отбирались приверженцами Ленина в России. Немногочисленные (менее двадцати человек) слушатели увлеченно посещали лекции, которые читали известные личности. Помимо заправлявшего всем Ленина здесь можно было встретить Луначарского и Давида Рязанова, а еще француза Шарля Раппопорта, вещавшего о социалистическом движении во Франции.

Одна женщина, Инес Арманд, читала несколько курсов, в том числе по бельгийскому социализму и политэкономии. Александра Коллонтай, хорошо знакомая с этими предметами, была вынуждена довольствоваться ролью простой слушательницы. По прибытии в Лонжюмо она надеялась на участие в преподавательской деятельности не только из стремления поделиться своими знаниями, но и рассчитывая на материальное

вознаграждение, которое за это полагалось. Однако трудность, которую Александра так и не смогла принять, заключалась в ее соперничестве с Инес Арманд, сделавшейся ее извечным политическим конкурентом и личной проблемой.

В 1911 году Инесса, как ее называли, уже занимала в окружении (если не сказать «в жизни») Ленина особое место. Эта незаурядная личность была настоятельно необходима Ленину. И что за личность! Англо-французского происхождения, дитя деятелей искусства, она родилась в Париже в 1874 году. После смерти отца Инес мать отправила ее в Россию к тете, которая, как и многие французы, преподавала свой родной язык детям из благородных семей. Тетя занималась этим в доме богатейшего предпринимателя французского происхождения Евгения Арманда. Арманды привязались к блистательному ребенку и без лишних формальностей приняли его в свою семью. Совершенно естественно, что Инес вышла замуж за среднего сына своих покровителей — Александра Арманда. И, как водится, поначалу пара жила счастливо, произведя на свет четверых детей.

Инес была красива, хорошо образованна, владела четырьмя языками и превосходно музицировала. Но она всегда сравнивала свое привилегированное положение с тяжелой судьбой большей части русского народа и, вскормленная благородными идеями мыслителей своего времени, очень рано решила посвятить себя благотворительности, особо заботясь о московских проститутках, которых старалась вырвать из их убогой жизни.

В 1904 году гармоничному существованию Инес пришел конец, поскольку она влюбилась в младшего брата своего мужа, отца ее пятого ребенка, с которым, не таясь, жила в Москве. Тогда же она вступила в РСДРП и навсегда стала Инессой. Ее муж, человек благородный и проникшийся социалистическими идеями, согласился с ней расстаться, хотя вовсе того не желал, заботился о благополучии всех пятерых детей и помогал Инессе в политической деятельности, за которую та поплатилась арестом и ссылкой на побережье Белого моря. В 1909 году ей удалось бежать из тех негостеприимных мест, а ее муж, покинутый, но всегда бывший рядом, помог ей найти надежное укрытие и затем бежать за границу.

Сначала она оказалась в Швейцарии, где ее свалила болезнь. Ее любимый мужчина (и любовник) через несколько дней скончался от терзавшего его туберкулеза. Но вместо того чтобы безнадежно скорбеть, она стала действовать, отправившись в Брюссель для изучения экономики и, наконец, явившись в Париж. Эта мать пятерых детей, женщина с неуемной энергией, мечтавшая лишь о политической деятельности, встретила там

свою судьбу — Ленина. Но она встретила также и Крупскую, ставшую супругой Ленина, когда тот находился в сибирской ссылке. Во время церковного венчания Ленин назвался потомственным дворянином, о чем свидетельствует запись в приходской книге. Но так ли этот с виду самый обычный брак соответствовал тем обетам, которые дал вступивший в него муж? Или же он был заключен исключительно из соображений приличия?

Надежда Крупская служила Ленину верной соратницей, которая переводила интересовавшие его труды, готовила к публикации и правила его рукописи, всегда находясь в его распоряжении. Но у нее была собственная сфера интересов, а именно женский вопрос. Казалось, она приноровилась к присутствию Инессы и ее отношениям с Лениным. Инессу привлекли к работе школы в Лонжюмо, и она вместе с Крупской подготовила проект школы, призванной давать образование русским женщинам, жившим и трудившимся во Франции. Крупская придавала этому проекту большое значение, поскольку всегда интересовалась проблемой образования, особенно женского, полагая, что оно являлось ключом к эмансипации женщин, и на этой почве превосходно ладила с Инессой.

Когда Александра Коллонтай соприкоснулась с жизнью Ленина, она растерялась. Прежде всего из-за того глубокого чувства, которое лидер большевиков (мужчина средних лет, мало обаятельный, весьма традиционный в вопросах любви и секса) выказывал по отношению к молодой матери пятерых детей, такой красивой и не склонной к конформизму. Благодаря друзьям из Лонжюмо Александре быстро стало известно о странном любовном треугольнике, сформировавшемся между четой Лениных и Инессой. Неожиданность оказалась тем более неприятной, что Инесса и Александра интересовались одними и теми же темами. Александра по праву могла заявлять о своем глубоком знании женского вопроса, о чем свидетельствовали ее публикации. Тем не менее ей не оставалось иного выбора, кроме как быть любезной с соперницей.

Обе были молоды, почти одного возраста (с разницей в два года), красивы, владели несколькими языками и одинаково блистали. Крупская свела их вместе в Лонжюмо, напутствуя: «Будьте дружны». Этому совету они не последовали. Они стали боевыми товарищами, но никогда не дружили. К тому же вскоре после прибытия в Лонжюмо Александра пришла к мысли, что трио, о котором ей стало известно так внезапно, ждет распад. Прежде всего учебное заведение для женщин, столь милое сердцу Крупской, так и не претворилось в реальность, несмотря на

поддержку Ленина. Большинство большевиков воспротивилось этому проекту, считая его феминистским, а не социал-демократическим. Кроме того, в 1912 году Инесса на некоторое время отдалилась от Ленина. Однако же Александра не знала, что причиной тому послужила отправка Инессы в Россию самим Лениным, для которого она временно исполняла роль почтового курьера. В течение всего этого времени Александра оставалась в Париже, много писала и часто виделась с друзьями, главным образом с Лафаргами.

27 ноября 1911 года Коллонтай узнала новость, прогремевшую для нее как гром среди ясного неба. В то утро, читая в номере своего отеля газету «Юманите», она обнаружила на первой странице объявление о смерти (двойном самоубийстве, как писала газета) Поля и Лауры Лафарг в их доме в Дравее. Они полагали (и в этом заключалось их последнее послание), что завершили все, что должны были и могли сделать, и им не уготовано больше какой-либо роли. Александру эта трагедия ошеломила.

На похоронах Лафаргов, которые проходили несколько дней спустя на кладбище Пер-Лашез, собралась огромная толпа, состоявшая из французов, русских эмигрантов, а также социалистов, съехавшихся со всей Европы. Разумеется, первым слово взял Ленин, изъяснявшийся по-французски очень посредственно. Вернувшаяся из России Инесса, вероятно, ранее перевела текст, который он читал, но не могла исправить его акцент. Александра говорила следующей. После выступления теоретика раздался голос, шедший от сердца. Александра особо остановилась на личности Лауры, на дружбе, которая их связывала. Ее превосходный французский, переполнявшие ее эмоции впечатлили всех, кто ее слушал. Ленин подал ей дружеский знак, знак одобрения, а затем удалился в компании Крупской и Инессы. Александра осталась в одиночестве, но ненадолго.

Чуть раньше она заметила очень молодого человека, слушавшего ее с особым вниманием. Он приблизился к ней и тепло приветствовал, сказав, что счастлив услышать «великую Коллонтай». Затем, не сговариваясь, они вместе покинули кладбище и отправились бродить без определенной цели по городу. После продолжительной прогулки «великая Коллонтай» поинтересовалась, кто же такой ее юный поклонник, ранее представившийся просто «большевиком». Он сказал, что его зовут Александр Шляпников. Имя показалось Александре знакомым, но она не могла точно вспомнить, что ей о нем известно. Совсем скоро она выяснила, что этот крепкий мужчина с милым лицом,

украшенным усами, — выходец из семьи староверов, из-за чего в детстве подвергался нападкам со стороны детей провинциального города, в котором родился. Еще тяжелее его детство сделала преждевременная кончина отца, обрекшая семью на нищету.

Эта встреча у могилы Лафаргов стала началом красивой и долгой истории любви. После расставания с Масловым Александра была свободна, но тяжело переживала свое одиночество, хотя никогда себе в этом не сознавалась, и горячность молодого человека взволновала ее. Конечно, он большевик, а она меньшевичка. К тому же, как она вскоре выяснила, он гораздо моложе нее. Ему двадцать шесть лет, ей — тридцать девять. Но, несмотря на тринадцать лет разницы, она оставалась красивой, а он уверял ее, что значение имеет лишь неодолимое чувство, которое влекло его к ней с того самого момента, когда он увидел ее на Пер-Лашез.

Что же касается Александры, то эти две смерти настолько ее потрясли, что она решила порвать со своей французской жизнью. Она вознамерилась возвратиться в Берлин. «Езжай в Берлин», — сказал Александре Шляпников, готовый следовать за ней куда угодно.

Планы по переезду в Берлин пришлось отложить из-за внезапного появления Владимира Коллонтая, брошенного ею около десяти лет назад, но все еще являвшегося ее мужем[2]. Он приехал повидать ее, чтобы завершить бракоразводный процесс и договориться о дальнейшем воспитании их сына. Он попросил Александру согласиться на развод, что предполагало признание ею своей вины, поскольку именно она его когда-то бросила. Святейший синод требовал такого признания, чтобы констатировать конец их союза. Владимир уже давно перестроил свою жизнь, но желал придать официальный статус отношениям с той, что делила с ним жизнь. Он хотел также законной семьи для Миши, который к тому моменту прекрасно ладил с мачехой и нуждался в семейной стабильности для завершения учебы. Александра уступила этим просьбам, несмотря на то что решительный разрыв с Коллонтаем повергал ее в уныние.

После «славного малого» и Маслова в ее жизни открывалась новая страница… К счастью, Шляпников был рядом, горя желанием сопровождать ее всюду, куда ей вздумается отправиться. Таким местом стал Берлин, она решила это заранее и уехала туда тотчас, как только уладила дела с супругом.

Возвращение в Берлин оказалось для нее не столь приятным, как она себе представляла. В своей книге, посвященной положению рабочих в Европе, она критически отзывалась о германской социал-демократии, обвиняя ее в склонности к

компромиссу. Германских социал-демократов это задело, и они проявили не просто недовольство, но враждебность по отношению к «этой русской», которая, говорили они, предала их, несмотря на их гостеприимство: «Мы пригрели змею на груди». Первым в подобном ключе высказался Каутский, от которого Александра получила письмо, фактически извещавшее ее о разрыве их отношений. Александру Коллонтай неприятно поразило подобное неодобрение, тем более что оно исходило от такого видного социалиста, как Каутский. Конечно, Либкнехт, ее преданный друг, поднял голос в ее защиту, заявив, что ее критика обоснована и полезна для социал-демократии.

Однако Александра плохо переносила враждебное отношение, с которым столкнулась. Поэтому она была счастлива получить от английских профсоюзов приглашение принять участие в их конгрессе, проводившемся в Кардифе. Она прибыла туда в качестве делегата русских текстильных работниц, что служило для нее обычной формой участия в подобного рода мероприятиях. Затем она отправилась в Лондон для работы в Британском музее, в котором ценила комфорт и богатство коллекций. В тот период Лондон, как и Париж, представлял собой центр притяжения для русских, оказавшихся в затруднительном положении в собственной стране. Здесь Александре встретился Чичерин, который, как и в Париже, собирал средства для оказания помощи соотечественникам. Виделась она там и с Иваном Майским, будущим советским послом в Англии, который в дальнейшем станет ей другом, и с Литвиновым, который, будучи очень близок к Ленину, жил в Лондоне под именем Гаррисона и являлся душой клуба социал-демократов, одновременно выполняя различные задания для главы большевиков. Александра Коллонтай включилась в деятельность, которую вела указанная группа русских в изгнании, и это обстоятельство неизбежно сближало ее с большевиками.

В 1912 году Интернационал проводил конгресс в Базеле. Александра устремилась туда, как всегда, в качестве представительницы текстильных работниц. Она присоединилась к русской делегации, в которой в то же время не хватало лидеров движения в лице Плеханова и Ленина. Однако Александра встретила там Клару Цеткин и других близких друзей. Коллонтай взяла слово после пылкой речи Жореса, выступавшего против возможной войны, опасаться которой заставляло брожение на Балканах. Горячность великого Жореса, зажегшая аудиторию, не испортила впечатление, которое произвела пламенная речь Александры Коллонтай, тотчас нареченной «Жоресом в юбке». После этого наша героиня несколько месяцев скиталась по

Швейцарии, возвращаясь в Лондон и наведываясь в Бельгию. Повсюду она выступала с речами, всегда получая восторженный прием и все новые приглашения — такой мобилизующей мощью обладали ее выступления.

Когда в конце осени 1913 года она вернулась в Берлин, то была приятно удивлена изменением отношения к ней социал-демократов. Враждебность, вызванная ее публикациями, уступила место пониманию. Клара Цеткин первой сказала Александре, что ее соотечественники наконец-то осознали уместность критики Коллонтай в их адрес. Подобную перемену настроений легко понять. В 1913 году вся Европа бурлила слухами о грядущей войне, и германским социал-демократам пришлось признать, что момент для компромисса остался в прошлом.

Для Александры Коллонтай этот период также отмечен бурной деятельностью в интересах женщин. Клара Цеткин пригласила ее поучаствовать в организации женского конгресса, который должен был состояться во время ближайшего крупного сборища деятелей Интернационала в Вене. Александру включили в состав женского секретариата Интернационала. Здесь она обнаружила Инессу Арманд в роли кандидата от большевиков. И снова Александре Коллонтай и Инессе Арманд пришлось работать вместе, но Ленина и большевиков представляла Арманд.

Александра Коллонтай. Англия, 1913. [РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 1. Д. 31. Л. 28]

В 1913 году Ленин наблюдал за деятельностью феминисток издалека. В то время он укрывался в Кракове с Крупской. Он был вынужден признать, что женщины испытывают потребность в создании печатного органа для выражения их позиции. Редакцию газеты «Правда» наводнили письма женщин, настаивавших на неотложном обсуждении их проблем. И Крупская поддерживала это требование. Осенью 1913 года большевики приняли решение об учреждении журнала «Работница», посвященного проблемам женщин. Если имя Инессы Арманд фигурировало среди основателей журнала, то Коллонтай, все еще числившейся меньшевичкой, там не нашлось места. В свою очередь, меньшевики приступили к изданию собственного журнала «Голос

работницы», запрещенного после выпуска двух номеров. Коллонтай не успела опубликоваться в этом журнале, тогда как «Работнице» удалось продержаться семь недель.

Коллонтай и Арманд также соперничали во время подготовки женского конгресса Интернационала, намеченного на лето 1914 года. Александра должна была там присутствовать, но Ленин заранее дал Инессе следующие инструкции: «Что касается отправки Коллонтай, то пусть она едет, но не от имени России. И Вы выступите раньше нее». Из-за грянувшей войны конгресс так и не состоялся, и столкновения между двумя женщинами удалось избежать. Все это свидетельствует о том, что в начале 1914 года Ленин по-прежнему видел в Коллонтай меньшевичку и настойчиво использовал Арманд против нее.

Затем настало лето. Миша приехал к матери, чтобы провести с ней летние каникулы. Они жили в Тироле, прежде чем вернуться в Берлин. Александру ждала новая жизнь, по крайней мере так думала она сама. Она и представить себе не могла, что ее ожидает на самом деле — война и конец света.

Глава четвертая. Вместе с Лениным: против войны

В начале 1910-х годов все умы будоражила угроза войны. На конгрессе Интернационала в Базеле в 1912 году Александра Коллонтай, присоединившись к голосу Жана Жореса, энергично выступила против перспективы войны. Однако день ото дня угроза становилась все явственнее. Летом 1914 года Александра переживала счастливый период своей жизни. Миша приехал навестить мать, и вместе они уехали в баварский Кольгруб. Именно здесь она из газеты узнала об убийстве эрцгерцога Франца-Фердинанда. Мог ли этот новый кризис, последовавший за другими потрясениями (в Марокко, на Балканах), быть урегулирован в результате переговоров? Александра хотела в это верить, но ее дневниковая запись от 26 июля выдает ее тревогу: «Всякий хочет уверить другого в том, что война невозможна. Но в глубине сердца каждый напуган и замер в ожидании».

Грянула страшная новость: Австро-Венгрия объявила войну Сербии. Коллонтай решила вернуться в Берлин. Прибыв туда 22 июля, она узнала, что Германия, в свою очередь, объявила войну России. Город стоял вверх дном, повсюду велись военные приготовления, мелькали солдаты в военной форме, бежавшие в направлении вокзалов, суетились мирные жители, закупавшие все необходимое и завешивавшие окна в попытке укрыться. Тревожил Александру и Миша, который с виду казался достаточно взрослым, чтобы носить оружие. Теперь он был молодым русским мужчиной, а значит, врагом Германии. Как же его защитить? Через два дня после прибытия в германскую столицу Коллонтай вместе с сыном вызвали в полицию, которая во время их отсутствия обыскала их квартиру. Однако, обнаружив в ходе обыска мандат Александры на участие в предстоявшем конгрессе Интернационала в качестве делегата русских работниц, полиция отпустила Коллонтай, выразив ей свое почтение. Конечно, она русская, но революционерка, о чем свидетельствовал ее мандат, а значит, враждебно относится к войне и своему правительству, что для Германии являлось удачной находкой. Оставалось устроить судьбу Миши — его освободили 4 августа.

Благожелательное отношение полиции не решило всех проблем. Александра столкнулась с подъемом национализма, даже в среде германских социал-демократов, которые без колебаний голосовали за военные расходы. Роза Люксембург, Карл Либкнехт, Клара Цеткин, Франц Меринг отчаянно пытались

мобилизовать сторонников мира и призывали немцев участвовать в антивоенных демонстрациях. Напрасно! Голоса известных социалистических деятелей, способных постоять за мир, с каждым днем становились все малочисленнее. Жан Жорес был убит, Эмиль Вандервельде и Жюль Гед перешли в лагерь сторонников войны, и только большевики по-прежнему отказывались голосовать за военные расходы.

25 июля Ленин писал Инессе Арманд: «Мой милый, милейший друг! Возлагаю все мои упования на революцию, начавшуюся в России».

Смысл этого послания не оставляет места для сомнений и вкратце резюмирует позицию Ленина. Шла война, и поражение русских открыло бы путь для революции. Ленин направил Льву Каменеву, который вернулся в Россию, чтобы руководить «Правдой», четкие инструкции для газеты и большевиков, заседавших в Думе. Им надлежало выступать против войны, во всеуслышание желать России поражения, ибо поражение это должно было обернуться гражданской войной и победой рабочего класса. Эти инструкции не убедили русских социалистов, и они разделились. Меньшевики сочли позицию Ленина неприемлемой, они выступали в поддержку военных действий. Лишь меньшинство социалистов последовало за Юлием Мартовым и Павлом Аксельродом, которые предпочли идеи интернационализма. Ленину же пришлось подстраиваться под обстоятельства. Австро-венгерские власти потребовали, чтобы он покинул Краков. Он нашел пристанище в швейцарском Берне, а затем в Цюрихе.

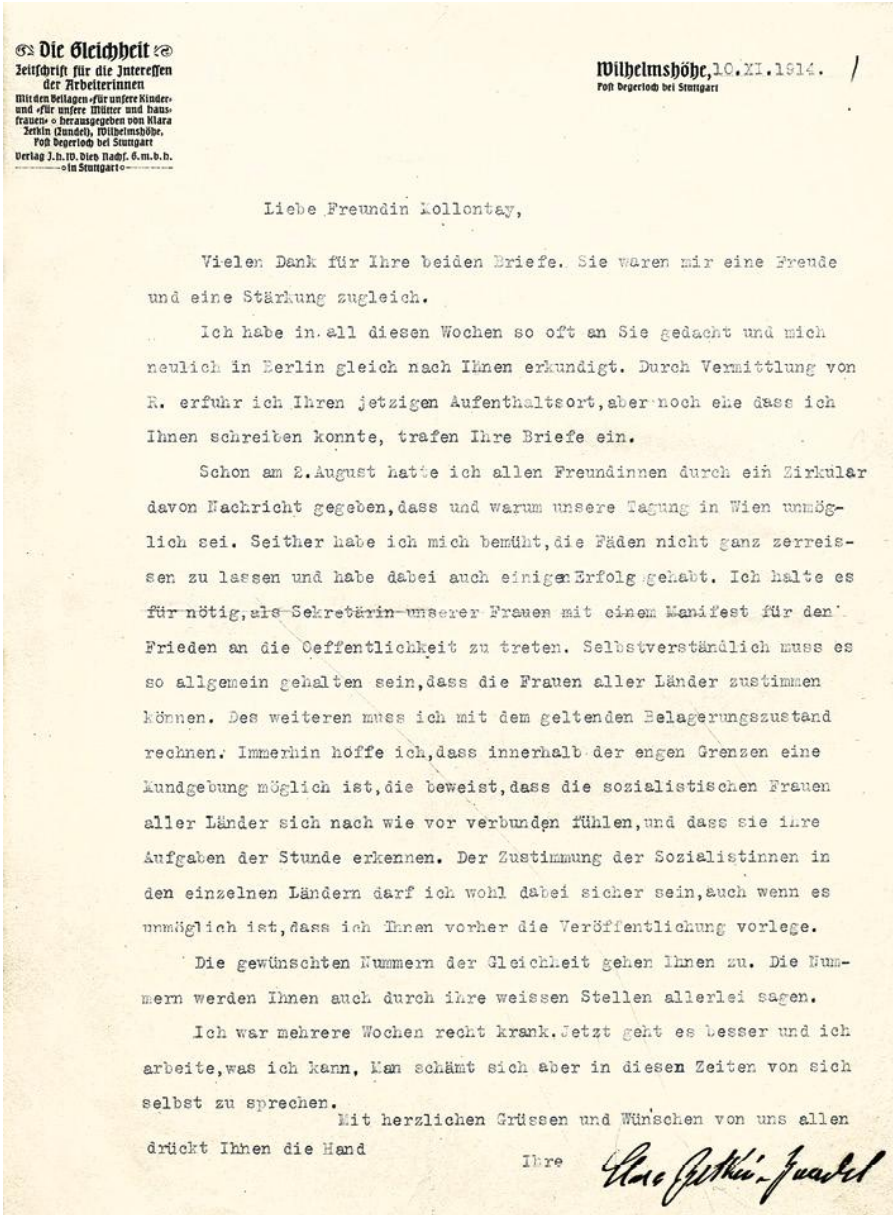
Русские, находившиеся в изгнании в Берлине, даже если они симпатизировали Ленину, перестали быть желанными гостями. К ним относились в первую очередь как к российским подданным, а значит — врагам. С начала сентября им стали предлагать покинуть Германию. Тогда Александра и Миша отбыли в Данию, откуда Миша мог вернуться в Россию и продолжить учебу, поскольку еще не достиг призывного возраста. Что касается Александры, то, если бы она осталась в Копенгагене даже ненадолго, то все равно пришла бы в уныние от крайних мер предосторожности, на которые пошли датчане. Полиция строго следила за происходящим, любая «подрывная» литература была запрещена, а сами датчане, скорее, выступали в защиту своего отечества.

Поэтому Александра решила вернуться в Швецию, где разыскала Шляпникова и шведских социал-демократов — по-прежнему твердых противников войны. Но с некоторыми нюансами. Для руководства шведских социалистов существенным

моментом являлся нейтралитет их страны, и они старались убедить в этом своих коллег из других стран. Александра Коллонтай, напротив, отстаивала идею всеобщего мира. Из-за этого она оказывалась в затруднительном положении как по отношению к умеренной позиции шведов, так и по отношению к радикализму Ленина. Она ожидала, что тот примкнет к противникам войны, к пацифистам, тогда как в действительности Ленин боролся не за мир, а за создание условий, в которых у пролетариев появится возможность обратить оружие против собственных правителей. Ленин досадовал из-за пацифизма Коллонтай и делился своими сетованиями со Шляпниковым, через которого держал с ней связь.

Хотя Коллонтай была не согласна с Лениным, который намеревался сделать гражданскую войну своей первостепенной задачей, еще сильнее она отдалилась от бывших друзей меньшевиков, ставивших во главу угла защиту отечества. Понятно, почему Ленин, узнав о разладе Коллонтай с меньшевиками, стал проявлять к ней определенный интерес, о котором поведал Шляпникову.

Коллонтай понимала затруднительность своего промежуточного положения между большевиками и меньшевиками. Тем не менее бездействие ей претило, и она стала еще чаще выступать везде, куда ее звали. Она занималась этим на страницах печатного органа левых социал-демократов и на многочисленных собраниях. Ее номер в отеле часто превращался в зал заседаний — столько туда стекалось шведов и русских, без конца обсуждавших способы выхода из войны. Это оживление, не укрывшееся от глаз бдительной полиции, не устраивало шведское правительство, которое, намереваясь покончить с ним, решило арестовать «пассионарию», столь популярную у стокгольмских социал-демократов. Пригрозив ей тюрьмой, полиция заявила, что собирается выслать ее в Финляндию. «Почему бы сразу не выдать меня царской полиции?» — осведомилась она у шведских властей, которые все же посадили ее на пароход, идущий в Данию.



Die Gleichheit
Zeitschrift für die Interessen der Arbeiterinnen
Mit den Beilagen «Für unsere Kinder» und «Für unsere Mütter und Hausfrauen» o herausgegeben von Klara Zetkin (Zundel), Wilhelmshöhe, Post Degerloch bei Stuttgart
Verlag J. H. W. Dietz Nachf. G. m. b. H. in Stuttgart

Wilhelmshöhe, 10. XI. 1914.
Post Degerloch bei Stuttgart

Liebe Freundin Kollontay,

Vielen Dank für Ihre beiden Briefe. Sie waren mir eine Freude und eine Stärkung zugleich.

Ich habe in all diesen Wochen so oft an Sie gedacht und mich neulich in Berlin gleich nach Ihnen erkundigt. Durch Vermittlung von R. erfuhr ich Ihren jetzigen Aufenthaltsort, aber noch ehe dass ich Ihnen schreiben konnte, trafen Ihre Briefe ein.

Schon am 2. August hatte ich allen Freundinnen durch ein Zirkular davon Nachricht gegeben, dass und warum unsere Tagung in Wien unmöglich sei. Seither habe ich mich bemüht, die Fäden nicht ganz zerreissen zu lassen und habe dabei auch einigen Erfolg gehabt. Ich halte es für nötig, als Sekretärin unserer Frauen mit einem Manifest für den Frieden an die Oeffentlichkeit zu treten. Selbstverständlich muss es so allgemein gehalten sein, dass die Frauen aller Länder zustimmen können. Des weiteren muss ich mit dem geltenden Belagerungszustand rechnen. Immerhin hoffe ich, dass innerhalb der engen Grenzen eine Kundgebung möglich ist, die beweist, dass die sozialistischen Frauen aller Länder sich nach wie vor verbunden fühlen, und dass sie ihre Aufgaben der Stunde erkennen. Der Zustimmung der Sozialistinnen in den einzelnen Ländern darf ich wohl dabei sicher sein, auch wenn es unmöglich ist, dass ich Ihnen vorher die Veröffentlichung vorlege.

Die gewünschten Nummern der Gleichheit gehen Ihnen zu. Die Nummern werden Ihnen auch durch ihre weissen Stellen allerlei sagen.

Ich war mehrere Wochen recht krank. Jetzt geht es besser und ich arbeite, was ich kann, Man schämt sich aber in diesen Zeiten von sich selbst zu sprechen.

Mit herzlichen Grüssen und Wünschen von uns allen drückt Ihnen die Hand

Ihre Clara Zetkin-Zundel

Письмо К. Цеткин на имя А. М. Коллонтай об опубликовании в скандинавской печати воззвания к женщинам мира. 10 ноября 1914. Подлинник. Машинописный текст на немецком языке, подпись — автограф К. Цеткин. [РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 1. Д. 424. Л. 1]

Дело было в декабре 1914 года. В Копенгагене Александру Коллонтай ждал не лучший прием: она никогда не состояла в добрых отношениях с датскими социалистами, а датская полиция давно к ней присматривалась. Потратив месяц на поиски занятия,

сообразного ее деятельности, она с радостью приняла приглашение отправиться в Норвегию.

В этой стране ей нравилось все. Норвежские левые решительно выступали против войны и проводили демонстрации, отбросив всякую осторожность. Многие русские нашли здесь пристанище, и норвежские полицейские уделяли меньше внимания неугомонной изгнаннице, чем их шведские и датские коллеги. Коллонтай было хорошо в Норвегии: здесь она чувствовала себя свободно, будучи очарована великолепием пейзажей и наслаждаясь теплым приемом со стороны властей и местных жителей. Норвегия надолго стала ей второй родиной. Здесь Александра могла без опаски окунуться в политическую деятельность и писать в свое удовольствие.

Вот почему, едва устроившись, она установила контакт с супругой лидера норвежских левых социалистов Адама Ниссена и вместе с ней провела подготовку к празднованию Женского дня 8 марта 1915 года. Однако Коллонтай намеревалась отметить этот день на свой манер, превратив его в мирную демонстрацию или даже в оружие мира. Вместо того чтобы 8 марта обсуждать социальные вопросы и права женщин, планировалось организовать демонстрации во всех странах, вывести на улицы женщин с антивоенными лозунгами и сделать из них защитниц идеи мира.

Затем Коллонтай узнала, что Ленин собирался провести в Швейцарии подобное мероприятие, на которое должны съехаться женские делегации из нейтральных и воюющих стран. Она сразу решила объединить оба плана в один, но столкнулась с трудно устранимыми организационными сложностями, прежде всего с нехваткой времени для подготовки совместных демонстраций и непростой процедурой получения швейцарских виз. В конечном итоге ей пришлось отказаться от своей затеи и наблюдать за тем, как отмечали 8 марта в Берне. Она поведала о своем разочаровании Крупской. Если Александра и имела желание поучаствовать в мартовской демонстрации, организуемой Лениным, то лишь потому, признавалась она, что знала, сколько социалистам пришлось пережить, чтобы навязать свою линию.

Большинство женщин, собравшихся в Берне, сосредоточили усилия на борьбе за мирные требования. Но женское меньшинство во главе с Крупской и Златой Лилиной, женой Григория Зиновьева, который тогда был очень близок с Лениным, желало внести в программу манифестации лозунг о превращении войны в войну революционную и обновлении социал-демократического движения, ставшего слишком умеренным. В сущности, это меньшинство на самом деле предлагало основание

нового Интернационала.

Хотя Коллонтай сдержанно относилась к лозунгу о революционной войне, идея обновленного Интернационала соответствовала ее взглядам и способствовала ее сближению с Лениным. В апреле 1915 года она опубликовала в газете «Наше слово» серию статей о немецком социал-демократическом движении и о войне. В них она критиковала отказ немецких социал-демократов от интернационализма в августе 1914 года. Так как СДПГ всегда рассматривалась как образец для подражания и флагман европейского социализма, критика Коллонтай выдвинула Ленина в авангард социалистического движения и поставила его в положение единственного истинного поборника идеалов интернационализма. Ленин одобрил эти статьи, и Крупская сообщила об этом Коллонтай.

~~Насильственное материнство~~.

Материнство, насаждаемое полицейскими мерами.

Германское общество все острее чувствует, что за последние годы в Германии, особенно в больших городах, катастрофически падает число сознательных рождений. ~~Матери~~ Женщины ~~не хотят~~ потеряли чувство патриотизма" кричат буржуазные газеты, они не хотят быть матерями! Они не думают о том, что государству нужны солдаты, а капиталистам - рабочие руки". ~~Для содержания~~ ~~Капиталисты~~ ~~получали~~ будущих ~~пользователей~~

Буржуазия ~~ищет~~ нашла способ ~~найти~~ заставить "непатриотично-настроенных" женщин производить на свет детей. Как же будет буржуазия за дело? Задумалась ли она над тем, что ~~что~~ где, в чем кроется причина сокращения рождаемости? Согласилась ли с тем, что

В этом явлении прежде всего: капиталистическая
жестокость, безупречность
матерей-работниц, вредные
условия труда на фабриках
калечащие уродуют, вызы-
вающие выкидыши, нервно-
расстройство, бедность? Ужасна
ли буржуазия победы борьбы
с этими, небезопасными
ими явлениями?!
Нигде не бывало... Она
нашла другой, упрощенный
способ борьбы с падением
~~рождаемости~~ рождаемости: ~~при-~~
~~нять меры~~ принять поли-
тическую меру, вычеркнув
из этого слова долю полицию!
Буржуазный парламент вместе с
германским Рейхсратом закон-
проект, по которому предо-
ставляется запретить про-
дажу и фабрикацию предо-
хранительных средств
от зачатий. Мера эта
безусловно всего больше
удовлетворит работниц, чем
другие, безупречных

Статья А. М. Коллонтай о падении рождаемости в Германии «Материнство, насаждаемое полицейскими мерами». 1914. Подлинник. Автограф А. М. Коллонтай. [РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 1. Д. 87. Л. 1–4]

Одобрение сопровождалось приглашением к сотрудничеству в журнале «Коммунист», только что созданном Лениным. Коллонтай сдала длинную статью под названием «Почему молчал пролетариат Германии в июльские дни?»[3]. Ответ напрашивался сам собой: потому что СДПГ и профсоюзы подталкивали пролетариат к сотрудничеству с буржуазией, вместо того чтобы призвать его отстаивать собственные интересы. С лета 1915 года Коллонтай примкнула к Ленину, о чем свидетельствует статья «Кому нужна война?» В этом тексте она проводила мысль, что война будет использована социалистами для развязывания гражданских войн, но вместе с тем автор оставалась верна пацифистской линии. Аналогичным образом она дистанцировалась от анализа империализма, предложенного Лениным, который выступал за временный союз буржуазии с пролетариатом и крестьянством ради изматывания империализма, то есть развитых стран, и изгнания их из колоний. Многие, даже такие близкие к Ленину большевики, как Николай Бухарин и Георгий Пятаков, выступили против этого призыва поддержать тягу народов к самоопределению, утверждая, подобно Розе Люксембург, что всякое сотрудничество с буржуазией идет вразрез с интересами угнетенных. Коллонтай согласилась с ними.

Однако Ленин еще до этого понял, что ему дает поддержка столь влиятельной личности, способной отстаивать свои идеи на нескольких языках и убеждать всех своих слушателей и читателей. Он предпочел не заметить сдержанности Коллонтай и счел, что она присоединилась к его лагерю. К тому же близившееся лето 1915 года было важным моментом для сторонников Ленина в связи с подготовкой им Международной социалистической конференции в Циммервальде, на которую Ленин, Троцкий, Анжелика Балабанова и швейцарец Роберт Гримм намеревались созвать всех противников войны. Вернувшиеся в Норвегию Коллонтай и Шляпников оказали Ленину ценную помощь, убедив шведских и норвежских социал-демократов поехать в Циммервальд и поддержать там проект обновления Интернационала.

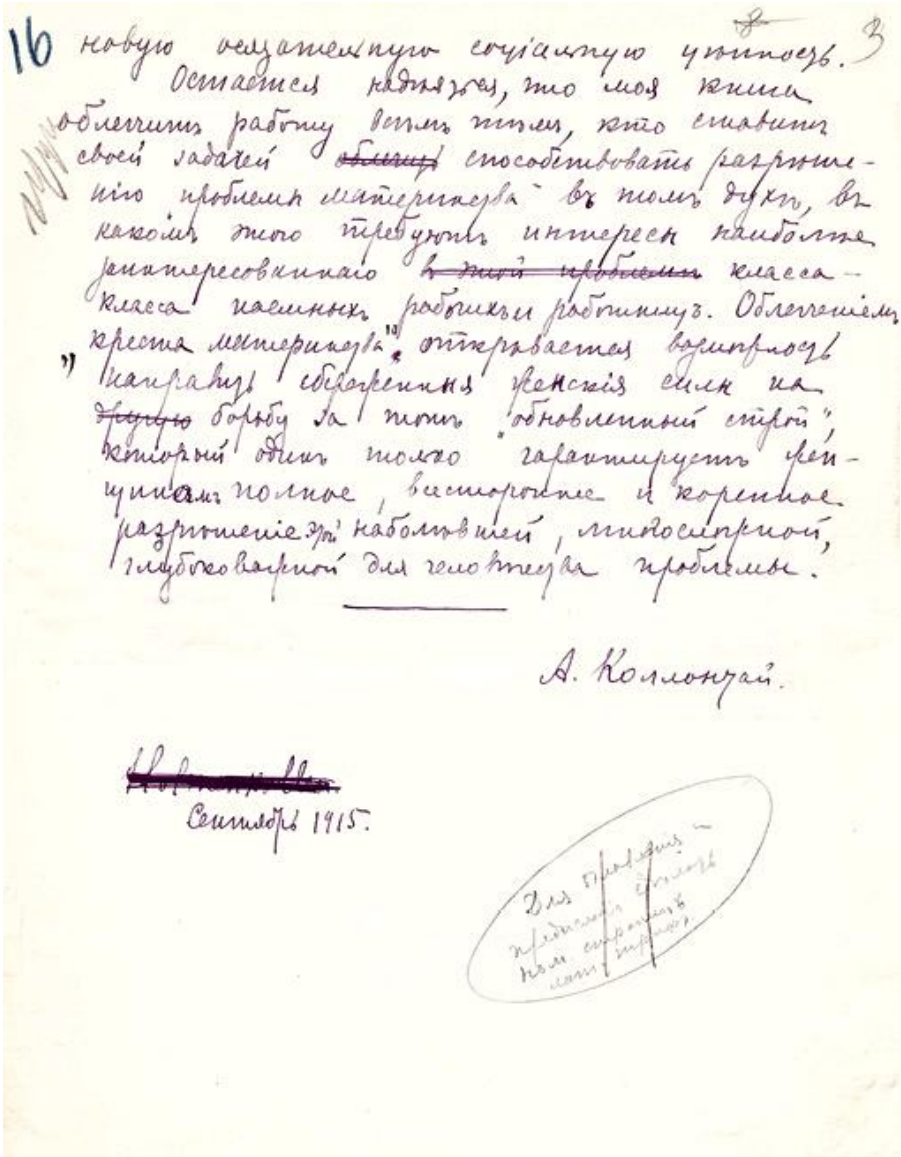
Корректурный 14 Кн. X

Предисловие.

Мой опыт исследования вопроса об обеспечении и страховании материнства задуман был задолго до современных мировых событий. Выпускаемый теперь первый том должен был выйти к международной женской социалистической конференции в 1914 г. Война, прервавшая нормальный ход вещей, задержала выпуск моей книги на целый год.

Но в то время, как ряд других назревших социальных задач отошли на задний план, уступая место грозным событиям кровавого столкновения держав, проблема материнства выступила во всей своей силе, со всей яркостью и рельефностью на фоне этих событий. Можно с полной уверенностью сказать, что непосредственным результатом современной мировой бойни явится признание всей важности, всей насущности для государства правильной постановки этой многострадальной проблемы.

Уже сейчас война заставила государственную власть открыто признать всю недостаточность материальной, существовавшей до сих пор в целях защиты материнства и охраны младенчества. Народные переселения, судьба одинокой матери, забота о детях, быстрый прирост населения, борьба за



16 новую общественную социальную утопию. 3
Останется надежда, что моя книга
облегчит работу всем тем, кто ставит
своей задачей ~~общими~~ способствовать разрешению
проблемы материнства в том духе, в
каком этого требуют интересы наиболее
дезинтересованного ~~в этой проблеме~~ класса —
класса наемных рабочих и работниц. Облегчением
креста материнства" откроется возможность
направить сбережения женских сил на
~~борьбу~~ борьбу за тот "обновленный строй",
который один только гарантирует женщинам полное, всестороннее и коренное
разрешение этой наболевшей, многосторонней,
глубоковажной для человечества проблемы.

А. Коллонтай.

Сентябрь 1915.

Предисловие А. М. Коллонтай к I и II изданиям книги «Общество и материнство» и оглавление к первому изданию с материалами. Сентябрь 1915. [РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 1. Д. 95. Л. 1–3]

Именно в эти месяцы, когда Коллонтай была так занята редактированием статей, встречами с социалистами из Скандинавских стран, в ходе которых она страстно отстаивала ленинские тезисы, наша героиня приступила к написанию еще одного амбициозного труда под названием «Общество и материнство». Здесь она формулировала идеи, которые давно

вынашивала: женщины должны быть освобождены от тягот материнства, чтобы иметь возможность работать вне дома, ибо, только активно участвуя в социальной жизни, они могут раскрыть свой потенциал. Если мать дает жизнь ребенку, вскармливает его, то общество, получающее в результате этого нового члена, обязано по истечении нескольких месяцев принять у женщины эстафету. Работа над книгой неоднократно прерывалась из-за поездок Александры. Тем не менее она успела закончить книгу и опубликовать ее в 1916 году — до того как в ее родной стране грянула революция. В книге содержались все предложения, которые Коллонтай будет стараться претворить в жизнь после прихода к власти.

Однако в ожидании этого момента, о скором наступлении которого она и подумать не могла, Александра Коллонтай доверяла свои мысли бумаге, находясь в норвежском отеле. Внезапно ей поступило предложение, которое ее воодушевило. Немецкое отделение американской социалистической партии пригласило ее в США для проведения лекционного турне. Предложение оказалось весьма кстати. Александре приходилось нелегко: лекции редко оплачивались, статьи практически не приносили дохода, и она осталась почти без денег. В своем дневнике она записала: «Я обезумела от радости, едва могу в это поверить».

А. М. Коллонтай на океанском пароходе, направляющемся в США. 1915. [РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 1. Д. 31. Л. 33]

Она тотчас сообщила Ленину об этой перспективе и сказала, что намеревается распространить его идеи в США и, в частности,

заручиться поддержкой американских социалистов относительно нового Интернационала. Ленин пришел в восторг, попросил ее перевести на английский его статью «Социализм и война» и найти способ напечатать ее, чтобы собрать в Америке средства, необходимые ему для финансирования проекта, который он собирался отстаивать в Циммервальде. Коллонтай обязалась сделать все, чего хотел Ленин. Но, чтобы отправиться в путь, она с нетерпением ждала, когда американцы как принимающая сторона вышлют ей деньги на дорогу, потому как сама была на мели. Ей также требовалось успокоить своих близких, встревоженных тем, что ей придется пересекать Атлантический океан, который, как известно, бороздили немецкие подлодки. Отмахнувшись от волнений своих друзей, Александра Коллонтай решила, что отплывет сразу же, как получит деньги, чтобы купить билет.

15 сентября все было улажено, и Коллонтай на борту судна отправилась в Америку. Ее путешествие должно было продлиться чуть менее двух недель с учетом непредвиденных изменений маршрута, конечная цель которых заключалась в обходе опасных для навигации зон. В действительности же судну потребовалось три недели, чтобы добраться до Нью-Йорка, где Александра оказалась 8 октября. Вояж получился долгим и не слишком комфортабельным, поскольку американские социалисты смогли предложить ей только билет третьего класса. В результате она делила каюту с тремя другими пассажирами. Подобные условия не благоприятствовали интеллектуальной работе. Сравнивая свое положение с теми роскошными условиями, в каких путешествовали пассажиры первого класса, с высокомерием богачей, проводивших время в развлечениях и поглощении изысканных блюд, Александра утвердилась в мысли, что пришедший в упадок мир, олицетворением которого служили пассажиры первого класса, обречен на гибель и, как твердил Ленин, война должна ускорить его крушение.

Если путешествие выдалось долгим и утомительным, то пребывание в Америке, по крайней мере первая его часть, продлившаяся больше двух с половиной месяцев (с момента схода на берег в Нью-Йорке 8 октября до возращения сюда же 22 декабря), и особенно лекционное турне, пришедшееся на этот период, стало настоящим безумством, подвигом, совершить который Александре Коллонтай позволили лишь ее невероятные жизненные силы. Что и говорить, ее маршрут пролегал через такие крупные города, как Нью-Йорк, Милуоки, Чикаго, Сент-Луис, Денвер, Солт-Лейк-Сити, Сан-Франциско, Лос-Анджелес, Сиэтл, а на обратном пути — Миннеаполис, Чикаго,

Индианаполис, Луисвилл, Цинциннати и снова Нью-Йорк. В промежутках между крупными этапами организаторы устраивали остановки в небольших индустриальных, шахтерских городках, а иногда даже в крупных сельских центрах. Везде Александре приходилось обращаться к многочисленной публике, произносить речи на разных языках в зависимости от аудитории — на английском, русском, немецком и французском. Иногда она была вынуждена выступать несколько раз в день.

По окончании турне она провела двенадцать дней в Нью-Йорке, где ей наконец удалось завести более приятные знакомства с американскими социалистами и русскими эмигрантами. В течение двух следующих месяцев после Нью-Йорка она разрывалась между Бостоном и Филадельфией. Американское турне подошло к концу 21 февраля 1916 года, то есть продлилось больше четырех месяцев. За это время Александра выступала основным, а зачастую единственным, оратором на ста двадцати трех встречах, значившихся в ее программе. Она неизменно была энергична, часто несдержанна, недолго думая, переходила с одного языка на другой. Любой другой не выдержал бы подобного режима, но только не она. К этому стоит добавить, что, находясь в США, Александра почти всегда переезжала и проживала в спартанских условиях, и аудитория ее ждала взыскательная, что неизменно требовало от нее больше времени и усилий.

Повсюду Коллонтай отстаивала тезисы Ленина, изложенные им в брошюре «Социализм и война», а следовательно, одновременно выступала с призывом к революционной войне и продвигала идею проведения конференции в Циммервальде, предлагая социалистам порвать с реформистским духом II Интернационала, поддержать III Интернационал. Это означало включение в революционную борьбу и отказ от всякого компромисса с теми, кто отвергал такую программу. Она распространяла среди слушателей свою брошюру «Кто хочет войны?» Первая ее часть посвящалась описанию героя, возвращавшегося с войны сломленным и уверенным в том, что у него больше нет будущего, что подводило к решающему вопросу: кто виноват? Ответ давался во второй части брошюры, и он был прост: виноват капитализм! Ни в одной стране у пролетария никогда не существовало врага в лице себе подобного. Но враг у него имелся, и врагом этим являлся капитализм. Брошюру, написанную живо и убедительно, с призывом к братанию всех пролетариев, бившихся друг с другом на полях сражений, просмотрел и отредактировал Ленин. Ее также распространяли тысячи солдат в окопах по обе стороны фронта.

Во время своего путешествия Александра Коллонтай открыла для себя американских социалистов. С началом войны они сошли с левацких позиций, прельстились пацифистскими речами, затем раскололись на тех, кто поддерживал Антанту либо Тройственный союз. Лишь немногие из них осуждали войну как явление, неотделимое от капиталистической системы, и рукоплескали Ленину. Такое же противоречие наблюдалось между находившимися в меньшинстве сторонниками Циммервальдской программы и гораздо более многочисленными приверженцами II Интернационала, которые, впрочем, не знали ни его целей, ни истории.

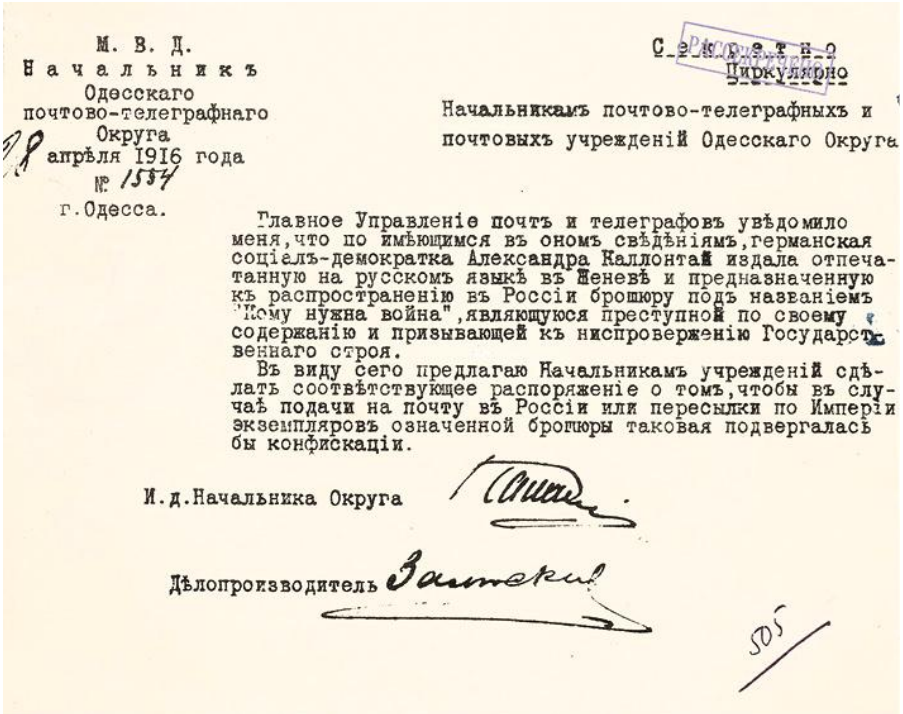
Сталкиваясь со столь различными позициями, Коллонтай была вынуждена поступать очень тонко, что усложняло ее взаимодействие с публикой, приходившей ее послушать. Она разочаровалась в немцах, которые пригласили ее и организовали эту поездку, характеризуя их в письме к своей подруге Зое как забитых, консервативных «мелкобуржуазных ревизионистов». И недостаток у них интереса к III Интернационалу не менял сути этого сурового суждения. Не больше достоинств находила она и в собственных соотечественниках, которые тепло принимали ее как «землячку» и которых она упрекала в большей привязанности к России, чем к делу пролетариата. Справедливости ради, русская публика, слушавшая Коллонтай и рукоплескавшая ей, подозревала ее в прогерманских настроениях. В конечном счете только американцы, пусть разобщенные и плохо информированные, показались ей открытыми для восприятия ее речей, а значит, достойными интереса.

Какова бы ни была ее реакция на столь тяжелый вояж (усталость, разочарование от слишком сдержанного отношения публики, часто возникавших проблем с коммуникацией), Коллонтай не могла не отметить, что результат получился выдающимся. Везде она собирала большое количество крайне внимательных слушателей, которые восхищались оратором, ее внутренней силой, страстностью, способностью выстраивать аргументацию и жонглировать языками. И они не скупились выражать ей свое восхищение.

Вернувшись в Европу, Александра смогла принять участие во второй «крупной мессе» Ленина, которая в апреле 1916 года проходила все в той же Швейцарии — на сей раз в Кинтале. Как и в Циммервальде, социалисты не пришли к единому мнению относительно войны и своей дальнейшей деятельности, однако численность сторонников Ленина заметно возросла. Для все большего числа европейских социалистов перспектива близившейся революции лишала всякой привлекательности

парламентские методы борьбы. Речь Ленина этому в известной мере способствовала. Но, едва вернувшись из Америки, Александра дистанцировалась не только от Ленина и его деятельности, но и от его интеллектуальных проектов, ибо Америка побудила ее двигаться в новом направлении. И на сей раз перед ней стояла задача не нести слово большевиков, а позаботиться о благополучии самого близкого ей человека — ее сына Миши, такого любимого и покинутого ею.

Миша задумал поработать некоторое время в Америке в автомобильной промышленности и без особого труда нашел рабочее место в Паттерсоне — небольшом городке в штате Нью-Йорк. Александра поселилась там вместе с ним, наслаждаясь моментом, о котором давно мечтала и который продлился два месяца. Два счастливых месяца для материнского сердца Александры: она обрела сына, которого ей так сильно и долго не хватало. Однако эти два месяца счастья были также двумя месяцами скуки, поскольку Паттерсон не давал ни малейшей надежды ни на интеллектуальную деятельность, ни на интересные отношения с местными жителями. В этом типичном американском провинциальном городишке промышленное производство притягивало все интеллектуальные силы и энергию горожан в ущерб всем прочим видам деятельности. Александра оказалась здесь в изоляции, а ее жизнь сводилась к ожиданию моментов, когда она могла побыть рядом с сыном, а тот, утомленный долгим рабочим днем, не особенно искал развлечений и не предлагал их матери. Конечно, она много читала, написала несколько статей, но при этом жестоко страдала от нехватки интеллектуального окружения и человеческого общения. Редко когда в жизни ей бывало так одиноко и скучно.



М. В. Д.
Начальникъ
Одесскаго
почтово-телеграфнаго
Округа
28 апрѣля 1916 года
№ 1534
г. Одесса.

Секретно
Циркулярно

Начальникамъ почтово-телеграфныхъ и
почтовыхъ учрежденій Одесскаго Округа

Главное Управленіе почтъ и телеграфовъ увѣдомило меня, что по имѣющимся въ ономъ свѣдѣніямъ, германская соціалъ-демократка Александра Коллонтай издала отпечатанную на русскомъ языкѣ въ Женевѣ и предназначенную къ распространенію въ Россіи брошюру подъ названіемъ "Кому нужна война", являющуюся преступной по своему содержанію и призывающей къ ниспроверженію Государственнаго строя.

Въ виду сего предлагаю Начальникамъ учрежденій сдѣлать соотвѣтствующее распоряженіе о томъ, чтобы въ случаѣ подачи на почту въ Россіи или пересылки по Имперіи экземпляровъ означенной брошюры таковая подвергалась бы конфискаціи.

И. д. Начальника Округа

Дѣлопроизводитель

505

Циркулярное письмо начальника Одесского почтово-телеграфного округа начальникам почтово-телеграфных и почтовых учреждений округа с сообщением об издании в Женеве брошюры А. М. Коллонтай «Кому нужна война» и указанием о конфискации брошюры при пересылке ее для распространения в России. 28 апреля 1916. [РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 1. Д. 3. Л. 1]

Она страдала от нехватки еще одной вещи, очень личной, — любви. Шляпников также поехал в Америку вслед за ней и одновременно ради сбора средств на партийные нужды. С точки зрения Ленина, как уже говорилось, очень консервативного в этом отношении, Шляпников являлся для Коллонтай кем-то вроде мужа и гарантом ее обращения к большевизму. Но отношения Коллонтай и Шляпникова были куда запутаннее, чем Ленин мог вообразить, и их жизнь в Америке тому свидетельство. Александра, отправившись в добровольную ссылку в Паттерсон, совсем не виделась со Шляпниковым, который колесил по всей стране. Такое положение не удовлетворяло ее и не способствовало упрочению их связи.

Американские дневники А.М. Коллонтай. 1916. I
1916 год

I-го сентября 1916 г. Местечко Патерсон (близ Нью-Йорка)

Сегодня пишут в газетах, что железнодорожный кризис очевидно миновал: через парламент спешно проводится 8 часовой рабочий день. Первый закон, ограничивающий труд взрослых в Америке. Юнионы поставили условие: если за эту неделю закон не будет проведен через парламент, они объявляют забастовку 4-го сентября в 7 утра.

Угроза подействовала. Надо видеть, как все-таки боятся рабочих, боятся забастовки американские обыватели. Эти дни газеты полны были вопросом о том, как предотвратить "голод" в Нью-Йорке, что сделать, чтобы не отрезать все пути сообщения и главное: как быть с доставкой товаров? Невольное чувство радости и гордости, когда видишь, что рабочие организации - сила.

– – –

Поселились мы с Инной в скучном городишке, часть езды от Нью-Йорка. Я здесь говорила у немецких товарищей Не думала, что придется здесь жить. Город промышленный, скучный, пыльный, закоптелый. С трудом отыскали жилье. Отелей нет, т.е. то, что есть – ниже критики. Два пансиона среднего калибра, но оба полны. Наняли 2 комнатки за 12 долларов в неделю и столуемся в пансионе.

Живем на типичной американской улице в так называемом "ир. Town" загородной части. "Маленькие деревянные коттеджи - особняки, крошечные сады, без цветов, просто „a green spot." , "зеленая точка" и улица, обсаженная деревьями, улица-аллея.

По чего тоскую по Коллонтаевской ул.. По своей тихой комнате, по письменному столу.. Пусть и там посещала меня тоска,

но все же я работала. И потом: была ведь и радость! А здесь... Только одно утешение: Мишуля. К нему умиленное чувство. Он весь такой "трогательный", хороший... Но разве эта та жизнь, которую хочу для него?..

– – –

Об Александре ничего не знаю. Где он? Долго ли пробудет здесь? Или поедет в Европу? Когда? А мы? Когда вернемся? Странно подумать: ведь война все свирепствует, еще новая страна в нее втянута. Но люди притупились. Уже не мучаешься. Будто так и быть должно. Не жизнь сейчас, а тягучий, неудобный сон.

– – –

6-го сентября. Патерсон.

Сегодня письма: от Надежды Константиновны, Зоички, Тани, от друга-братишки. Прощается. Канун перехода границы. Теперь: если не будет телеграммы около 20-го авг. значит... Телеграммы нет.

Письмо разбудило боль. Всколыхнуло душу. Нет, еще не умерла душа, раз способна так остро воспринимать боль, реагировать на нее.

И тут же взволновало письмо Надежды Константиновны: предполагается созвать Женевскую соц.конференцию в Швейцарии. .. А меня не будет там!.. И вся работа, подготовка, все, все сделают другие, без меня!.. Как это больно, до чего больно!.. Чтобы это выразить – нет слов.

Сообщение это породило снова чувство – будто я заживо похоронена. Взяли, оторвали от всего, от всех, вся жила, от

Дневниковые записи А. М. Коллонтай о второй поездке в США. 1916. Подлинник. Машинописный текст с пометками рукой А. М. Коллонтай. [РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 1. Д. 102. Л. 130–131]

Как всегда, Александра нуждалась в действии для восстановления душевного спокойствия. Вот почему после двух месяцев томления в Паттерсоне она поспешила в Нью-Йорк, чтобы принять там участие в различных манифестациях и отыскать большевиков, в частности Бухарина, с которым она неизменно сходилась в фундаментальных вопросах. Они вместе проводили митинги, чтобы претворять в жизнь программу Циммервальда и, что еще важнее, убедить американцев хранить мир, потому как США как раз готовились вступить в войну. Александра издала яростную брошюру против войны, которую распространяла Партия американских социалистов и группы эмигрантов, активно действовавшие внутри нее. Но вместе с тем Коллонтай тревожилась за Россию, предчувствуя грядущие потрясения. Шляпников к тому времени уже вернулся на родину, шла подготовка к отмечанию женского дня. Александра решила, что ей следует вернуться. Как и в прошлый раз, путь был долог и труден и 28 февраля завершился в Норвегии.

Александра наконец возвратилась в Европу, откуда до России уже рукой подать, но к тому времени положение окончательно запуталось. Вести из России поступали необычайные, тревожные и волнующие. В женский день ожидались беспорядки, исход которых было трудно предвидеть. Что же следовало делать Коллонтай: остаться в Норвегии или отправиться в Петроград, где назревали решающие события?

Не покидать Норвегию было бы мудрым решением, поскольку Александра чувствовала себя обязанной быть благоразумной. Она бежала из России восемь лет тому назад, чтобы не попасть в руки полиции, и за эти восемь лет не стала более благонадежной в глазах властей ее родной страны. Ее сближение с Лениным, ее подстрекательские антивоенные публикации — все это способствовало тому, что Коллонтай стали считать угрозой монархии и ее военным усилиям. Таким образом, благоразумие диктовало ей остаться в Норвегии. К тому же этого желал и Ленин. Александра Коллонтай являлась для него ценным кадром в скандинавском мире, где ее знали и ценили. Она поддерживала связи с социалистами, прикладывала силы к тому, чтобы они примкнули к Ленину, тогда как сами по себе они охотнее склонялись к нейтралитету.

Но как оставаться вдали от Петрограда? С начала марта 1917 года приходившие оттуда известия описывали положение, невообразимое еще за несколько дней до их получения, а революционный пейзаж вырисовывался все отчетливее.

Собственно, в развитии политической ситуации по такому

сценарию не было ничего неожиданного. Военное положение России ухудшалось, немецкие войска оккупировали обширные участки российской территории, что вызвало отток гражданского населения с этих земель во внутренние районы страны. Петроград наводнили беженцы, искавшие крышу над головой и пропитание, в результате снабжение столицы, и без того крайне сложное, нарушилось. Нараставшую дезорганизацию властные верхи встречали равнодушно. Следует помнить, что в тот период император постоянно находился в Ставке Верховного главнокомандующего, оставив бразды правления слабому правительству, а фактически императрице, которая ограждала себя от тревожных известий и всегда старалась успокоить императора, когда он обращался к ней с вопросами.

Чтобы понять русскую революцию, необходимо восстановить цепочку событий начиная с 21 февраля. В тот день столицу с самого раннего утра встревожили слухи, связанные с продовольственным снабжением, и это не удивительно. Продовольственные товары стали редкостью, их было трудно достать, а цены на них постоянно и стремительно росли.

Риск нехватки хлеба был особенно велик, поскольку муки для его выпечки имелось достаточно, а вот дрова отсутствовали. Пекари из опасения столкнуться с толпой, становившейся все более нервной и грозной (перед булочными выстраивались грандиозные очереди), порывались закрыть свои лавки. Разнесся слух о том, что выдача хлеба будет нормирована и с этой целью уже напечатаны карточки. Хлеб единственный из продовольственных товаров более или менее постоянно поступал в продажу, поэтому слух произвел мощный эффект.

С утра 21 февраля толпа, состоявшая преимущественно из женщин, отчаявшихся накормить своих детей, а также из рабочих, покинувших рабочие места, чтобы к ним присоединиться, громкими криками стала требовать открытия булочных. Вновь прибывавшие люди, шедшие нескончаемым потоком, выстраивались в длинные очереди, пытались занять в них лучшие места, и все это добавляло беспорядка в многочисленной и без того возбужденной толпе.

Монарх, ранее на несколько дней приезжавший в столицу, вновь отбыл в Ставку, оставив распоряжение (составленное по совету одной лишь императрицы) не подавлять выступления толпы, присматривать за народом, но ни при каких обстоятельствах не применять против него силу. Николай II твердо верил, точнее, его заранее уверили, что через один-два дня после начала манифестаций доброжелательное отношение властей успокоит народные массы и, главное, рабочие вернутся к

работе на заводах. Эти разумные ожидания основывались в том числе на погодных условиях. Зима 1917 года до того момента была исключительно суровой, и требовалось немало мужества, чтобы ходить демонстрациями по улице при температуре сильно ниже нуля градусов.

Однако около 20 февраля природа сыграла с властью злую шутку. По ее капризу, которыми она так славится, холод внезапно сменился оттепелью, и температура поднялась до четырех-пяти и даже восьми градусов выше нуля вместо минус десяти. Такое заметное потепление значительно упростило выход из дома и участие в демонстрациях. Оно также объясняет, почему 23 февраля (8 марта по новому стилю), то есть в женский день, на улицах Петрограда бурлили дополнительные толпы рабочих металлообрабатывающих и текстильных предприятий, явившихся поддержать своих женщин, проходили крупные шествия, участники которых выдвигали вперемешку самые разные требования, начиная с хлеба и заканчивая равноправием полов (женский день обязывал), и выкрикивали не только пацифистские, но и враждебные монархии лозунги.

На следующий день выдалась такая же мягкая погода, и манифестанты, вовсе не собиравшиеся успокаиваться, вновь взяли под контроль улицы. Их ряды пополнились студентами и даже подростками. Помимо лозунгов звучали слова «Марсельезы» — бесспорный знак радикализации настроений манифестантов. 25 февраля ситуация вышла из-под контроля. Петроград парализовала всеобщая забастовка, что вызвало приток новых протестующих. Столичный градоначальник утром того же дня запретил демонстрации, но это никого не волновало. Повсюду возникали стихийные митинги. Наконец, показались войска. Видя безразличие толпы к призывам разойтись, власти вечером приказали открыть огонь. Первые выстрелы раздались на Невском проспекте, жертв было много, снег обагрился кровью. Этого оказалось недостаточно для восстановления спокойствия.

День 26 февраля начался с того, что демонстранты и войска оказались лицом к лицу. И это было неожиданно. Вместо того чтобы сражаться, первый же полк бросил оружие и стал брататься с толпой. С этого начались разброд и шатание в войсках. Полки, которым приказали навести порядок, один за другим переходили на сторону народа. Демонстранты завладели оружием, которое побросали солдаты, отправились вызволять из тюрем заключенных и вместе с ними атаковали общественные здания. В тюрьмах наряду с осужденными по гражданским статьям содержались и политзаключенные, которые впоследствии помогли рабочим сорганизоваться. Столица погрузилась в

анархию.

Получив известие о катастрофе, Николай II решил вернуться в столицу и издал декрет о роспуске Государственной думы. Но было слишком поздно, никто его не слушал. Глава отправленного в отставку правительства потребовал от императора пойти на уступки, передав власть временному регенту, либо брату — великому князю Михаилу Александровичу, либо дя-де — великому князю Николаю Николаевичу Старшему. Император отказался от такого решения, уверенный, что сможет исправить положение и восстановить свою власть. Однако он не учел того, что больше не имел поддержки и общепризнанной легитимности. Его арестовали по дороге, помешав вернуться в столицу, где к тому времени уже возникла новая власть и устанавливалась еще одна.

Государственная дума проигнорировала приказ о своем роспуске и учредила Временный комитет, требовавший признания своей легитимности. Одновременно рабочие комитеты, к которым примкнули только что освобожденные политзаключенные, сформировали Советы, обосновавшиеся в Таврическом дворце, где уже заседал Временный комитет Государственной думы. Таким образом, 28 февраля две власти, порожденные революцией, оказались лицом к лицу: Временный комитет Государственной думы и еще плохо организованные Советы.

Большая часть лидеров большевиков находилась в изгнании, однако за несколько месяцев до описываемых событий в Петрограде образовался тайный комитет под руководством Александра Шляпникова, Вячеслава Молотова и Петра Залуцкого. Ни этот комитет, ни его руководители на тот момент еще не были на виду и не имели влияния, но, когда Александра Коллонтай вернулась из США и узнала о революции, ее не оставил равнодушным тот факт, что во главе небольшой группы большевиков стоял Шляпников.

Вот какая картина предстала перед Коллонтай по возвращении в Европу: революция набирала силу, монарха свергли, Шляпников стал глашатаем большевиков. Стоит ли удивляться тому, что она тотчас же, спонтанно и без промедления, встала на сторону революции, которая расправлялась с ненавистной монархией и должна была (навязчивая идея Коллонтай) покончить с войной?

Несмотря на свое нетерпение, Коллонтай была вынуждена уступить просьбе Ленина и остаться в Норвегии еще на несколько дней. Он поручил ей убедиться в том, что позиция большевиков, то есть его собственная, понятна норвежским социалистам.

Первое требование Ленина, которое он предъявлял ко всем, кого считал своими приближенными или восприимчивыми к его тезисам, состояло в запрете на взаимодействие с российским правительством, формируемым Думой, поскольку, с точки зрения Ленина, в совершавшейся революции отсутствовал буржуазный этап. Революция уже шла полным ходом, ей следовало развиваться, распространять свое влияние внутри страны и охватить весь мир. Ленин ожидал, что Коллонтай выступит с этими тезисами в Норвегии и передоверит это дело надежным соратникам, которые сумеют донести до окружающих позицию большевиков и тем самым подхватят у Коллонтай эстафету.

Наконец, Коллонтай предстояло внести свой вклад в возвращение Ленина в Россию, и эта миссия, державшаяся в секрете, также заслуживает внимания. Коллонтай была бесполезна Ленину в Швеции — нейтральной стране, которая не дала бы на это согласия. Но как только грянула революция, приходилось обсуждать все варианты и рассматривать все возможные маршруты. Именно в Норвегии Александра Коллонтай могла действовать. Она встретилась в Христиании с человеком, который сыграет важную роль в возвращении Ленина в Россию и еще более важную — в обеспечении вождя большевиков финансовыми средствами, каковых ему ужасно не хватало. Это Парвус (Александр Львович Гельфанд) — крайне загадочная и влиятельная фигура в российском и немецком социал-демократическом движении. Именно он обсуждал с Германской империей финансовую помощь большевикам и условия возвращения Ленина.

При встрече Коллонтай с Парвусом последнего сопровождал Яков Ганецкий — еще один не менее загадочный персонаж, выполнявший для Ленина много заданий в качестве сотрудника иностранного отдела ЦК РСДРП. Аркадий Ваксберг, автор биографии Александры Коллонтай, выдвинул гипотезу о том, что начиная с этой встречи Парвус, воспользовавшись возвращением Александры в Россию, передал ей крупную денежную сумму, выделенную немцами большевикам. Коллонтай использовалась Лениным в качестве курьера в различных случаях, что придает некоторую правдоподобность версии Ваксберга. Она могла бы привезти Ленину «немецкие деньги» — военную казну, которая внесла существенный вклад в организацию беспорядков в России и помогла большевикам захватить власть.

17 марта Александра Коллонтай покинула наконец Норвегию. Она везла с собой, и в этом мы можем быть уверены, «Письма издалека» — составленные Лениным политические инструкции для партии, которые тщательно спрятала среди своей

одежды. Несмотря на запрет, она смогла по пути пересечь территорию Швеции, проехать через Финляндию, где ее горячо приветствовали рабочие, кричавшие «Долой царя!» и распевавшие «Марсельезу». Оказавшись наконец на столичном Финляндском вокзале, она встретилась с ожидавшей ее подругой Татьяной Щепкиной и ее мужем, адвокатом Николаем Полыновым. Коллонтай собиралась разыскать Шляпникова, ставшего членом исполкома Петроградского совета. Приняли Коллонтай, как подобало принимать преданную Ленину и приближенную к нему большевичку, в течение нескольких лет верно служившую вождю.

Глава пятая. Наконец-то революция!

После восьми лет ссылки Александра Коллонтай наконец вернулась в свою страну. Но в свою ли? Разумеется, нет. Она оказалась в России, но это была не та Россия, из которой она бежала восемь лет назад. Она покидала государство, где, как и везде в Европе, господствовал монархический строй. Вернулась же в страну, стоявшую на пороге отречения от монархии, где в отсутствие общепризнанного преемника монархия в скором времени действительно исчезла, причем без всякого решения с чьей-либо стороны. В свое время Коллонтай покинула могущественную империю. Это могущество рухнуло под ударами неприятельских армий и внутреннего врага. Никто, за исключением Ленина, еще находившегося в затворничестве в Швейцарии, не представлял себе реального будущего этой страны. Ленин же знал, чего хотел и ожидал. Военное поражение, восстание внутри страны и зачистка политической сцены, которая должна случиться вслед за этим, позволили бы ему взять власть и создать общественный строй, при котором «любая кухарка способна управлять государством» и «нет больше нужды».

На следующий день после своего приезда в Россию Александра Коллонтай понесла в редакцию «Правды» (по прямому указанию Ленина, возложившего на нее эту задачу) «Письма из далека», где вождь большевиков излагал свое видение будущего и способов его достижения. В редакции «Правды» первым, кого встретила Коллонтай, оказался Сталин, и поэтому именно ему она передала эти ценные тексты. То, что произошло потом, показало, сколь важные последствия для нее имела эта случайная встреча. Шляпников сразу же рассказал ей о партийном расколе и помог разобраться в том, что именно беспокоит Ленина и сколь оправдана его тревога.

Партийное большинство с такими яркими представителями, как Сталин и Каменев, руководивший «Правдой», хотело сотрудничать с Временным правительством. Эта группа осуждала призывы Ленина к «революционному пораженчеству», полагая, что, пойдя на это, они предадут немецкий рабочий класс, вместо того чтобы подтолкнуть его к революции. Это объясняет, почему «Правда» опубликовала только два письма Ленина, и то после жаркого обсуждения уместности подобной публикации. Шляпников выступал против подобной позиции, на которой также стояли меньшевики. Коллонтай разделяла его взгляды, также идя наперекор партийному большинству и своим бывшим друзьям-меньшевикам. Для партии и редакции «Правды» Коллонтай,

несмотря на имевшиеся у них разногласия относительно выбора пути, являлась не обычным новобранцем, и с ней приходилось считаться. Кроме того, она была готова написать столько статей, сколько от нее потребовала бы «Правда». При ее славе как оратора и педагога, рассудила партия, без сотрудничества с ней не обойтись.

Вот почему, не успела Коллонтай вернуться в страну, как ее кандидатуру уже выдвинули в Петроградский совет в качестве партийного делегата, представлявшего интересы «деревообделочников, дровосеков, плотников…» Однако вопрос не согласовали с теми, чьи интересы ей предстояло представлять. Они воспротивились и отвергли кандидатуру Коллонтай под тем предлогом, что желают быть представленными в Совете членами своего профсоюза, а не РСДРП. Эта неудача расстроила Коллонтай, но совсем ненадолго. Несколько дней спустя Александру пригласили выступить с обращением к группе солдат, которые, вдохновленные ее речью, решили отправить ее в Петроградский совет в качестве своего представителя. Она была избрана солдатами с той же легкостью, с какой отвергнута рабочими деревообрабатывающей отрасли. Еще большее удовлетворение принесло Коллонтай избрание в исполком Петроградского совета. Женщина, представляющая интересы солдат, — это уже подвиг! Включение же в исполком являлось лишним доказательством авторитета и силы личности Александры Коллонтай.

Несмотря на то что она поддерживала позицию Ленина, а Сталин с Каменевым клеймили подобные взгляды на страницах «Правды», Коллонтай, тем не менее, публиковалась почти в каждом номере партийного издания. Однако ее статей было недостаточно для продвижения ленинских тезисов. Вождю большевиков следовало возвращаться на родину, если он хотел вновь взять партию под свой контроль. Коллонтай, Шляпников и преданные Ленину лица ждали этого возвращения с большим нетерпением.

Наконец 4 апреля «пломбированный вагон», в котором ехали Ленин, Крупская, Инесса Арманд и Зиновьев с женой, прибыл на Финляндский вокзал. Впрочем, следует напомнить: «пломбированный» всего лишь означало, что вагон пользовался дипломатической неприкосновенностью и никому не разрешалось садиться туда и выходить оттуда на протяжении всего пути. Этот специальный вагон предоставили цюрихские социалисты, а о его проезде по германской территории договорился Парвус. Германия согласилась с этим планом, но лишь потому, что была больше всех заинтересована в том, чтобы облегчить возвращение

в Россию тому, кто во всеуслышание призывал русских бросить оружие.

Александра Коллонтай отправилась встречать поезд с Лениным. Встреча состоялась на границе — в Белоострове. Она прибыла в составе комитета по приемам, куда также входили Шляпников, Сталин, Каменев и несколько других большевиков. Все они сопровождали Ленина на последнем отрезке пути от границы до Финляндского вокзала. Ленин воспользовался этим кратким периодом и обрушился с критикой на Каменева и «Правду», упрекая их в поддержке Временного правительства. Эта вспышка гнева была всего лишь началом. На Финляндском вокзале Ленина встретил под звуки «Марсельезы» меньшевик Чхеидзе, который председательствовал в Петроградском совете, и от имени этой организации довольно осторожно обратился к лидеру большевиков с приветственной речью. Однако Ленин, не дав Чхеидзе договорить, перешел в наступление, заявив о неминуемости гражданской войны в Европе. Затем, пока его сопровождали до Таврического дворца, Ленин твердил, что империалистическая война скоро перерастет в гражданскую. Слушавшая его толпа, состоявшая из солдат и рабочих, пребывала в трансе.

На следующий день все в том же Таврическом дворце Ленин снова перешел в наступление. В своей пылкой речи он заявил, что мировая революция должна вот-вот разразиться и что русский пролетариат совершает деяние исторического масштаба, проводя революцию в собственной стране и тем самым пробивая путь для мировой революции. После этого Ленин призвал правительство немедленно заключить мир без аннексий и контрибуций и объявить народам, что они вольны распоряжаться своей судьбой. Наконец, отчеканил он, вся власть принадлежит Советам, и лишь они могут ее отправлять.

А. М. Коллонтай в Наркомате государственного призрения. 1918. [РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 1. Д. 31. Л. 37]

Заслушав эту речь, воспроизводившую «Апрельские тезисы», члены РСДРП оказались далеко не единодушны в своих мнениях. Мартов обличал «бланкизм», едва ли пригодный для России. Меньшевики и эсеры выражали возмущение. И только Коллонтай бросилась на помощь Ленину, стараясь продемонстрировать актуальность «Апрельских тезисов». Она была так неистова, так захвачена страстью, так искусно аргументировала свою позицию, что, хотя Александре так и не удалось заручиться поддержкой партии, ее партийная репутация после этого упрочилась. Пресса с тех пор окрестила ее «валькирией революции».

С этого момента Коллонтай направила свои силы на решение двух вопросов. Прежде всего она занялась солдатскими женами, которые оказались в числе главных жертв того неспокойного времени. У них не было никакой возможности прокормить своих детей. Коллонтай, видевшая их отчаяние, силилась привлечь к ним внимание большевиков, добиться того, чтобы их проблемы признали и помогли их решить. Партия, как всегда, проявляла враждебность к любым манифестациям, которые создавали риск формирования какой-либо группы внутри самой партии. Тем не менее Коллонтай удалось успешно организовать марш этих женщин, прозванных «солдатками». Они потребовали у Петроградского совета вернуть домой их мужей и дать средства к существованию, то есть увеличить их весьма скромное довольствие.

Успех Коллонтай превзошел все ожидания: движение

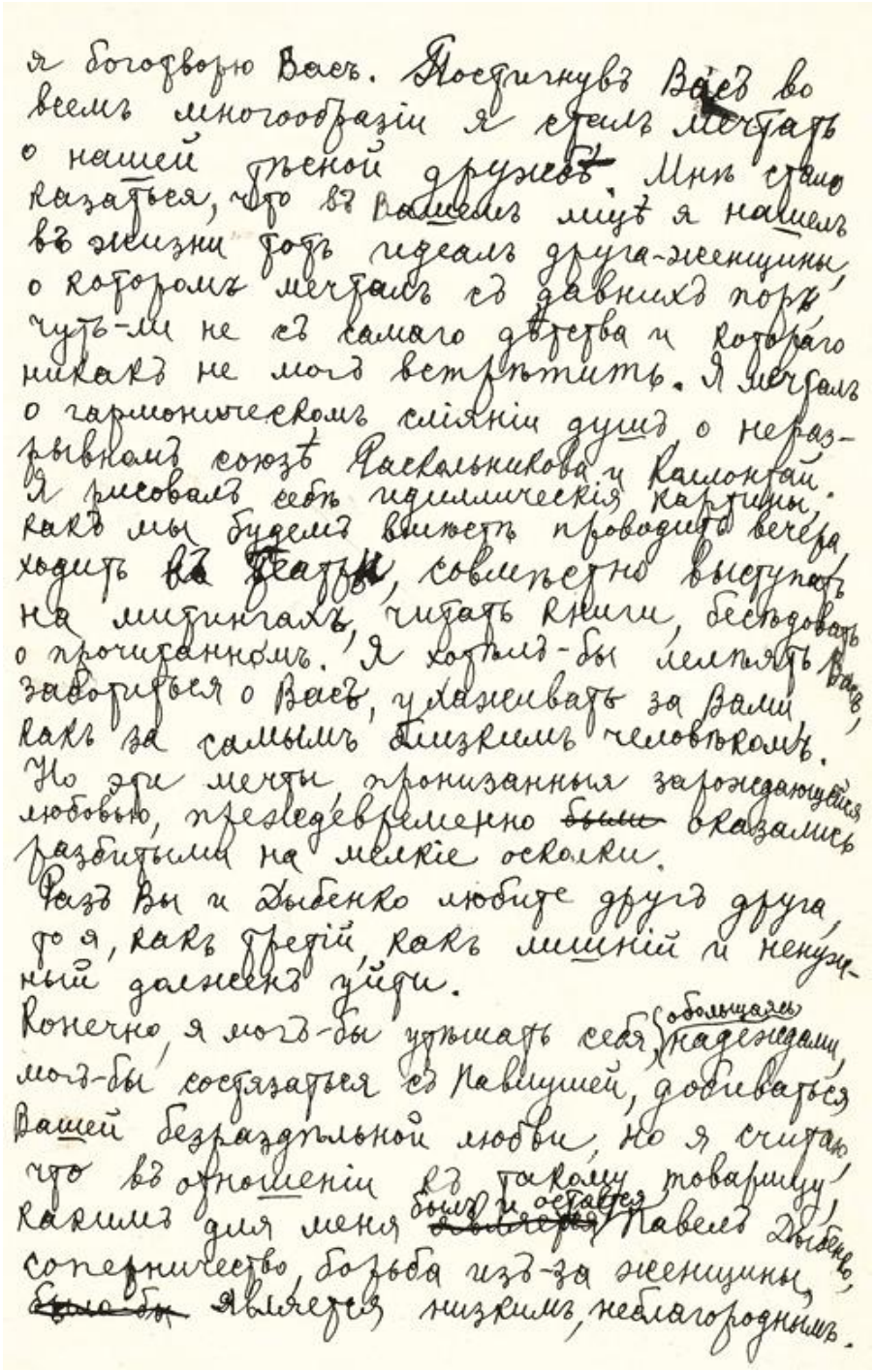
солдаток, на которое партия смотрела с презрением, разрослось и пустило корни в нескольких других городах России. Благодаря этой операции Коллонтай сумела продемонстрировать, что женщин можно мобилизовать для общего дела, организовать и использовать в интересах партии, поскольку они не ограничились требованием помощи, но единогласно осудили войну, считая ее главной виновницей своих бед, и потребовали положить ей конец.

Той бурной русской весной Коллонтай с не меньшим энтузиазмом занималась еще одним делом, на которое ее вдохновил сам Ленин. Послушав, как Коллонтай неоднократно добивалась успеха своими публичными выступлениями, Ленин попросил ее помочь ему привлечь на свою сторону моряков, не особенно к нему расположенных. Балтийский флот, с точки зрения вождя большевиков, должен был стать важной составной частью революционной армии, однако моряки, большей частью крестьянского происхождения, отдавали предпочтение эсерам либо анархистам. Ленин нуждался в их поддержке, но знал, что большевики не могли даже приблизиться к кораблям без риска стать жертвой агрессии враждебно настроенных матросов.

Поэтому Ленин решил, что бесстрашная Коллонтай, так умело пленявшая свою аудиторию, должна суметь привлечь на свою сторону этих людей, принимавших в штыки ленинские тезисы. У большевиков этот план вызвал смятение, ибо никто из них и представить себе не мог, что матросы согласятся слушать речи женщины, тем более что она отстаивала чуждые им идеи. Но Коллонтай никогда не отступала перед трудностями, и это задание, ввиду его особой важности, естественно, пришлось ей по душе. Вот так на самых знаменитых кораблях появлялась эта красивая и элегантная женщина, а усатые и крепкие матросы спорили между собой за право сопровождать ее. Слушатели, поначалу относившиеся к ней недоверчиво и насмешливо, постепенно смягчались и в итоге попадали во власть ее ораторских чар.

Поездка Коллонтай в Кронштадт и Гельсингфорс была организована с согласия Центрального комитета Балтийского флота (Центробалта), рожденного на свет Февральской революцией. В этом коллегиальном органе, состоявшем из тридцати трех членов, насчитывалось всего шесть большевиков, а также несколько сочувствовавших им матросов. Перед Коллонтай стояла трудная задача. Ей надлежало заставить сдержанно настроенное большинство Центробалта проникнуться симпатией к личности и идеям Ленина.

Мое расположение к Вам началось
с тех пор, что Вы очаровали меня, как
необычайно прекрасный человек с Кри-
стально-чистой душой. Особенно неотразимо
меня привлекала к Вам Ваша сказочная доброта
мягкая, ласковая нежность, хорошая, отзыв-
чивая душа с неисчерпаемым запасом
ласки и сострадания. А должен сознаться, что на
ласку я поддаюсь гораздо легко, как рыба
клюет на червяка. И проводя вечер
за вечерами в Вашем обществе я
стал замечать всю сладость общения
с Вами, я начал испытывать на самом
себе, как приятно-приятно, как невыра-
зимо радостно трепещет в лучах Вашего
обаяния. От Вас я всегда уходил
в прекрасном настроении духа, в обнов-
ленной и просветленной душой.
И чем больше я поддерживал общение
с Вами, чем пристальнее вглядывался,
изучая Вас со всех сторон, тем силь-
нее и сильнее я убеждался, что в
Вашем лице приходится иметь дело
с необычайно талантливым, умным,
щедро-одаренным и разносторонне-раз-
витым человеком. В общих чертах
познав Вашу душу, я не мог не
полюбить ее. И сумел Вас понять
и оценить по достоинству. И право,
мне кажется, что никто не сумеет
Вас так, как умею Вас я. Я
преклоняюсь перед Вами. Чего, больше,



Письмо Ф. Ф. Раскольникова А. М. Коллонтай по личным вопросам. 17 декабря 1917. Подлинник. Автограф Ф. Ф. Раскольникова. [РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 4. Д. 11. Л. 1–2 об.]

В качестве сопровождающего ей выделили Федора Раскольникова — двадцатипятилетнего большевика, который очень рано начал сотрудничать с «Правдой» и попал на флот по стечению обстоятельств военного времени. Февральская революция вызвала у него восторг. Он так активно действовал в то время в Кронштадте, центре матросского восстания, что впоследствии его избрали заместителем председателя Кронштадтского совета. Когда в Кронштадт прибыла Коллонтай, Раскольникову поручили ее сопровождать и представлять собравшимся, в чем едва ли имелась необходимость, учитывая, что слава Коллонтай шла впереди нее и матросы, независимо от их политических предпочтений, с нетерпением ждали случая ее услышать. К своему великому сожалению, Раскольников вскоре был освобожден от обязанностей покровителя Александры, поскольку именно тогда случилась, возможно, самая важная встреча в ее жизни.

Тем, кто перевернет всю жизнь Коллонтай, стал другой матрос, Павел Дыбенко, которого Джон Рид описал как «невозмутимого усатого великана». Молодой, как и Раскольников, 28-летний Дыбенко, в отличие от Раскольникова, родившегося в Санкт-Петербурге, был выходцем из деревни. Он происходил из очень бедной и неграмотной крестьянской семьи. В детстве ему приходилось работать в поле при любой погоде и в любое время года, чтобы помочь своим близким выжить. Если он и получил какое-то образование, то благодаря дочери священника из своей деревни, которая учила читать детей из неблагополучных семей, затем благодаря учительнице сельской школы, столь же внимательной к беднякам. Однако каждый год этим выдающимся женщинам приходилось бороться с отцом Дыбенко, чтобы тот разрешил сыну посещать занятия. В четырнадцать лет отец заставил его бросить учебу и зарабатывать себе на жизнь. Дыбенко работал портовым грузчиком, рабочим на заводе и по достижении призывного возраста попал на флот. Здесь он продолжил службу, неизменно отличаясь буйным нравом и участием в волнениях, в результате чего оказался в тюрьме…

С началом Февральской революции настал его час славы. За храбрость и предпринятые им действия Дыбенко избрали председателем Центробалта. Это повышение было заслуженным, поскольку, будучи революционером с момента своего поступления в матросское училище, усатый великан добился этого благодаря своему энтузиазму, смелости и пламенной преданности делу революции. Когда Дыбенко впервые увидел, как Коллонтай нетвердой походкой (в Кронштадте приходилось прилагать усилия, чтобы удержаться на ногах во время качки)

перебирается по трапу с одного корабля на другой в сопровождении Раскольникова, он устремился к ней, стиснул в объятиях, объявил себя ее носильщиком и стал ревностно заботиться о ней.

Нужно представить себе столь невероятную встречу образованной и утонченной женщины аристократического происхождения и усатого великана, полуобразованного крестьянина, да еще и на семнадцать лет моложе нее! Бесспорно, это любовь с первого взгляда, хотя Александра поняла это не сразу. Пылкое отношение Дыбенко к Коллонтай не оставляет сомнений в том, что именно он почувствовал к ней с самого начала. Что же касается Александры, то можно понять, почему ей было сложнее игнорировать различия между ними.

Дыбенко вошел в ее жизнь в тот самый момент, когда ей пришлось в очередной раз подытожить свои любовные неудачи. Связь со Шляпниковым закончилась несколькими месяцами ранее, хотя они и бились плечом к плечу, защищая позиции Ленина. Бывший муж Владимир Коллонтай, неизменно преданный Мише и ей, скончался незадолго до этого. А. А. Саткевич, «добрый малый», еще одна давняя любовь Александры, женился и обзавелся семьей, тогда как Маслов стал лишь воспоминанием, практически стершимся из памяти.

Коллонтай тяжело переносила одиночество, не раз признаваясь себе в этом на страницах дневника. И вдруг в ее одинокой жизни возник этот усатый великан, такой трогательный из-за своей наивности, нескрываемой страсти, жажды учиться и самоутверждаться. Конечно, возраст Коллонтай, которой тогда было сорок пять лет, мог помешать ей разделить страсть молодого усача. Но она знала, что сохранила всю свою привлекательность, ее идеальная фигура, ее элегантность (она даже на военные корабли и митинги приходила нарядно одетой) производили впечатление на всех, кто ей встречался. Таким образом, все подталкивало ее к мысли о том, что ее возраст не должен стать препятствием на пути, по которому влекло ее сердце.

Существовало еще одно обстоятельство, нарушавшее складывавшуюся идиллию, — очень плотный график Коллонтай. Она стала чуть ли не глашатаем Ленина. В начале 1917 года партия большевиков направила ее в качестве своего представителя в Гельсингфорс, где проходил IX съезд Социал-демократической партии Финляндии. Это была важная миссия, поскольку финские социал-демократы сохраняли верность II Интернационалу, и Коллонтай предстояло заверить их в том, что правда и будущее за Лениным, что его речь о праве народов

распоряжаться своей судьбой не просто лозунг, но призыв к бою. Финнам следовало убедиться в том, что большевики и русский пролетариат поддержат их стремление к независимости, помогут сделать так, чтобы Временное правительство отказалось от финнов и те добились бы права самостоятельно решать свою судьбу.

Коллонтай выступила в Гельсингфорсе несколько раз. Несмотря на свой дар убеждения, она вызвала враждебность у слушателей, шокированных призывами к миру и братанию с солдатами неприятельских армий. Некоторая часть аудитории сохраняла благоразумие, предпочитая дождаться момента, когда поражение русских положит конец войне и мирное развитие политической ситуации в России позволит финнам получить желаемое. Но Александра никогда не теряла концентрации и присутствия духа при виде сомнений, написанных на лицах окружающих. Она упорствовала, неустанно приводила аргументы, и зачастую магия ее блестяще выстроенных речей в конечном итоге убеждала даже самых сдержанных слушателей, а то и превращала их в горячих сторонников.

Едва завершилась вылазка в Гельсингфорс, как Коллонтай пришлось выступать на I Всероссийском съезде Советов, на котором большевики были в меньшинстве, представляя едва ли одну десятую часть ассамблеи, состоявшей более чем из тысячи делегатов. Атмосфера для большевиков царила неблагоприятная, а их пораженческие речи вызывали возмущение. Но сложная обстановка только подстегивала Александру Коллонтай. Она с жаром доказывала, что народы имеют право на самоопределение вплоть до отделения и что долг социалистов заключается в том, чтобы поддержать народы в их борьбе. Она иллюстрировала свой тезис примером Финляндии, которую так хорошо знала.

Поскольку Коллонтай взяла слово после Ленина, который растолковывал, что Россия может совершить подлинную революцию, воспользовавшись войной и принесенными ею бедствиями, Александра естественным образом была поставлена с ним на одну доску. Аудитория, не желавшая слушать ни о поражении, ни о преждевременной революции, приняла ее хуже, чем бывало ранее. Однако эта ассамблея, где первую скрипку по-прежнему играли меньшевики, по своему духу уже не соответствовала протестным настроениям, нараставшим в столице и вызывавшим живой интерес у собравшихся.

Александре было некогда размышлять над тем, как меняются настроения народных масс, поскольку она стремилась выступать всегда и везде. В конце июля она получила приказ съездить в Стокгольм для участия в конференции циммервальдцев,

программу которой подготовила РСДРП. Конференция не состоялась по причине отсутствия желающих отправиться на эту «циммервальдскую встречу в верхах». Кроме того, Стокгольм в то время служил пристанищем для многочисленных эмигрантов-меньшевиков, которые оказывали бы давление на собравшихся, если бы те все же решили приехать, и ленинские тезисы рисковали быть опровергнутыми. Для Коллонтай поездка в Швецию стала настоящим вызовом, ибо в течение многих лет она являлась персоной нон грата в этой стране. Тем не менее ей разрешили въезд для участия в работе конференции, но лишь при условии ограниченности ее перемещений и контроля за ними со стороны властей.

Это не помешало Коллонтай отправиться в Стокгольм, хотя она и не собиралась оставаться там надолго. Сразу после приезда она узнала, что конференция не состоится, но для расстройства у нее времени не было. Коллонтай пристально следила за новостями из России, где ситуация стремительно менялась, предвещая бурные потрясения. Она решила вернуться. У нее имелись все основания торопиться, поскольку 5 июля из телефонного разговора с Радеком Коллонтай узнала, что в Петрограде яростные манифестации принимают революционный оборот. В свою очередь, Дыбенко известил ее о том, что в столице множатся баррикады и правительство вступило в открытое противостояние с Советами. Разве могла она остаться в стороне от намечавшейся революции? К тому же она оказалась в Швеции в невыносимом положении: на нее набросились шведские газеты, которые в связи с событиями в России допрашивали ее о причинах «столь странной командировки в Швецию». Все подталкивало ее к возвращению в Петроград. Поддержала Коллонтай в этом и подруга Зоя, присоединившаяся к ней после возвращения из ссылки.

Вдвоем им удалось вскочить в поезд, а их путешествие, по крайней мере поначалу, напоминало Александре ее апрельское триумфальное возвращение в столицу после того, как она выехала навстречу Ленину. Однако в июле все обстояло иначе, поскольку между непростым отъездом из Швеции и возвращением на родину прошло три дня, в течение которых Временное правительство сумело восстановить свои позиции. Войска сохранили верность правительству, которое возглавил Керенский. Он силился навести порядок и попытался избавиться от большевиков. Чтобы добиться своего, он объявил РСДРП вне закона, предал огласке «дело о германских деньгах» и обнародовал письма причастных к нему — Ленина, Парвуса, Ганецкого и Коллонтай.

«Позорные деньги», о которых твердил Керенский, незадолго до этого попали в Россию через Швецию, где в тот момент находились основные фигуранты дела, а именно Ганецкий, Парвус, игравший второстепенную роль, и Коллонтай. Для шведской прессы эта история послужила еще и доказательством того, что Коллонтай являлась «германским агентом», шпионом. Был отдан приказ об ее аресте наряду с Зоей, произведенном, когда их поезд оказался на границе. В Петрограде весть о германских деньгах, о «государственной измене» разнеслась со скоростью звука. Среди деятелей, отданных на съедение возмущенной общественности, Ленин и Коллонтай оказались в первых рядах, поскольку их знали лучше остальных.

После пребывания в Финляндии Ленин, ненадолго возвратившийся в Петроград для участия в событиях, сумел бежать в компании с Зиновьевым, как только разразился скандал. Дыбенко был арестован. Александру и Зою доставили под конвоем в Петроград и заключили под стражу. Совсем скоро выяснилось, что Зоя непричастна к делу о германских деньгах, и ее освободили. Александру же посадили в тюрьму «Кресты», а затем перевели в женскую тюрьму в Выборге. В Крестах она встретила большевиков, которые, в отличие от Ленина, не сумели раствориться в воздухе: Дыбенко, Троцкого, Луначарского, Раскольникова, Ганецкого. Одних обвинили в заговоре против Временного правительства, как в случае с Дыбенко и Каменевым, против других выдвинули обвинения, гораздо более серьезные в глазах общества, — в причастности к делу о германских деньгах, а значит, в государственной измене.

Арестованная, посаженная в тюрьму по позорящему ее обвинению, Коллонтай именно тогда достигла таких высот, о которых никогда раньше не мечтала. Прежде всего в РСДРП(б), которая приняла в отношении Коллонтай решение на своем VI съезде, проходившем при странных обстоятельствах, поскольку партийные руководители, составлявшие костяк президиума (Ленин, Зиновьев, Каменев, Троцкий, Луначарский и Коллонтай), отсутствовали, находились в бегах или в тюрьме. Когда пришло время избирать Центральный комитет, присутствовавшие ввели в его состав отсутствовавших, в числе которых оказалась и Коллонтай. Это был триумф для нее, хотя она и не могла им насладиться в тюремной камере.

Но участь Коллонтай выпала не столь ужасная, как она могла опасаться. Прежде всего потому, что режим содержания в женской тюрьме был не особенно строгим, отношение к заключенным щадящим, и Александру могли навещать близкие — Миша и даже Зоя. Александра страдала от того, что ее держали взаперти, в

стороне от событий. Кроме того, ее стала беспокоить болезнь сердца, которая до конца жизни будет омрачать ее существование. 21 августа, после семинедельного заключения, Александра, проснувшись, узнала новость, наполнившую ее радостью: она свободна. Ей сказали, что залог за нее внес Максим Горький.

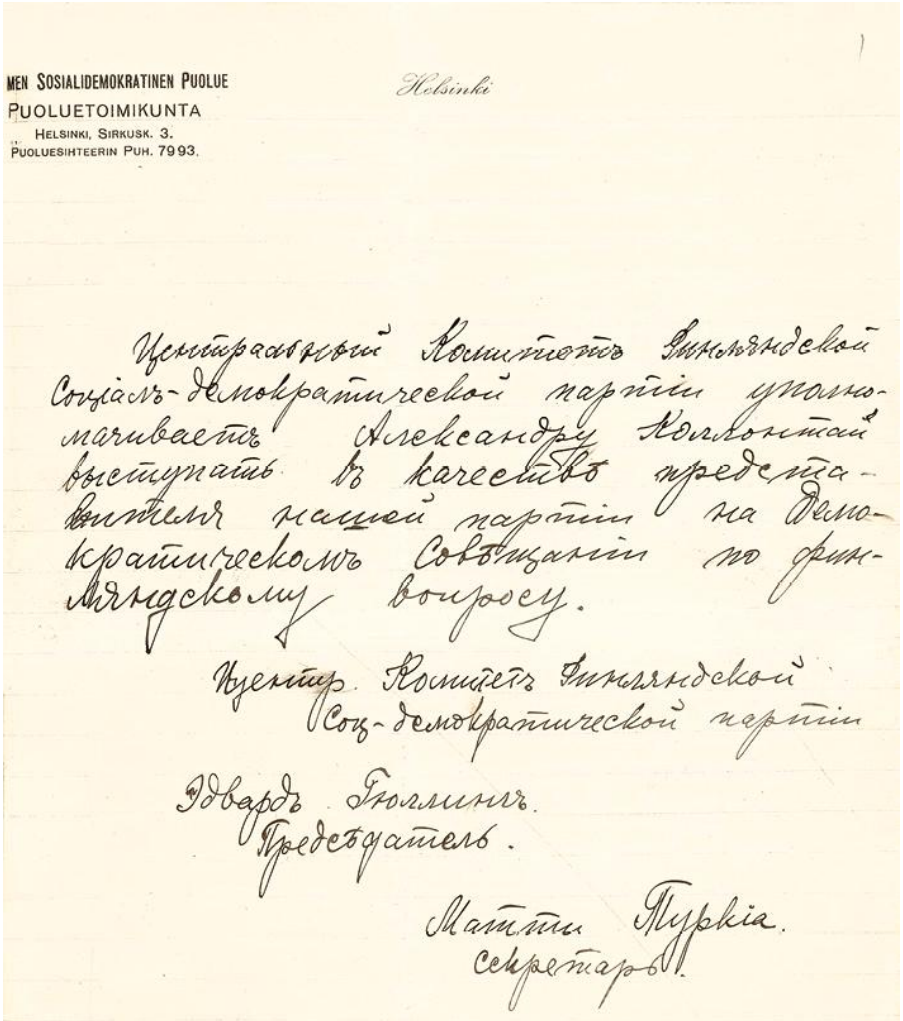
Вместе с Зоей она поселилась в квартире, в которой Владимир Коллонтай и его вторая жена Мария Ипатьевна раньше жили вместе с Мишей. Владимир умер в тот самый момент, когда Александра возвратилась в Россию, но его вдова, женщина благородная, открыла двери своего дома Александре, предложила ей кров и дружбу, а подлинное уважение друг к другу сблизило двух женщин. Александра была признательна той, что заняла ее место подле Владимира, за внимание и любовь, которыми она окружила Мишу. И по глубоко укоренившейся традиции Зоя Шадурская, поселившись в квартире Коллонтаев, дополнила собой новую семью.

«Известия» 22 августа сообщили об освобождении Александры как о «сенсационной новости» дня. Возмущенный этим Керенский распорядился, чтобы Коллонтай поместили под домашний арест и держали под надежной охраной. Содержание под стражей в собственном доме было точно предпочтительнее тюремного заключения, тем не менее, обрекая Александру на такую участь, Керенский вызвал настоящий скандал, в котором пресса встала на сторону Коллонтай. Горький, который ранее внес залог за освобождение Александры, выразил негодование, а Троцкий в своих выступлениях критиковал неумолимость Керенского. Поднялся такой шум, что главе Временного правительства пришлось отменить свое решение. 9 сентября Коллонтай окончательно вышла на свободу, и для нее это означало, что она могла заняться подготовкой революции. Поскольку политическая обстановка неуклонно ухудшалась.

Генерал Корнилов, видя, как ослабло Временное правительство после июльских событий, решил, что настал час для переворота. Его план заключался не в реставрации Романовых, а в создании контрреволюционного правительства, достаточно мощного для восстановления порядка и перестройки армии. Его мятеж продлился совсем недолго. Корнилов подготовил его в конце июля, приступил к действиям 27 августа, а через три дня дело обернулось катастрофой. Расплатой за мятеж для Керенского стала необходимость считаться с большевиками или, по крайней мере, перестать бороться с ними. В свою очередь, РСДРП(б) приобрела большую популярность среди масс рабочих.

Что же касается оценки мятежа, то Керенской извлек из него назидательный урок: «Без корниловского мятежа не было бы Ленина». Хронология событий соответствует данному суждению. Летом 1917 года, накануне мятежа, складывалось впечатление, что революция забуксовала и никто в нее по-настоящему не верит. Повсеместно в армии, в деревне и даже в Петрограде, столице революции, у верхов появилась надежда, что кошмар должен вот-вот закончиться. Милюков выразил это чувство словами: «Революция кончена». Добавим к этому, что созыв Учредительного собрания затягивался. Наконец, большевики практически исчезли с политической сцены, ибо находились в тюрьме или бегах. Кадетская газета заключала: «Большевизм мертв».

Тем не менее за три дня все перевернулось с ног на голову. С 28 августа, когда Корнилов потерпел поражение, стало понятно, что Керенский проиграл, нужно освобождать большевиков и брать их в расчет. Советы тотчас заявили о себе, и большевики неожиданно обрели новый политический вес.


MEN SOSIALIDEMOKRATINEN PUOLUE
PUOLUETOIMIKUNTA
HELSINKI, SIRKUSK. 3.
PUOLUESIHTEERIN PUH. 7993.

Helsinki

Центральный Комитетъ Финляндской Соціалъ-демократической партіи уполномачиваетъ Александру Коллонтай выступать въ качествѣ представителя нашей партіи на Демократическомъ Совѣщаніи по финляндскому вопросу.

Центр. Комитетъ Финляндской
Соц-демократической партіи

Эдвардъ Гюлингъ.
Председатель.

Маттти Турккіа.
секретарь.

Телеграмма ЦК Финляндской социал-демократической партии в президиум демократического совещания и фракцию РКП(б) о предоставлении полномочия А. М. Коллонтай выступить на совещании по финляндскому вопросу в качестве представителя партии. 1 сентября 1917. [РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 1. Д. 7. Л. 1]

Положение Александры Коллонтай свидетельствует о том, сколь сильно изменилась ситуация. Еще в июле, находясь в заключении, она была избрана в ЦК РСДРП(б). Позже Сталин выдвинул Коллонтай в качестве кандидата от РСДРП(б) на выборах в Учредительное собрание наряду с Лениным, Зиновьевым, Троцким и Луначарским. Не стал исключением и Петроградский совет: на втором заседании совета, состоявшемся 23 сентября, Троцкий избран председателем (получив, таким образом, пост, который уже занимал в 1905 году), а Коллонтай

вошла в президиум Петросовета.

Однако она никогда не забывала о задачах, которые сама себе поставила. В тот период, когда казалось, что все идет к последнему испытанию — приходу к власти большевиков (хотя лозунг «вся власть Советам» все еще благоразумно маскировал конечную цель Ленина), Коллонтай стремилась укрепить положение женщин в годину грядущих испытаний. Она ратовала за проведение конференции столичных работниц, чтобы заставить РСДРП(б) принять во внимание их требования. Конечно, Свердлов, ставший главным партийным руководителем, с тех пор как июльский кризис загнал всех большевиков в тюрьмы и подполье, поддерживал требования Коллонтай, но вместе с тем она встречала сильное сопротивление внутри партии и даже со стороны женщин, с которыми раньше билась плечом к плечу. Эти женщины, работавшие в журнале «Работница» (Конкордия Самойлова, Клавдия Николаева), сочли предложение Коллонтай бесполезным и неактуальным ввиду произошедших событий. Их целью было Учредительное собрание. Они хотели мобилизовать женский электорат на поддержку большевиков, чтобы помочь тем выиграть предстоящие выборы, на которые они возлагали большие надежды. Коллонтай пришлось уступить их давлению и ограничиться требованием рассмотреть на конференции поднятые ею вопросы. Однако стремительный ход событий вскоре похоронил все планы.

10 октября чаша весов склонилась в пользу большевиков. В тот день состоялось собрание на квартире меньшевика Николая Суханова — того самого, который, наблюдая за событиями 21 февраля из своего кабинета в Министерстве земледелия, услышал, как молодой сотрудник произнес: «Это начало революции». Суханова тогда поразила эта фраза, и он принялся объяснять юному ветренику, что революцию запустить гораздо сложнее, чем тому представляется.

ШТАБЪ
ПЕТРОГРАДСКАГО ВОЕННАГО
ОКРУГА
на театрѣ военныхъ дѣйствій.
Строевое отдѣленіе.
„7“ Окт. 1917 г.
№ 57-31
ПЕТРОГРАДЪ.

Удостовѣреніе.

Дано сіе въ томъ, что согласно разрѣшенія Штаба Арміи не имѣется препятствій къ выѣзду гражданину Инженеру Коллонтаю на стан Гельсингфорсъ для личныхъ дѣлъ.

Настоящее удостовѣреніе дѣйствительно только на одну поѣздку и можетъ быть использовано въ теченіе „8“ дней съ сего числа. Видомъ на жительство служить не можетъ.

Что свидѣтельствуется подписями и приложеніемъ казенной печати.

Начальникъ Штаба,
Генералъ-квартирмейстеръ Штаба
Полковникъ

За Старшаго Адъютанта,
Подпоручикъ

Удостоверение на имя А. М. Коллонтай об отсутствии препятствий к въезду в Гельсингфорс. 7 октября 1917. Подлинник. Подпись — автограф начальника штаба Петроградского военного округа полковника Я. Г. Багратуни. [РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 1. Д. 4. Л. 2]

В октябре Суханову было известно о том, что революция уже идет. По просьбе своей жены-большевички он согласился предоставить квартиру в распоряжение ее друзей. Так она и поступила, и квартиру заполнили двенадцать членов ЦК РСДРП(б), что составляло почти половину его численности. Все присоединились к этому тайному сборищу, приняв максимальные меры предосторожности. Ленин надел парик и переоделся крестьянином. Его окружали Зиновьев, Каменев, Сталин, Троцкий, Коллонтай, Свердлов, Дзержинский, Сокольников, Урицкий, Бубнов, Ломов.

Ленин сразу же объявил, что час революции пробил и, поскольку революционный пожар должен вот-вот полыхнуть во всей Европе, России предстоит зажечь искру, от которой разгорится мировая революция. Нужно без промедления брать власть. Троцкий твердо на этом настаивал. Однако Зиновьев и Каменев призвали его к благоразумию и попросили учесть июльский опыт. К тому же, доказывали они, выборы определят состав Учредительного собрания, отражающий настроения большей части русского общества. И ставили следующий вопрос:

«Революция, а потом?» Ленин ответил им цитатой Наполеона: «Надо ввязаться в бой, а там видно будет». Коллонтай заведомо стояла на тех же позициях. Когда перешли к голосованию, большинство голосов (десять против двух голосов Зиновьева и Каменева) было отдано за предложение Ленина. Это свидетельствует о том, что ему удалось убедить соратников. Коллонтай вернулась к себе под утро с ощущением, будто у нее выросли невидимые крылья, и в крайне возбужденном состоянии. Она тотчас же взялась за дело, стремясь помочь Ленину.

Через несколько дней после голосования 10 октября ленинский план начал претворяться в жизнь. Уже 10 октября присутствовавшие члены ЦК решили учредить Политбюро, насчитывавшее семь членов (Ленина, Зиновьева, Каменева, Троцкого, Сталина, Сокольникова и Бубнова) для подготовки восстания. Примечательно, что двое противников переворота, Зиновьев и Каменев, были по желанию Ленина включены в состав этой партийной структуры. Это не помешало мятежному дуумвирату уже на следующий день распространить текст, заявлявший протест против принятого накануне решения.

16 октября Ленин, выступая на расширенном заседании Центрального комитета, в очередной раз выразил убежденность в том, что восстание следует начать незамедлительно. Пролетариат готов, уверял он. Петроградский совет последовал за ним, учредив Военно-революционный комитет под председательством Троцкого и сочтя, что этот орган больше, чем созданное 10 октября Политбюро, подходит для эффективной подготовки государственного переворота.

Все случилось 25 октября в течение нескольких часов при практически полном отсутствии какого-либо противодействия. В соответствии с принятыми решениями большевики захватили важные в стратегическом отношении столичные связь и транспорт, арестовали членов Временного правительства, по крайней мере тех из них, кто не успел бежать. Ленин тотчас же объявил Петроградскому совету об успехе рабоче-крестьянской революции, и вечером того же дня II Всероссийский съезд Советов провозгласил, что власть принадлежит Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 26 октября съезд принял по предложению Ленина два декрета — о мире и о земле, а также утвердил правительство — Совет народных комиссаров (Совнарком), «первое в истории правительство рабочих и крестьян». Это правительство целиком и полностью состояло из большевиков, на чем ранее настаивал Ленин.

Уже второй раз в течение 1917 года действующая власть была отдана без сопротивления, пала жертвой собственного бессилия и

изоляции при полном отсутствии поддержки населения. Но если в феврале ее смел взрыв народного гнева, то в октябре это сделала партия под руководством Ленина, который принял такое решение и сумел навязать свою волю.

В течение тех решающих дней Коллонтай, как и остальные участники заговора, не покидала мест, где разыгрывалась революция: речь идет о здании съезда Советов и Смольном — бывшем Институте благородных девиц, основанном Екатериной II, где большевики разместили свою штаб-квартиру. Когда Коллонтай услышала о принятых решениях, о передаче власти и особенно о декрете о мире, она не смогла сдержать слез. Джон Рид так описывал реакцию тех, кто его окружал, в том числе Александры: «Мы вскочили на ноги в едином порыве, запели „Интернационал“, прерываемый нашими радостными рыданиями. Коллонтай плакала. Затем раздался крик: „Война окончена!“» Коллонтай в свою очередь вспоминала: «Это был величайший, самый памятный день моей жизни».

Правительство возглавил Ленин, Троцкий отказался от этой должности, которой он предпочел пост народного комиссара по иностранным делам. В правительство вошли еще двое человек, с которыми Александра делила свою жизнь в течение нескольких предшествовавших лет: Шляпников был назначен народным комиссаром труда, а Дыбенко, на тот момент бывший любовником Коллонтай, стал членом Комитета по военным и морским делам.

Хотя Коллонтай была ярой сторонницей Ленина, поначалу она разошлась с ним по вопросу смертной казни, который ее всегда живо интересовал. Каменев предложил съезду Советов отменить смертную казнь, и Коллонтай проголосовала за это предложение согласно своим убеждениям. Однако Ленин считал идею упразднения смертной казни не только абсурдной, но противоречащей интересам революции, которой требовалось защитить себя. Когда несколько дней спустя собралось правительство, безразличное ко взглядам, выраженным Учредительным собранием, Ленин добился, чтобы оно проголосовало за восстановление смертной казни.

Александра Коллонтай. Не ранее ноября 1917. [РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 1. Д. 31. Л. 36]

Несмотря на разногласие с Александрой, которую вождь большевиков высмеял за наивность, на заседании 31 октября, посвященном расширению состава правительства, Ленин назначил Коллонтай народным комиссаром общественного призрения и распорядился, чтобы она незамедлительно приступала к исполнению своих обязанностей. У Александры началась новая жизнь в качестве народного комиссара (или министра в традиционном понимании), что стало неожиданностью для этой извечной бунтарки. Ей предстояло освоить новый для нее вид деятельности — отправление власти.

Глава шестая. Приучение к власти

Член правительства — какой переворот в жизни и представлениях Александры Коллонтай! Организовывать, отдавать приказания, вырабатывать политику — сколько всего неведомого для нее. Кроме того, когда Коллонтай вошла в правительство, она, несмотря на свою верность Ленину, оказалась в одном ряду с большевиками, не согласными с ленинскими представлениями об устройстве власти. Каменев, Зиновьев и даже Шляпников критиковали тот факт, что правительство состоит из одних большевиков. Эту модель навязал Ленин, тогда как его оппоненты были убеждены в необходимости привлечения к отправлению власти прочих социалистов, меньшевиков и эсеров, и в противном случае грозились обречь на провал начатый эксперимент. Ленин упорствовал, Шляпников и те, кто получил прозвище «правых уклонистов», вышли из правительства. Шляпников, выразив таким образом несогласие, переменил свое решение, заявив, что нельзя отказываться от власти в столь трудный момент. Однако он не вернулся во власть, а, скорее, примкнул к ней, проявляя молчаливое недовольство…

Александра Коллонтай, согласная с оппозиционерами, твердо выражала свое желание видеть, как на смену правительству большевиков приходит коалиционное правительство. Впоследствии ее желание было некоторым образом удовлетворено. Поскольку левые эсеры после Октябрьского переворота заняли нейтральную и даже благожелательную позицию по отношению к новой власти, Ленин некоторое время спустя решил включить троих эсеров в состав коалиционного правительства. Как будет показано ниже, эта коалиция продержалась недолго.

А. М. Коллонтай в рабочем кабинете. 1918. [РГАКФД]

В то же время Коллонтай сохраняла бдительность, без колебаний критиковала Троцкого, обвиняя его в чрезмерной расчетливости, и даже Ленина, говоря, что он «слишком привязан к своим теориям». Такая вольность раздражала Ленина, но, ни на шаг не отступая от своей концепции власти, он оставлял без внимания выходки Коллонтай и предписывал ей заниматься своим делом, тем более неотложным, что измученный невзгодами народ начинал проявлять недовольство. Коллонтай пришлось, не мешкая, брать шефство над своим министерством. Много писали, в том числе в СССР, о том, что Александра Коллонтай стала первой женщиной в России, получившей пост в правительстве. Да и сама она утверждала это в своей биографии.

На самом же деле она была второй. Ей предшествовала женщина, ставшая членом Временного правительства. Аристократка графиня Софья Панина задолго до революции прославилась благодаря своим передовым идеям и социальным инициативам. По настоянию крестьян (потомков тех, кого освободила реформа 1861 года) она возвела в своем имении Дом народа, под крышей которого разместились школа для детей, кружок обучения чтению для взрослых, столовая и пункт оказания срочной медицинской помощи. Панина являлась членом кадетской партии и руководила Министерством государственного призрения — тем самым, которое после Октябрьской революции досталось Коллонтай.

Придя в свое ведомство, расположенное на Казанской улице, Коллонтай обнаружила, что взбунтовавшиеся служащие испарились (как и во многих других государственных учреждениях) и рабочие места пустуют. К этому стоит добавить, что касса также оказалась пуста. Графиня Панина заранее приняла меры к тому, чтобы министерские средства достались только легитимной, с ее точки зрения, власти, то есть утвержденной еще не избранным Учредительным собранием. Панина была арестована, разделив судьбу большей части членов Временного правительства, но, так как она походила на Коллонтай силой характера и твердостью убеждений, заключение в Петропавловской крепости не смогло подчинить ее воле большевиков, которые требовали вернуть средства министерства, ранее находившегося в ее ведении.

Зарисовка, составленная А. М. Коллонтай к воспоминаниям об участии в заседании Исполкома Петроградского совета в 1917 году. Подлинник. Автограф А. М. Коллонтай. [РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 1. Д. 120. Л. 2]

Коллонтай не застала в своем комиссариате (именно так теперь назывались государственные учреждения) никого, за исключением охранника, который, невзирая на ее объяснения, попросил ее удалиться. Ей пришлось возвращаться к себе. Едва

она оказалась дома, как к ней явился крестьянин с запиской, подписанной Лениным. Этот крестьянин требовал платы за лошадь, конфискованную для армейских нужд, и Ленин поручил Коллонтай ответить на ходатайство. За неимением средств она решила поселиться в Смольном, где заняла пустовавшую комнату и повесила на дверь табличку с надписью «Народный комиссариат государственного призрения».

С этого момента она была вынуждена иметь дело с нескончаемой чередой просителей, инвалидов войны, матерей, не имевших возможности прокормить своих детей, безработных. Кроме того, государственные служащие бастовали и бойкотировали новые власти. Американка Луиза Брайант, супруга Джона Рида, сопровождавшая его в поездке в Россию, во всех подробностях расписала серьезные трудности, с которыми столкнулась тогда Коллонтай. Таковыми являлись в том числе уважение к личности графини Паниной и ее популярность в народе. Во время суда над графиней многочисленные крестьяне, проживавшие на землях, ранее принадлежавших помещикам, приехали в столицу, буквально осадили здание суда и выкрикивали: «Освободите нашу графиню! Она была добра к народу!»

Приложив немалые усилия, Коллонтай добилась возврата ведомственных средств и смогла приступить к исполнению многочисленных задач, вытекавших из ее должностных обязанностей. Но прежде всего ей требовалось вернуть на рабочие места служащих, а значит, разобраться с забастовщиками. Она прибегла к помощи матросов Дыбенко, которые сумели убедить большинство бастовавших возвратиться в комиссариат и взяться за работу, а тех, кто упорствовал, препроводили в тюрьму.

Александра Коллонтай считала защиту матерей и детей одной из ключевых задач вверенного ей ведомства. С разработкой практических мер (и публикацией соответствующих текстов) ей помог выдающийся медик — доктор Николай Короленко. Он оказал содействие в устройстве образцового родильного дома, получившего название «Дворец защиты материнства». Это заведение разместили в здании бывшего сиротского приюта, учрежденного в правление Екатерины Великой, где в течение двух столетий дети, как правило незаконнорожденные, находились на попечении у частных благотворителей. Приютом долгое время руководил один аристократ, который настроил работавших в приюте женщин против проекта Коллонтай. Коллонтай обратилась к Ленину за помощью, но тот, будучи сильно занят, не озаботился этим вопросом. Однажды ночью строившийся Дворец защиты материнства охватил пожар, полностью уничтоживший

здание, к великой радости бывшего управляющего и его сотрудниц, которые приговаривали: «Господь покарал это предприятие, начатое по навету антихриста». Разве не Коллонтай распорядилась снять иконы, украшавшие стены сиротского приюта?

И снова Александра призвала на помощь Дыбенко. Его матросы тщетно старались локализовать пожар. Как и Короленко, Дыбенко был уверен, что причиной пожара явился чей-то преступный умысел. Однако проведенное им расследование уперлось в тупик. И Коллонтай пришлось смириться с утратой Дворца защиты материнства, которым она так гордилась.

Впрочем, еще один срочный проект требовал ее внимания. Петроградский совет настоятельно требовал, чтобы комиссариат взял на себя заботу о раненных в бою солдатах. И где же их разместить? Кто-то нашел чудесное решение, ведь религиозное давление в ту пору ослабло: почему бы не использовать для этой цели Александро-Невскую лавру, огромную, великолепную и полупустую? Правда, это было место паломничества, почитаемое всеми русскими.

Поначалу Александра Коллонтай попыталась прийти к согласию с духовенством, которое осталось глухо к ее призывам. С другой стороны, Коллонтай испытывала давление со стороны самих раненых, которые организовали нечто вроде профсоюза, а также некоторых из ее друзей. Все советовали ей воспользоваться своими комиссарскими полномочиями и завладеть территорией лавры. Она последовала совету и отправила вооруженных людей, чтобы подавить сопротивление духовенства. Стычка вышла столь ожесточенной, что Коллонтай, как всегда, воззвала к Дыбенко и его матросам. Итог вторжения получился катастрофическим, один представитель духовенства был убит, а Александру осудил Ленин, упрекнув в том, что она действовала, не посоветовавшись с Совнаркомом, который, узнав о произошедшем, возложил всю вину на Коллонтай. Тогда решили отказаться от этого плана и оставить монахов в покое.

Удостоверение № 538
Предъявитель сего Коллонтай
Ал-дра Михайловна, член Петроградского
Совета Рабочих и Солдатских Депутатов,
о Предс. Союза раб. Трудящ. жен
(Васил. о.)
Председатель Я. Шитурлин
ЦЕНТРАЛЬНАЯ МАНДАТНАЯ КОМИССІЯ

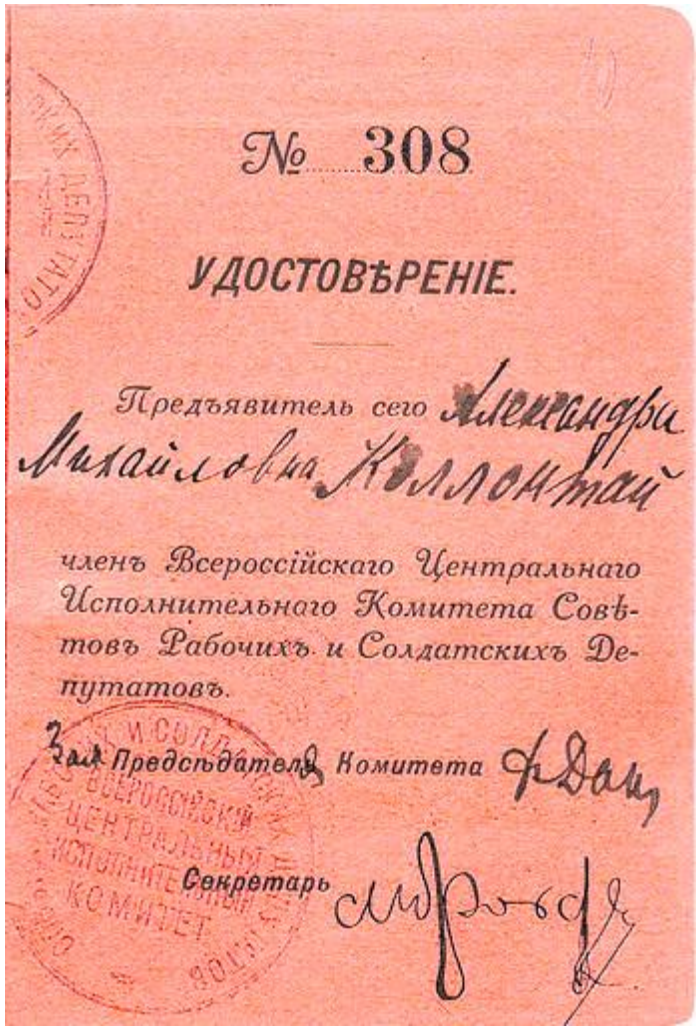
Удостоверение члена Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов на имя А. М. Коллонтай. 1917. [РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 1. Д. 4. Л. 6]

Александра Коллонтай испытала разочарование, но предпочла сохранить лицо. Впоследствии она скажет, что это несостоявшееся противостояние имело положительные последствия, поскольку подтолкнуло Совнарком к отделению церкви от государства раньше, чем можно было предвидеть.

Но не только Совнарком осуждал Коллонтай. Церковь организовала против нее манифестацию, в которой приняли участие очень многие верующие, и дело кончилось преданием Коллонтай анафеме. «Прямо как Толстой и Стенька Разин», — заключил Ленин, желая ее утешить. Но, когда она попыталась подвести итоги этого непростого периода, ей пришлось признать, что она проиграла по обоим пунктам. Дворца защиты материнства больше не существовало, а священнослужители и их приверженцы лишили ее всякой надежды на то, что ей удастся предоставить кров раненым ветеранам. Впоследствии их все же разместили в одном старинном благотворительном учреждении, а в Народном комиссариате государственного призрения был образован отдел, ответственный за решение проблем ветеранов.

Подпись владѣльца удостовѣренія

.....



№ 308

УДОСТОВѢРЕНІЕ.

Предъявитель сего Александра Михайловна Коллонтай

членъ Всероссійскаго Центральнаго Исполнительнаго Комитета Совѣтовъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

Зам. Председателя Комитета

Секретарь

Удостоверение члена ВЦИК Совета рабочих и солдатских депутатов на имя А. М. Коллонтай. 1918. [РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 1. Д. 4. Л. 9 об. — 10]

Одновременно с устройством комиссариата и привлечением на службу наиболее компетентных служащих Коллонтай вернулась к своему извечному проекту — организовать женщин таким образом, чтобы они могли самостоятельно отстаивать свои требования. Наконец, в начале ноября состоялась конференция работниц Петрограда, на проведение которой Александра надеялась еще до Октябрьского переворота. И каков был успех! Более пятисот женщин съехались на это мероприятие не только со всех столичных заводов, но также из Москвы, Тулы и Иваново-Вознесенска. Такого наплыва делегатов не ожидали и не подготовились должным образом к приему. По счастью, Свердлов,

всегда внимательный к Коллонтай, частично удовлетворил их потребности в жилье и питании.

Коллонтай представила на рассмотрение участниц конференции список требований, которые должны быть приняты правительством, чтобы женщины смогли вести активную социальную жизнь и одновременно производить на свет детей, в какой-то момент перепоручая заботу о них государству. Нужно было составить тексты законов, гарантировавших предоставление восьминедельного отпуска без потери заработной платы в период беременности и отсутствие препятствий для занятия профессией в дальнейшем. Государству надлежало позаботиться о лечении и питании детей, обеспечении их одеждой. Также требовалось принять законы, защищавшие женщин и детей на работе. Коллонтай дополнила эту программу точными указаниями на финансирование указанных мер (за счет налога на заработную плату) и порядок их реализации, которому женщины должны неотступно следовать.

Кроме того, съезд занимался вопросом о политической роли женщин. Клавдия Николаева заявила, что на выборах в Учредительное собрание им следует голосовать за большевиков и тем самым присоединиться к пролетариату в борьбе за свои права. В очередной раз был поставлен ключевой вопрос: допустимо ли создание женских организаций внутри партии? Большинство делегаток не могли договориться о том, какой нужно дать ответ. Александра Коллонтай энергично выступила с требованием, чтобы женщины направляли в Учредительное собрание собственных представителей и голосовали за женщин, способных донести их требования. Более того, она снова заговорила о необходимости создания внутри партийных городских комитетов небольших подразделений, ответственных за работу с женщинами. Коллонтай осталась в меньшинстве, поскольку большинство женщин, как всегда, опасалось вызвать недовольство у большевиков своими предложениями, которые те могли бы счесть «феминистскими». Не вносить раскол в пролетариат — такой лозунг поддержало большинство участниц.

Пока женщины спорили о своей судьбе, на первый план в дискуссии вышел мир, обещанный Лениным. Издав декрет о мире в час своего триумфа, Ленин пошатнул основы ведения международной деятельности. Он не просто попросил мира у врага, как это делалось обычно, но поверх голов правительств Центральных держав обратился к их народам с призывом к восстанию ради завершения революции, исходом которой и должен стать мир. Однако народы остались глухи к его призыву, тогда как их правительства, которые большевики намеревались

игнорировать, напротив, откликнулись, тотчас согласившись начать переговоры. Прагматичный Ленин подстроился под ситуацию и поручил Троцкому ведение переговоров, которые начались в Брест-Литовске в декабре. Троцкий знал, что русская армия больше не может сражаться и поэтому необходимо договариваться любой ценой. Но принять требования Германии об аннексии территорий, занятых германской армией, означало усилить Германию, которая в этом случае могла бы выиграть войну и похоронить шансы повсеместно зарождавшейся революции на успех.

А. М. Коллонтай, В. И. Ленин и другие на заседании Совета народных комиссаров. Петроград, Смольный институт, 1 января — 10 марта 1918. [РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 1. Д. 31. Л. 46]

Ленин хотел добиться успеха на переговорах любой ценой, уверяя, что ему это нужно для спасения революции. Бухарин в противовес предлагал иное решение: воззвание к революционной сознательности русских подтолкнуло бы пролетариат начать против немцев революционную войну, вместо того чтобы бороться с ними как с врагом в традиционном понимании этого слова. Троцкий занимал промежуточное положение между двумя непримиримыми позициями, предлагал ЦК партии вести переговоры по принципу «ни войны, ни мира» и получил на это согласие.

Ответ был недвусмысленным: германские войска возобновили наступление, продвигаясь вглубь территории России форсированными маршами, расширяя пространство, которое Центральные державы рассчитывали аннексировать. К тому же Украина заключила тогда сепаратный мир с Германией. Петрограду, столице революции, угрожали вражеские войска, и

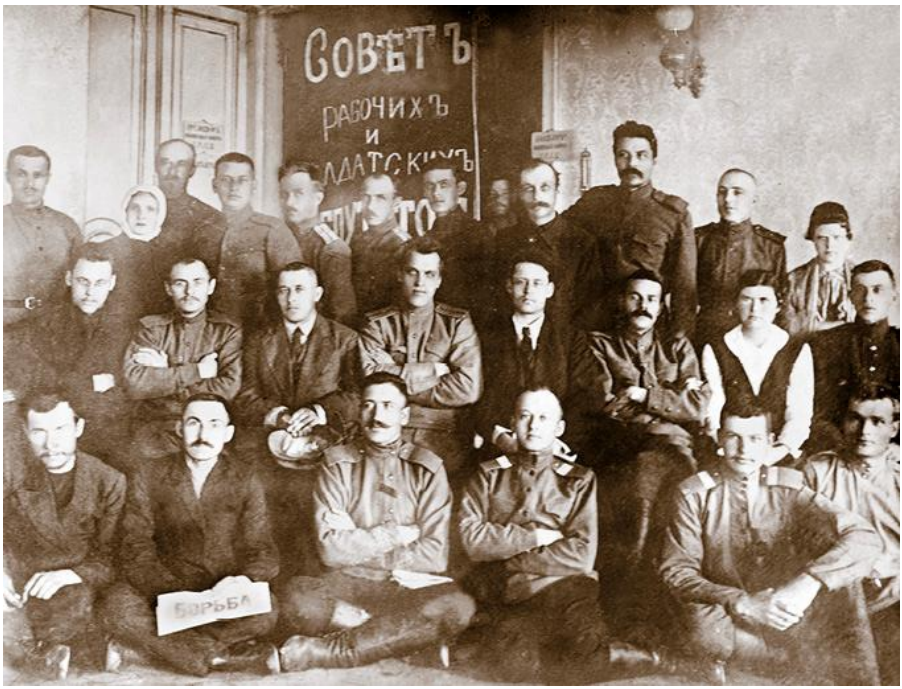
революция рисковала захлебнуться. Обескураженный провалом своей миссии Троцкий отошел в сторону, а его место занял Чичерин — старый друг Коллонтай. Ему удалось убедить ЦК партии в том, что в столь безнадежном положении нужно срочно заключить сепаратный мир, чтобы избежать краха всей системы Советов.

Мирный договор был подписан 3 марта и обошелся очень дорого. Россия теряла значительную часть своей территории, сельскохозяйственных угодий и промышленной базы. Вслед за этим разгорелся крайне ожесточенный спор. Поначалу его ареной стал начавшийся 6 марта VII съезд РКП(б), на котором Ленину пришлось противостоять левакам, ранее высказывавшимся против мира на заседании ЦК. Коллонтай находилась в этой непримиримой оппозиции вместе с Радеком, Пятаковым, Бубновым и некоторыми другими. Казалось, партия на грани раскола. Партийный кризис усугублялся отчаянным положением столицы с военной точки зрения. Большевистское правительство сильно рисковало попасть в руки врага, учитывая неудержимое наступление немецкой армии. Чтобы избежать опасности, решили искать убежища в древней столице России — Москве и превратить город в столицу революции. 11 марта Ленин и все участники съезда бежали из Петрограда.

В тот же день, 11 марта, IV Всероссийский съезд Советов открылся в исторической столице России, давшей начало династии Романовых и покинутой Петром Великим. Этот съезд ознаменовался драматичным противостоянием между Лениным с кучкой его приверженцев и крупными партийными деятелям под предводительством Бухарина. Коллонтай и Дыбенко присоединились к этой впечатляющей оппозиции, которая отказывалась ратифицировать мирный договор. Ленин признавал, что это «позорный» мир, но настаивал на том, что он дал передышку, необходимую для выживания власти Советов. Согласно условиям мира, Россия лишилась Прибалтики, части Белоруссии, всей Украины и соглашалась уплатить огромную контрибуцию золотом и продовольствием.

Власть Советов, ставшая диктатурой пролетариата, была спасена. Ленин остался у руля. Голосование по вопросу ратификации завершилось в пользу Ленина при 785 голосах за, 261 против и 2515 воздержавшихся. Левые эсеры покинули правительство. В тот же день Дыбенко, во главе балтийской эскадры отчаянно сражавшемуся с немцами в районе Нарвы в попытке помешать им войти в столицу, пришлось признать поражение. Нарву отдали немцам, и Дыбенко покинул пост народного комиссара по морским делам, который перешел к

Троцкому. Отставка Дыбенко также связана с его несогласием с Брест-Литовским мирным договором. Ленин не простил ему ни того решительного противодействия (Коллонтай тогда находилась в том же лагере), ни оставления Нарвы. На следующий день Дыбенко арестовали, обвинили в измене, а Коллонтай сказали, что он будет расстрелян.



А. М. Коллонтай с красноармейцами. Москва, 1918. [РГАКФД]

Неприятие Брестского мира было для Коллонтай всего лишь очередным эпизодом в ее непростых отношениях с большевистской властью. С начала года Александра возлагала большие надежды на Учредительное собрание, но затем сильно разочаровалась. Действительно, помимо несогласия с Лениным по вопросу «позорного мира», Коллонтай также расходилась с ним во мнении относительно Учредительного собрания.

Сначала Временное правительство, а затем большевики непрестанно взывали к Учредительному собранию в надежде с его помощью провести все непопулярные решения. Важно, что таким образом удалось бы избежать протестов, поскольку Учредительное собрание служило бы фильтром для всех предложений и гарантировало бы легитимность власти. Вот почему выборы в Учредительное собрание были отмечены выдающейся явкой избирателей.

Однако эти выборы вызвали у большевиков растерянность и горькое разочарование, так как они получили всего лишь 175 из 707 мест, тогда как эсерам досталось 410. Тем не менее Ленин попытался привлечь на свою сторону сорок левых эсеров, провозгласив, что они являются естественными союзниками большевиков. Для правдоподобия он ввел их в состав ЦК партии и, как показано выше, отдал им несколько второстепенных народных комиссариатов. Однако такого увеличения числа сторонников было недостаточно для спасения большевиков. Выборы отнюдь не принесли им большинства мест в Учредительном собрании.

Ранее Ленин изложил свою точку зрения в статье «Тезисы об Учредительном собрании», написанной им в те самые решающие декабрьские дни. По его мнению, интересы революции требовали уделить внимание формальным правам Учредительного собрания. Проиграв выборы, вождь большевиков сделал вывод, что голосование явилось отражением отсталости социальной сознательности, тогда как Октябрьская революция была реальностью. Из этих рассуждений вытекал очевидный логический вывод: Учредительному собранию следовало согласиться с теоретическими построениями Ленина.

Разгорелся оживленный спор. Позиция большевиков была отвергнута 237 голосами. Для Ленина это решение являлось не более легитимным и обязательным для исполнения, чем результаты выборов. Выбившиеся из сил члены Учредительного собрания решили прервать заседание ради ночного отдыха. Когда на следующий день они собрались у входа в Таврический дворец, то не смогли проникнуть внутрь и им сказали, что Учредительное собрание распущено. За некоторое время до описываемых событий Горький записал: «Все, что было лучшего в русском обществе, жило в течение ста лет в ожидании Учредительного собрания». Мечта Горького потерпела крах.

Александра Коллонтай тогда же лишилась не одного мандата, а целых двух, поскольку она была избрана от большевиков в двух разных городах — Петрограде и Ярославле. Двойное избрание одного кандидата, к тому же от большевиков, дает представление о тех манипуляциях, к которым прибегла партия Ленина, но тщетно!

Российская Республика Советов.

Народный Комиссариат
по Иностранным Делам.

Дипломатический Паспорт.

№ 888

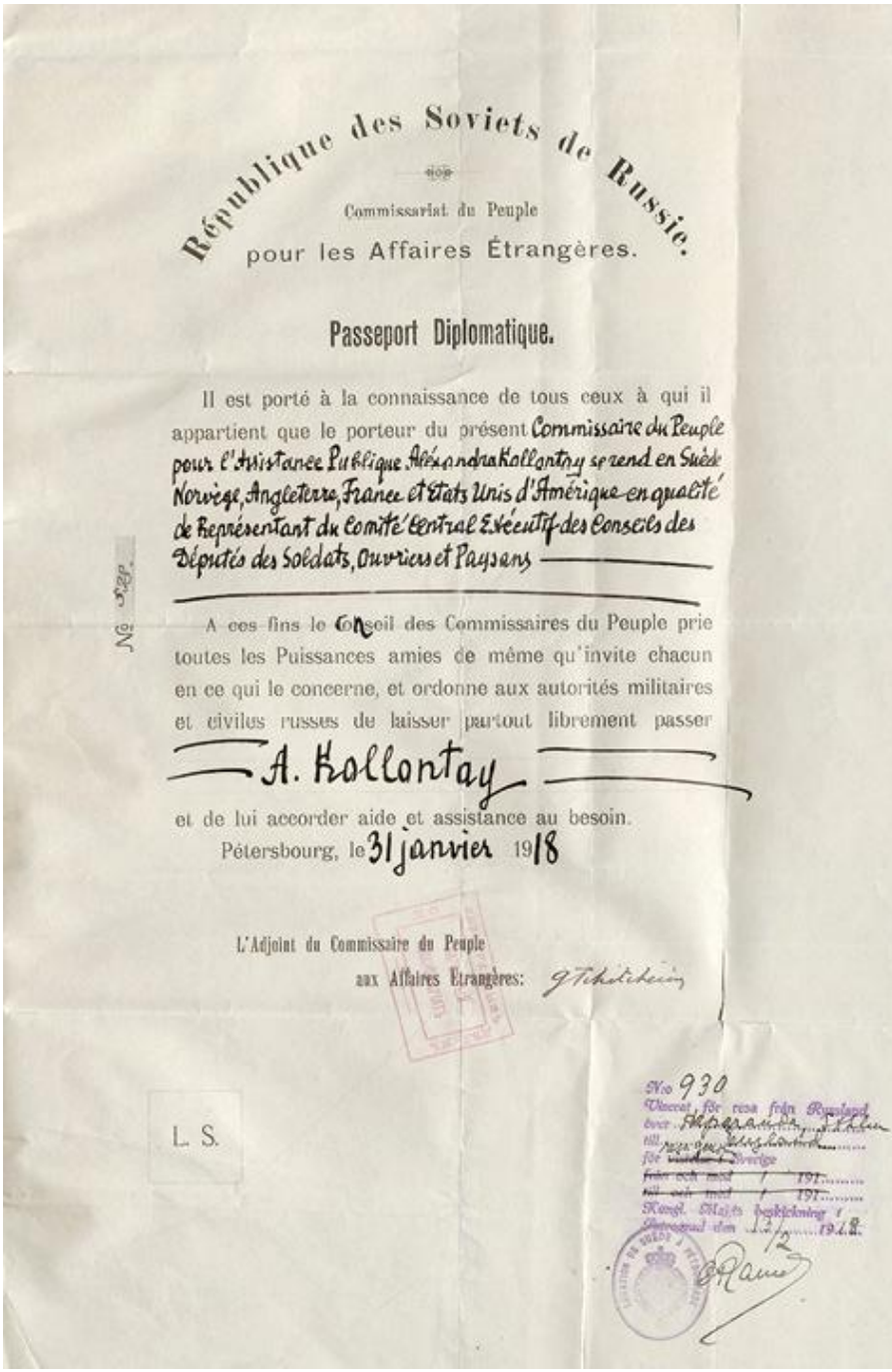
Объявляется чрез сие всем и каждому, кому о том ведать надлежит, что показательница сего Народный Комиссаръ по дѣламъ Презрения, товарищъ Александра Михайловна Коллонтай отправляется въ качествѣ представительницы Центральнаго Исполнительнаго Комитета Совѣта Солдатскихъ Рабочихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ въ Швецію, Норвегію, Англію, Францію и Соединен. Шт. С. Америки.

Того ради Совет Народных Комиссаров просит все дружественныя Державы и приглашает каждаго, кому сие предъявится, Российским же воинским и гражданским установлениям и должностным лицам предписывает тов. А. М. Коллонтай

не только свободно и без задержек везде пропускать, но и всякое благоволение и вспоможение ей оказывать.

Петербург, Января 31 дня 1918 года.

Товарищ Народнаго Комиссара
по Иностранным Дѣлам:



République des Soviets de Russie.

Commissariat du Peuple

pour les Affaires Étrangères.

Passeport Diplomatique.

Il est porté à la connaissance de tous ceux à qui il appartient que le porteur du présent Commissaire du Peuple pour l'Assistance Publique Alexandra Kollontay se rend en Suède Norvège, Angleterre, France et Etats Unis d'Amérique en qualité de Représentant du Comité Central Exécutif des Conseils des Députés des Soldats, Ouvriers et Paysans

A ces fins le Conseil des Commissaires du Peuple prie toutes les Puissances amies de même qu'invite chacun en ce qui le concerne, et ordonne aux autorités militaires et civiles russes de laisser partout librement passer

A. Kollontay

et de lui accorder aide et assistance au besoin.

Pétersbourg, le 31 janvier 1918

L'Adjoint du Commissaire du Peuple
aux Affaires Étrangères: G. Tchitchérin

L. S.

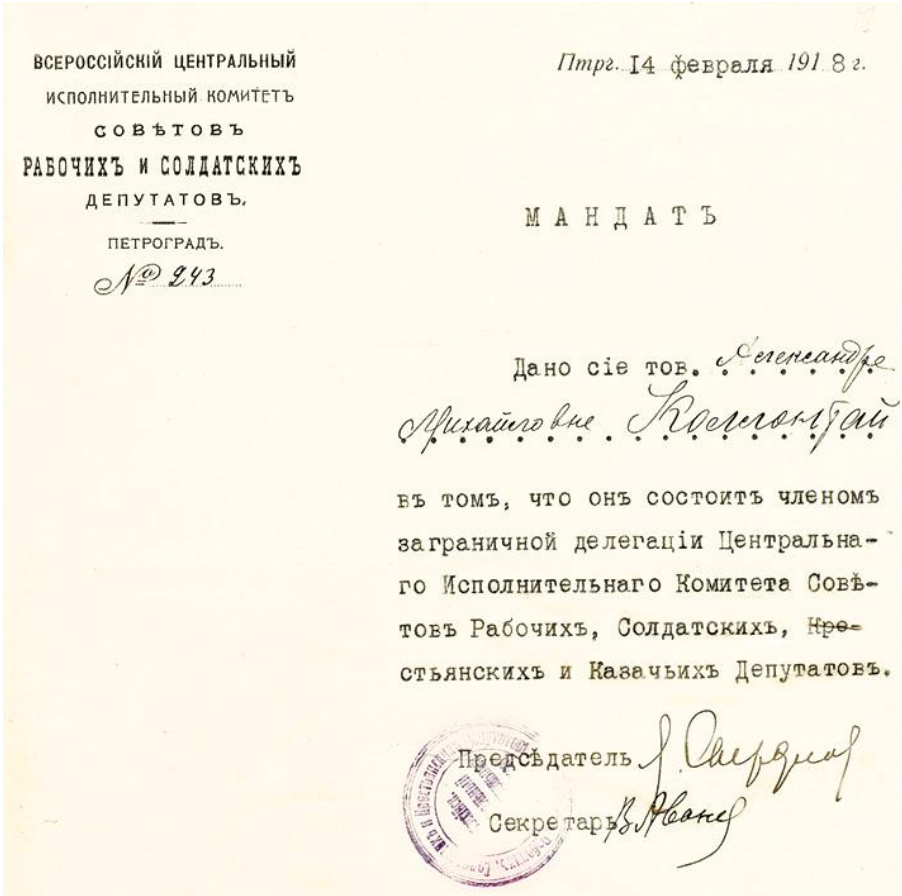
No 930
Utvecket för resa från Ryssland
över ... Sverige
till ... Storbritannien
för ... Sverige
från och med / 191...
till och med / 191...
Kungl. Maj:ts beskickning i Petrograd den 12/2 1918.

Дипломатический паспорт члена делегации ВЦИК для въезда и пребывания в Швеции, Норвегии, Англии, Франции и США на имя А. М. Коллонтай. 31 января 1918. Подлинник. На русском и французском языках [РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–2]

Весной 1918 года положение для Александры стало невыносимым: Учредительное собрание было насильно распущено, позорный мир ратифицирован, и в довершение всего Дыбенко находился под угрозой расстрела! Так получилось из-за несогласия Александры с теми решениями, которые Ленин навязал без малейшего уважения к встреченному им противоположному мнению. Положение усугублялось тем, что политическая деятельность, общественное положение и личная жизнь Коллонтай приняли столь запутанный оборот, что от этого страдала ее репутация. Связь Коллонтай с Дыбенко получила общественную огласку, их совместное противодействие миру и установлению диктатуры пролетариата раздражали Ленина.

Выступления Коллонтай на IV Всероссийском съезде Советов носили особенно агрессивный характер, и в ответ на них в прессе зазвучали жесткие комментарии в ее адрес. Коллонтай оставила руководство народным комиссариатом. Очутившись в начале 1918 года в самом сердце политической системы (как в партии, так и в правительстве), Александра за четыре месяца лишилась всех официальных должностей. И в тот самый момент, когда жизнь Дыбенко оказалась под угрозой, она решила без оглядки броситься на его защиту. Она обратилась с ходатайством к Ленину, который отправил ее в Чрезвычайную комиссию, созданную для разбора этого дела. Она осадила комиссию и лично Крыленко, возглавлявшего ее, требуя свидания с Дыбенко, которого держали в Кремле под охраной чекистов.

Чтобы добавить эффективности проводимой ею кампании в защиту Дыбенко, Александра нанесла решающий удар, объявив о том, что они собираются пожениться! Незадолго до этого были приняты новые правила бракосочетания. Гражданский брак пришел на смену церковному, регистрацию отношений в соответствующем государственном учреждении признали достаточным шагом для скрепления семейного союза. Александра заявляла во всеуслышание, что регистрация ее отношений с Дыбенко станет отправной точкой в применении этих новых правил и освятит их. Правда ли это? Неизвестно. Акт гражданского состояния, свидетельствовавший о регистрации брака, не обнаружен. Но Ленин воспринял дело всерьез. Он отпустил в адрес Дыбенко малоприятный комментарий, сказав, что тому придется приноровиться, чтобы до конца дней прожить со столь упрямой женщиной.



ВСЕРОССІЙСКІЙ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ
ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТЪ
СОВѢТОВЪ
РАБОЧИХЪ И СОЛДАТСКИХЪ
ДЕПУТАТОВЪ.
ПЕТРОГРАДЪ.
№ 243

Птрг. 14 февраля 1918 г.

МАНДАТЪ

Дано сіе тов. Александре Михайловне Коллонтай

въ томъ, что онъ состоитъ членомъ заграничной делегаціи Центральнаго Исполнительнаго Комитета Совѣтовъ Рабочихъ, Солдатскихъ, ~~Крестьянскихъ~~ и Казачьихъ Депутатовъ.

Председатель Я. Свердлов

Секретарь В. Аванесов

Мандат члена заграничной делегации ЦИК Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов на имя А. М. Коллонтай. 14 февраля 1918. Подлинник. Подписи — автографы председателя ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов Я. М. Свердлова и секретаря ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов В. А. Аванесова. [РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 1. Д. 4. Л. 7]

Поженились они или нет, но вокруг Коллонтай и Дыбенко ходило множество слухов, часто неприятных. В мае Дыбенко был оправдан и выпущен на свободу. Признав невиновным, его, однако, исключили из партии. Тем не менее он не отказался от борьбы и тотчас же убыл на Украину, где ранее, после защиты Нарвы, уже сражался с германскими войсками. Коллонтай хотела к нему присоединиться. Но молва неотступно следовала за ней. Разнесся слух о том, что в столь трагическое для России время Коллонтай и Дыбенко развлекаются в Крыму. На самом же деле Дыбенко отправился на Украину для ведения подпольной, в том числе диверсионной, деятельности, что позволило ему довольно

быстро избавиться от клейма отщепенца и реабилитироваться.

Заграничная делегация ВЦИК. Петроград, Финляндский вокзал, февраль 1918. [РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 1. Д. 31. Л. 40]

Как и для Дыбенко, для Александры было невыносимо оставаться в стороне от событий, она жаждала возвращения к деятельности, и Ленин сознавал, какую службу она могла ему сослужить. Забыв о деле Дыбенко, он приказал Коллонтай совершить лекционный тур по России — пропагандистское мероприятие, тем более полезное для РКП(б), что назревала гражданская война и большевикам требовалось привлечь умы на свою сторону. Дисциплинированная Александра выступила в Ярославле, Рыбинске, Нижнем Новгороде, Казани и повсюду говорила о собственном опыте работы в качестве народного комиссара и ключевых проблемах общества. Народные толпы повсеместно бурно приветствовали столь убежденную агитаторшу. Коллонтай быстро заняла свое место в политической жизни. Но ей также хотелось разыскать своих родных и взять передышку после всех этих неспокойных месяцев. Завершив свое турне, она на непродолжительное время возвратилась в древнюю столицу к Мише.

А. М. Коллонтай и П. Е. Дыбенко с группой скандинавских социал-демократов, среди которых Карл Линдхаген и Цет Хеглунд. Петроград, 1918. [РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 1. Д. 31. Л. 43]

Лето 1918 года стало для России и для власти большевиков временем всевозможных опасностей. Экономика России была дезорганизована, крестьяне, которых Ленин в свое оправдание называл кулаками, подверглись непомерным изъятиям продовольствия, городское население умирало от голода, нарастало недовольство. Правительство понимало, что страна готова взбунтоваться, но больше опасалось нависшей над ним военной угрозы.

Германские войска уже были на русской земле и требовали сырья и зерна, полагавшихся им по Брест-Литовскому мирному договору. В то же время со всех сторон наступали армии белогвардейцев, стремившиеся покончить с революцией. Контрреволюция началась в мае в Поволжье, когда военнопленные чехи восстали против большевиков и получили поддержку от стран Антанты. Восстание ширилось. В Сибири повстанцев возглавил адмирал Колчак, на юге России — генерал Деникин, а в Прибалтике — генерал Юденич. Всем троим удалось собрать крупные военные силы, состоявшие из казаков, всегда готовых взбунтоваться, дезертиров и крестьян.

Чрезвычайный Всероссійскій Съѣздъ Совѣтовъ Рабочихъ, Солдатскихъ, Крестьянскихъ и Казачьихъ Депутатовъ.

БИЛЕТЪ

НА ПРАВО УЧАСТІЯ ВЪ ПЛЕНАРНЫХЪ ЗАСѢДАНІЯХЪ СЪѢЗДА СЪ СОВѢЩАТЕЛЬНЫМЪ ГОЛОСОМЪ.

Члена Народный Комиссар

Тов. А. М. Коллонтай.

Предсѣд. Орган. Комиссіи

Секретарь

Марта 1918 г.

Билет на право участия в заседаниях съезда Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов в марте 1918 года с совещательным голосом на имя А. М. Коллонтай. Март 1918. [РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 1. Д. 4. Л. 8]

Власти предержащие оказались в осаде, отрезанные от всего и вся. Картину дополняли самопровозглашенные прогерманские правительства, наподобие того, которое возглавлял генерал Сулькевич, державший Крым железной хваткой. Всем этим различным воинским формированиям Троцкий мог противопоставить лишь имевшиеся в его распоряжении войска — плохо укомплектованные и экипированные, малочисленные и готовые в любой момент дезертировать.

Оказавшись в столь неравном положении, Троцкий прибег к услугам офицеров царской армии, которым присвоили ранг «специалистов», ради восстановления дисциплины и иерархии, позабытых в час революции. Исполнения приказов добивались суровыми методами, и смертная казнь вновь стала применяться в качестве высшей меры наказания. Солдаты вновь должны были торжественно приветствовать офицеров. Наконец, офицеры и солдаты стали проживать и питаться раздельно. Эти меры, возврат к старому порядку, произошедший всего через год после опубликования первых декретов советской власти, — все это стало настоящим переломом! Эсеры, меньшевики и даже некоторые большевики не могли принять разворот власти прочь от идеалов Октября.

Идейный разброд не остался без последствий, о чем свидетельствовали вспыхивавшие повсеместно мятежи и невиданные провокации. 6 июля 1918 года германский посол Мирбах был убит левым эсером Блюмкиным, намеревавшимся таким образом спровоцировать разрыв Брест-Литовского мирного договора, против которого эсеры неустанно вели яростную кампанию. Как только Ленину стало известно об убийстве, он поспешил в посольство Германии, чтобы выразить свои соболезнования, и приказал русскому послу в Берлине Иоффе сделать то же самое. Лидер большевиков хотел любой ценой избежать разрыва с Германией.

Затем пришло время для другого убийства, точнее покушения, целью которого стал уже сам Ленин. Это произошло 30 августа, когда он завершал посещение одного из московских заводов. Внезапно раздались два выстрела, Ленин упал. Свидетель подтвердил, что в него стреляла женщина. Поначалу дело казалось очень простым. Стрелявшая сама отправилась в полицию, назвалась Фанни Каплан и без обиняков заявила, что намеревалась убить Ленина и действовала в одиночку. Ленина перенесли в Кремль. Хотя в него попали две пули, его жизнь была вне опасности.

А. М. Коллонтай в окружении беспризорников. Петроград, 1918. [РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 1. Д. 31. Л. 39]

Однако покушение вызвало сильную эмоциональную реакцию. Было проведено тщательное расследование с целью проверки слов Фанни Каплан. Она объявила себя эсеркой, добавив: «Я стреляла в Ленина, ибо считаю, что он предал революцию». Фанни Каплан казнили 4 сентября без дальнейших разбирательств. Пролетарского поэта Демьяна Бедного пригласили присутствовать при ее казни под тем предлогом, что это событие могло «вдохновить его на создание произведения».

Архивные материалы, открывшиеся после демонтажа советской системы, показали, что дело сфабриковано, а Фанни Каплан стала невинной жертвой подтасовок. К тому же это не первый раз, когда жизнь Ленина оказывалась под угрозой. В январе 1918 года машина, в которой находился Ленин, была обстреляна, и своим спасением он обязан лишь быстрой реакции швейцарца Фридриха Платтена, который сидел рядом с ним и инстинктивно заставил своего спутника пригнуть голову. Эти несостоявшиеся покушения свидетельствуют прежде всего о той ненависти, которую Ленин и большевики тогда вызывали. Незадолго до этого двое видных большевиков, Володарский и Урицкий, были застрелены: один в июне, другой за несколько дней до покушения, приписанного Фанни Каплан.

В качестве ответа на неудачное покушение на Ленина власть стала проводить политику систематического террора. Еще в начале лета Ленин отдал главе Пензенской губернии приказ «организовать беспощадный террор против кулаков, служителей культа и белогвардейцев». Разве то, за что он ратовал, не являлось революционным террором? После покушения этот политический террор был признан официально. Законодательной основой послужил тотчас же опубликованный «декрет о красном терроре». Ленин издавал многочисленные инструкции, предписывавшие «составлять списки заложников в каждом районе», чтобы заставить крестьян сдавать зерно. Чрезвычайная комиссия (ЧК) стала по собственной воле главенствующей силой в государстве. Тут и там начали возникать концентрационные лагеря. Именно в тот период, в июле 1918 года, Ленин приказал убить царя вместе со всей его семьей в Екатеринбурге, а также большую часть членов императорской фамилии, содержавшихся в Алапаевске.

Таким образом, летом 1918 года в России установился режим террора. Народ жил в ненависти и страхе перед беспринципной властью. Стране грозили со всех сторон союзные державы, Германия и Белая армия. Кто мог тогда вообразить, что власть, находившаяся под гнетом ненависти, страха и угроз, сможет

пережить этот кромешный ад и устоять перед вооруженными силами могущественных противников, осадивших ее?

Вот в какой стране Александре Коллонтай предстояло развернуть свою деятельность. Незадолго до этого она восстала против желания Ленина подписать Брест-Литовский мирный договор. Внутри партии она выступала против восстановления смертной казни. Тем не менее именно с этого времени она посвятила все свои силы и все лучшее, что в ней было, служению Ленину и партии. Ее преданность большевизму стала с тех пор абсолютной.

Пока в стране развертывался террор, порождавший такие трагические явления, как взятие заложников и предумышленные убийства, невозмутимая Александра проводила пропагандистское турне, порученное ей партией. Конечно, в этом задании для нее крылось и преимущество, ибо она реабилитировала себя в глазах партии, чье уважение к ней было подорвано. Ее репутация как женщины также страдала от злонамеренных слухов. Ее обвиняли в том, что она смешивает любовные дела с политической жизнью, и сам Ленин насмехался над ней по этому поводу.

Александра Коллонтай. 1918. [РГАКФД]

Но теперь она вновь производила впечатление активистки, отдающей все силы на благо партии. Пропагандистское турне, вмененное ей в обязанность, совсем не оставляло времени для отдыха, а везде, куда она направлялась, существовала угроза нападения белогвардейцев. Когда в августе она прибыла в Ярославль, находившийся в списке мест, где ей надлежало выступать, то оказалась в большой опасности, поскольку город был окружен войсками адмирала Колчака. Коллонтай и всем, кто ее сопровождал, пришлось сделать крюк в направлении Костромы, а затем вернуться в столицу.

В то же время по пути из Москвы ей удалось сделать

остановку в небольшом городе Орехово-Зуево, где все рабочие силы были задействованы в текстильной промышленности. Эта индустрия предъявляла спрос в первую очередь на женские рабочие руки, и перед Коллонтай вставали сразу два крупных вопроса, являвшихся предметом ее забот: защита прав женщин и их включенность в политическую жизнь. Вернувшись в Москву, она собрала вокруг себя женщин — простых работниц и ответственных партийных активисток, Клавдию Николаеву и Конкордию Самойлову, — чтобы обсудить с ними организацию всероссийской конференции женщин, которую Коллонтай надеялась провести в ноябре. Она также возобновила свою кампанию, нацеленную на то, чтобы добиться от партийного руководства разрешения иметь внутри партии женское представительство от специальных инстанций. ЦК ответил на это твердым отказом.

Выступление А. М. Коллонтай на открытии памятника Тарасу Шевченко на Трубной площади. 5–19 ноября 1918. [РГАКФД]

По возвращении ее в очередной раз поджидала еще одна проблема — разногласия Дыбенко с партийным руководством, окончательно так и не разрешенные. Она подумывала отыскать его (они не виделись уже несколько месяцев), но по прибытии в Москву ей пришлось довольствоваться их традиционной игрой в прятки. Она узнала, что Дыбенко отбыл в Крым для возобновления борьбы против немцев, которые оккупировали полуостров, и против правительства генерала Сулькевича, сотрудничавшего с оккупантами. Однако Дыбенко угодил в западню и сидел в тюрьме в Севастополе. Таким образом, его судьба зависела от немцев, хозяйничавших в Крыму.

Как же его спасти? К кому обратиться? Коллонтай вновь сделала ставку на Свердлова, всегда внимательного к ее просьбам. Раньше это оправдывало себя, ибо ее просьбы находили отклик. Свердлов попросил Коллонтай завершить пропагандистское турне в окрестностях Москвы, пока он будет заниматься освобождением Дыбенко. У Свердлова имелась такая возможность, поскольку как раз в тот момент он вел переговоры с немцами об обмене военнопленными. Дыбенко включили в список. Едва оказавшись на свободе и не переведя дух, Дыбенко сумел собрать небольшой отряд, с которым атаковал войска Колчака под Екатеринославом. Его отвага принесла плоды — враг потерпел поражение. Но затем на Дыбенко нашло свойственное ему высокомерие: разве не стал он вновь героем? Коллонтай воспользовалась случаем и обратилась к Ленину с требованием снова принять Дыбенко в партию, и Ленин рекомендовал Свердлову сделать это. Дыбенко был спасен!

Не теряя времени, Коллонтай отдалась еще одной своей страсти — женскому вопросу, и в том же самом письме, которое спасло Дыбенко, она объяснила Ленину, что, поставив весь свой агитаторский пыл ему на службу, взамен просит его поддержать идею проведения запланированной всероссийской конференции. Ленин приветствовал выраженное ею желание всецело посвятить себя служению партии и уверил ее в том, что забудет их разногласия и поддержит ее план относительно конференции. Но он также предостерег ее от любых попыток создания отдельной женской организации. Коллонтай вернула себе расположение Ленина и партии, однако некоторые партийные руководители, в том числе Каменев и Зиновьев, по-прежнему относились враждебно к ее проектам, расценивая их как «феминистские», что в их устах звучало почти как оскорбление.

Коллонтай это не волновало: она одержала верх, и крупная всероссийская конференция женщин, столь милая ее сердцу,

приступила к работе 16 ноября 1918 года. Работницы, делегированные предприятиями, на которых они трудились, съехались отовсюду. Александре предрекали, что к участию в конференции ей удастся привлечь всего несколько десятков женщин, тогда как в действительности, вопреки всем прогнозам, прибыло свыше тысячи участниц. Это создавало большие проблемы, поскольку ничто не было заранее подготовлено для того, чтобы принять, обеспечить жильем и питанием так много женщин.

Свердлов, как всегда, выразил готовность помочь Александре. В знак признательности она попросила его произнести вступительную речь. Крупская также поддержала этот проект и усилия, приложенные Коллонтай для его реализации. Можно почти с полной уверенностью утверждать, что это она побудила Ленина на третий день присоединиться к участницам конференции и обратиться к ним с речью. И хотя это выступление не отличалось оригинальностью, аудитория встретила его восторженными овациями, а затем пропела «Интернационал».

В первый день слово взяла Инесса Арманд. Прекрасный оратор, она сумела завоевать расположение работниц, продемонстрировав, сколь непосильное бремя на них возлагает семья, тогда как государство не оказывает им никакой помощи для облегчения их тягот. Выступавшая следующей Коллонтай остановилась на позитивных моментах, отметив, к чему женщинам следует стремиться, чтобы примирить свою трудовую жизнь (по мнению Коллонтай, самую ценную часть человеческого существования) с жизнью семейной.

Она заявила, что традиционная модель семьи должна исчезнуть, чтобы женщины освободились от домашних обязанностей. Женщинам нужно иметь возможность растить детей, любить их, извлекать пользу из их существования, а не заниматься решением бытовых проблем. Новая модель семейных отношений вкратце выглядела так: «Двое членов рабочего государства, объединенные любовью и уважением, свободны от ревности, женщины больше не зависят от мужчин и тем самым становятся равными им». Государство должно обеспечивать женщин материальными средствами для воспитания детей, не беря на себя ответственность за них. В жилых домах следует устроить ясли, рестораны или общественные столовые. По правде говоря, некоторое обобществление уже существовало в крупных городах, где приток рабочего населения и нехватка жилья понуждали к коммунальной жизни, в частности к пользованию общей кухней.

Тем не менее женщины, собравшиеся в те ноябрьские дни, не

стали в одночасье сторонницами той модели гармоничных семейных отношений, которую им предлагала Коллонтай. Речам Инессы и Александры рукоплескали, но они также перемежались враждебными и встревоженными выкриками: «Мы не хотим, чтобы у нас забрали наших детей». Коллонтай пыталась успокоить аудиторию на сей счет, но у нее это не особенно получилось.

Конференция выделилась конкретными решениями, принятыми в течение трех последующих дней. Прежде всего каждой партийной организации следовало образовать внутри себя постоянную комиссию из выборных делегатов от рабочих и крестьян, поручив им агитацию на каждом предприятии или рабочем месте. Уровнем выше Центральной комиссии во главе с Александрой Коллонтай и Инессой Арманд надлежало наблюдать за проделанной работой и доложить о ее результатах на IX съезде РКП(б) в следующем году. В составе этой центральной комиссии Александре предстояло принять на себя значительную часть тех обязанностей, которые она исполняла ранее в качестве народного комиссара.

Как и все большевики, Коллонтай интересовалась не только внутриполитическими проблемами, но также пристально следила за внешним миром, за развитием революционной ситуации, которая позволила бы русской революции вписаться в более широкий контекст. И правда, в ноябре 1918 года, когда Александра боролась за включение женщин в политическую жизнь России, в Германии, казалось, пробил час революции. 9 ноября всеобщая забастовка парализовала Берлин, канцлер Германии принц Максимилиан Баденский ушел в отставку, и на смену ему пришел социалист Фридрих Эберт. Неужели повторялись октябрьские события, произошедшие в России годом ранее? Тогда Германия решила заключить мир с Антантой, которая наконец-то смогла отпраздновать победу 11 ноября.

Два дня спустя Ленин денонсировал Брест-Литовский мирный договор, тем самым отказавшись от всех ранее принятых обязательств. Он во всеуслышание заявлял, что поступил тогда правильно, заключив мир для того, чтобы выиграть время, что полученная в результате передышка спасла русскую революцию и позволила подготовить революцию мировую. Совсем скоро, однако, Ленина постигло разочарование, поскольку революция, которую предвещали события в Германии, оказалась лишь мимолетным виденьем. С середины января СДПГ, ведомая ее консервативным крылом, сумела взять ситуацию в стране под контроль. Роза Люксембург и Карл Либкнехт, которых ноябрьская революция вытащила из тюрьмы, лишились жизни. Охваченная

отчаянием Александра Коллонтай тотчас же отдала дань уважения тем, кто для нее являлся сердцем (Карл Либкнехт) и духом (Роза Люксембург) революции.

№ 36 КОММУНАР 3

№ 9. „Работница - Коммунистка". № 9.

В добрый час!

Работы съезда подходят к концу. Завтра, последнего делегатки разъедутся во местам на свои фабрики, заводы, в свои села, деревни...

В дальние углы делегатки повезут с собой революцию, решения съезда, начнут работу по этому плану, что замышл первый всероссийский съезд работниц и крестьянок.

В добрый час! Пусть в каждом сердце работницы и крестьянки неугасимым огнем горят слова пролетарской правды. Пусть поступают на путь революционной борьбы женщина - работница и крестьянка бедноты!

Пусть ждет в вечность слава о женщине-работнице, как о самой несознательной части пролетариата...

Вперед, к новому строительству социалистической жизни.

1-ый Всероссийский с'езд работниц.

Речь т. Ленина.

Товарищи работницы! Настоящее совещание работниц имеет исключительное значение.

Вы сами знаете, каков место занимала женщина еще так недавно в России и занимает еще почти во всех странах. Советское правительство дало женщине права, каких не имеет самое нидемократичнейшее государство в Европе. Брак, в котором мужчина имел господствующее положение, при советской власти принял иные формы, в браке не имеет права вмешиваться никакое государственное учреждение. Развод упрощен, уничтожена гнусность бракоразводных процессов нет больше так называемых, незаконных детей.

Но издавием того или иного закона нельзя организовать дело. Мы знаем, что в деревнях попрежнему попы продолжают женить—против этого декретов не напишешь, необходимо уничтожить тьму, предразсудки. Тут уж надо дело иметь с религиозными верованиями. Но бороться с религиозными предразсудками нужно осторожно, не оскорбляя религиозных чувств. Источник предразсудков,—которыми наиболее скована женщина, — это условия ее замкнутого существования, нищета и темнота.

Необходимо женщину освободить от мелкого домашнего хозяйства, а этого сделать не может никакая демократия, кроме социализма.

Вот почему Советская Россия сейчас предпринимает шаги к социальному раскрепощению работницы и крестьянки.

Ваш с'езд только может зачинить начатую работу в этой области. Революция, всколыхнувшая работницу, имеет устойчивый фундамент, ибо это означает, что революция прошла до самых глубин и не может повернуть вспять.

Мы видим, рост непобедимой социалистической революции.

Под гром аплодисментов и восторженные речи делегаток т. Ленин покидает с'езд.

Третий день.

Международная революция и работница.

Доклад т. Сталь.

Революция рождена войной. Война оторвала работницу от хозяйства и привела ее к станку, война во всех странах возложила сельскохозяйственное производство на плечи крестьянки.

У этих женщин впервые возник вопрос,—для чего ведется эта война, работницы впервые подняли этот вопрос и заявили свой протест на конференции работниц в Берне в 1914 г. Правда, на этой конференции только русские работницы заявили но только протест, но и выставили лозунг: гражданская война вместо империалистической бойни, но все же протест против избиения рабочих, выражавшийся из уст работниц всех воюющих стран, установил солидарность—солидарность между пролетариатом воюющих государств.

Революционеры на местах несли пропаганду против империалистической бойни и за это в Германии Клара Цеткин, во Франции Луиза Симоно,—были заключены в тюрьму. Журнал «Работница», в Германии не сложил знамени интернационала и за это был закрыт.

Но правильность занятой позиции работницей на Западе и у нас в России сказала сама за себя. Семя, брошенное работницей вошло в мы видим революционные всходы.

Резолюция по докладу тов. Сталь.

Первый Всероссийский с'езд работниц считает, что международная рабочая революция, охватывающая всех за октябрьской революцией, одно за другим ряд капиталистических государств (Австрию, Голландию, Германию, Швейцарию, Данию, Болгарию) подтверждает еще раз правильность того пути, по которому шли во время империалистической войны большевики - коммунисты. Этот путь—путь открытой и стойкой революционной борьбы, приводит весь угнетенный класс в целом, женщин работниц и крестьянок в частности, к их полному освобождению и уравнению в правах, как гражданки, как члена рабочего класса, как матери и жены. Октябрьская революция в России сделала работниц и рабочих, крестьянок и крестьян хозяевами России. Власть в руках трудящихся, с тех пор, как в ряды борцов за власть советов влились новые силы работниц, Всероссийское совещание работниц говорит с уверенностью: реакция в России сдит крепко. Эта уверенность в победе рабочего класса усиливается по мере того, как революция разгорается и на Западе.

В пожаре мирового восстания работниц и рабочих, сгорает старый капиталистический мир, а с ними не только исчезает власть хищников капиталистов, но и прежнее бесправие женщин, домашнее рабство, забитость женщин в семье.

Исходя из того, что только победа мирового коммунизма и успехи революции во всех странах обещают женщине рабочего класса и крестьянской бедноте избавление от прежнего бесправия 1-е Всероссийское совещание работниц призывает всех работниц и крестьянок встать под знамена коммунистической партии плечо к плечу с товарищами рабочими и крестьянами и самоотверженной и решительной борьбой отстоять победу мировой революции.

Коммунистическая партия и работница.

(Доклад т. Самойловой).

Война, увеличивая ряды женского пролетариата, поставила перед партией коммунистов большую задачу,—организовать ряды работниц и крестьянок в нашу партию. Несмотря на то, что работница сейчас в некоторой промышленности преобладающее количество, как напр. в текстильной—75%, в партии принимают участие 10—15%. Это ненормальное явление должно быть уничтожено. Организация работниц должна быть закреплена.

Конференции работниц всегда отличались своим подъемом, но не закрепленные организационно, они мало влияли на дальнейшее развитие партийной работы на местах. Петроградский комитет уже стал на путь особой организационной работы среди работниц. При каждом районном к-те организована особая агитационная комиссия по работе среди работниц, имеется такая комиссия и при Центр. к-те Петрогр.

Организационная работа облегчена введенной у нас в партии организацией сочувствующих, являющейся, как бы особой лабораторией, где выковывается революционное сознание пролетариата.

С дополнением по докладу т. Самойловой, о работе на фронте выступает т. Трачева.

Она говорит о том, как необходима работница на фронте и в качестве рядового, и в качестве агитатора, санитара, а самое главное в качестве сестры.

В тяжелые минуты рапения, сестра из среды пролетариата найдет слова утешения своему революционному собрату.

Тов. Коллонтай.

Александра Михайловна Коллонтай родилась в богатой, барской семье в Петрограде. Уже с детства ее угнетала социальная несправедливость и неравенство.

В семье ее звали «бунтаркой».

Посещение Кренгольской ма-

нуфактуры в Нарве и стачка текстильщиков в 1896 г. в Петрограде натолкивают Коллонтай на рабочий вопрос.

В 1898 году она оставляет семью и едет учиться в Швейцарию, оттуда возвращается в Россию убежденной марксисткой и начинает нелегальную партийную работу.

Одновременно с этим она много пишет в марксистских журналах России и Германии.

Революция 1905 г. застает ее активной работницей. По ея почину в 1907 г. проводятся первые митинги работниц, тогда же выходит и ея книга «Социальные [illegible] женского вопроса» направленная против буржуазных разновидностей.

Преследования царского правительства заставляет тов. Коллонтай бежать за границу. С 1908 по 1917, она работает в качестве агитатора и писателя в Германии, Бельгии, Швейцарии, Англии, Франции, Дании, Норвегии, Швеции и Америке, всюду занимая позицию революционного коммунизма.

Вернувшись в Россию после мартовской революции, она вместе с тов. большевиками боролась против соглашателей за что после июльских дней сидела в тюрьме.

После октябрьской революции до конца марта 1911 г. тов. Коллонтай была комиссаром социального обеспечения.

Работницам—родные углы.

ПЕРМЬ. Братский коммунистический привет шлет с'езду областной исполнительный комитет советов Урала. Мы верим, что с'езд соберет воедино распыленные силы женщин-пролетарок и бросит их на борьбу с переживающим агонию старым миром угнетения, невежества и рабства.

Женщины-работницы! рабочие красного Урала с надеждой смотрят на работу вашего с'езда и шлют вам товарищеское пожелание успеха по пути организации пролетарских масс Советской России.

ВАРНАВИНА. Организация коммунистов приветствует первый Всероссийский с'езд работниц.

КОЗЬЛЬСК. Уездная группа работниц коммунистов приветствует первое Всероссийское совещание работниц и от души желает успеха в благих начинаниях.

ВОРОНЕЖ. Мы женщины работницы Воронежского уезда, приветствуем первое Всероссийское совещание работниц! Да здравствует всемирный союз бедноты!

Суриковский литературно-музыкальный кружок писателей из народа горячо приветствует первый с'езд женщин-работниц и желает плодотворного успеха его работам.

Да здравствует женщина работница!

Труженицам—далекой Таллоны.

Из провинциальной газеты «Крестьянин и рабочий» мы узнаем, что состоялся первый с'езд трудовых женщин Таллонской волости. Каков же впечатление этот с'езд произвел на автора заметки?—Самое плохое. Автор М. К, говорит, что так, мол еще тема и инертна стоит равнодушная деревенская масса, ничего не понимающая, ничего не желающая, кроме хлеба». А дальше М. К, говорит:

«Этот с'езд показал, как мало проникают работы среди женского населения, чтобы пробудить их сознание: понимание самого элементарного, что необходимо для блага жизни их детей».

Так ли все это?

Правильно ли понял М. К. женщин, приехавших на Тллонский с'езд?

Конечно, мы там не были, но не приходится верить ужа потому, что женщине крестьянок в последние дни определялись и не в одной лишь столице на с'езде а по самым отдаленным уголкам России и подальше Таллома, Тверской губ.

Мы знаем, что в женской трудовой массе имеется глубокое и сильное стремление к знанию, к общественной работе, есть готовность умереть в борьбе за добытые права и свободу. Нам приходилось сталкиваться не раз с такими женщинами, и они высказывались на нашем Всероссийском с'езда.

Пора перестать смотреть на рабочих женщин, как на темную, жадную только до хлеба и бессознательную массу. Это не верно.

Конечно, многого нужно нам над собой работать, чтобы выковать настоящую творческую силу, но нельзя обвинить нас в том, что мы не знаем, чего хотим для наших детей. Да детям нашим в первую голову нужен хлеб! Потом свет, воздух, ныука. Спросите у любой забитой работницы и крестьянки—она вам скажет то же самое.

И товарищей таллонских женщин «Работница-коммунистка» также зовет под свое знамя, где они научатся вместе добиваться того что необходимо для их детей, для детей коммунистической республики.

Статья неизвестного автора «Работница-Коммунистка» в газете «Коммунар» с заметкой о А. М. Коллонтай. 21 ноября 1918. [РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 2. Д. 16. Л. 47]

Несмотря на это печальное событие, III Интернационал открылся в Москве в марте 1919 года, и провели его большевики. Председатель Григорий Зиновьев торжественно провозгласил, что Коминтерн и впредь будет повсеместно способствовать возникновению революционных движений и оказывать им поддержку. Казалось, что события, развивавшиеся с конца того же месяца, давали для этого основания. В Венгрии Бела Кун установил власть коммунистов. В апреле Мюнхен стал центром еще одной революции, и, хотя век ее был недолог, Коминтерн нашел в ней подтверждение боеспособности германского пролетариата.

Поначалу исполненная энтузиазма, Александра Коллонтай вскоре почувствовала себя опустошенной из-за тех задач, которые она перед собой поставила, из-за надежд и разочарований, приносимых служебными поездками, а больше всего из-за неопределенной революционной ситуации. Все встало с ног на голову в конце 1918 года. Как все высокопоставленные партийные деятели, Коллонтай имела возможность жить в привилегированном положении относительно рядовых граждан. Она проживала в «Национале», одном из лучших отелей Москвы, который хорошо отапливался, что по тем временам было редкой роскошью. Кормили там скудно, но члены партии вовсе не знали того голода, который испытывало большинство городских жителей.

Несмотря на эти довольно благоприятные условия, здоровье Александры ухудшалось. У нее появились уже первые признаки заболевания, которое согласно медицинской терминологии той эпохи определялось как «грудная жаба». Поначалу уход в отеле ей обеспечивали друзья и Миша, когда у него это получалось, затем пришлось прибегнуть к помощи хирургии, вследствие чего в течение трех месяцев, с ноября по март, Александра оставалась в стороне от партийных дел. Она появилась лишь на I конгрессе Коминтерна, где выступила на свою любимую тему — о женщинах. Она заявила, что Коминтерн должен включить женщин в свою организационную структуру и список своих задач, и, к своему великому сожалению, была вынуждена констатировать, что эта тема вовсе не привлекла внимание участниц конгресса.

Александра Коллонтай. 1919. [РГАКФД]

Правда, как раз в тот момент главная опора Коллонтай в партии, Свердлов, скончался, заплатив жизнью за напряженную и сложную трудовую деятельность. В последнем усилии он

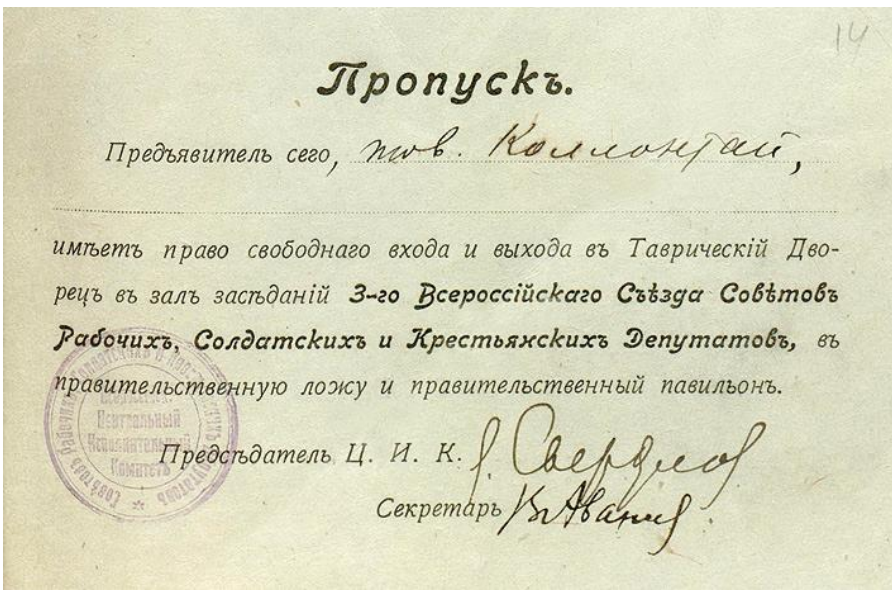
мобилизовал всю свою энергию и в начале марта уехал на Украину бороться с левыми коммунистами, которых считал опасными. Там свирепствовал брюшной тиф, который поразил Свердлова и свел его в могилу. С его смертью, наступившей 16 марта 1919 года, партия лишилась одного из своих главных членов — человека порядочного, всеми уважаемого и относительно умеренного. Тогда как Александра Коллонтай потеряла опору, заступника и истинного друга. Она глубоко переживала утрату и сознавала, какие политические последствия она несет.

VIII съезд РКП(б) открылся через два дня после смерти Свердлова. Открывая съезд, Ленин выступил с хвалебной речью и заявил, что громадная работа, проделанная Свердловым, многообразие поставленных им задач не позволяют заменить его одним человеком — здесь нужна целая группа. Эта справедливая похвала подводила партию к необходимости принятия организационных мер, которые в дальнейшем сыграли большую (и трагическую) роль в истории страны. На смену Свердлову были созданы две партийные структуры — Оргбюро и Политбюро. Последнее сформировано из узкого круга лиц из ЦК партии. Для координации деятельности этих структур назначили человека, относительно которого никто и вообразить не мог, во что он сумеет превратить вверенные ему скромные полномочия, — Иосифа Сталина.

Во время съезда, на котором Коллонтай выступала в качестве делегата от Комиссии по пропаганде и агитации среди работниц, она приняла участие в общем обсуждении, посвященном организационной структуре партии, но также, как всегда, произнесла речь в защиту женского дела. Усиление авторитарных тенденций в партии, разрастание бюрократического аппарата были раскритикованы левой оппозицией, которая громогласно призывала к возврату к коллективному пролетарскому руководству. Для достижения этой цели оппозиционеры требовали, чтобы в состав ЦК партии входило от пятнадцати до двадцати одного члена. С этим требованием согласились, однако расширение состава ЦК произошло без отстранения от власти наиболее консервативных его членов — Зиновьева, Каменева и Рыкова. Они заявили, что ЦК, вопреки требованиям оппозиции, должен обладать всей полнотой власти, поскольку представляет диктатуру пролетариата. Александра чувствовала, что близка к взглядам левой оппозиции, и присоединилась к этой группе ради критики злоупотреблений бюрократии.

Но, убежденная в том, что ее первостепенный долг — быть глашатаем женщин, которые, как говорилось в одной из ее

пламенных речей, слали ей письма, описывавшие их бедственное положение и призывавшие партию прийти им на помощь, Коллонтай требовала дать свободу женам и матерям и покончить с традиционной семьей. Это предложение задело Ленина. «Почему Вы желаете упразднения семьи? — протестовал он. — Мы должны сохранить семью, защитить ее». Ленин заговорил об этом неспроста, эта мысль перекликалась с его представлением об обществе, покоящемся на прочном основании. Он никогда не соглашался с Александрой Коллонтай в вопросах устройства общества и семьи, и, зная об этом, она после резкой речи, произнесенной на съезде, предпочла занять менее радикальную позицию. Наградой за это стал для нее тот факт, что в конечном счете съезд проголосовал за решение в поддержку деятельности Комиссии по пропаганде и агитации среди работниц.



Пропускъ.

Предъявитель сего, тов. Коллонтай,

имѣетъ право свободнаго входа и выхода въ Таврическій Дворецъ въ залъ засѣданій 3-го Всероссійскаго Съѣзда Совѣтовъ Рабочихъ, Солдатскихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ, въ правительственную ложу и правительственный павильонъ.

Предсѣдатель Ц. И. К. Я. Свердловъ

Секретарь В. Аванесовъ

Пропуск в Таврический дворец, в зал заседаний 3-го Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 1918. Подлинник. Подписи — автографы председателя ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов Я. М. Свердлова и секретаря ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов В. А. Аванесова. [РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 1. Д. 4. Л. 14]

Сразу по завершении съезда партийное руководство вновь обратилось к Александре с просьбой принять участие в пропагандистской кампании на Украине. Мир, установившийся между воевавшими сторонами, не привел к успокоению внутри страны. Совсем наоборот, часть территории России находилась под контролем белых генералов либо националистических

правительств, настроенных против советской власти, находившейся под гнетом неисчислимых угроз, среди которых Украина вызывала особое беспокойство. После поражения немцев, ранее рассматривавших «житницу» России в качестве своей квазиколонии, большевики назначили собственное правительство в Харькове. Украинские националисты отказались признать это правительство. Независимости для Украины требовали очень многие украинцы, тогда как, с точки зрения Ленина и Бухарина, единство пролетариата имело следствием единство территорий бывшей империи. К противостоянию большевиков и украинских националистов добавлялась еще одна угроза в лице армии генерала Деникина, наступавшей на Донецк, и армии адмирала Колчака, прибывшей из-за Урала. Как же можно было остановить белогвардейцев?

Александра Коллонтай тем охотнее отправилась на Украину, что Дыбенко тогда же находился в Крыму и она хотела с ним воссоединиться, хотя бы на краткий миг. После многочисленных злоключений, которые Дыбенко претерпел по партийной линии, он был снова принят в партию 3 января 1919 года, а ЦК РКП(б) к тому же сделал вид, будто Дыбенко никогда из партии не исключался. Эта хорошая новость появилась в отсутствие Дыбенко, поскольку тот двумя днями ранее, ни с кем не посоветовавшись, отправился к украинской границе, и именно Александре досталось приятное поручение объявить Дыбенко, что партийное руководство резко изменило свое мнение на его счет.

Но, прежде чем присоединиться к Дыбенко, Коллонтай должна была выполнить задание, употребив свой ораторский талант на то, чтобы убедить украинцев встать под большевистские знамена. Она вошла в состав группы пропагандистов, которой предстояло в специальном поезде проехать через всю Украину, потрепанную войной и опустошенную. Это смелое предприятие привело ее в начале июня в Харьков. В момент ее прибытия туда уже подходили войска генерала Деникина, ранее установившие контроль над территорией советской республики в Крыму. Правительство республики бежало в Симферополь, а власть перешла в руки младшего брата Ленина Дмитрия Ульянова, чьей главной заслугой было родство с лидером большевиков.

А. М. Коллонтай и П. Е. Дыбенко. Украина, Киев, 1919. [РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 1. Д. 31. Л. 49, 50]

А. М. Коллонтай и П. Е. Дыбенко с его семьей. Украина, Киев, 1919. [РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 1. Д. 31. Л. 51]

Коллонтай пришлось влиться в поток беглецов, которых угроза, исходившая от войск Деникина, гнала все дальше. Так она 23 июня оказалась в Симферополе и почти сразу покинула город, найдя пристанище в Киеве, где наконец отыскала Дыбенко. Радостная встреча после долгой разлуки, однако, омрачалась осознанием тяжести обязательств, возложенных на каждого из них.

Дыбенко в тот период являлся наркомом по военным и морским делам, а Коллонтай — наркомом агитации и пропаганды. В тот краткий миг они могли задуматься о совместной жизни, соответствовавшей идеям Александры, — не существовании обычной влюбленной пары, а, скорее, проживании

сообща двух боевых товарищей, равных по той роли, которую они играли в политической сфере. Для Александры это было счастливое время, о чем свидетельствует ее дневник.

Но счастье оказалось мимолетно. С конца августа влюбленные были вынуждены покинуть Киев и отправиться в разные стороны. Дыбенко со своей армией уходил на юг сражаться с Деникиным, тогда как Александре надлежало организовать эвакуацию нескольких сотен женщин и детей. Покончив с этим, она по поддельным документам предприняла опасное путешествие до Москвы. В ходе этой эпопеи она встречала бесчисленное множество беглецов, в которых старалась вселить уверенность, убеждая их, что военное отступление — явление временное, результат точного расчета на то, что Красная армия очень скоро возвратится на Украину.

Вернувшись в Москву после двухнедельного трудного пути, который она проделала на поездах и судах, Коллонтай была счастлива оказаться в своем номере в отеле «Националь». Она вновь приступила к своим обязанностям, но в новых обстоятельствах. Комиссия пропаганды и агитации среди работниц получила более высокий статус Отдела по работе среди женщин (Женотдела) при ЦК РКП(б): выступления Коллонтай на VIII съезде РКП(б) оказались ненапрасными. Она могла этому только порадоваться. Но тогда же ей открылась горькая правда. Партия назначила заведующей Женотделом Инессу Арманд, оставив за Александрой менее почетную должность представительницы крестьянских делегаток. Разумеется, Инесса также трудилась над тем, чтобы убедить партийное руководство в важности женской организации, но Александра Коллонтай боролась за это с 1906 года и отстаивала свою точку зрения на каждом партийном съезде. Должность, полученная Коллонтай в Женотделе, представляла собой фикцию — ни программы, ни инструкций, ни средств. Александру заставили работать под началом Инессы, хотя они всегда являлись соперницами, различались по характеру и никогда не были особенно дружны.

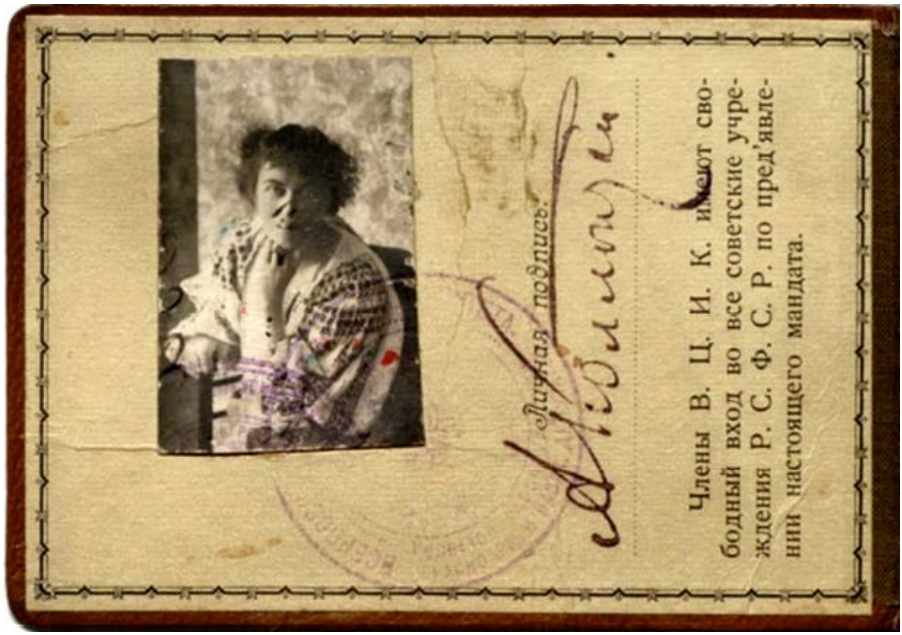
Тем не менее Александра решила быть на высоте и принялась за разработку предложений, призванных улучшить жизнь женщин. Отметив, что проституция приобрела тревожный размах, она сделала эту тему одним из приоритетов в работе Женотдела. Однако, сообразуясь со своими непосредственными должностными обязанностями, она отправилась в сельскую местность, с тем чтобы там обратиться к женщинам. Несмотря на плачевное состояние своего здоровья, Коллонтай потратила много сил, чтобы объехать деревни и попытаться привлечь внимание равнодушных, а то и враждебно настроенных женщин к

теме своих выступлений и к организации, которую она представляла.

Как раз тогда у Дыбенко появилось желание привезти Коллонтай в родную деревню и познакомить с родителями. Александра обнаружила русскую крестьянскую семью, в жизни которой революция не изменила ровным счетом ничего. Ее члены были верующими, по традиции в углу комнаты, где все собирались, висели иконы, изба отапливалась большой печью, вышитые полотенца оживляли стены. Родители Дыбенко-большевика оказались добродушными крестьянами, испытывавшими привязанность к своему «двору» — лошади, двум коровам, курам и небольшому земельному наделу. Они не имели ни малейшего представления о том, что в других местах сельский уклад подвергся разрушительному насилию, и доверчиво смотрели на своего сына и сопровождавшую его женщину, которую они считали его женой, а значит, безоговорочно принимали.

За два дня, проведенных с родителями Дыбенко, Александра лучше поняла, кто такой их сын, что в нем так влечет ее и что отталкивает. И, к большому своему сожалению, она почувствовала, что ее любовь к нему не может продолжаться. Образ замужней женщины, жены Дыбенко, которой его родители оказали столь теплый прием, был для нее невыносим. Ей не хотелось быть чьей-либо женой, даже мужчины, которого она, как в случае с Дыбенко, страстно любила.

По возвращении в Москву Коллонтай ожидало срочное задание: ей предстояло подготовить первую Международную конференцию коммунисток, которая должна была состояться в июле — тогда же, когда и II конгресс Коминтерна. Эта конференция оказалась провальной, хотя официально об этом не говорилось. Для участия в конференции делегировались те же самые женщины, которые собирались присутствовать на заседаниях Коминтерна, то есть не имевшие ни опыта изучения женского вопроса, ни даже заинтересованности в этом. Единственным достижением конференции стал обращенный к Коминтерну призыв о создании специального органа, предназначенного для женщин. Клара Цеткин поддержала этот призыв на пленарном заседании II конгресса, причем ее авторитет и сила убеждения сотворили чудо: Коминтерн отреагировал решением о создании женского отдела, чего и требовала Клара Цеткин.



Члены В. Ц. И. К. имеют свободный вход во все советские учреждения Р. С. Ф. С. Р. по пред'явлении настоящего мандата.

Личная подпись.

Р.С.Ф.С.Р. В.Ц.И.К.

ЧЛЕНСКИЙ БИЛЕТ № 123

Пред'явитель сего, тов. Коллонтай А. М.

является членом Всероссийск. Центральн. Исполнит. Комитета Советов Рабочих, Крестьянских и Красноарм. депутатов 9-го созыва, сроком по 10-й С'езд Советов.

Председатель В. Ц. И. К.

Секретарь В. Ц. И. К.

Москва, 1921-1922 г.

Членский билет ВЦИК Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов 9-го созыва сроком по 10-й съезд Советов на имя А. М. Коллонтай. 1921. Подлинник. Подпись — автограф председателя ВЦИК Советов рабочих, солдатских, крестьянских и красноармейских депутатов М. И. Калинина. [РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 1. Д. 4. Л. 11 об. — 12]

Это стало выдающимся моментом для Коллонтай: ее мечта

сбылась, к ее требованиям прислушались. А еще ей предстояло получить награду за потраченные усилия. Побывав в роли заместителя Инессы в Женотделах РКП(б) и Коминтерна, Коллонтай в сентябре возглавила их. Причиной тому послужило непредвиденное событие, которое глубоко потрясло Ленина. Инессу истощили интенсивная работа и слишком суровые условия жизни. В течение нескольких месяцев она пребывала в болезненном состоянии, а летом скончалась. Еще до этого Ленин настаивал на том, чтобы она поправила свое здоровье в одном из санаториев на Кавказе, с его более мягким климатом. Инесса отправилась туда, заразилась холерой и умерла. 11 октября траурная процессия, состоявшая из членов ЦК РКП(б) и сотен коммунистов, проводила останки Инессы от Казанского вокзала до Кремля, где она была погребена в стене. Присутствовал на похоронной церемонии и Ленин, опустошенный, едва узнаваемый, «живой труп», как записала Коллонтай в своем дневнике. Его отчаяние произвело впечатление на всех, кто видел его в тот день.

Но какая неожиданная удача для Александры! От Инессы ей перешли по наследству сразу обе должности заведующих Женотделами — при ЦК РКП(б) и Коминтерне. И тут же после этого Коллонтай стала заместителем Клары Цеткин в Международном женском секретариате и исполкоме Коминтерна. Некоторое время спустя подобная, хотя и не такая зрелищная церемония прошла при захоронении в Кремлевской стене праха Джона Рида — американского журналиста, который наблюдал русскую революцию вблизи и оставил исключительно живое повествование о ней. Летом 1920 года он отправился в Среднюю Азию для участия в конференции местных коммунистов и подцепил там тиф, свирепствовавший тогда в России. Джон Рид стал одной из бесчисленных жертв той эпидемии, повергшей в ужас страну, и без того зажатую в тисках Гражданской войны и голода — напастей, с которыми правительство было не в силах совладать.

Заведующая женотделом ЦК РКП(б) А. М. Коллонтай с группой женщин — участниц Совещания женщин Востока. Москва, 1920. [РГАКФД]

У Александры Коллонтай дела тоже шли не блестяще, хоть она и пережила это ужасное время. Ее сердце сбоило все больше, да и почки пребывали в плачевном состоянии. Ей пришлось прервать работу, чтобы отправиться в дом отдыха, а затем домой. Она смогла вернуться к делам только зимой, когда для нее открылось новое поле деятельности — оппозиция. В те месяцы, когда Коллонтай нездоровилось, Дыбенко был рядом с ней, часто наведывался к «Шуре», «своей голубке», как он ее называл, по пути с фронта, где требовалось его присутствие, или из военного училища, куда его направляли для повышения квалификации. Несмотря на столь трогательную заботу Дыбенко, Александра знала, что их любовь подошла к концу. Ей казался невыносимым статус «жены Дыбенко», к тому же она не собиралась сносить измены, в которых его подозревала. Она была ревнива и терпеть не могла в себе это качество. Все это портило чувства, которые она еще испытывала к своему возлюбленному. И что удивительно, на новые подвиги ее тянула иная любовь — прошедшая, превратившаяся в настоящую дружбу. Таким другом ей стал былой возлюбленный Шляпников, с которым она рассталась пятью годами ранее.

Еще когда Коллонтай воссоединилась с Дыбенко на Кавказе, она разыскала Шляпникова, который к тому времени уже

организовал там партийную школу для рабочих и обеспечивал ее функционирование. Она заинтересовалась этим проектом, имевшим целью дать рабочим образование, чтобы те впоследствии могли принять реальное участие в государственном управлении. Он воплощал навязчивую идею Коллонтай о привлечении к власти рабочего класса. Вот почему она согласилась прочитать в этой школе несколько лекций весной и летом 1920 года, одновременно продолжая свою работу, связанную с женщинами.

А. М. Колонтай и П. Е. Дыбенко. 1920-е. [РГАКФД]

Раньше деятельность Коллонтай помогала ей выносить совместную жизнь с Дыбенко. Воссоединившись с ним на Кавказе, она испытала растерянность и разочарование, увидев, что большевик, боец, восхищавший ее, внезапно обнаружил привязанность к преимуществам и комфорту, которые ему давало

его положение в армии. Дыбенко почти с детской гордостью показывал Коллонтай свое чересчур роскошное жилище, бытовые удобства. Ей подумалось, что он начал обуржуазиваться! Шляпников тогда ей очень помог. Вернувшись в Москву и поправив здоровье, Александра столкнулась с политической ситуацией, плохо совместимой с ее воззрениями, и это еще больше сблизило ее со Шляпниковым. Плечом к плечу с ним она была готова ввязаться в новый бой — за рабочую оппозицию.

Глава седьмая. Против Ленина: рабочая оппозиция

С 1915 года Александра Коллонтай присоединилась к Ленину, горячо отстаивая его тезисы о мире, новом Интернационале, грядущей революции. Конечно, временами она была не согласна с ним по отдельным вопросам — особенно в том, что касалось смертной казни и Брест-Литовского мира. Однако ее верность Ленину, признание его политического и морального авторитета в конечном итоге всегда примиряли их или, вернее сказать, вынуждали Коллонтай подчиниться либо отринуть сомнения.

Тем не менее неизменному следованию линии, навязываемой Лениным, пришел конец в 1921 году, когда Коллонтай оказалась в оппозиции, приняв сторону Шляпникова. В то время он руководил профсоюзом металлистов. Единственной его задачей была защита рабочих и профсоюзного движения перед лицом Российского государства, и это вскоре привело Шляпникова к столкновению с партией. В течение 1920 года гражданская война в России стала затухать, и у большевиков вновь появилась возможность подумать о форме государственного устройства и функциях государства. Ленин и его приближенные все еще клялись, что построили пролетарскую демократию, однако всякий ясно видел, что в противовес обещаниям Ленина относительно государства и революции страной управляла не кухарка, а горстка избранных.

В сентябре 1920 года об этом открыто говорилось на IX конференции РКП(б). Между собой столкнулись две группировки. Левая оппозиция требовала реформирования партии и бюрократизированного правительства. Партия большевиков согласилась обсудить данный вопрос. Зато она уклонилась от вызова, брошенного ей «рабочей оппозицией» под предводительством Шляпникова. Оппозиция выступала за то, чтобы профсоюзы контролировали промышленность, а рабочие реально участвовали в принятии партийных и правительственных решений, поскольку эти функции отобрала у них бюрократия.

А. М. Коллонтай в зале 3-го Всероссийского совещания губженотделов. Москва, 1920. [РГАКФД]

Коллонтай принимала участие в IX конференции, но в тот момент не поддержала «рабочую оппозицию». Она оказалась в оппозиции к Ленину по вопросу Брест-Литовского мира, затем помирилась с ним и в дальнейшем поддерживала его. На конференции она выступила с умеренным требованием, чтобы критика, высказываемая «рабочей оппозицией», свободно обсуждалась партией и не влекла за собой наказания. «Нельзя наказывать тех, кто выступает с критикой, отправляя их на солнце», — произнесла она, таким иносказательным образом возражая против исключения из партии.

В ноябре 1920 года Троцкий предложил реформировать профсоюзы. Нужно, говорил он, реорганизовать профсоюзы на армейский манер, то есть военизировать рабочих представителей, чтобы они могли эффективно участвовать в функционировании экономики. Реформа предполагала включение профсоюзов в систему государственного управления, и именно этот пункт вызвал яростное противодействие сторонников автономии профсоюзов.

Заведующая женотделом ЦК РКП(б) А. М. Коллонтай. Период работы IX съезда партии. Москва, 1920. [РГАКФД]

Ленин привнес свое личное видение роли профсоюзов в системе управления государством. Он выступил против принципа интеграции профсоюзов в систему государственного управления, объяснив, что профсоюзы представляют правящий класс — пролетариат, а следовательно, являются «школами коммунизма для масс», ответственными за обеспечение связи между авангардом (партией) и самыми отсталыми рабочими. Профсоюзы не правительственные органы и тем более не способны управлять промышленностью. Позицию Ленина поддержали девять членов ЦК. Вместе с Лениным они должны были выступить на X съезде РКП(б) под названием «платформы десяти». Как уточнял Зиновьев, X съезду предстояло высказаться

по предложениям или платформам, представленным группами, члены которых будут делегированы на съезд с этой целью. Это единственный раз, когда партия согласилась с форматом платформ.

Совещание женщин Востока. В президиуме — А. М. Коллонтай и другие. Москва, декабрь 1920. [РГАКФД]

В ходе предварительных дискуссий Ленин осознал, что его основным противником будет «рабочая оппозиция». Платформа Шляпникова была принята в январе 1921 года тридцатью восемью подписантами, в основном руководителями профсоюзов военной, металлургической и горной промышленности. Подписанты этой платформы требовали созыва Всероссийского съезда производителей, избираемого членами профсоюзов.

Ленин с самого начала понял, что «рабочая платформа» может завоевать симпатии рабочего класса. Руководствуясь этим соображением, он дал отпор. Прежде всего он обвинил Шляпникова в том, что тот защищает «восставшую против коммунизма профсоюзную оппозицию», которая не намерена считаться с партией и совершенной ею революцией. Ленин также обвинил Шляпникова в стремлении заменить профсоюзами партию в качестве инструмента революционных изменений.

Конфликт, разгоревшийся между Лениным и Шляпниковым, имел под собой основания. Ранее Ленин писал о том, что выкованная им партия является носителем классового сознания, авангардом пролетариата, который она по этой причине обязана повести к революции. И до того момента именно так оно и было. Но Ленин никогда открыто не защищал идею, что, поскольку революция завершилась, власть следует вернуть партии, и ей одной. С 1917 года партия непрестанно расширяла свою власть, и

большевики к этому отлично приспособились. Поначалу Коллонтай молча наблюдала за дискуссией, затем 28 января 1921 года опубликовала в «Правде» статью, в которой объявила, что поддерживает «рабочую оппозицию». В той же статье она обвинила партию в предательстве пролетариата.

А. М. Коллонтай в группе участниц совещания женщин Востока. Москва, декабрь 1920. [РГАКФД]

Выступление Коллонтай на стороне Шляпникова и «рабочей оппозиции» значительно повышало их шансы на успех. Ее исключительный ораторский дар, с которым даже Шляпников не мог соперничать, сослужил им хорошую службу в словесных баталиях. Помимо статьи в «Правде», весомым вкладом стал подготовленный Коллонтай пятидесятистраничный текст под названием «Рабочая оппозиция», распространенный накануне съезда. Александра Коллонтай описала движение следующим образом: «Оппозиция состоит почти исключительно из профессионалистов […]. Кто такие профессионалисты? Рабочие, та часть передового авангарда русского пролетариата, которая на своих плечах вынесла все трудности революционной борьбы и не распылилась по советским учреждениям, утратив связь с рабочими массами, а осталась с ней связанною».

Александра Коллонтай. 1920-е. [РГАКФД]

Очертив таким образом границы конфликта, существовавшего между партийным большинством и «рабочей оппозицией», Коллонтай, подвергнув беспощадным нападкам утверждения Ленина, подробно остановилась на роли профсоюзов, которые охарактеризовала как «инструмент воспитания масс, тогда как их дело — управление народным хозяйством». Для Коллонтай инициатива со стороны масс являлась неотъемлемым элементом правильной системы управления экономикой: «партия не может воспитать строителя коммунистического хозяйства», на это способен лишь профсоюз. Чтобы исполнить свое предназначение, партии следовало «изжить бюрократизм», который ее обуревал, и Коллонтай предлагала набор средств для этого, включая принцип выборности в партии и большую открытость по отношению к рабочим. В своем заключении она недвусмысленно утверждала, что оппозиция необходима: «Не даром массовик-рабочий говорит уверенно и

примиряюще: „Ильич подумает, обмозгует, послушает нас да повернет партийный руль на оппозицию. Ильич еще будет с нами!“» И еще: «Чем скорее партийные верхи учтут работу оппозиции и шагнут по намеченному низами пути […] тем скорее мы переступим заповедный рубеж, где человечество, освобожденное от экономических, вне его лежащих законов, начнет по воле богатого научными ценностями коллектива сознательно творить историю человечества эпохи коммунизма». Примирение между оппозицией и партией на условиях, предложенных первой, должно было стать тем моментом, когда над человечеством перестанет «довлеть необходимость». Это упоминание о мечте Карла Маркса многое говорит о силе и убедительности предложений Александры Коллонтай, которые она изложила в этом документе и представила на рассмотрение партии накануне X съезда.

Александра Коллонтай. 1920-е. [РГАКФД]

Речь Александры Коллонтай не единственная в своем роде. Шляпников говорил то же самое, но брошюра «Рабочая оппозиция» была ее рук делом, она под ней подписалась. Это не могло быть безразлично Ленину.

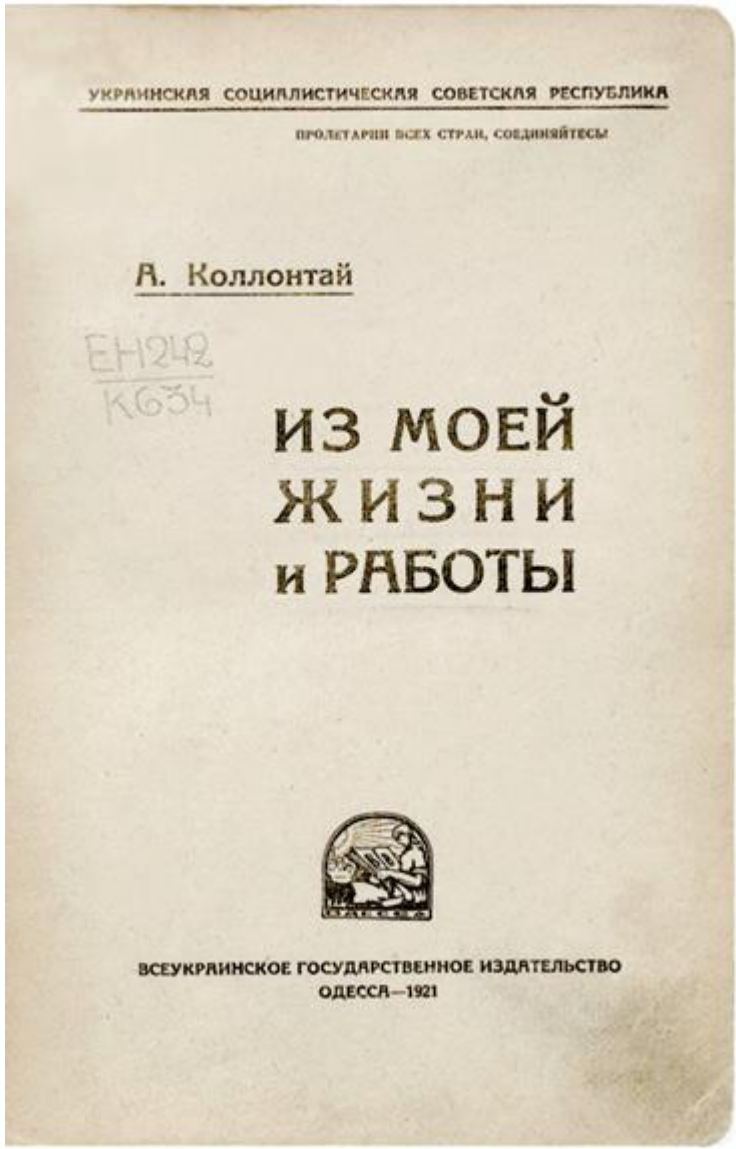
Заседания X съезда, открывшегося 8 марта 1921 года, протекали на фоне исключительно тяжелого политического кризиса. 1 марта произошло восстание кронштадтских матросов. Кризис предвидели, материальное положение русского народа весной 1921 года было ужасающим — как в деревне, так и в городе. За два года русскую деревню опустошили восстания, вызванные принудительным изъятием зерна у крестьян. Настоящие армии (Махно на Украине, Антонов в Тамбовской губернии) заставили десятки тысяч крестьян подняться против большевистской власти, которая отвечала необычайно жестокими карательными экспедициями.

В 1921 году страна почти погрязла в анархии. В городах также сложилось тяжелое положение, в первую очередь по причине нехватки продовольствия. В январе 1921 года хлебный паек, выдававшийся горожанам, был уменьшен на треть. Рабочие, которым и без того едва хватало еды, ответили забастовками, парализовавшими Москву, Петроград и другие города. В феврале 1921 года Петроград, казалось, находился на грани всеобщей забастовки, а 1 марта мятеж охватил Кронштадт — базу Балтийского флота. Матросы линейных кораблей «Петропавловск» и «Севастополь» взбунтовались и потребовали передачи власти Советам, но без коммунистов. Резолюция, с которой они обратились к правительству, содержала также требования свободы собраний и, что особенно важно, свободы труда для крестьян.

Власти ответили насилием. Троцкий руководил разгоном кронштадтской «коммуны», который на месте проводил Тухачевский при участии бывших офицеров царской армии. Свыше пятидесяти тысяч солдат было брошено в бой для подавления восставших численностью не больше пяти тысяч человек. Партийный съезд, проходивший с 8 по 16 марта, открылся в тот самый момент, когда Троцкий выдвинул мятежникам ультиматум с требованием сдаться. Восставшие не дрогнули. Можно легко представить эти заседания съезда: новости из Кронштадта приходили постоянно, а само восстание служило фоном для развернувшейся дискуссии.

Как только Ленин увидел Коллонтай в зале заседаний, где она готовилась переводить с французского выступление Жака Садуля, он заговорил с ней в несколько агрессивном тоне. «Что Вы делаете с этим типом?» — спросил он, прежде чем погрузиться

в чтение «Рабочей оппозиции», и это занятие привело его в нескрываемую ярость. На следующий день на сцену вышла «рабочая оппозиция». Первым выступал Шляпников, вслед за ним — Коллонтай, которую Ленин незадолго до этого пытался в кулуарах отговорить от выступления от имени оппозиции.



Обложка автобиографии А. М. Коллонтай «Из моей жизни и работы». 1921. [РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 1. Д. 32. Л. 1]

Шляпников и Коллонтай позаботились о том, чтобы в своих выступлениях отвести место партии. «Мы считаем обязательным

дисциплину и единство партии», — произнесли они. Выказав таким образом почтение к партии, Шляпников затем раскритиковал сверхцентрализованную политику правящего круга, тогда как Коллонтай, как и ранее, акцентировала внимание на разрыве между партией (рядовыми сотрудниками и руководством) и массами: «Партия стала бюрократией, чуждой массам, рабочему классу». «Рабочая оппозиция» в лице двух своих лидеров требовала от партии, чтобы та вернулась к своему изначальному предназначению, вновь став партией пролетариата, и порвала с бюрократами-карьеристами, узурпировавшими власть.

В качестве иллюстрации к тому, о чем они говорили, оба оратора приводили Кронштадтское восстание, которое представили как наглядный пример и результат измены революционным идеалам. Члены «рабочей оппозиции» надеялись, что этот мятеж встряхнет партию, подобно электрическому шоку, и заставит задуматься. Вот почему они уделили такое внимание данной теме. Но они и представить себе не могли, что восстание может повлиять на делегатов совершенно иначе. Вместо того чтобы подтолкнуть к размышлениям, кронштадтская трагедия их напугала и естественным образом побудила положиться в решении этой громадной проблемы на партийное руководство, а значит — на Ленина.

Ленин прямо ответил на критику «рабочей оппозиции» в адрес партии. Он выступил против «фракционности», тем более неприемлемой, что «революционное государство» пребывало в большой опасности. Он поставил на одну доску «угрозу анархии», возникшую из-за Кронштадтского мятежа, и синдикализм «рабочей оппозиции». «Рабочая оппозиция», продолжал Ленин, сумела прельстить хороших коммунистов плохими аргументами, но партия готова забыть об их сиюминутных заблуждениях и принять их в свои ряды. При упоминании Шляпникова и Коллонтай Ленин демонстрировал презрение и резкость по отношению к тем, кто нес ответственность за эти заблуждения, иронизировал над тем, что объединяло их и делало сообщниками.

THE RUSSIAN SOCIALIST FEDERAL SO

А. М. Коллонтай на Международной конференции коммунисток. Москва, 1921. [РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 1. Д. 31. Л. 57, 59, 60, 62]

Этот намек на личную жизнь Коллонтай и ее давнюю любовную связь со Шляпниковым глубоко задел Александру. Она увидела в нем проявление традиционного для мужчин чувства превосходства, против которого она всегда боролась, о чем свидетельствовал ее последний труд. Но, обвиняя Коллонтай и Шляпникова в анархизме, Ленин увязывал их позицию с Кронштадтским восстанием, с фракционностью, против которой предстояло ополчиться съезду. Резолюции, принятые по окончании съезда, показали, что Ленин намеревался разбить «рабочую оппозицию», не сделав ей ни малейшей уступки. Резолюция «О синдикалистском и анархистском уклоне в нашей партии», за которую съезд проголосовал 16 марта, определяла движение как проявление в партии мелкобуржуазных настроений,

носителями которых являлись меньшевики и крестьяне. Эти настроения безапелляционно порицались, а те, кто их упорно защищал, не могли оставаться в партии. Их ожидало изгнание. Резолюция «О единстве партии» осуждала фракционность и возлагала на партию задачу по «немедленному изгнанию» всех, кто представлял для нее угрозу.

Пункт, касавшийся исключения из партии, устанавливал, что такое решение могло быть принято большинством в две трети голосов членов партии. Эту часть резолюции следовало держать в тайне, что свидетельствует о непростой дискуссии, предшествовавшей принятию резолюции. Радек заявил: «Положения об исключении являются чрезвычайно опасными положениями, которые однажды проглотят нас всех. Но в столь драматический для нашей страны момент я не вижу иного выхода, кроме как проголосовать за них, чтобы гарантировать единство партии». Аргумент о необходимости сохранения единства партии убедил даже самых колеблющихся. Но Радек был прав: ему предстояло быть «проглоченным» вместе со всеми, кто проголосовал за этот пункт.

Еще одно важнейшее решение X съезда — введение новой экономической политики (НЭПа), пришедшей на смену «военному коммунизму». Ленин предложил НЭП 8 февраля — в тот самый момент, когда на Кронштадтской военно-морской базе наметился раскол. Ленин объяснял участникам съезда, что России необходим переходный период. Вот так признание! Это означало, что в 1917 году Россия не была готова к социализму… Отсюда неизбежно следовало, что на партию возлагалась задача неотступно следить за тем, чтобы при переходе идеал оставался неизменным и страна не отклонилась от намеченной цели — социализма. Поэтому партия не могла ни принять, ни пойти на компромисс с чем-либо, что расходилось с установленной линией.

Съезд тем легче проголосовал за НЭП, что его участники сосредоточились на политических проблемах: единстве партии, борьбе против оппозиционеров и их организации. Если большинство делегатов съезда пошли на поводу у Ленина во время голосования по резолюции о единстве партии и осуждении оппозиционеров, то Шляпников, Коллонтай и их соратники яростно воспротивились этому. Шляпников пригрозил сложить полномочия во всех руководящих органах и заявил о своем праве обратиться в верховную для коммунистов инстанцию — Коминтерн, который должен был через некоторое время провести свой третий конгресс.

В ожидании заседания Коминтерна все члены «рабочей

оппозиции» проголосовали против вышеуказанных резолюций, за исключением Александры Коллонтай, поскольку на съезде она обладала лишь совещательным голосом. Она хранила молчание, размышляя о том, в сколь неприглядном виде ее выставил Ленин, а Бухарин усугубил положение, отпустив в ее адрес язвительную тираду. 17 марта Бухарин развлекал участников съезда цитатами из статьи Александры Коллонтай, в которой, говорил он, развивалась «сентиментально-религиозная» аргументация в отношении материнства. Александра отказалась полемизировать с тем, кто, по ее мнению, открыто презирал женщин. А изоляция, в которой она оказалась, лишь подстегивала это чувство.

Шляпникова Ленин, напротив, пощадил, оставив его в ЦК, несмотря на занятую им позицию и последующие колебания. В конечном итоге Шляпников согласился с решением Ленина, но это не помешало ему бороться против подчинения профсоюзов центральному аппарату партии. Таким образом, идейный спор с Лениным был далек от завершения. 18 марта 1921 года ситуация прояснилась. Шляпников остался в центральном аппарате. Дыбенко также избежал преследований со стороны Ленина, так как вскоре после подавления Кронштадтского восстания, давшегося дорогой ценой (погибшие исчислялись сотнями, раненые — тысячами), его назначили комендантом крепости. Через некоторое время Дыбенко покинул Кронштадт, отправился на борьбу с крестьянским восстанием в Тамбовской губернии и так в этом преуспел, что несколько месяцев спустя получил должность командующего войсками западного побережья Черного моря и, наконец, командующего 51-й Перекопской дивизией. Одновременно с этим самоучка Дыбенко посещал курсы Военной академии, которые окончил в 1922 году, что впоследствии позволило ему занимать высокие командные посты.

Александра писала ему, что из-за подозрений, которые она навлекла на себя в партии, она может причинить вред его карьере и поэтому ей пришлось отдалиться от него. Эти благородные замечания соответствовали ее характеру, но также являлись ответом на растущее охлаждение в их отношениях. Дыбенко был подвержен женским чарам, Александра сознавала, что разница в возрасте отдаляет их друг от друга, и порой ее обуревала ревность. Дыбенко, со своей стороны, испытывал некоторые сомнения в прочности их союза, его беспокоило возобновление связи между Коллонтай и Шляпниковым, а также тот факт, что об их совместной борьбе стало всем известно. Разве не их Ленин выбрал в качестве мишени для своей критики на съезде? Все это предвещало скорый конец их большой любви, и для Александры, тяжело переживавшей собственную политическую изоляцию, это

одиночество, наполнившее ее сердце, стало дополнительным испытанием.

Как всегда, Александра забыла за работой о трудностях в личной жизни. После конфронтации на X съезде она вернулась к проблемам женщин, чью судьбу рассчитывала изменить. В тот момент ее план был особенно смелым, поскольку она хотела добиться перемен в стесненном положении мусульманских женщин на окраинах страны. Женотдел набрал последовательниц в Средней Азии и на Кавказе — отважных женщин, поставивших себе цель защитить себе подобных, вынужденных подчиняться нормам ненавистного им обычного права. Совсем юных девушек заставляли выходить замуж за пожилых мужчин, которых они даже не знали. Им также приходилось заворачиваться в плотную ткань, скрывавшую их лица и тела и изолировавшую их от внешнего мира.

Женотдел бился за то, чтобы избавить их от уготованной им участи и открыть для них в Средней Азии клубы, где они могли бы посещать занятия и смотреть фильмы, а матери семейств на время посещения клуба сдавали бы детей в детские сады, открытые Женотделом при клубах. Конечно, обсуждению не подлежала сексуальная свобода, а тем более какая-либо деятельность вне семьи и дома, которой могли бы заняться женщины. Но клуб сам по себе являлся для них глотком свободы.

Случалось даже и так, что Женотделу удавалось оторвать девушек от семей и отправить их учиться в Центральную Россию. В то время наибольших успехов Женотдел добился на Кавказе, а конкретно — в Баку. Желающих нашлось не так много, но Женотдел сделал ставку на их добропорядочность. Наконец, Коллонтай выдвинула горячо поддержанную идею о том, что мусульманские женщины могли бы участвовать в Международном женском конгрессе, который должен был пройти накануне III конгресса Коминтерна.

Благоразумие сотрудниц Женотдела, внимательно следивших за тем, чтобы не оскорбить чувства своих собеседниц, привлекательность их предложений и методов (особенно притягательными для женщин, чья жизнь ограничивалась домохозяйством, были кинопоказы) оказались действенным средством привлечения симпатий на сторону Женотдела. Но все это также вызывало сильное недовольство мужчин, которые яростно противились чужеродному вмешательству в их образ жизни.

В тех регионах, где ислам глубоко укоренился в жизни сельского оседлого или кочевого населения либо имел на нее определяющее влияние, большевистская власть воспринималась

как враждебная по отношению как к религии, так и к мусульманским народам. Власть была русской, ее проект был русским, и народы Азии и Кавказа считали всех русских покорителями. Как можно игнорировать тот факт, что в Афганистане, граничившем со Средней Азией, еще в 1913 году вышла газета с заголовком: «Азия — азиатам!»?

Группа работниц женотдела ЦК ВКП(б). Слева от А. М. Коллонтай — А. Николаева, 2-я справа — К. И. Межинская. Москва, 1921. [РГАКФД]

Женотдел рассматривался местными мужчинами, обитавшими на окраинах бывшей Российском империи, в качестве орудия колониального господства. Цепляясь за традиционное отношение к женщине, противясь эмансипаторскому проекту Женотдела, маскулинное общество в конечном итоге разворачивало битву на политическом поле. В ответ власть называла мужчин, выступавших против предложений Женотдела, «контрреволюционной прослойкой».

Между тем противостояние было яростным и иногда кровопролитным. Женщинам, ходившим на собрания Женотдела, угрожали, их избивали, подвергали жестокому обращению, закапывали заживо. Тех, кто осмеливался скинуть чадру, преследовали, подвергали жестокому обращению, а совсем юных девушек, едва достигших половой зрелости, похищали и насильно выдавали замуж. Все это говорит о том, насколько проекты Александры Коллонтай и ее соперников нуждались в признании и поддержке со стороны большевистской власти, так как только она могла обеспечить их материальными и человеческими ресурсами,

необходимым им для ведения и расширения своей деятельности.

А. М. Коллонтай в рабочем кабинете. Москва, 1921. [РГАКФД]

Коллонтай могла ликовать! Накануне конгресса Коминтерна сорок пять женщин, преимущественно из Туркестана, прибыли в Москву без чадры, готовые столкнуться лицом к лицу с неизвестным им миром. Тогда она опубликовала в «Правде» статью, в которой объявлялось о том, что вторая женская конференция Коминтерна должна пройти в Москве с 9 по 15 июня 1921 года при участии особых приглашенных — мусульманских женщин. Какой успех для Коллонтай! В течение почти шести месяцев ей удавалось совмещать работу по организации деятельности Женотдела на мусульманской территории с курсами по экономике и «проблемам женщин» для юных работниц, которые партия поручила ей устроить при Свердловском университете. Однако лично Коллонтай этот успех не принес никакой пользы. Напротив, заседания Коминтерна оказались для нее ужасным испытанием, из которого она вышла морально подавленной и политически поверженной.

Третий конгресс Коминтерна открылся 21 июня в Кремле. Большевики хотели, чтобы этот конгресс был посвящен двум крупным проблемам: на нем предполагалось представить международному коммунистическому сообществу НЭП, чтобы закрепить его за собой, а также заклеймить левую оппозицию и

покончить с ней. Коллонтай заранее тщательно подготовила свое выступление. Она перевела на французский язык свой большой текст о «рабочей оппозиции» и раздала несколько экземпляров этого перевода некоторым делегатам, владевшим французским языком. В свою очередь, Ленин заранее распространил среди участников свой доклад о НЭПе, а Троцкий поступил аналогичным образом с партийными текстами, в которых осуждалась «рабочая оппозиция».

Коллонтай должна была сначала выступить с докладом о работе, проведенной в отношении женщин в рамках деятельности Коминтерна. В докладе не поднимались проблемы, и, слушая его, участники конгресса не выражали ничего, кроме плохо скрываемой скуки. Когда же Коллонтай увидела тексты, розданные партией, и заметила, что в зале царит атмосфера, благоприятная для Ленина и его тезисов, она решила также затронуть главные вопросы (НЭП и «рабочую оппозицию») и собиралась известить об этом Ленина. Он постарался убедить Александру не делать этого, призвав ее к партийной дисциплине. На что она ответила, что готова проигнорировать дисциплину. Таким образом, конфликт с Лениным перешел в открытую фазу. Благодаря кулуарным разговорам всем участникам столкновения было более или менее известно о готовившейся стычке, поэтому неудивительно, что все делегаты конгресса во главе с Лениным собрались, затаив дыхание, выслушать выступление Александры.

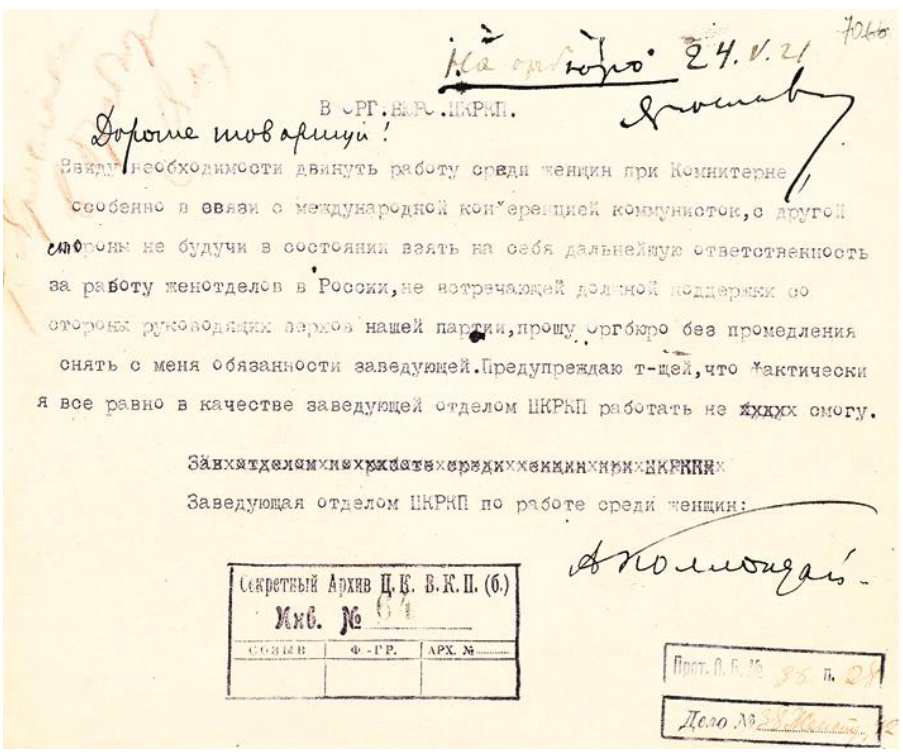
Александра выступала очень долго. Она говорила на немецком, главном языке Коминтерна, с жаром, и ее речь, как всегда, впечатлила аудиторию своей отменной аргументацией и стройностью изложения.

Александра Коллонтай. Портрет выполнен в период работы III конгресса Коминтерна. Москва, 1921. [РГАКФД]

Выступление началось с главной темы дня — НЭПа. Коллонтай прямо заявила, что в мире настал такой момент, когда капитализм находится при смерти и даже на последнем издыхании. В таких обстоятельствах НЭП является предательством по отношению к рабочему классу, поскольку лишает рабочих шанса прийти к власти. В России уже можно оценить катастрофические последствия НЭПа: капитализм оживает, нарождается новая буржуазия, а рабочий класс отстранен от принятия каких-либо решений. Бушующий в стране кризис — следствие выбора в пользу НЭПа. Выдвинув данный тезис, Коллонтай обратилась к Коминтерну с призывом поддержать «рабочую оппозицию», которая внутри партии стоит на страже интересов революционного пролетариата. После того как Александра произнесла речь на немецком языке, она по

своему обыкновению перевела ее на французский и английский.

Пока она говорила, большевистские руководители (Ленин, Троцкий, Зиновьев, Бухарин, Каменев, Радек и Рыков), сидевшие бок о бок позади Коллонтай, подчеркнуто выражали недовольство, безостановочно закатывая глаза, жестикулируя и перешептываясь. Зал, замерев, наблюдал за этим необычным зрелищем, и, когда Коллонтай закончила говорить, вместо взрыва аплодисментов, которым обычно завершались ее выступления, ее встретило гробовое молчание. Пока она выходила из зала, никто не поднялся, чтобы ее приветствовать, ни один приветственный жест рукой не нарушил эту враждебную демонстрацию. Участники конгресса не были готовы ради Коллонтай войти в число инакомыслящих, они ждали, когда им дадут слово облеченные властью коммунисты — в первую очередь Ленин, затем Троцкий и Бухарин. Все хором осудили недисциплинированность Коллонтай и допущенное ею нарушение партийных правил, затем насмешливо припомнили ее меньшевистское прошлое, которым, как заявил Троцкий, она всегда вдохновлялась.



В ОРГ. БЮРО ЦКРКП.

Дорогие товарищи!

Ввиду необходимости двинуть работу среди женщин при Коминтерне, особенно в связи с международной конференцией коммунисток, с другой стороны не будучи в состоянии взять на себя дальнейшую ответственность за работу женотделов в России, не встречающей должной поддержки со стороны руководящих кругов нашей партии, прошу Оргбюро без промедления снять с меня обязанности заведующей. Предупреждаю т-щей, что фактически я все равно в качестве заведующей отделом ЦКРКП работать не ххххх смогу.

Зав.хатделом.хнехрабатехсредихженщинхприхЦКРКПх

Заведующая отделом ЦКРКП по работе среди женщин:

Секретный Архив Ц. К. В. К. П. (б.)
Инв. № 64
СОЗЫВ | Ф.-ГР. | АРХ. №

Прот. О. Б. № 35 п. 24

Дело № 3 Июнь

Докладная записка А. М. Коллонтай в Оргбюро ЦК РКП(б) с просьбой освободить ее от должности заведующей Женотделом. 24 мая 1921. [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 175. Л. 70]

Перенеся эти оскорбления и признав поражение, Александра Коллонтай могла оценить последствия неприязненного отношения своих коллег. Когда она вернулась в Женотдел, то обнаружила, что и там стала паршивой овцой. Коллеги предпочитали держаться от нее на расстоянии, считая, что она представляет угрозу для их организации. Ответственные работницы Женотдела рассудили верно, ибо партия заставила его расплачиваться за инакомыслие Коллонтай, отобрав у организации сотрудников и финансовые средства. Некоторые работницы Женотдела предпочли уволиться по собственному желанию, не дожидаясь, когда их подвергнут дисциплинарным взысканиям, которые, как они думали, должны обрушиться на Коллонтай. Наказание последовало в январе 1922 года. ЦК отстранил Коллонтай от руководства Женотделом под тем предлогом, что она продемонстрировала свою несостоятельность в этой должности.

Обжаловать это решение не представлялось возможным, так как внутри ЦК партии не существовало апелляционной инстанции. Александра вернулась в Свердловск, чтобы вести занятия на своих курсах, затем ей пришлось выполнять очередное задание партии, которая поручила ей пропаганду в Одессе, где Коллонтай задержалась на полгода. Эта перемена далась ей тяжело, но она терпела, зная, что это, возможно, спасает ее от других бед, ибо на конгрессе Коминтерна она совершила еще один неосторожный шаг, который мог усугубить положение.

Тогда Коллонтай передала несколько экземпляров «Рабочей оппозиции» Гансу Райхенбаху, делегату Коммунистической партии Германии (КПГ), чтобы сохранить этот текст на случай его уничтожения в России и дать пищу для дебатов внутри КПГ. Некоторых германских коммунистов, как и «рабочую оппозицию», действительно беспокоила линия, навязанная Лениным своей партии. Коллонтай заранее попросила Райхенбаха использовать текст исключительно для внутрипартийной дискуссии. Но он поступил иначе. Текст «Рабочей оппозиции» был опубликован в Берлине, затем в Англии и даже в Чикаго и повсюду вызвал жаркие дебаты.

В Германии текст Коллонтай возмутил руководство коммунистической партии ввиду того, что содержавшаяся в нем критика бюрократии, ее властолюбия, презрения к пролетариату звучала в унисон со схожими мыслями, которые высказывали немецкие коммунисты, и верное Ленину руководство КПГ не могло с этим согласиться. Еще в 1912 году Александра Коллонтай вызвала гнев высокопоставленных немецких коммунистов,

раскритиковав их за реформизм. Десять лет спустя они вновь столкнулись с «опасной провокаторшей», так сильно шокировавшей их в прошлом.

А. М. Коллонтай при выходе из Театра музыкальной драмы (быв. Оперный театр Зимина), где проходило заседание 2-го Международного съезда коммунисток. Москва, 1921. [РГАКФД]

Неприязнь к Коллонтай со стороны КПГ плохо сказалась на ее отношениях с Коминтерном. Она не знала, что за время ее отсутствия в Москве Шляпников, не признавший авторитет Ленина и обвинения в свой адрес на X съезде РКП(б), вернулся в деревню и рассчитывал оттуда обратиться к делегатам XI съезда РКП(б), который должен был состояться в 1922 году, а также к исполкому Коминтерна. Противостояние Шляпникова с партией достигло невиданной остроты. Михаил Фрунзе, избранный в члены ЦК на X съезде, как заправский военный, каковым он и являлся, заявил, что действеннее всего вести диалог со

Шляпниковым под аккомпанемент винтовки. Поскольку Шляпников упорно критиковал НЭП на всех партийных уровнях, Ленин летом 1921 года решил потребовать его немедленного исключения из партии. Его требование не поддержали, и это свидетельствует о том, что НЭП вызывал в партии раздоры, а отношение к нему самых высокопоставленных партийных деятелей становилось все более жестким.

Самые ярые представители «рабочей оппозиции» возлагали надежды на XI съезд РКП(б), видя растерянность ЦК, в которой тот пребывал с тех пор, как был поставлен вопрос об их исключении из партии. Но Шляпников и его друзья не хотели лишать себя дополнительной поддержки и в феврале 1922 года, за месяц до XI съезда РКП(б), решили обратиться с тем же вопросом в Коминтерн. Шляпников направил в Отдел международной связи Коминтерна заявление, под которым стояла двадцать одна подпись. Александра присоединилась к петиции в последний момент, потребовав разъяснить позицию подписантов исполкому Коминтерна.

Коминтерн поручил комиссии, состоявшей из семи членов, в число которых вошли четверо русских (Троцкий, Зиновьев, Сталин и Рудзутак), немка (Клара Цеткин), англичанин (Артур Макманус) и болгарин (Васил Коларов), заслушать мнение «рабочей оппозиции». Слушания открылись выступлением Коллонтай 24 февраля 1922 года. Она рассказала о своей деятельности во главе Женотдела, озвучила проблемы, с которыми столкнулась, вплоть до отстранения от должности, стремясь прежде всего показать свою озабоченность несправедливостью выдвинутых против нее обвинений в недоработках и некомпетентности. 26 февраля комиссия рассмотрела заявление двадцати двух, в котором излагался идейный спор и утверждалось, что «рабочую оппозицию» преследовали и запретили. По завершении слушаний комиссия пришла к заключению, что «рабочая оппозиция» подорвала единство партии, за что и была осуждена. Заключение поддержал исполком Коминтерна.

XI съезд РКП(б), собравшийся 28 марта, возобновил разбирательства по делу «рабочей оппозиции». Партийному руководству пришлось признать, что делегаты настроены не так враждебно, как ожидалось. Причина крылась в том, что за последний год партия неоднократно проводила чистки на местах, следуя директивам X съезда, и многих членов партии они напугали. Разве это не предзнаменование будущих партийных чисток и исключений? Однако такая атмосфера, сравнительно благоприятная для оппозиционеров, продержалась недолго,

поскольку партию впечатлило выступление Ленина. В 1922 году уже было известно, что здоровье Ленина сильно пошатнулось. Ему приходилось несколько раз полностью прекращать деятельность ради отдыха и лечения. Думали даже, что он не сможет участвовать в работе съезда. Накануне разнесся слух, что он будет отсутствовать. Когда Ленин все же явился на съезд, ослабевший, сильно изменившийся, его внешний вид смутил всех участников.

Президиум 2-й Международной конференции женщин. Среди присутствующих — А. М. Коллонтай и К. Цеткин. Москва, 1921. [РГАКФД]

Но его мощная речь, обращенная против «рабочей оппозиции», и его энергичность, явно вернувшаяся к нему, своего рода отчаянная энергичность, потрясли партию. Ленина выслушали с особым вниманием и склонились перед его авторитетом, который никто больше не смел оспаривать. Ленин обвинил всех оппозиционеров во фракционности, запрещенной X съездом, и попросил, скорее даже потребовал, чтобы их немедленно исключили. Выбор в пользу НЭПа, который критиковала «рабочая оппозиция», давал партии, по мнению Ленина, лишний повод продемонстрировать свою принципиальность. Конечно, говорил он, НЭП — это отступление, но отступление временное, нацеленное на сохранение завоеваний революции. Когда армия вынуждена отступать, нет ничего важнее

дисциплины, к которой необходимо принуждать любыми средствами, а тех, кто во время войны нарушает этот принцип, расстреливают. Таким образом, у партии нет иного выбора, кроме исключения из своих рядов мятежников.

В своей речи Ленин отвел почетное место Коллонтай. Ей припомнили все: и меньшевистское прошлое, и «организацию» публикации «Рабочей оппозиции» в разных странах, что впоследствии дало противникам партии оружие против нее. Коллонтай выставили в роли чуть ли не главной представительницы «рабочей оппозиции». Александра защищалась, отрицая, что является главой оппозиции, объясняя, что ее работа была ранее опубликована без ее согласия и против ее воли, напомнив, наконец, что она порвала с меньшевизмом еще в 1915 году и с самого начала поддерживала Ленина и Циммервальдскую программу.

Шляпников и Коллонтай горячо объясняли, что именно побудило их встать в оппозицию. Прежде всего виной тому отрыв партии от пролетариата, повлекший за собой деморализацию и утрату доверия к партии со стороны многих ее членов и представителей рабочего класса. Эмоции, обуревавшие обоих ораторов, покорили аудиторию, и она, забыв о Ленине, бурно им аплодировала. Более того, она выразила свои чувства, свое согласие с тем, о чем говорили Коллонтай и Шляпников, когда отказалась исключить из партии тех, чьего исключения только что требовал Ленин. Поскольку партия не могла отвернуться от Ленина, большинство проголосовало за осуждение «рабочей оппозиции», исключение из партии малоизвестных членов и сохранение в ее рядах старых добрых большевиков во главе с Коллонтай и Шляпниковым.

Но Александра была освобождена от своих обязанностей. На должность заведующей Женотделом была предложена кандидатура Анжелики Балабановой, однако та с негодованием отказалась занять место товарки, которую высоко ценила. Пощадив Коллонтай, партия предупредила ее, что не потерпит с ее стороны какой-либо деятельности, которая может быть отнесена к разряду фракционной, и пригрозила ей окончательным исключением. Более того, Александра не могла так легко закрыть глаза на отношение к ней Ленина. Он ополчился на нее на XI съезде, выставил ее на посмешище, и она не могла надеяться в одночасье помириться с ним.

С Коминтерном дела обстояли не лучше. Отвратительные отношения Коллонтай с Зиновьевым не давали ей надежды на то, что Интернационал поручит ей какое-то задание или отправит в командировку. Конечно, формально она являлась членом

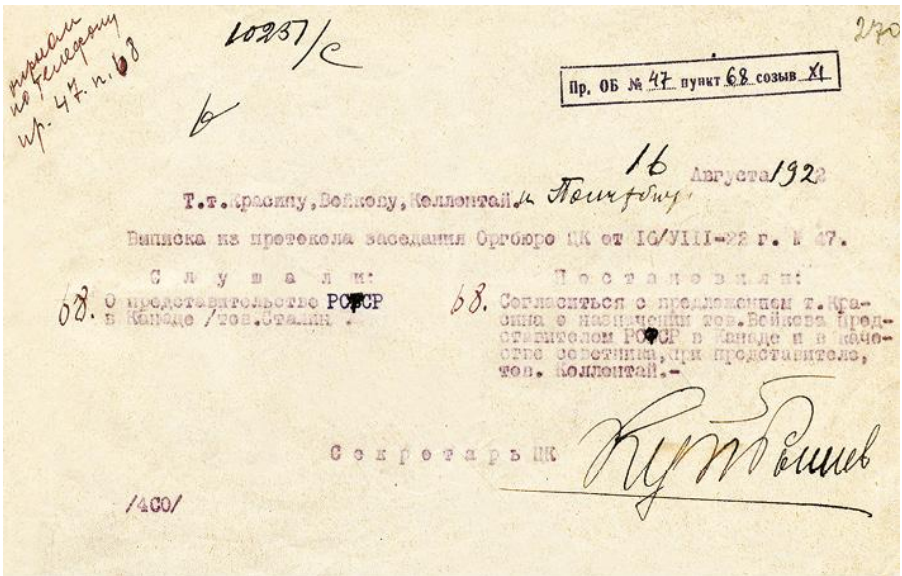
Международного женского секретариата Коминтерна, но, не желая иметь какого-либо отношения к Зиновьеву, она обрекала себя на участь невидимки. Таким образом, неутомимая Александра оказалась на задворках мира, к которому принадлежала, которому преданно служила и в котором так долго блистала.

Первое время Коллонтай не представляла себе иного способа ухода от своих проблем, кроме бегства. Ее привлекала Одесса, где находился Дыбенко. Партия скорее предоставила ей отпуск, чем отправила в командировку, и Коллонтай тронулась в путь. В Одессе она прожила два месяца, занимаясь в отсутствие деятельности писательством и мало видясь с Дыбенко. Тогда же он разыграл перед ней нелепую сценку, которая в итоге отдалила Коллонтай от непостоянного любовника: после одной из их бесконечных ссор он совершил попытку самоубийства, больше похожую на симуляцию, но всего лишь ранил себя в ногу. Для Александры это было уже чересчур, она отчаянно искала способ покончить с историей любви, в которой любовь уже умерла, предварительно запятнав ее репутацию.

Как ее осенило написать Сталину? Этот вопрос до сих пор остается без ответа. Записные книжки Александры хранят молчание. Сталин не входил в число ее знакомых. Ранее он являлся одним из членов коминтерновской комиссии по расследованию, которая вынесла обвинительный приговор «рабочей оппозиции». Однако с начала 1922 года Сталин занимал вновь учрежденную должность генерального секретаря ЦК партии, и никто тогда еще не знал, какие полномочия и власть таила в себе эта должность. Александра Коллонтай обратилась к Сталину с письменной просьбой дать ей какое-нибудь задание или должность, которые позволили бы ей быть полезной для партии. Эта скромная просьба вырвалась у нее в минуту смятения подобно тому, как бросают бутылку в море. Она изложила Сталину свои проблемы и попросила у него, ссылаясь на свой опыт и знание иностранных языков, назначить ее на любую должность неважно в какой стране, ближней или дальней, либо принять на работу в ТАСС.

К ее большому удивлению, ответ пришел скоро. Телеграмма (явный признак интереса, проявленного к ее просьбе) предписывала ей возвращаться в Москву, где Народный комиссариат по иностранным делам намеревался предложить ей дипломатический пост. Это исключительно хорошее предложение, так как карьера дипломата в ту эпоху еще была закрыта для женщин, к тому же Россия тогда едва приступила к возобновлению международных связей, которые она резко

оборвала в 1917 году. Наконец, можно вообразить, что идея предложить должность посла Александре Коллонтай не встретила благосклонности в ЦК. Но в столь закрытом дипломатическом мире у Коллонтай имелся близкий друг — Георгий Чичерин, который ее отстоял. В период заключения Брест-Литовского мира Чичерин сменил Троцкого в качестве главы внешнеполитического ведомства, и в 1922 году он вместе с Максимом Литвиновым совместно руководил российской внешней политикой. Чичерин являлся очень авторитетной фигурой, что сыграло на руку Александре Коллонтай.



Пр. ОБ № 47 пункт 68 созыв XI

16 августа 1922

Т.т. Красину, Бойкову, Коллонтай и Полпреду

Выписка из протокола заседания Оргбюро ЦК от 10/VIII-22 г. № 47.

Слушали: Постановили:

68. О представительстве РСФСР в Канаде /тов. Сталин/. 68. Согласиться с предложением т. Красина о назначении тов. Бойкова представителем РСФСР в Канаде и о назначении советника при представителе, тов. Коллонтай.-

Секретарь ЦК

/4СО/

Постановление Оргбюро ЦК РКП(б) о назначении А. М. Коллонтай советником представителя РСФСР в Канаде. 16 августа 1922. [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 362. Л. 270]

Сталин поддержал идею назначить Коллонтай на должность посла, но еще предстояло найти страну, которая согласилась бы ее принять. Ее репутация активной большевички была известна за пределами страны, а ее образ вовсе не соответствовал представлениям о дипломате, не говоря уже о том, что женщины в дипломатических кругах не приветствовались. Канада, с которой консультировались по этому поводу, отказалась рассматривать столь необычную кандидатуру. После долгих переговоров Норвегия в сентябре 1922 года выразила готовность принять ее, но не на должность посла России, которого в Норвегии к тому же не существовало (на такой уровень отношения между двумя странами на тот момент еще не вышли), а в торговое представительство. Александра Коллонтай

соглашалась на любое предложение, связанное с внешнеполитической деятельностью, и Норвегию знала. В течение последующих месяцев она готовилась к этой новой жизни, изучая дипломатический протокол и цели внешней политики своего государства.

Коллонтай могла быть признательна Сталину, который выслушал ее сетования и откликнулся на просьбу. С тех пор их отношения развивались столь же непринужденно, как и начались. Почему же Сталин поддержал ее, хотя она стала в партии изгоем, заслужившим сильное неодобрение самого Ленина? Ничто не позволяет ответить на этот вопрос, но можно полагать, что Сталин, только что обосновавшийся в генеральном секретариате, воспользовался шансом и включил в круг преданных ему лиц такую сильную и интеллектуально одаренную личность, как Александра Коллонтай. В час, когда начиналось незаметное восхождение Сталина, никого тогда в партии не беспокоившее, он, оказывая покровительство Коллонтай, мог поддаться искушению заполучить верного союзника на будущее. Как показали последующие события, он был прав.

Александра посвятила несколько месяцев накануне своего отъезда приготовлениям и особенно общению с друзьями и близкими. Миша был занят своей работой инженера и управлением отцовским имением, она знала, что ему не будет ее не хватать, но собиралась присматривать за ним издалека. Миша, как и неразлучная подруга Александры Зоя, обещали часто наведываться к ней, пока она будет на дипломатической службе, и их обещание звучало тем более серьезно, что Норвегия находилась недалеко и по традиции радушно принимала русских.

9 октября 1922 года Александра простилась с Мишей, Зоей и целой толпой друзей, которые провожали ее до вокзала. Ее сильно волновала мысль о начале новой жизни. Конечно, это была ссылка, но почетная. Она рассчитывала продолжить писать, ей удалось набросать планы нескольких книг благодаря вновь обретенному душевному спокойствию, которого она до этого лишилась из-за неприятностей, доставленных ей политикой. Ее отъезд, ее новое дело, тем не менее, не подразумевали отказа от политики, до этого момента являвшейся важнейшей частью ее жизни. Она всегда хотела изменить мир, изменить положение людей, прежде всего женщин, но теперь она собиралась сделать это, находясь за пределами собственной страны и используя новые средства. На должности дипломата Коллонтай оставалась политиком и собиралась и дальше служить делу социализма.

Глава восьмая. От революции к дипломатии

В октябре 1922 года Норвегия еще не признала Советскую Россию, и поэтому в норвежской столице Христиании не имелось ни посольства, ни посла этой странной страны. Действовала только дипломатическая миссия под руководством бывшего меньшевика Якова Сурица. Его помощником (или подчиненным, поскольку круг их обязанностей не был четко очерчен) являлся представитель Коминтерна Михаил Кобецкий. Ни тот, ни другой точно не знали, с какой миссией советское правительство направило Александру Коллонтай в Норвегию, но оба полагали, что, поскольку дело касалось такой сильной личности, одного из лидеров только что разгромленной «рабочей оппозиции», назначение Коллонтай на этот пост — скорее опала, чем повышение.

Приведенные в замешательство столь малопонятным и необъяснимым прибытием (протокольная служба Народного комиссариата по иностранным делам РСФСР работала по старинке), Кобецкий и Суриц совместно решили, что требуется осторожность и ни один из них не поедет на вокзал встречать Александру Коллонтай, чтобы избежать возможной ловушки.

По этой причине Александра, сойдя с поезда, не обнаружила ни одного представителя своей страны, который бы ее встречал, за исключением шофера и скромного служащего. Она никогда не комментировала столь странное отсутствие принимающей стороны и сразу же решила, что устроит жизнь представительницы России в Норвегии по собственному усмотрению.

Сначала она направилась в русское торговое представительство, куда заглянула лишь мельком. Затем, погнушавшись зарезервированным за ней номером в отеле, уехала в Хольменколлен, чьи великолепные виды на горы, возвышавшиеся над столицей, она так любила, и поселилась в семейном пансионе, в котором в прошлом провела немало счастливых дней. Ее не ждали, но приняли по-дружески, тепло, и с тех пор это место проживания стало для нее излюбленным в Норвегии. Ее сопровождала секретарь и близкий друг Мария Ипатьевна Коллонтай — та, что сменила Александру в жизни Владимира Коллонтая и, овдовев, стала ей товаркой в изгнании и ценной помощницей. В Хольменколлене Александра вновь увидела пейзажи, очаровавшие ее семь лет назад, и обрела

душевное спокойствие, столь благоприятное для интеллектуальной деятельности, которой она мечтала себя посвятить.

Александра Коллонтай. 1920-е. [РГАКФД]

На следующий день после приезда Коллонтай ей нанес визит один довольно видный субъект — жизнерадостный француз, хотя

и лысый, но носивший красивые усы, которого Александра несколькими годами ранее случайно повстречала в одной из поездок. Его звали Марсель Боди. Этот коммунист некогда приехал из Франции для участия в революции. Друг Виктора Сержа, он раньше работал с Зиновьевым в Петрограде, затем перешел в Коминтерн. Боди трудился в типографии Коминтерна, пока Зиновьев не отправил его в Норвегию в качестве своего представителя. Официально Боди являлся помощником Сурица, но при этом был полиглотом, французом, обладавшим прекрасными манерами, явными коммунистическими убеждениями и ореолом коминтерновского работника. Все это делало его гораздо более авторитетной фигурой по сравнению с официальным российским представителем.

В ходе своего первого визита Марсель Боди описал Коллонтай устройство российского торгового представительства, подчеркнув, что ей там присвоено звание советника. Боди посоветовал Коллонтай поселиться в столице, поблизости от представительства ее страны. Поначалу Александра отнеслась к визитеру с недоверием, поскольку тот был представителем Зиновьева — ее извечного врага. У Коллонтай сложилось впечатление, что за ней присматривают.

Но совсем скоро, в результате почти ежедневных бесед, отношения Александры Коллонтай с Боди изменились, перейдя от недоверия к дружбе и глубокому взаимопониманию, а затем, как известно, став еще более близкими. Коллонтай безропотно последовала совету своего нового друга и перебралась в Христианию, поселившись в отеле неподалеку от российского торгпредства. Через какое-то время по причине, слабо связанной с ее дипломатической миссией (Боди ничего ей об этом не говорил), Коллонтай решила заняться делом, наиболее для нее естественным и являвшемся неотъемлемой частью ее жизни, — писательством. Ради поддержания хорошего рабочего настроя она то жила в Христиании, то возвращалась в пансион в Хольменколлене, и такое распределение времени между двумя резиденциями, между городом и горами, по ее собственному признанию, стимулировало ее. Вот каким образом она за несколько месяцев завершила роман под названием «Любовь пчел трудовых», который, соединив в себе все излюбленные темы Коллонтай, принес ей славу. Добившись ранее признания в качестве полемистки и эссеистки, теперь она стала признанной романисткой. И это принесло Александре громадное удовлетворение.

Роман автобиографичен. Александра Коллонтай откровенничала в нем с удивительной искренностью и сильной

ностальгией. Героиня романа Василиса Малыгина — вылитая Коллонтай, женщина с убеждениями, большевичка, преданная женскому делу, неотступно следующая благородной цели: она хотела избавить женщин от предрассудков и материальных задач, возложенных на них капиталистическим обществом, чтобы позволить им жить одной любовью, материнством, а самое главное — трудом на общее благо.

Помимо этого проекта, роман повествовал о препятствиях и разочарованиях на пути главной героини. Любовь, соединившая Василису и Володю, — не что иное, как чувство, в течение нескольких лет связывавшее Коллонтай с Дыбенко. Это должна была быть любовь двух равных — товарищей и одновременно любовников. Василиса — настоящая коммунистка, вот почему она решает, что ее полезная для общества работа важнее брака и что муж-товарищ должен это понимать и приветствовать. Когда после разлуки она воссоединяется с мужем, то обнаруживает, что он теперь нэпман — человек, испорченный НЭПом, а не тот большевик, которого она знала и любила. Вместо того чтобы разделять с милым большевистские идеалы, как раньше, она вынуждена согласиться делить с ним только свою любовь. В конце концов Василиса уходит от мужа, оставляя его с другой женщиной — женщиной традиционных взглядов, которая хочет, чтобы мужчина ее защищал и содержал, женщиной, которая олицетворяет буржуазный мир.

Вернувшись в Москву, Василиса обнаруживает, что беременна. Она принимает простое решение: она вырастит своего ребенка одна, но не согласно буржуазным представлениям, а внутри коллектива. Это будет ребенок, воспитанный по коммунистическому образцу. То, что Коллонтай представляет как вымышленную историю, на самом деле является ее жизнью с Дыбенко в тот период, когда она уехала, чтобы с ним воссоединиться. Василиса обнаруживает, что, несмотря на революцию, из которой должен был выйти новый мир, связь героев и их брак остаются насквозь традиционными, а ложь и предательство являются их неизменным атрибутом. Как и Дыбенко, Володя желал, чтобы его жена была ему всецело предана, и, столкнувшись с ее отказом исполнять подобную роль, предпочел другую женщину. Откровенность и дух товарищества нового мира улетучились. Володя — это образ человека эпохи преданной революции, периода НЭПа. Это нэпман, ослепленный привилегиями, деньгами, отвергающий условия жизни обычного человека.

Потерпев крах как человек и политик, Василиса остается верна своей мечте. Вернувшись в Москву, она создает

коммунальный дом, в котором все материальные задачи решаются сообща, чтобы проживающие в доме женщины имели возможность посвятить себя служению обществу. Об их детях заботятся в яслях, находящихся все в том же доме. Там детьми занимаются профессиональные няни, всех их воспитывают в едином духе, это уже коммунистические дети, а не дети какой-то семейной пары или отдельно взятой женщины. В конечном счете Коллонтай в своем романе противопоставляет два мира: олицетворяемый Володей мир революции, сбитый с курса НЭПом и руководителями, присвоившими себе власть народа, и мир коммунистический, который таила в себе революция.

Этот роман открывал трилогию, каждая книга которой, как и «Любовь пчел трудовых», строится вокруг героини — воплощения революционных мечтаний. Каждая из этих трех женщин встречает любовь, но все три хотят совместить любовь с работой, полезной для общества. Любовь имеет смысл лишь при наличии такого баланса. Однако все три вынуждены признать, что сексуальная революция сдерживается силой предрассудков и обычаев. Они обнаруживают, что женщинам приходится расплачиваться за свою эмансипацию дорогой ценой — одиночеством. Лишь коммунистический проект дает им подлинную независимость внутри коллектива и гарантирует счастливую жизнь.

Этот роман, да и вся трилогия пользовались большим успехом и разнесли идеи Коллонтай по всему миру. Тем не менее стоит помнить, что успех этот во многом связан с недоразумением. Критики и читатели углядели здесь восхваление сексуальной свободы, если не распущенности. Многие сводили идеи Коллонтай об отношениях полов к «теории стакана воды», которая, как известно, так потрясла Ленина. К тому же литературный успех Коллонтай не был общепризнанным, с ней часто спорили феминистки, вместе с которыми она раньше трудилась над созданием Женотдела внутри партии. Предложения Коллонтай подверглись нападкам со стороны Полины Виноградской, ее бывшей коллеги по Женотделу. В критике Виноградской замечания о работах Троцкого об искусстве и новом обществе переплетались с мыслями Коллонтай. По мнению Виноградской, и в этом она солидарна с Троцким, не время было заниматься литературой, когда рабочие бились за решение проблем, непосредственно связанных с их выживанием, а женщин, о которых Коллонтай вела повествование, больше волновало, чем бы накормить своих детей, чем преобразовать сферу любовных отношений.

Через некоторое время все та же Виноградская с еще большим ожесточением набросилась на тезисы Коллонтай. Она

обвинила ее в том, что она «надувает паруса социалистического корабля ветром сексуальных проблем», объясняла это тем, что Коллонтай была и осталась мелкой буржуйкой, пропитанной «жоржсандизмом», носительницей идей Кропоткина и Толстого, и заключила свою тираду следующим образом: «Как могла она так долго считаться одним из лидеров феминистского движения не только в России, но и в Коминтерне?»

В политической обстановке, царившей в России 1920-х годов, такая атака могла стать разрушительной. Тем не менее она не имела успеха, поскольку Коллонтай благоразумно уехала из России, а ее дипломатический статус, после некоторой неопределенности, наконец получил подтверждение. Накануне выхода в свет ее романа Марсель Боди, игравший для Коллонтай роль посредника в отношениях с Кремлем, принес ей радостное известие: Литвинов, бывший тогда заместителем народного комиссара по иностранным делам, наконец-то распорядился, чтобы Суриц принял Коллонтай в торгпредство в качестве советника. Этого было недостаточно, но таким образом Коллонтай получила официальный статус. К тому же Боди уверил ее, что Суриц должен скоро покинуть Норвегию и ей предложат занять вакантную должность. Итак, это вопрос времени и терпения.

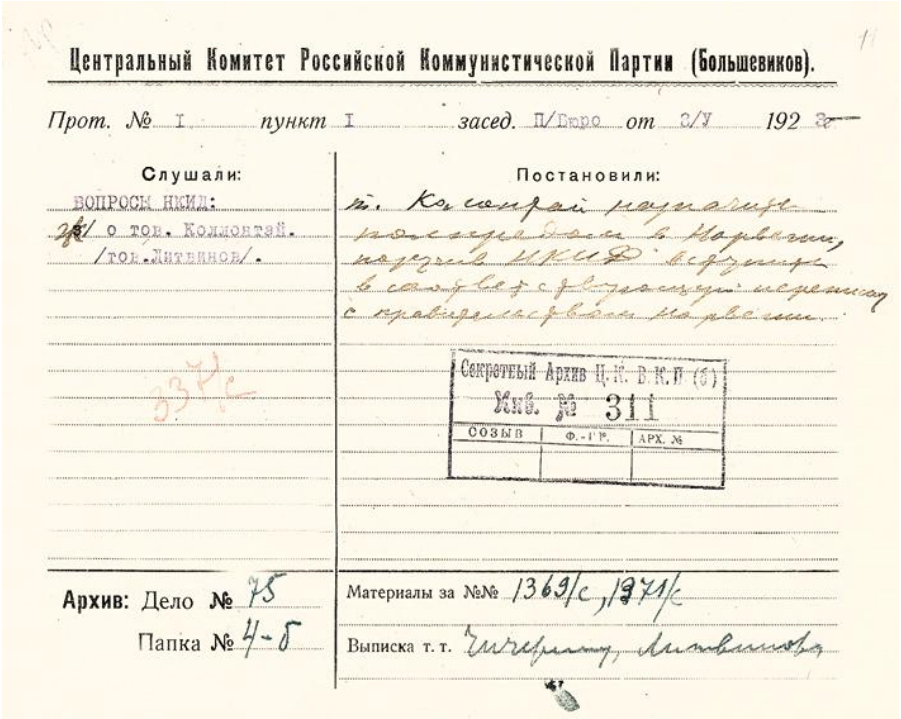
В декабре советское правительство дало Коллонтай задание, свидетельствовавшее о том, что оно ценило ее компетентность. Международная федерация профсоюзов собиралась провести в Гааге свой конгресс, посвященный проблемам мира. Коллонтай, чьи лингвистические дарования и способность убеждать были всем известны, поручили продемонстрировать собравшимся, преимущественно умеренным социалистам, сильные стороны программы мира из четырнадцати пунктов, которую отстаивали большевики. Ради поддержания мира большевистское правительство предлагало в первую очередь противопоставить буржуазным правительствам Объединенный фронт, аннулировать Версальский мир и опубликовать все секретные договоры. Участники конгресса, прибывшие из большинства европейских стран, а также большинство русских делегатов, меньшевики и эсеры, отвергли эти предложения. Зато, пока Коллонтай зачитывала заявление, в котором большевики объявляли о своем желании обеспечить женщинам равное положение, ей безудержно рукоплескали.

По возвращении в Христианию после этого в целом успешно выполненного задания Коллонтай столкнулась с деликатной проблемой личного свойства. Дыбенко объявил о намерении приехать и попросил ее помочь с получением визы, которую

норвежцы не хотели ему давать. В 1923 году у Дыбенко была репутация человека, подавившего Кронштадтское восстание и ответственного за массовое убийство моряков. Норвежская пресса ополчилась против него, заострив внимание на прекрасно известной и шокирующей связи между представительницей иностранной державы (Коллонтай) и «карателем» как свидетельстве «аморальности революционного государства». Коллонтай в свою защиту подчеркивала, что Дыбенко и она связаны узами брака, но тщетно — ее репутация пострадала.

Связанный с Дыбенко эпизод продлился недолго, так как Александра уже перевернула страницу. Она знала, что он живет другой жизнью, сознавала, что их связь, увенчанная браком или нет, вызывает раздражение в Кремле. Это была их последняя встреча, во время которой они пришли к заключению, что их любовь прошла. Конец отношений с Дыбенко вновь заставил Коллонтай столкнуться с одиночеством, но каждодневное присутствие Боди ее успокаивало. Поначалу она с презрением смотрела на «человека Коминтерна», но затем между ними завязалась дружба, и ее предубеждения на его счет развеялись. Еще раньше она поняла, что Зиновьев поручил приглядывать за ней и докладывать Коминтерну об ее отношениях и передвижениях в Норвегии Кобецкому, который часто расспрашивал Боди на эту тему.

Несмотря на волну критики, которая поднялась в Москве из-за романа Коллонтай, ее положение не замедлило измениться к лучшему. В мае она узнала о назначении Сурица в Турцию (позднее он стал советским послом в Париже) и поняла, что призвана сменить его. Конечно, оставленная Сурицем должность не относилась к числу высших в дипломатической иерархии, поскольку в компетенцию занимавшего ее лица входили в основном торговые отношения. В то же время Коллонтай приложила все усилия к тому, чтобы повысить значимость этого поста. Сверившись с телефонным справочником норвежской столицы, она обнаружила, что в нем по-прежнему упоминается посольство Российской империи. Она потребовала отказаться от упоминаний об этой структуре, всячески подчеркивая значение торгового представительства.


Центральный Комитет Российской Коммунистической Партии (Большевиков).

Прот. № I пункт I засед. П/Бюро от 2/V 192 3

Слушали:

ВОПРОСЫ НКИД:

2б/ о тов. Коллонтай.
/тов. Литвинов/.

Постановили:

т. Коллонтай назначить полпредом в Норвегию, поручив НКИД'у вступить в сношения с правительством о нашем признании.

Секретный Архив Ц.К. В.К.П. (б)
Инв. № 311
Созыв | Ф.-Гр. | Арх. №

Архив: Дело № 75
Папка № 4-б

Материалы за №№ 1369/с, 1371/с

Выписка т. т. Чичерину, Литвинову

Постановление Политбюро ЦК РКП(б) о назначении А. М. Коллонтай полпредом СССР в Норвегии. 3 мая 1923. [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 332. Л. 11]

В мае назначение Коллонтай вызвало скандал, поразивший ее. Хотя Александра завязывала и восстанавливала отношения с норвежскими левыми радикалами, представителями профсоюзов, женщинами-социалистками, вместе с которыми она еще в 1915 году организовывала в Норвегии мероприятия по случаю Международного женского дня, в первую очередь она занималась писательским трудом. Поэтому ее сильно удивило появление манифестантов, возмущенных ее назначением. Незнакомые ей норвежцы распространяли о ней позорные слухи. Особенно о ее личной жизни, которая описывалась как образец порочности. Поговаривали, что ее подлинная, секретная миссия заключалась в том, чтобы подорвать мораль в Норвегии. Ее малопривлекательный облик — Коллонтай изображали одетой, как мужчина, что в ту эпоху порицалось, употребляющей алкоголь, громко говорящей и дымящей как паровоз — был призван показать, сколь ужасную жизнь она ведет. Картину дополняли причастность к преступлениям революционного времени и выступления за «национализацию» женщин и детей.

Ошеломленная таким потоком злословия, Коллонтай, тем не менее, решила его игнорировать и невозмутимо исполнить то, что

полагалось ей по должности. Торгпредство в первую очередь отвечало за торговлю между Норвегией и Россией: продукты норвежского рыболовецкого промысла обменивались на русскую пшеницу. Коллонтай сосредоточила внимание на рыбаках и их улове — сельди, которой кишели норвежские воды. Ее усилия увенчались успехом, когда она заключила соглашение о покупке Россией соленой сельди и трески у норвежцев по цене, одобренной после долгих переговоров обеими сторонами. Самым важным было то, что это соглашение открывало норвежским рыбакам русский рынок. Впоследствии Коллонтай успешно провела второй, не менее сложный, раунд переговоров, касавшихся контроля и ограничения деятельности норвежцев в русских водах.

Воспользовавшись этими успехами, Александра Коллонтай решила покончить с нападками, жертвой которых она в тот период стала в собственной стране.

Помимо ядовитых упреков в ее адрес со стороны Полины Виноградской, у Коллонтай появился еще более серьезный повод для беспокойства. «Правда» регулярно публиковала статьи, подписанные А. М. К. В этих статьях в вульгарном виде представлялись размышления Коллонтай о любви и отношениях полов. Тогда ей приходило из России много возмущенных писем («Правда» утверждала, будто получает те же самые письма), в которых эти размышления назывались непристойными, опасными для общества, склоняющими молодежь к разврату. Коллонтай обвиняли в том, что она совершенно противоречит идеям партии и представляет собой угрозу для общества. По поводу статей, подписанных инициалами А. М. К., Коллонтай направила в «Правду» множество писем с требованием, чтобы газета разобралась с путаницей, возникающей из-за этих инициалов, и подтвердила, что редакция не является автором этих статей. Коллонтай даже обратилась к Сталину с просьбой вмешаться. Ничто не помогало.

Надеясь, что ей поможет успех, достигнутый ею в торговых переговорах, Коллонтай решила отправиться в Москву, чтобы уладить дело со Сталиным, и попросила принять ее. Она нашла отличный повод обосновать свою поездку и обращение к Сталину — необходимость отстаивания территориальных прав России на архипелаге Шпицберген. До 1920 года этот архипелаг, богатый каменным углем и усеянный рыболовными портами, не имел юридического статуса, и Россия делила доступ к его ресурсам с Норвегией и Швецией. Однако именно в тот год прошедшая в Париже мирная конференция признала суверенитет над архипелагом за Норвегией. Россия восприняла это как публичное

оскорбление и несправедливое лишение ее законных прав. Охваченная революцией Россия отсутствовала на торгах, развернувшихся в 1920 году, а значит, не могла отреагировать должным образом. Сталин, как и все большевики, хранил горькие воспоминания о мире и порядке, установившихся в результате переговоров без участия России. Со стороны Коллонтай, приехавшей узнать мнение Сталина о том, как его представительнице в Норвегии следует решать эту проблему, какие требования выдвигать, это был искусный ход и отличный повод добиться встречи с ним.

Alexandra Kollontay om Lenin

Lenin med familie.

Med stor elskverdighet mottok kjøs Alexandre Kollontay «Arbeiderbladets» medarbeider og oppfylte sin bønn fra forleden: å utale seg om de tanker som trår forgrunnen ved Lenins død.

— Lenin var ikke bare partiets nskodde fører, han var blit hele folkets tilbedte helt. Når der har vært snakket om Lenins utferdiger, må det huskes at Lenin både var regjeringschef og partiets formann. Som regjeringschef hadde han de vanskelige, de ingrate folkskommissærer Rykov, Kamenjev og Zurupa. Som partiets formann hadde han ikke noen official varamann, men som stedfortreder under hans sykdom har Stalin, Kamenjev og Sinovjev fungert.

— Mette De Lenin i Russland under revolusjonen i 1905?

— Ja. I forrosten kjenner jeg ham fra de tidligere landflyktige tene år. I 1905 oppholdt han seg halvt illegalt i Russland i ikke fullt ett år. Han var også allerede da meget populær blandt de revolusjonære. — Det store dramatiske øyeblikk under revolusjonen i 1905? — Det store dramatiske øyeblikk eller ikke i den første duma, den som skulle åpne våren 1906. Den var en innrømmelse til det russiske folk, gitt under inntrykket av revolusjonen i 1905. Men dumaen var ikke et parlament i egentlig forstand, den var mer en rådgivende forsamling, og det var grunnen til at bolsjevikene med Lenin syntes det var det rene sjalfleri for arbeiderne å ta del i den. De krevet en virkelig konstituerende riksforsamling. — Menasjevikene derimot mente, at det vilde være klokere å delta i dumaen og bruke den som en talerstol, hvortra de kunde nå ut til folket.

— Var Trotsky også i Russland da?

— Ja. Trotsky arbeidet på denne tid særlig med å organisere sovjetene som var arbeiderråd, som hadde stor politisk innflydelse i de dager. Denne innflytelse varte dog ikke mere enn 2—3 måneder. Så blev sovjetene undertrykt av reaksjonen. Trotsky, som var visepresident for Petrograd-sovjetene blev, da storreaksjonen fikk vind i seilene, arrestert og sendt til Sibirien. Ved samme tid måtte Lenin flygte til Finnland, hvor han blev i flere måneder og hvortra han som medlem av sentralstyret administrerte partiarbeidet i Russland.

Et av de store spørsmål som dengang skilte bolsjeviker og mensjeviker var jordspørsmålet. Bolsjevikene fremsatte krav på en fuldstendig nasjonalisering av jorden med ekspropriasjon av de store landeiendommer for derved å kunne kunne adelens politiske makt. Menasjevikenes krav gikk ikke lenmere enn til å overta makten i landsbygene. Menasjevikene var opportunister og vilde unngå enhver konflikt med de liberale, mens bolsjevikene, ledet av Lenin, hevdet en klar klassekampspolitikk og revolusjonære metoder.

— Hvad mener De var de bærende tanker hos Lenin?

— De krigen brøt ut i 1914 fremsatte han klart og tydelig de tanker som han senere har bygget ut fra. — Det øieblikk hvor en kapitalistisk krig bryter ut, så Lenin, er akkurat det øieblikk hvor arbeiderklassen finner de beste betingelser til å forvandle denne til en klassekrig og gjøre revolusjon til fordel for arbeiderne. Det er ikke noen der så tydelig som Lenin har forklart for arbeiderklassen i krigsøieblikket, at denne krig måtte forvandles til en klassekrig. De objektive betingelser var tilstede i det øieblikk vilkåret var i hendene på folket. De sykologiske betingelser var der også ved de tidligere krigen skapte for folket. Derfor var det øieblikket til å fremme revolusjonen. Lenin var overbevist om det, så det klart og arbeidet for det fra begynnelsen av krigen gjennem Zimmerwald og Kienthal op til begynnelsen av revolusjonen mot det russiske tsarvelde. Derfor var han aldri pasifist. Det er grunden til at han aldri sa: Noane krigen! men: Stop krigen — til en klassekrig og det vil atsi ikke bare denne krig men ved arbeiderklassens erobring av makten avskaffe krigen for alltid.

— Lenins tanker senere tanker, at ved anvendelse av den russiske revolusjon, var det øieblikk i verdenssituasjonen kommet, da arbeiderklassen ikke alene kunde ta makten i sin hånd, men da den måtte finne den form for statsstyre som er det beste og mest fyldestgjørende uttrykk for arbeiderklassens håp og ønsker. Denne form er sovjetstyret. Akkurat som borgerklassen, da den kom til makten utarbeidet parlamentarismens idé, slik måtte arbeiderklassen finne et system som vilde svare til denne klasses hensikter og mål. Parlamentarismens idé var rent politisk. Den styret livet ved juridiske lover og overlot kapitalismens økonomiske utvikling til sin anarkistiske frihet.

— Hvordan vil De karakterisere sovjet?

— Sovjet er en forbindelse av økonomisk og politisk administrasjon. Den er et arbeidernes representantskap som her å kontrollere og administrere produksjonen.

— Var det Lenin som først fremkastet tanken om sovjet?

— Det var ikke Lenin som skapte sovjetideen. Sovjet er den organisert instinktmessig av arbeiderklassen selv. Det var en massedannelse som først basert sig ved og til overflaten i 1905 og som igjen spontant steg op ved utbruddet av revolusjonen i 1917. Sovjetene eksisterte i 1917 ved siden av Kerenskis republikanske regjering. Men det er det største Lenin gjorde, det er det som vil overleve alt annet, at han slog fast, at sovjetene ikke er hjelpeorganer ved siden av regjeringen, de er ikke bare en annen form for fagforeninger, men de er den nye *form for regjeringsapparatet*. Og det er derfor han fremsatte dette krav: All makt til sovjetene. Det var kun som skapte denne grunnvold for det nye styresett: en sammenknytning av det økonomiske og politiske liv men basert på det økonomiske. Parlamentarismen styrer samfundslivet gjennem juridiske lover mens den økonomiske produksjon kommer anarkistisk. Sovjetsystemet har som sin hovedoppgave [illegible] av de økonomiske kreftes, deres organisering og derfor er det rent politiske liv så å si underkastet det økonomiske.

Dette er Lenins to store idéer, tanker som i lange, lange tider vil være som ledende stjerner for arbeiderklassen.

— Arbeide ikke Lenin særlig for kvinnenes deltagelse i det offentlige liv?

— Lenin tilla kvinnenes deltagelse i det sosiale og politiske liv overordentlig stor betydning. På den første kongress av bonde- og arbeiderkvinner i Moskva i 1918 uttalte Lenin: Enhver kvinne selv den beskjedneste hjemkjempe må lære å administrere staten. Og denne parole blev tat op av vårt parti som har sett det som en av sine viktigste oppgaver å organisere kvinnene og trekke dem til partiet. Lenin hjalp av all kraft til med dette. Han var tilstede på våre møter og gav oss artikler til våre kvinneblader og kvinnepamfletter. Og Lenin elsket barn. Selv hadde han ingen, men han hadde en liten niese som hadde hans store lidenskap. Jeg minnes et lite trekk. Det var høsten 1921. Lenin kom litt sent til et møte og grunnen var at han selv personlig hadde vært ute i skogen for å hente pinetre til sin niese og han var sorget over at det vakre, lille tre hun hadde funnet.

— Kommer Lenins død til å få noen innvirkning på Russlands politikk?

— Absolutt ikke. Statens politiske linje vil bli holdt aldeles

Sig

Efterlatte Kristiania
sen anskaffer leiler. Forsø
efter litt de av byens b
så kjente brandleiater. D
er det obligatorisk, som på
hos aldersmål forbaar brann
erfaringsvis er 20 år og
gården. Aslaksrud. Ringeri
år lag man set den vak
med helt leiler både form

Фрагмент статьи неизвестного автора «Александра Коллонтай о Ленине» из норвежской газеты «Арбеидербладет» («Arbeiderbladet»). Не ранее 1924. На норвежском языке. [РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 2. Д. 19. Л. 4]

Наконец, Коллонтай тянуло в Москву и по другой причине. Там жил Миша, который только что женился. Александра страдала от долгой разлуки с сыном. Эта рабочая командировка также сулила ей счастливые моменты в кругу семьи.

Летом 1923 года Москва была уже не тем столичным городом, который Коллонтай покинула, уезжая в Норвегию. В плане повседневной жизни все стало проще — НЭП принес свои плоды. Политический ландшафт также изменился. Тяжело больному Ленину обеспечили уход на Воробьевых горах. К тому времени он уже уступил свое место Сталину, чья власть ощущалась повсюду.

Александра Коллонтай и сопровождавший ее Марсель Боди, как подобает официальным лицам, разместились в отеле «Националь». Несмотря на физическое недомогание (не давало покоя сердце), Коллонтай выполнила все намеченное ею в народных комиссариатах — по иностранным делам и внешней торговли. Марсель Боди, рассказавший об этих визитах в памятной статье, отмечал, что из них не вышло ничего определенного, никто не принял четких решений и даже не объяснил свою позицию. Без слов понятно, что над всеми переговорами витала тень Сталина. Тогда уже стало известно, что все зависит от него. Поэтому обращение к Сталину, задуманное еще до отъезда из Норвегии, было как никогда необходимо.

Пока Александра Коллонтай вела свои официальные переговоры, она стала объектом странного и внушавшего беспокойство демарша. В отеле ей нанесли визит несколько членов бывшей «рабочей оппозиции». Один из нежданных визитеров, Николай Кузнецов, сказал ей: «Вы нас представляете за границей». Коллонтай, не будучи наивной, заподозрила провокацию и отказалась отвечать на этот призыв примкнуть к оппозиции.

И она не ошиблась, так как через несколько дней ее вызвала Центральная контрольная комиссия (ЦКК) РКП(б), предъявила ей запись беседы с недавними визитерами и тщательно расспросила ее обо всех предполагаемых связях с «рабочей оппозицией», которых на самом деле у нее больше не было. ЦКК вызывала Александру несколько дней подряд и, несмотря на ее заявления о невиновности, казалось, уличила ее в участии в несуществующем оппозиционном движении.

НЭП и правда вызывал возмущение у некоторых членов партии, которые рассматривали его как предательство по отношению к классовой борьбе и завоеваниям Октября. Поэтому бдительность ЦКК легко объяснима. Партия могла опасаться, как бы Коллонтай, все еще, несмотря на критику, пользовавшаяся большим авторитетом, не поддержала морально противников НЭПа и в более широком смысле всех тех партийных деятелей, которые пытались противиться растущей силе Сталина. Перед лицом следственной комиссии, решившей заставить ее признать, что она состоит в сговоре с оппозиционерами, Коллонтай сильнее, чем когда-либо, убедилась, что только объяснение со Сталиным способно помочь ей выпутаться из этого дела.

Встреча со всемогущим хозяином партии произошла в Кремле. Прибывшую Александру встретили близкие соратники генерального секретаря, Молотов и Куйбышев, затем ее впустили к Сталину. Впоследствии Коллонтай рассказывала Марселю Боди об этой встрече, подчеркивая лукавое дружелюбие Сталина. Тот осведомился о ее здоровье, деятельности, слухах и спросил, что бы он мог для нее сделать. В ответ она разразилась длинной тирадой, рассказав о своих неприятностях, провокации, допросах ЦКК, но также упомянула о публикуемых в «Правде» статьях за подписью А. М. К., которые обвиняли и порочили ее. Сталин выслушал ее «благосклонно», рассказывала она Боди. Он обещал ей вмешаться и уладить все проблемы.

Уже на следующий день Коллонтай привелось оценить искренность своего собеседника. Вызовы в ЦКК прекратились, а статьи, подписанные А. М. К., исчезли со страниц «Правды». Александра могла со спокойным сердцем завершить протокольные визиты, посвятить время Мише и друзьям, которых она была счастлива повидать. После этого она вернулась в Норвегию, утвердив свое положение и получив возможность более свободно работать. Ее первостепенная задача заключалась в том, чтобы добиться признания СССР Норвегией.

Достичь этой цели было нелегко. Конечно, торговые соглашения сблизили две страны. Но норвежское правительство испытывало сильную обеспокоенность. В страну прибывали странные туристы, искавшие контактов с норвежскими лейбористами и пытавшиеся убедить их присоединиться к III Интернационалу, тогда как сами лейбористы открыто заявляли о своей независимости. По возвращении из Москвы Коллонтай сумела успешно завершить две операции, сблизившие Москву и Христианию. Прежде всего она внесла вклад в создание совместной русско-норвежской мореходной компании. Затем, после подписания соглашения по Шпицбергену, Коллонтай

предложила норвежскому правительству начать переговоры о признании СССР. Ее тотчас же вызвали в Министерство иностранных дел, которое сообщило ей о своем согласии, и 1923 год завершился на столь хорошей ноте. Коллонтай думала, что может с уверенностью смотреть в будущее. Она и не подозревала, что политическая ситуация в России подорвет ее оптимизм.

16 января 1924 года, когда открылся XIII съезд РКП(б), все наводило на мысль о том, что Сталин собирается еще больше укрепить свою власть и сокрушить тех, кто ему противостоял. Любая оппозиция представлялась как противоречившая интересам пролетариата. Надежда Крупская была вынуждена взять слово от имени Ленина, который доживал тогда свои последние дни, окруженный тишиной и отрезанный от мира по воле Сталина, изолировавшего, прикрываясь медицинскими предписаниями, Ильича от власти. Крупская собиралась передать партии то, что впоследствии получило название «Завещание Ленина», — письмо к съезду, которое тот надиктовал, приложив последние свои сознательные усилия, чтобы отстранить Сталина от власти. В письме он изобличал избыточные полномочия Сталина и изъяны его характера, заявив, что тот недостоин занимаемого им положения. Последнее послание Ленина ничего не дало. Никто даже не осмелился его выслушать. Зиновьев утверждал, что опасения Ленина опровергаются фактами. Сталин торжествовал, а закат Троцкого близился.

Через несколько дней, 21 января, Ленин умер. Коллонтай тронуло это событие, и она устроила церемонию в память об Отце революции. Она говорила со свойственной ей пылкостью, хотя и не могла сдержать рыданий. Забыв о разногласиях, существовавших между ней и Лениным, Коллонтай переживала чувство огромной утраты и выражала уверенность в том, что он мог бы еще потрудиться на благо России. Среди заботивших ее вещей первое место занимало признание России в том виде, в каком ее выковал Ленин.

В январе 1924 года Коллонтай не единственная занималась этим вопросом. Проблема признания родины революции стояла и перед другими европейскими столицами — Лондоном, Римом, Стокгольмом. Александра поставила себе целью сделать Норвегию первой страной, которая признает Страну Советов, и усердно работала над тем, чтобы продемонстрировать норвежскому правительству выгоду, которое оно может из этого извлечь, в первую очередь в коммерческом отношении. Во время очередного раунда переговоров на данную тему, проходивших в Министерстве иностранных дел, Коллонтай заявила министру, что у того есть двадцать четыре часа, чтобы принять решение.

Визит Коллонтай и ее ультиматум имели место субботним днем в январе 1924 года. По понедельникам норвежский парламент не заседал, поэтому о своем решении мог сообщить только во вторник. Между тем Англия, а затем Италия еще до наступления вторника признали Советскую Россию. Ультиматум не достиг своей цели. Александре не удалось представить Норвегию самой передовой страной, лучше других понимающей важность России. Признание, которого она так страстно желала, было наконец получено лишь 15 февраля.

Но уже на следующий день после признания визит министру иностранных дел Норвегии нанесла не советник торгового представительства, а посол России. Еще через несколько дней Александре Коллонтай поручили устроить в Христиании настоящее посольство, и 6 сентября 1924 года она вручила свои верительные грамоты королю Норвегии. Совсем недавно такое было даже трудно вообразить. Революционерка, обвинявшаяся в тайном сговоре с целью убийства российского императора, его жены, детей и всего семейства Романовых. К тому же женщина-посол — явление невиданное в анналах дипломатической истории! И какая женщина: весьма вольных нравов, выступавшая за женскую эмансипацию и сексуальную свободу…

Тем не менее встреча революционерки и короля лицом к лицу состоялась. Революционерка стала послом и даже первой женщиной-послом. Трудно вообразить, какие чувства переполняли Александру Коллонтай в тот день.

Глава девятая. Посол Коллонтай

Январь 1925 года. Александра Коллонтай руководит русским посольством в Осло. Норвежская столица в начале того же 1925 года поменяла название: отныне Христиания стала Осло. В новых условиях Александре Коллонтай также предстояло преобразиться небывалым образом. Ее отличали элегантность (впоследствии купленную ею одежду живо критиковали в Москве) и пышные приемы, которые она проводила в посольстве. Так, прием, организованный 7 ноября 1925 года по случаю годовщины Октябрьской революции, особенно запомнился обильным и изысканным фуршетом, а также сопровождавшей его увеселительной программой. Комментарий Александры Коллонтай: «Все газеты пишут о нем, отмечая его великолепие… Никогда царское правительство не устраивало ничего подобного».

Как далеко суровая революционерка, заботившаяся о том, чтобы ее образ ассоциировался с рабочим классом, отстояла от этой женщины-посла, легко и с удовольствием вращавшейся в аристократических и дипломатических кругах Королевства Норвегия! И какой далекой ей могла казаться Москва с ее политическими столкновениями.

Тем не менее из Москвы присматривали за этой крупной личностью. И очень скоро ей пришлось это осознать. Одним прекрасным весенним днем 1925 года член ЦКК РКП(б) появился у советского посольства, окинув его критическим взглядом. «Почему над зданием не реет наше знамя?» — спросил он. Ему ответили, что, согласно обычаю, флаг поднимают только по праздничным дням. Не особенно удовлетворившись таким ответом, контролер принялся расспрашивать, какие меры предосторожности приняты, чтобы не допустить шпионажа, затем перевел разговор на тему, которая привела в замешательство его собеседников, поскольку он обращался поочередно к Александре Коллонтай и Марселю Боди — очевидно, они оба являлись объектом его профессионального интереса.

Александра Коллонтай. Англия, Лондон, 1925. [РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 1. Д. 31. Л. 68]

Как так получилось, что они не направляли в Москву донесения в отношении друг друга? Боди отметил, что его шокировал этот вопрос. Но и посланник из Москвы был шокирован — их доверительными отношениями и роднившим их схожим образом мыслей. Живя за границей, Коллонтай и Боди как-то позабыли о привычной для Москвы атмосфере

подозрительности, шпиономании и доносительства. Отвыкшие от подобных полицейских штучек, они реагировали на них до забавного наивно. Взбешенные словами контролера Александра и Боди, как только тот покинул Осло, написали гневное письмо Куйбышеву, тогдашнему секретарю ЦКК, с критикой «методов, не соответствующих коммунистическому духу».

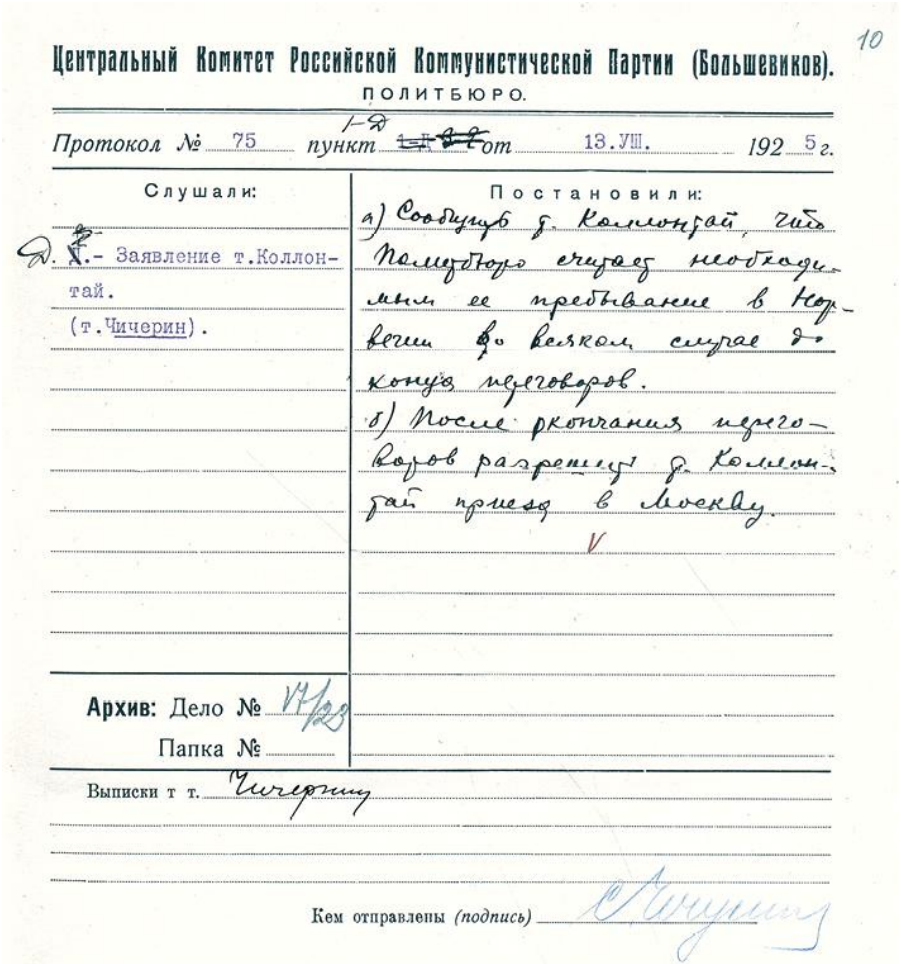
Реакция Москвы не заставила себя ждать. Жалобу передали тому самому контролеру, который решил в ответ поквитаться с ними и добился того, чтобы «виновных» разделили — Боди отозвали в Москву. Александра Коллонтай, сочтя такое решение неприемлемым, сразу же решила ехать в Москву вместе с Боди, попросила отпуск, чтобы быть вместе с ним и иметь возможность писать. Более спокойный, чем она, Боди сумел убедить ее повременить. К тому же он решил остаться в Осло, сделав вид, будто приказ из Москвы до него не дошел.

Тем временем у Александры Коллонтай появилась идея отправить в партийный архив письма, которые она ранее получила от Ленина. Эта инициатива, безусловно, не невинная, оказывала услугу Сталину. Весной 1925 года борьба между Сталиным и Троцким шла полным ходом. Еще в 1924 году Троцкий в статье «Уроки Октября» дал разгромный анализ того пути, которым партия следовала с начала революции. В том же году он утратил контроль над Наркоматом по военным и морским делам и был вынужден покинуть пост председателя Военно-революционного комитета. Тем не менее он не признал поражения.

В связи с этим письма Ленина, с которыми рассталась Коллонтай и которые предназначались для публикации в «Правде», были крайне полезны Сталину, поскольку в них содержалась критика Троцкого. Сталин, должно быть, воспринял жест Коллонтай как поддержку его позиции, и, быть может, именно по этой причине ее не стесняли в движениях, хотя как раз тогда политическая обстановка в СССР осложнилась, а положение бывших членов «рабочей оппозиции» стало более шатким, чем когда-либо.

Больше шести месяцев прошло с тех пор, как Боди получил письмо, отзывавшее его в Москву, и проигнорировал его. Но в ноябре 1925 года Литвинов известил Боди, что тому следует безотлагательно подчиниться приказу Москвы, тем более что преемник уже назначен и готовится занять его место в Осло. Он не мог больше медлить. Александра Коллонтай без колебаний приступила к осуществлению плана собственного отъезда, попросив Литвинова освободить ее от занимаемой должности. Свою просьбу она подкрепляла ссылкой на состояние здоровья,

которое особенно ухудшилось в 1924 году. Она просила отпуск, чтобы предпринять в Москве некоторые действия, которые позволили бы ей, как она надеялась, окончательно покинуть Осло.



Центральный Комитет Российской Коммунистической Партии (Большевиков).

ПОЛИТБЮРО.

10

Протокол № 75 пункт 1-Д от 13.VIII. 1925 г.

Слушали:

Д. 2. - Заявление т. Коллонтай.
(т. Чичерин).

Постановили:

а) Сообщить т. Коллонтай, что Политбюро считает необходимым ее пребывание в Норвегии до всякого случая до конца переговоров.

б) После окончания переговоров разрешить т. Коллонтай приезд в Москву.

V

Архив: Дело № 17/23

Папка №

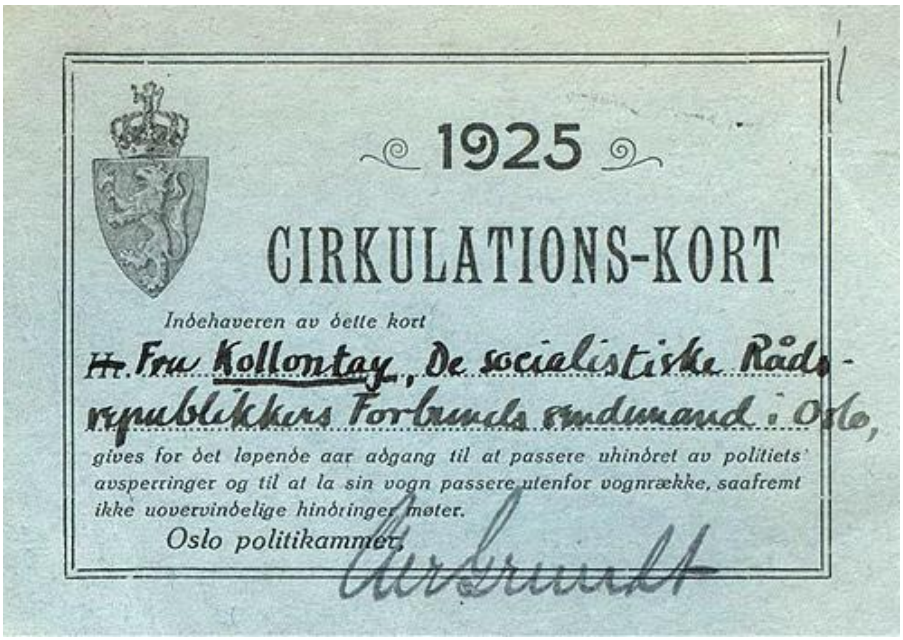
Выписки т т. Чичерину

Кем отправлены (подпись)

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о пребывании А. М. Коллонтай в Норвегии. 13 августа 1925. [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 502. Л. 10]

Ряд причин побуждал ее поступить подобным образом: помимо стремления не расставаться с Боди, это желание повидаться с Мишей и, наконец, подумать о своем здоровье. Кроме соображений личного характера, ею двигало стремление принять участие в разработке закона о браке, который тогда находился на подготовительной стадии. Коллонтай вдруг вновь живо заинтересовалась вопросами нравственности и прав женщин, которыми дипломатия заставила ее временно

пренебречь. Боди был вынужден уехать, Коллонтай поехала вместе с ним, но поначалу они, как школьники, двинулись по пути, который вел их в Берлин проездом через Стокгольм. В столице Швеции Коллонтай выступила на одной конференции, где говорила о «семье завтрашнего дня». Тем самым она включилась в полемику, которая развивалась в России. Она пылко изложила свою концепцию новой семьи и ее преимущества. На самом деле изложенное ею не особенно относилось к семье, скорее, речь шла о перечислении обязательств общества по отношению к женщинам.



1925

CIRKULATIONS-KORT

Indehaveren av dette kort

Hr. Fru Kollontay, De socialistiske Råds-republikkers Forbunds ambassadør i Oslo,

gives for det løpende aar adgang til at passere uhindret av politiets avsperringer og til at la sin vogn passere utenfor vognrække, saafremt ikke uovervindelige hindringer møter.

Oslo politikammer.

2

1926

CIRKULASJONS-KORT

Innehaveren av dette kort

~~Fr.~~ fru Kollontay, russisk

sendemand, Oslo,

gis for det løpende år adgang til å passere uhindret av politiets avsperringer og til å la sin vogn passere utenfor vognrekke, saafremt ikke uovervinnelige hindringer møter.

Oslo politikammer,

Aarbruudt

NUM. 69 3

REPUBLICA MEXICANA

SECRETARIA DE RELACIONES EXTERIORES

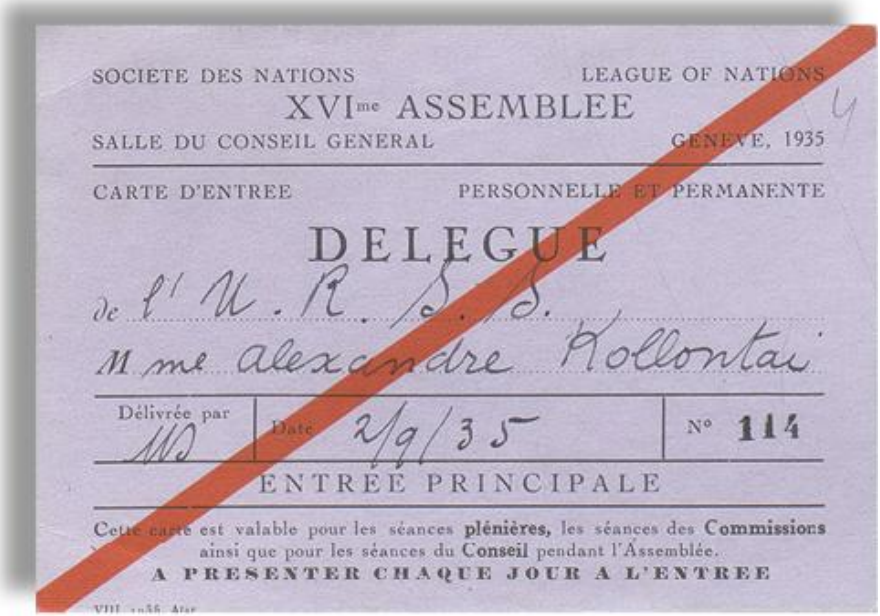
1927

TARJETA DE IDENTIFICACION PARA LOS SEÑORES MIEMBROS DEL CUERPO DIPLOMATICO EXTRANJERO ACREDITADO EN MEXICO

Excma. Sra. Alexandra Kollontai

E. E. y M. P. de la Union de las Repⁿˢ Sovˢ Socˢ

LAS AUTORIDADES CIVILES Y MILITARES PRESTARAN AL PORTADOR DE ESTA, LA AYUDA Y PROTECCION A QUE TIENE DERECHO, POR SU CARACTER DIPLOMATICO.


SOCIETE DES NATIONS LEAGUE OF NATIONS
XVIme ASSEMBLEE
SALLE DU CONSEIL GENERAL GENEVE, 1935
CARTE D'ENTREE PERSONNELLE ET PERMANENTE
DELEGUE
de l'U. R. S. S.
Mme Alexandre Kollontai
Délivrée par MD Date 2/9/35 No 114
ENTREE PRINCIPALE
Cette carte est valable pour les séances plénières, les séances des Commissions ainsi que pour les séances du Conseil pendant l'Assemblée.
A PRESENTER CHAQUE JOUR A L'ENTREE

Дипломатические пропуска А. М. Коллонтай в Норвегию, Мексику и Женеву. 1925–1935. Подлинники. На норвежском, французском и испанском языках [РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 1. Д. 11. Л. 1–3, 4]

Боди и Коллонтай наметили кое-какие планы на время своего пребывания в Берлине. Но все отменилось, поскольку Боди очень кстати встретил Христиана Раковского, тогдашнего советского посла в Париже, который настоятельно советовал ему вернуться во Францию и уладить там свои дела, чтобы избежать обвинений в дезертирстве. Боди подчинился этому почти приказу, а Коллонтай решила без дальнейших проволочек возвращаться в Москву.

В течение нескольких месяцев, проведенных в столице (о ее проживании позаботился Народный комиссариат иностранных дел), Коллонтай имела возможность следить за обсуждением брачного законодательства и убедиться, что ее идеи нашли в нем отражение. Брачные отношения, регулировавшиеся на тот момент законом 1918 года, являлись предметом напряженного публичного обсуждения. Требовалось ответить на ряд вопросов. Что есть брак? Что понимает под браком закон? Только официально зарегистрированный союз или неофициально тоже? Либо исключительно тот союз, который признан церковью? А как быть с сожительством? В 1918 году законодатель решил, что простая регистрация акта гражданского состояния должна заменить брак, в законодательстве появилось право разводиться

без формальностей и получать алименты. В 1925 году отмечалось, что все большее число пар не давали себе труда даже зарегистрировать свой союз, и жертвами такого положения вещей в основном становились женщины, когда такая женщина теряла работу или ее бросал муж, от которого она не могла ничего потребовать.

Это объясняет, почему в 1925 году сочли полезным поставить вопрос о признании законными любых союзов, будь то зарегистрированные или нет, что давало право на получение алиментов. Это предложение встретило сильное сопротивление, прежде всего со стороны крестьян. Ранее феминистские группы выдвинули идею, что алименты должны представлять собой средства, вырученные от раздела имущества, нажитого парой за время совместной жизни. Согласно закону 1922 года в сельской местности под определение собственности попадал и двор, то есть то, что являлось собственностью семейной общины, — строения, скот… Таким образом, раздел собственности означал изъятие всего имущества, принадлежавшего крестьянину, и не только ему одному, но и всем, кто имел отношение ко двору, включая братьев и других родственников. Крестьяне не могли с этим согласиться.

7 Novembre 1925

PROGRAMME

N. Rimsky-Korsakov

Hymne au Soleil

pour violon et pianos

Mrs Simonsen

A. Glasunov

Bacchanale Danse

Mlle R. Bruning-Sandvig

accomp. par Mrs Simonsen

P. Tschaikovsky

Canzonetta

pour violon et pianos

Mrs Simonsen

Danse russe fantaisie

Mlle R. Bruning-Sandvig

accomp. par Mrs Simonsen

Musique

Bernhofts band

Kommanderende Admiral
har den ære å innby
Marine Royale
Monsieur le secrétaire de légation Nimy
til déjeuner à Frognersæteren
lørs dag den 2/8 1928 kl. 1 3/4.

Formiddagsanbefalt. S. u.

Trikk fra Nasjonalteatret kl. 1 omtr. grunnet avreise kl. 1 omtr.

8

Den 25 / 7 1935

Smör, ost, sill

Blomkålspuré
Consommé m. äggula

Kokt kolja m. s:ce Hollandaise

Grytstek m. grönsallad
Kokt höns m. citronsås

Päron Maréchale
Jordgubbar

Kaffe

Коллонтай А.М.

УВАЖАЕМЫЙ ТОВАРИЩ!

„31" мая в „11 30" час. в помещении конференц-зала МИД СССР (под'езд № 7) состоится обсуждение первого тома Дипломатического словаря.

Главная редакция просит Вас принять участие в обсуждении.

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ

Л19/У-48 г. Тираж 200. Зак. № 4245. 1-я Образцовая тип.

Пригласительные билеты и визитные карточки А. М. Коллонтай. 1925–1940. Подлинники. На испанском, французском, норвежском, русском, нидерландском и шведском языках [РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 1. Д. 12. Л. 4, 5, 6, 8]

В городских кругах сопротивление оказалось не менее сильным. Отправной его точкой служила боязнь, что женщины, как слабое звено в паре, станут вступать в интимные отношения с единственной целью — получить алименты. В статье, опубликованной в газете «Известия», которая освещала эти дебаты, подчеркивалось, что женщины чаще всего поддерживают признание гражданских союзов равными зарегистрированным бракам, тогда как мужчины в городе и в деревне выступают против этого. Мужчин действительно беспокоило распространение такой модели отношений между мужчиной и женщиной, которая обязывала их платить алименты в случае разрыва отношений. Злые языки поговаривали, что новые правила породят новую человеческую породу — охотниц за алиментами; что многие безработные женщины, испытывающие проблемы со здоровьем или просто не желающие работать, обретут в готовящемся законе средство сравнительно легко разрешить свои материальные проблемы.

Коллонтай пришлось несколько пересмотреть свои взгляды, после того как она погрузилась в эти споры, оказавшись в стране, чье экономическое положение изменилось благодаря НЭПу: жизнь налаживалась, города снабжались продовольствием, появлялись новые рабочие места, а крестьяне возвращали себе средства

производства. Хотя в 1922 году Коллонтай резко критиковала НЭП, теперь она была вынуждена признать его благотворное влияние и, исходя из этого, скорректировать свои предложения относительно семьи.

Раньше она всегда считала семью эфемерной структурой, основанной на любви двух людей в определенный момент времени. После того как любовь улетучивается, продолжение совместной жизни больше не имеет смысла. Продолжением союза может стать рождение детей, но дети не собственность своих родителей, они будущие члены общества, которым предстоит трудиться на его благо. С этого момента именно на общество возлагается ответственность за жизнь и воспитание детей. Обеспечить все это должна коммунальная жизнь, так тщательно описанная во многих произведениях Коллонтай.

В 1926 году, констатируя, что НЭП утвердился и имеет свои положительные стороны, Коллонтай была вынуждена признать, что такая политика может продлиться определенное время и что семейное законодательство должно считаться с этим новым обстоятельством. Коллонтай смирилась. Следовательно, коммунальное устройство быта — с его общими квартирами, столовыми, устроенными в жилых домах, яслями — откладывалось на неопределенное время, тогда как изложенные в новом законе положения, прежде всего касавшиеся алиментов, требовалось учитывать.

Коллонтай, отдававшая коллективной ответственности предпочтение перед индивидуальным решением, предложила возложить обязанность по уплате алиментов не на отдельного индивида, а на общий страховой фонд, формируемый за счет налога или сбора, уплачиваемого всеми работниками, в размере не менее двух рублей с человека. Этот фонд использовался бы также для финансирования учреждений, необходимых для ухода за детьми и матерями, оказавшимися в трудной жизненной ситуации. Тем самым общество по-прежнему играло бы свою роль в защите будущего коммунистического гражданина.

Коллонтай также выступила с предложением, чуждым социалистическому образу мысли, а именно: заключать одновременно с браком договор, определяющий обязательства и обязанности супругов. Идею заклеймили как «капиталистическую» и отвергли, невзирая на личность той, что ее предложила.

Говоря о женщинах, Коллонтай противоречила большинству марксистов уже в том, как она определяла женщину. Если, с точки зрения марксистов, женщина являлась существом слабым, а мужчина — сильным, обязанным ее защищать, то Коллонтай

считала, что женщина сильна от природы, а ее слабость, всегда выдвигавшаяся на передний план, лишь следствие ее приниженного положения, пренебрежительного и покровительственного отношения к ней, принятого мужчинами во все времена, о чем свидетельствовала сама идея алиментов, которую Коллонтай отвергала. Ей нравилось вспоминать, как Маркс признавался по секрету своей дочери Лауре — будущей Лауре Лафарг, подруге Коллонтай, — что, по его мнению, величайшей добродетелью мужчины является его сила, а величайшей добродетелью женщины — ее слабость. Троцкий — единственный в то время русский коммунист на руководящей должности, кто проявил интерес к дебатам о браке и, скорее, сочувственно относился к женскому вопросу, — тем не менее, разделял уверенность Маркса, что слабость — отличительная черта женщин.

В ходе этих дебатов Коллонтай и ее концепция полового поведения подверглись критике. Александру обвиняли в отстаивании неограниченной, ничем не сдерживаемой сексуальной свободы, в поощрении отношений со многими партнерами или несколькими партнерами одновременно, в развращенности и, наконец, упрекали в том, что, предлагая страховой фонд вместо алиментов, она освобождает людей от ответственности в любовных отношениях. Словом, все в Коллонтай, по мнению ее критиков, свидетельствовало о буржуазных представлениях и происхождении!

Особенно яростным нападкам она подверглась со стороны своей бывшей коллеги по Женотделу Софьи Смидович, которая поставила ей в вину стремление разжечь среди женщин «африканские страсти». Выражение удивительное, но за ним скрывался конкретный упрек в желании стать свидетельницей рождения женщины нового типа, чья сексуальная жизнь зависела бы исключительно от ее собственной воли. По мнению Смидович, эти «африканские страсти» обрекали пары на половую распущенность и постоянную нестабильность, тогда как в СССР (ибо в 1926 году новая страна, чье название не отсылало ни к нации, ни к территории, существовала уже два года) считалось, что семья является составной частью общества, и отвергался разврат как явление, подрывающее социальную энергию. Ленин, когда критиковал теорию «стакана воды», уже настаивал на необходимости пролетарской морали как составной части его борьбы.

Такой взгляд на отношения между полами был в 1926 году столь же чужд Коллонтай, как и в начале революции. Тогда она видела в этом пережиток буржуазной мысли или буржуазное

влияние, которому подверглись некоторые большевики. Теперь же, в 1926 году, именно ее упрекали в «буржуазном взгляде на мораль и секс», «взгляде интеллигентки» — как однажды написала Смидович. Впервые к Коллонтай относились именно как к представительнице интеллектуальной элиты, или интеллигенции, но в то же время и как к буржуйке, что портило ее образ. Никто не предполагал в 1926 году, что совсем скоро этот упрек будет использован для разгрома оппозиционеров.

Быт и брак

(Доклад т. А. М. Коллонтай в Доме Союзов)

НОЖНИЦЫ.

Эти толпы молодежи, теснящиеся на подступах к Дому Союзов, переполненные, до отказа набитые зал,

проходы, коридоры, напряженное внимание, с которым слушался доклад, поток записок—о чем свидетельствует все это, как не о жизненности темы:

— «Быт и брак»!

Новый быт и старая психология—взаимоотношения между ними—таков исходный пункт положений т. Коллонтай.

Существующая дискуссия о браке практически направлена либо за, либо против нашего брачного кодекса. Не представляет ли он какого-то расхождения, «ножницы» между новым бытом и старой психологией?

Не сказывается ли в нем старая психология, не понявшая еще условий и особенностей нового быта?

РЕГИСТРИРОВАТЬ ЛИ БРАК?

Не приходится говорить о закреплении старых форм брака. Но в какой мере, необходимо вообще, какое-то закрепление брачных уз?

Часть населения во главе с крестьянством стоит за закрепление брака. Но для крестьянства семья, прежде всего — производственная ячейка.

Для рабочего—семья, прежде всего, потребительская ячейка. Для рабочего формальное закрепление менее значимо. Тов. Коллонтай полагает, что какая-то регистрация браков существовать должна. Но можно ли так закрепить брак, чтобы он не разваливался?

Мыслимо ли при существующих условиях заставить мужчину и женщину оставаться верными брачным узам?

Тов. Коллонтай напоминает о знаменитом наполеоновском жестком законе о браке, разве спас он «брак» во Франции? Разве несмотря на свои законы Франция не является страной наименее устойчивого брака? В конце концов, «жесткие» законы приводят к тому, что их вынуждены обходить.

АЛИМЕНТЫ?

Наш закон об алиментах с точки зрения докладчицы вовсе неудовлетворителен. Он рассчитан на зажиточные классы, группы общества. Закон предписывает обеспечение мужем жены, разводящейся с ним.

Но как можно требовать обеспечения со стороны почти необеспеченного или сама обеспеченного пролетария?

Алименты представляют собой мелко-буржуазный институт, к слову сказать, существующий в Норвегии 10 лет.

Зато в Норвегии молодые люди, чтобы избежать алиментов, предпочитают проституток. Не служит ли это предостережением?

ВМЕСТО АЛИМЕНТОВ...

Тов. Коллонтай противопоставляет закону об алиментах новый проект:

— Самострахование матерей. Фонд для обеспечения материнства и детства. Унизительные алименты должны быть—отвергнуты. Создание касс для страхования матерей. Коллектив должен взять на себя заботу об обездоленных женщинах.

Должен быть введен **подоходный прогрессивный налог на все работоспособное мужское население:** общественные всеобщие постоянные алименты.

Никакое закрепление брака невозможно. «Закрепляющим» законам тов. Коллонтай противопоставляет имущественно-хозяйственные договора различных типов—одного типа для крестьянства, другого—для рабочих семей, третьего—для служащих. Но и при этом делении договора должны быть различных форм, в зависимости от состоятельности различных общественных групп.

Таковы неожиданные и оригинальные проекты т. А. М. Коллонтай.

Н. Н.

Статья неизвестного автора «Быт и брак» в газете «Вечерняя Москва» о докладе А. М. Коллонтай в Доме союзов. 26 января 1926. [РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 2. Д. 24. Л. 1]

После ожесточенных споров закон о семье был принят. Это свидетельствует о желании партии сохранить семью, основанную на традиционных представлениях о роли женщины и матери.

Когда Светлана Аллилуева, дочь Сталина, делилась с представителями Запада своими воспоминаниями об отце, она подчеркивала его привязанность к классической модели семьи и роли женщины в обществе. Женщина, с его точки зрения, не была на самом деле равна мужчине. Закон 1926 года отражал идеи Сталина и показал ориентацию, которая будет навязана советскому обществу с 1930-х годов.

Для Александры Коллонтай месяцы, проведенные в спорах о законе о браке, получились одновременно захватывающими (это последний раз, когда общество в стране Сталина призвали выразить свое мнение) и не оправдавшими надежд. Несмотря на реальные уступки, особенно в вопросе аборта, право на который, по мнению Коллонтай, проистекало из свободного распоряжения женщины своим телом, мир без семьи был отодвинут в необозримое будущее. Закон, закреплявший существование семьи, а не ее упразднение, предоставил ей возможность в последний раз побороться за столь близкое ей дело — за судьбу женщин всего мира. Когда борьба завершилась, ей пришлось улаживать собственные дела, а именно: передать ключи от советского посольства в Осло преемнику, проститься с норвежскими властями, всегда выказывавшими ей радушие, и приготовиться к новому этапу своей дипломатической жизни.

По пути в Осло Коллонтай проехала через Берлин, где встретилась с Рут Фишер, авторитетной деятельницей Коммунистической партии Германии и Коминтерна, которую Сталин сломил через несколько лет, приказав убить Маслова (однофамильца бывшего возлюбленного Александры) — человека, с которым Фишер делила жизнь. Коллонтай всегда чувствовала себя легко с немецкими коммунистами, поэтому без колебаний поведала Рут Фишер о чувствах, которые она испытывала после нескольких месяцев, проведенных в Москве. Она рассказала, что ее беспокоит происходящее в СССР, описала абсурдную и бесконтрольную борьбу за власть, «противоестественное» развитие партии, которая стала машиной, перемалывающей людей, на службе у небольшой горстки избранных, и, наконец, сообщила о подавленном состоянии, в которое привело ее зрелище, означавшее крах всей ее жизни и

всего, за что она боролась. На Рут Фишер, сильную личность, отчаяние Александры произвело глубокое впечатление. Она поделилась с товарищами тревогой, которую испытывала Коллонтай и которая передалась и ей. Эта тревога была так сильна, что даже в 1960 году на семинаре, проходившем в Париже и посвященном Коминтерну, Рут Фишер вспоминала о своей встрече с Коллонтай, ее откровениях, о весьма пугающих выводах, которые она сама из них сделала и которые впоследствии, с началом сталинских репрессий, подтвердила сама жизнь.

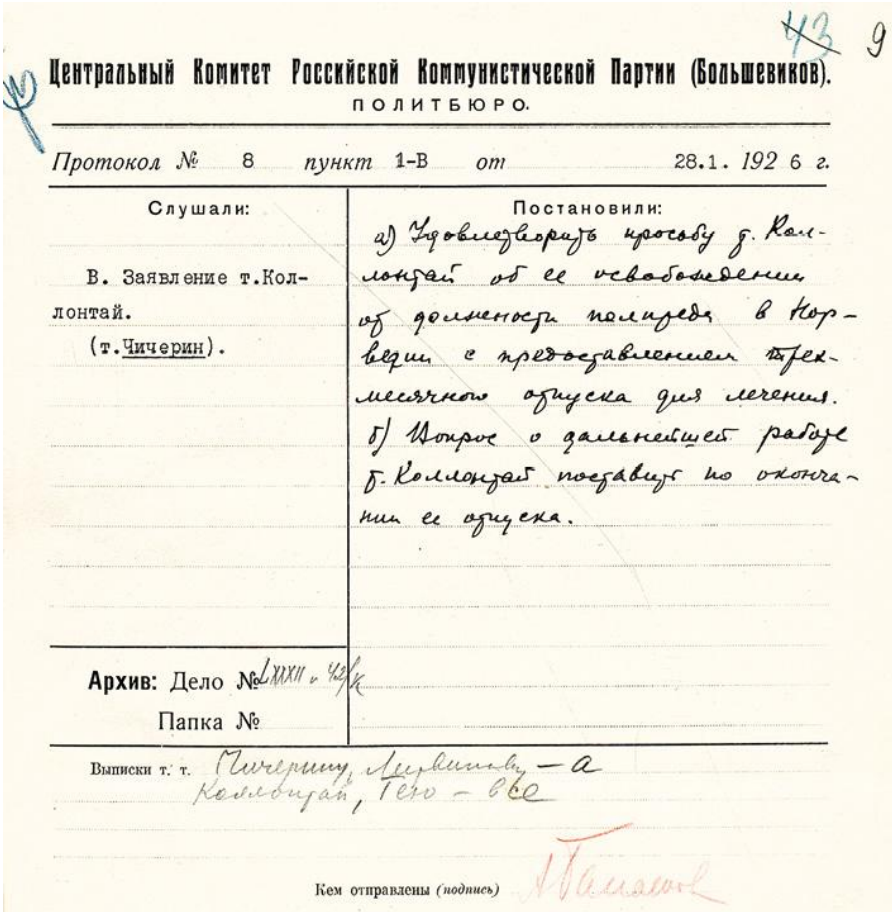
Глава десятая. Мексика: миссия невыполнима

Не только Рут Фишер заметила уныние, а возможно, и панику Коллонтай. Ценное свидетельство оставило еще одно действующее лицо этой истории — Марсель Боди. Вся заключительная часть миссии Александры Коллонтай в Осло связана с ним. Они покинули Осло вместе 12 декабря 1925 года, после уже упоминавшейся берлинской эскапады, и расстались 25 декабря: Боди вернулся во Францию, Коллонтай уехала в Москву, а затем в Берлин на лечение. Именно здесь в апреле 1926 года к ней присоединился Боди. Вдвоем они поселились в Халензее, в небольшом семейном пансионе, который Александра любила. Приехав в этот дом, в котором Александра всегда обретала мир, Боди обнаружил у себя на столе написанное ею письмо, в котором объяснялось, что, не осмелившись сообщить ему содержание письма устно, она просит безотлагательно ознакомиться с ним. Как много это письмо говорит о трудностях, которые преодолевала Александра. Судите сами:

«Дорогой Марсель Яковлевич.

После зрелого размышления я предлагаю Вам продолжить совместную работу, что, вне всякого сомнения, означает, что мы должны честно известить Центральный комитет об этом решении. Мы будем жить во Франции или в любой другой стране. И там мы будем писать, вновь станем свободными, будем говорить объективно, честно все, что мы знаем о революционных событиях и людях, и будем предостерегать последних от злоупотреблений, в сторону которых ведет их политика партии».

Вот это программа! Коллонтай предлагала Боди порвать с партией и начать вместе с ней новую жизнь, предавшись радостям писательства. Жить в изгнании и в отрыве от партии, как раньше решила Анжелика Балабанова — коммунистка, которую Александра высоко ценила. Но Коллонтай не желала такой судьбы для себя одной, одиночество было для нее слишком тяжким грузом, она хотела разделить новую жизнь с человеком, который ранее, во время ее миссии в Норвегии, «украдкой сопровождал ее». Строя свой план, Коллонтай спокойно забыла о том, что Боди женат и имеет ребенка. Она также пренебрегала опасностями, которыми чреват разрыв с партией, хотя знала, что, по мысли Сталина, ни один коммунист не мог свободно решать свою судьбу.



Центральный Комитет Российской Коммунистической Партии (Большевиков).
ПОЛИТБЮРО.

Протокол № 8 пункт 1-В от 28.1. 192 6 г.

Слушали:

В. Заявление т.Коллонтай.
(т.Чичерин).

Постановили:

а) Удовлетворить просьбу т. Коллонтай об ее освобождении об должности полпреда в Норвегии с предоставлением трехмесячного отпуска для лечения.
б) Вопрос о дальнейшей работе т. Коллонтай поставить по окончании ее отпуска.

Архив: Дело № XXXII - 43/к
Папка №

Выписки т. т. Чичерину, Лукьянову — а Коллонтай, Гего — все

Кем отправлены (подпись)

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) об освобождении А. М. Коллонтай от должности полпреда в Норвегии. 28 января 1926. [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 545. Л. 9]

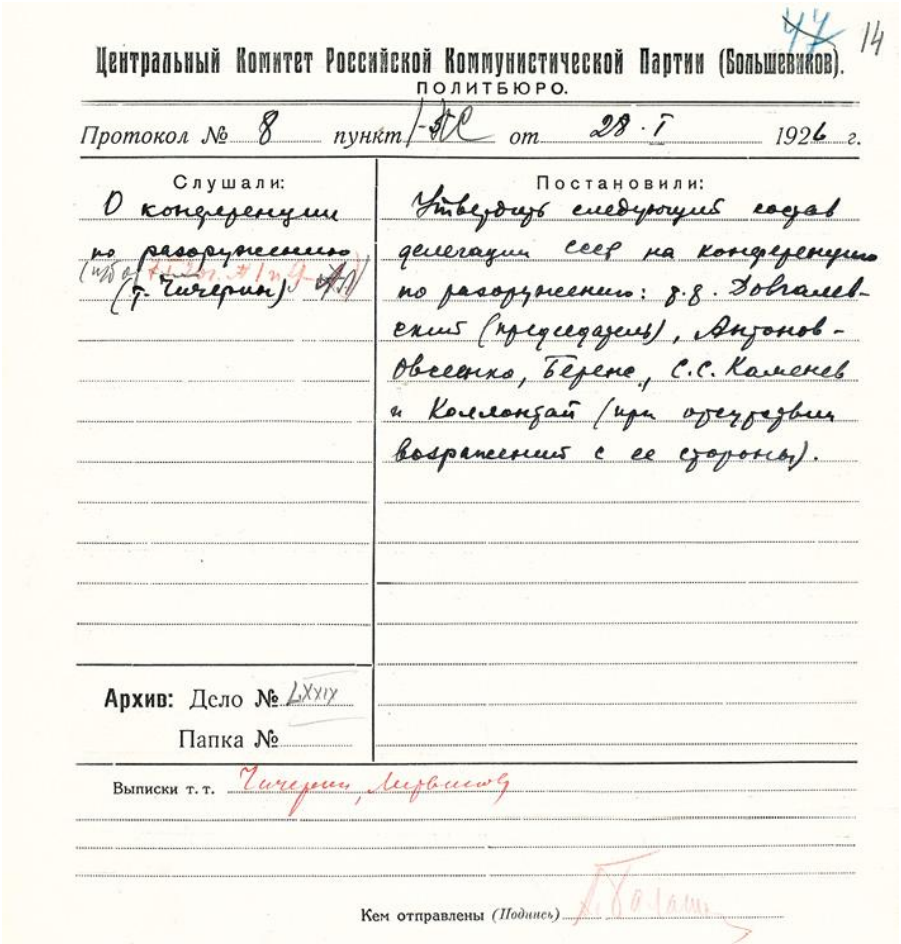
В середине 1920-х годов уже было трудно сосчитать всех, кто пал жертвой сталинского гнева. К 1926 году, то есть за время, прошедшее с момента последнего съезда партии до партийной конференции, Сталин сумел убрать в Москве с руководящих постов почти всех сподвижников Ленина. Зиновьева исключили из Политбюро и отстранили от руководства Коминтерном, Каменева и Троцкого также вывели из состава Политбюро. Страх пронизывал партию и ее высших руководителей. Троцкий тщетно пытался убедить Зиновьева и Каменева «не капитулировать» перед Сталиным. Через два года Бухарин, которого Сталин использовал, чтобы устранить Зиновьева из Коминтерна, сказал Каменеву: «Сталин нас всех передушит».

Боди разделял уверенность в том, что Сталин всемогущ и жесток, и пытался убедить в этом Коллонтай. Он доказывал, что

партия, то есть Сталин, не примет их ухода и реакция будет беспощадной. Но в то же время уверял Коллонтай, что она все еще может помочь соотечественникам избежать не только грозившей им власти, но и узких мест в коммунистической системе, поскольку в СССР по-прежнему пользуется авторитетом и влиянием. Наконец, Боди твердил, что, если она хочет открыто говорить об изъянах сталинской власти, о преданной революции, ей нужно перестать метаться и выказать наружное согласие со Сталиным и его окружением.

Этот мучительный период длился всего несколько недель. Коллонтай пришлось скрепя сердце признать справедливость доводов Боди, и в начале июля она отправилась в Москву. Ранее Литвинов сообщил о назначении ее послом в Мексику. Назначение это было одобрено Сталиным, а значит, не подлежало обсуждению. Тогда она попыталась в качестве компенсации за это авторитарное решение добиться назначения Боди на какую-нибудь должность при ней. Ответ пришел жестокий: Боди предложили должность либо в Токио, либо в Китае, а Коллонтай получила приказ занять свое место в посольстве незамедлительно.

До отъезда Сталин ее принял. Она сказала ему, что не разделяет взглядов Троцкого и Зиновьева и держится «генеральной линии», то есть навязанной Сталиным. После передачи писем Ленина партии, а значит, опосредованно — самому Сталину, это заявление, продиктованное благоразумием, утвердило хозяина СССР в мысли, что Коллонтай порвала с оппозицией. В какой-то момент она мечтала порвать и с партией, но отказалась от этой затеи и предпочла продемонстрировать свое согласие с официальной линией.



Центральный Комитет Российской Коммунистической Партии (Большевиков).
ПОЛИТБЮРО.

Протокол № 8 пункт I-ЛС от 28·I 1926 г.

Слушали: О конференции по разоружению (т. Чичерин)

Постановили: Утвердить следующий состав делегации СССР на конференцию по разоружению: Ф.Ф. Раскольников (председатель), Антонов-Овсеенко, Берзин, С.С. Каменев и Коллонтай (при отсутствии возражений с ее стороны).

Архив: Дело № LXXIV
Папка №

Выписки т.т. Чичерин, Литвинов

Кем отправлены (Подпись)

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о составе делегации СССР на конференции по разоружению (при участии А. М. Коллонтай). 28 января 1926. [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 545. Л. 14]

Несмотря на мирные отношения Коллонтай с Москвой, ее отъезд в Мексику прошел не без проблем. Она рассчитывала отправиться туда самым простым путем — проездом через США. Для этого ей потребовалась бы транзитная виза, но ее просьба вызвала в США бурю негодования. «Это коммунистка, важный член партии и Коминтерна», — отреагировал американский госсекретарь Фрэнк Келлог. Пламенные речи, произнесенные Коллонтай в США десятью годами ранее, не были забыты, и появление в стране пропагандистки, столь убедительно излагавшей марксистские тезисы, сочли нежелательным.

Коллонтай пришлось изменить маршрут и проехать через Гавану. Для нее придержали место на голландском пароходе, но

это принесло ей очередное разочарование. Прибыв в Гаагу, она обнаружила, что зарезервированная за ней каюта находится во внутренней части судна и не имеет иллюминатора, а других кают нет. Подавленная Александра отказалась от поездки. В конце концов она нашла французский пароход «Лафайет», который отправлялся из Сен-Назера через несколько дней и гарантировал ей достойные условия путешествия. Она ухватилась за эту возможность, но, чтобы попасть на борт, ей нужно было во Францию, а для этого требовалась французская виза. В отличие от своего пребывания в Париже много лет назад, никому не известной молодой женщиной, в 1926 году Коллонтай одновременно являлась именитой коммунисткой и женщиной-послом и поэтому не могла передвигаться тайно. Раковский, тогдашний советский посол во Франции, уладил дело и передал ей визу в красиво убранной комнате отеля, в котором она ненадолго остановилась. Их встреча носила не особенно теплый характер, поскольку Раковский досадовал по поводу того, что она повернулась спиной к оппозиции.

«Лафайет» зашел в гавань Гаваны, но Коллонтай не разрешили сойти на берег. К разочарованию по этому поводу добавилось моральное потрясение. Она узнала, что только что умер Красин, представлявший ее страну в Лондоне. Этот революционер, так же как и Коллонтай, превратился в дипломата и, насколько мог, дистанцировался от партии. Коллонтай ценила его выдержку и цельность политического мировоззрения. Известие о его смерти глубоко опечалило ее и омрачило конец путешествия.

В Веракрусе, где пароход сделал еще одну остановку, Коллонтай увидела с моста, который ей не разрешили покидать, как набережную наводнили демонстранты. Они развернули плакаты, прославлявшие СССР, а также рваные американские флаги с нанесенными на них оскорбительными надписями в адрес США. Ранее Сталин запретил Коллонтай принимать участие в американо-мексиканском конфликте и даже устанавливать контакт с местными коммунистами. Ей пришлось, внешне оставаясь пассивной и равнодушной, довольствоваться созерцанием демонстрации, устроенной в ее честь.

То же самое произошло по прибытии в Мехико, где собравшиеся на набережной коммунисты, размахивая красным знаменем, кричали: «Да здравствует товарищ Коллонтай!» В очередной раз ей пришлось, храня верность полученному приказу, отвести взгляд. Более того, когда глава протокольной службы Министерства иностранных дел Мексики встретил ее фразой «Приветствую Вас, товарищ Коллонтай!», она резко

возразила: «Обращайтесь ко мне „Ваше Превосходительство“».

Едва поселившись в отеле, Коллонтай обнаружила, что ее организм с трудом адаптируется к климату мексиканской столицы, расположенной высоко над уровнем моря. Ей стало так плохо, что пришлось срочно вызывать врача, который диагностировал проблемы с сердцем, но обещал, что со временем организм привыкнет. Однако этого не произошло, и весь период пребывания Коллонтай в Мексике отмечен серьезными затруднениями со здоровьем.

Pund idag: 23.94

OSLO AF

HVORI ER OPTATT

Nr. 33. | OSLO AFTENAVIS: 3. AARGANG | Oslo, tirsdag 9

EKTESKAPET TIL HÆDER OG VÆRDIGHET I SOVJET-RUSLAND.

Eksekutivkomiteen tar endog avstand fra sovjet-regjeringens „borgerlige" ekteskapslov.

Madame Kollontay er helt isolert med den fri kjærlighet.

Hvad madame fortæller om de norske arbeidere.

Madame Kollontay.

Vor ærede sovjet-gesandt i Oslo, madame Kollontay, har i disse dagur hat et opsiktvækkende nederlag paa sin fordomsfrie opfatning av ekteskapet i Sovjet-Rusland. Nederlaget er høist opsiktvækkende fordi det er ensbetydende med en uventet rehabilitering av den gamle grundfæstede ekteskapsinstitution endogsaa i Sovjet-Rusland.

Madame Kollontay har kjæmpet meget sterkt imot regjeringens nye ekteskapsforslag, som hun har stemplet som „borgerlig". Hun har ogsaa anført norske forhold mot ekteskapet og citert en norsk jurist's uttalelser om arbeidernes kjærlighetsliv, men det merkelige er at regjeringens „borgerlige" forslag allikevel har været for radikalt for eksekutivkomiteen. For første gang i Sovjets historie har det nu hændt at de arbeider- og bondedelegerte har stillet sig steilt imot et regjeringsforslag. Man vil da forstaa hvor langt tilvenstre og hvor isolert vor elegante sovjet-gesandt staar for arbeidere og bønder.

Regjeringsforslaget gjorde indregistreringen av ekteskaper valgfri, legaliserte alle fri forbindelser og erstattet skilsmisse med gamle enkel foreskyrelse av hustruen.

Sovjetregjeringen hadde sendt sit forslag til uttalelse rundt om i de lokale sovjet og til partiorganisationerne. Der opstod naturligvis en livlig diskussion om ekteskapsproblemet og i denne diskussion har madame Kollontay tat livlig del.

Det siste nummer av „Izvestia" (27. januar) indeholder to meget interessante dokumenter som stiller problemet i et nyelig relief.

Det første er et interviu med madame Kollontay. Det andet er en familielov som er vedtat av det lille sovjet i Djokolv oppe i de kaukasiske bjerge.

Madame Kollontay uttaler at hun finder sovjetregjeringens forslag altfor konservativt. Det skaper, sier madame, tre kategorier av ekteskap, de indregistrerte, de ikke-indregistrerte og . . . de leilighetsvise. De to første er beskyttet av loven. Den tredje kategori er det ikke. Det er en borgerlig lov! I virkeligheten, sier hun, kan bare en bourgeois betale flere alimentationsbidrag til sine forhenværende hustruer. En arbeider kan aldrig ha flere kvinder. Hans fortjeneste tillater det ikke. Dessuten er mange arbeidere ikke fastboende. En norsk dommer har fortalt mig, fortsætter madame Kollontay, at han paa en maaned hadde at behandle fire krav om alimentationsbidrag paa en ensete arbeider, fra fire forskjellige byer. Men saa hadde han ogsaa motorcykkel, tilføiet dommeren.

Madame Kollontay forlanger at man ophæver al obligatorisk eller valgfri indregistrering av ekteskaper, eller saa faar man — sier hun — forby de russiske arbeidere bruk av motorcykkel . . .

Hvad barnene angaar har madame Kollontay en straalende løsning. Man skal bare danne et sikkerhetsfond paa 120 millioner rubler aaret til opdragelse av en million barn. Dette vil være maksimum av barn som er foriatt av sine fædre.

— Man er ræd for, sier madame, at en slik lov vil gi mandene helt fri og vil ødelægge familiene. Men en lov kan ikke gjøre nogen helt fri. Den „absolutte" fribet vil allikevel være bedre end prostitutionen.

— Hvad er forresten familie? Det er mand og kvinde som skiller sig av kollektiviteten. Men har vi bruk for det? Det er klart at det har vi ikke . . .

Saavidt madame Kollontay. Fra hende kommer vi over i den uskyldige naivitet som forekommer i det lille kaukasiske sovjets ekteskapslov.

I. Prisen for en hustru til evigerforældrene er fastsat til 50 rubler. Lovovertrædere betaler 100 rubler til kommunen. Prisen for en enke er 25 rubler.

II. Bryllupsgaver avskaffes som altfor besværlige. Paa bryllupsdagen gir brudgommen evigerforældrene en sau eller fem rubler.

III. At bortføre en kvinde mot hendes vilje er forbudt. Overtrædelser betales med 300 rubler til forældrene og 150 til kommunen.

IV. De som kommer til bryllup uten at være buden betaler tre rubler pr. hode til den som holder festen.

Фрагмент статьи неизвестного автора «Брак чести и достоинства в Советской России» из норвежской газеты «Вечерний Осло» («Oslo Aften»). 9 февраля 1926. На норвежском языке. [РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 2. Д. 24. Л. 7]

Еще больше, чем климат и пошатнувшееся здоровье, на миссию Коллонтай повлияли политические сложности, из-за которых срок миссии сократился менее чем до года.

Президент Мексики Плутарко Элиас Кальес, человек левых взглядов, попал в тяжелое положение. Он столкнулся с соперничеством внутри собственной партии, с мощным антикоммунистическим движением и находился под присмотром США, которые опасались, как бы в Мексике не вспыхнула революция. Мексиканской коммунистической партией до 1925 года руководил американец Бертрам Вольф. На его глазах разворачивала деятельность мощная Мексиканская рабочая конфедерация, преданная делу защиты трудящихся и являвшаяся непримиримым противником коммунистической партии, которую она обвиняла в том, что та слепо подчиняется Москве и поэтому чужда национальным интересам. Госсекретарь США Келлог осудил сговор между Мексиканской коммунистической партией и американскими коммунистами. Роль, которую играл Вольф до своего исключения в 1925 году, оправдывала его беспокойство. К этому добавлялось соображение о том, что СССР имеет некоторое влияние в стране благодаря своему послу и активной пропаганде.

№ 316

Дата голосования
26. VIII 1926 г.

8238

НА ГОЛОСОВАНИЕ
В КРУГОВУЮ.

ПОЛИТБЮРО.

(Протокол № 49 пункт 21 опр. 7).

СЛУШАЛИ:	ПОСТАНОВИЛИ:
О Полпреде в Мексике. (ОБ от 23.VIII.26 г., пр. № 52, п.9).	а) Утвердить т.Коллонтай А.М. Полпредом в Мексике. б) Тов.Пестковского освободить от обязанностей Полпреда, отозвав его из Мексики в распоряжение ЦК.

Выписки т. т.

Кем отправлены *(подпись)*

Результат голосования:

Воздерж.

Воздерж.

Архив: Дело № LXI, 1.V-K

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о назначении А. М. Коллонтай полпредом СССР в Мексике. 26 августа 1926.

[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 586. Л. 38]

Все эти различные факторы, воздействовавшие на положение дел в Мексике изнутри и снаружи, возможно, объясняют, почему для Коллонтай в Мехико все началось не очень хорошо. Прежде всего президент Кальес получил ее верительные грамоты с опозданием, из-за чего она оказалась в столь же неловком положении, что и ее предшественник, посланник Станислав Пестковский, которого все тот же Кальес попросил покинуть Мексику, сочтя его деятельность опасной для независимости страны. Наконец 24 декабря 1926 года Коллонтай представила свои верительные грамоты и, таким образом, заняла свое место среди закрытого круга посланников иностранных держав.

Не дожидаясь этого момента, она публично поведала о своем видении возложенной на нее миссии, чтобы отвести от себя тяготевшие над ней подозрения во вмешательстве в политические дела. Она заверила, что уделит приоритетное внимание развитию экономического обмена и культурных связей. Мексика являлась экспортером свинца и претендовала на право закупать русское зерно. Коллонтай сразу же, со своей обычной энергией, вступила в переговоры на эти темы и преуспела. Она хвасталась этим в письме, адресованном бывшему возлюбленному и товарищу по «рабочей оппозиции» Шляпникову, в то время председателю правления акционерного общества «Металлоимпорт».

Мексика была очень заинтересована в культурном обмене или, скорее даже, в получении доступа к произведениям советской культуры. Советские фильмы пользовались у мексиканцев большим успехом. Коллонтай устраивала кинопоказы и вела переговоры о продаже советских фильмов Мексике. Однако успех в области торговли и культуры не оградил Коллонтай от политических проблем. Возможно даже, именно этот успех способствовал их появлению.

Прежде всего американского госсекретаря беспокоило, что СССР может поддержать мексиканцев в нефтяном конфликте, в котором те противостояли США. Затем он осудил политику «красного» вмешательства в Никарагуа, где США старались уменьшить революционные волнения. Американская пресса, не удовлетворившись критикой СССР, подвергала советского посла в Мексике все новым личным нападкам, которые остро воспринимались Коллонтай. Она также попала под огонь критики в связи с обвинениями во внутриполитическом вмешательстве во время крупной забастовки, парализовавшей мексиканские железные дороги. Поводом для критики послужила помощь, которую оказывали бастовавшим мексиканцам советские

профсоюзы. Против такого проявления рабочей солидарности выступили одновременно США и мексиканское правительство, и Коллонтай, призывавшая положить этому конец, могла лишь признать, что у нее отсутствуют возможности для вмешательства в сферу межгосударственных профсоюзных отношений. Тем не менее установившиеся между профсоюзами отношения были объявлены результатом революционной агитации СССР и отнесены на счет советского посла.

Союз Социалистических
Советских Республик

Народный Комиссариат
Внешней Торговли

Москва, 25 октября 1926 г.
Ильинка, 14.

№ А-0441/105

УДОСТОВЕРЕНИЕ.

Народный Комиссариат Внешней и Внутренней Торговли Союза Социалистических Советских Республик настоящим удостоверяет, что Александра Михайловна КОЛЛОНТАи является Торговым Представителем СССР в Мексике.

В компетенцию А.М. КОЛЛОНТАИ входит охрана торговых интересов СССР и его граждан в Мексике, равно, как осуществление торговой деятельности Союза в означенном государстве. Для выполнения упомянутых задач А.М. КОЛЛОНТАИ предоставлены все необходимые правомочия в том числе: контроль за торговой деятельностью всех органов, учреждений, предприятий и граждан СССР в Мексике: распоряжение находящимися в ее заведывании имуществом и средствами Союза; совершение торговых операции от имени СССР, заключение всякого рода договоров, соглашений и сделок в том числе и кредитных; организация подсобных для внешней торговли предприятий, обществ и товариществ с участием частного капитала или без него и наблюдение за их деятельностью; непосредственное руководство всеми входящими в состав Торгового Представительства СССР в Мексике органами; приглашение и увольнение служащих; представительство во всех административных, общественных и судебных учреждениях и вообще совершение всех необходимых для осуществления ее правомочий действий.

Указанные выше правомочия могут передоверяться А.М. КОЛЛОНТАИ полностью ее Заместителю, назначаемому Народным Комиссариатом Внешней и Внутренней Торговли, и частично другим избранным лицам.

Настоящее удостоверение действительно по 31/XII-26г.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНЕШНЕЙ И ВНУТРЕННЕЙ ТОРГОВЛИ СССР: /Микоян/

ЗАМ.НАЧ. АДМИН.-ОРГАНИЗАЦИОННОГО УПРАВЛЕНИЯ /Мануилов/

пр.

Удостоверение Народного комиссариата внешней и внутренней торговли СССР о том, что А. М. Коллонтай является торговым представителем СССР в Мексике. Содержит

перечисление обязанностей А. М. Коллонтай. 2–5 октября 1926. Подлинник. Машинописный текст, подписи — автографы наркома внешней и внутренней торговли СССР А. И. Микояна и заместителя начальника административно-организационного управления В. В. Мануйлова. [РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 1. Д. 14. Л. 2]

Александра Коллонтай. Мексика, 1927. [РГАКФД]

Желая уйти от столь сложной политической действительности, Коллонтай искала утешения в личных контактах. И здесь ее ждало разочарование. Она не нашла отклика в дипломатических кругах, ибо СССР вызывал беспокойство у большинства стран, которые видели в нем центр революции, готовившейся распространиться вовне. Единственным утешением Коллонтай служило знакомство с художником Диего Риверой, чья живопись ее пленила и с кем она могла бы завязать дружбу, не будь ее пребывание в стране столь кратковременным.

В момент, когда американо-мексиканские отношения достигли максимальной степени напряженности (все тот же спор из-за нефти), когда в Мехико стали опасаться американского вторжения или контрреволюции, инспирированной США, Александра Коллонтай решила укрыться в Куэрнаваке. Немного раньше она на короткое время останавливалась в этом городе, чтобы дать отдых своему сердцу. Но в тот раз это оказалось плохой идеей. Коллонтай попала в ловушку из-за каких-то

темных мексиканских дел — никто толком не знал, то ли речь шла о попытке государственного переворота, то ли всему виной разгул местного бандитизма, — и была вынуждена спасаться бегством вместе со столь же невезучими компаньонами, незнакомыми ей. Такое положение плохо соотносилось с дипломатическими нормами. Вернувшись целой и невредимой в Мехико, она решила, что ее миссия отныне невыполнима.

В мае 1927 года она написала главе дипломатического ведомства Литвинову, что опасается собственной безвременной кончины и по этой причине больше не может оставаться в Мексике. В ответном письме Литвинов предложил ей отправиться представлять СССР в Уругвай. Это было уже слишком для Коллонтай, всем сердцем желавшей вернуться в Европу. Она доказывала, что здоровье не позволяет ей жить в странах с настолько непривычным климатом. Выражала готовность присоединиться к любой миссии и в любом качестве при условии, что это будет в Европе. Ответ пришел скоро: Коллонтай разрешили взять двухмесячный отпуск по состоянию здоровья — так решило Политбюро.

Коллонтай покинула Мексику без протокольных прощальных церемоний, поскольку уже официально находилась в отпуске. Она простилась лишь с несколькими друзьями и взошла на борт теплохода, захватив с собой картину Диего Риверы. Без сомнения, об этом деле доложили Сталину. На дворе стояла середина 1927 года, политическая обстановка в Москве была невыносимой. Троцкий, Зиновьев и Каменев создали достаточно сплоченную оппозицию, чтобы противостоять Сталину. Но тот сумел воспользоваться внешним событием и изолировать набиравшую силу оппозицию, которая при других обстоятельствах могла бы найти поддержку в партии.

В мае 1927 года Англия разорвала дипломатические отношения с СССР после обнаружения в помещении советского представительства в Лондоне большого количества материалов, свидетельствовавших о его пропагандистской и шпионской деятельности. Этот разрыв вызвал в СССР настоящий военный психоз, организованный прессой. Разумеется, власть также этому способствовала. Сталин обвинил оппозицию в том, что она провоцирует внутренние конфликты в то самое время, когда над страной нависла внешняя угроза. Он также заявил, что мировая война более чем вероятна. Таким образом, оппозиция оказалась в положении обвиняемого. И в каком преступлении! Разве ослабление страны в столь решающий момент не было само по себе предательством?

RUSSKY GOLOS

NEW YORK TUESDAY, DECEMBER 28, 1926

НЬЮ ЙОРК, ВТОРНИК, 28 ДЕКАБРЯ, 1926 ГОДА

Александра Колонтай о задачах дипломатии

Мексико Сити. — Представитель Нью Йоркской газеты «Уорлд имел продолжительную беседу с советским полпредом в Мексике, Александрой Колонтай. Амер.корреспондент остался в восхищении от советской женщины - дипломата. Он посвящает половину корреспонденции описанию ее наружности, манере себя держать и говорить. В заключение своей характеристики он пишет: «это женщина редкого личного очарования и мирового калибра, редкого внешнего равновесия, прозорливого ума и просвещенного женственного красноречия. С ее взглядами нельзя не согласиться».

Корреспондент дает подробный перечень высказанных А. Колонтай взглядов после 2-недельного пребывания ее в Мексике.

Интервью имело место в гостинице «Женева», где она временно помещается.

Что такое феминизм.

«Я не феменистка», сказала А. Колонтай. «Феминисткой принято считать женщину, которая желает конкурировать с мужчиной, которая желает отнять у него часть его возможностей и достижений, пытается состязаться с ними в силе, занять его место. У меня таких намерений не имеется.

АЛЕКСАНДРА КОЛОНТАЙ советский полпред в Мексике

Женщина может быть успешным дипломатом.

Дипломатия не является исключительной профессией для мужчин. Целью дипломатии, в моих глазах, является достижения понимания народов между собой. Необходимо найти основание для такого взаимного понимания.

Я вполне убеждена, что женщина прекрасно подготовлена для выполнения подобной задачи и может оказаться вполне полезной. Способностью понимать человеческую душу женщина снабжена самой природой. Ведь в каждой женщине заложено материнское чувство, которое инстинктивно глубже понимает человеческую натуру.

О материнском чувстве.

Дипломатия нуждается з этой материнской способности понимания. Мы, женщины, смотрим глубже правительств. Мы смотрим на женщин и детей других народов и лучше понимаем, что они чувствуют.

Дипломатия должна быть гуманной. Женщины больше противятся ужасам войны, оттого их дипломатия круто поворочена в сторону мира»

Экономические вопросы — главная задача современной дипломатии.

Далее А. Колонтай высказала следующий интересный взгляд:

«Перед войной дипломатия ставила себе главной задачей разрешение сложных политических вопросов, связанных нередко с намерениями территориального расширения. Ныне задачи дипломатии значительно изменились. На первом плане задачи экономического характера и современный дипломат нуждается в понимании прежде всего экономических проблемм».

Фрагмент статьи неизвестного автора «Александра Коллонтай о задачах дипломатии» из американской газеты «Русский голос» («Russky golos»). 28 декабря 1926. [РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 2. Д. 24. Л. 17]

Сталин воспользовался ситуацией, чтобы обезвредить оппозицию, отправив некоторых ее представителей за границу под предлогом почетного назначения. Преображенский занял место в Париже под началом посла Раковского, Пятаков получил назначение послом в Турцию, Каменев — в Рим. Зиновьева и Троцкого также изолировали. Казалось, Сталин не располагал еще достаточным числом сторонников в Центральном комитете, чтобы избавиться от них, но XV партийный съезд был не за горами…

А. М. Коллонтай в пору работы в Мексике. Мексика, 1927. [РГАКФД]

Вручение А. М. Коллонтай верительных грамот. Мексика, 1927. [РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 1. Д. 31. Л. 70]

Тем временем против Троцкого начали тайную антисемитскую кампанию, пустив слух, будто Троцкий продвигал идею перманентной революции потому, что «из-за своей

национальности» не верил в русский народ и его революционный потенциал. Пока это были лишь инсинуации, но эта кампания дает нам представление о том повороте, который сделала советская власть через несколько лет.

Коллонтай не поехала тогда в Москву. Миша и собственное здоровье занимали ее прежде всего. Поэтому она отправилась в Берлин, где находились тогда ее сын, невестка и где предстояло вскоре появиться на свет ее первому внуку. Поначалу она оставалась рядом с Мишей, для которого выхлопотала место в Берлине в советской торговой службе. Это была своего рода ссылка, зато тут он находился в безопасности. Но, встревоженная состоянием своего здоровья, она уехала в Баден-Баден, где водила знакомство с превосходными врачами. Они констатировали, что ее организм сильно ослаблен, и назначили ей серьезное лечение.

В Германии Коллонтай вынашивала еще одну мечту — повидаться с Марселем Боди, с которым пыталась договориться о встрече. Он не забыл о плане, который она предлагала ему два года назад: устроить их совместную жизнь. Но в 1927 году Боди так же не был свободен, как и в 1925 году. Помимо семейных обязанностей, у него сложились непростые отношения с Французской коммунистической партией. Он отказался осудить русских оппозиционеров, протестуя тем самым против тотального подчинения французских коммунистов ВКП(б).

После завершения лечения Коллонтай вернулась в Берлин для знакомства со своим внуком, нареченным Владимиром в память о дедушке — первом муже Александры и отце Миши. Боди удалось на несколько дней вырваться из Франции и присоединиться к ним. Вновь Коллонтай и Боди задумались о своем будущем. Боди обустроил жизнь своей семьи в Париже и, казалось, на сей раз склонялся (во всяком случае Коллонтай в этом не сомневалась) к тому, чтобы всерьез обдумать общие планы. Их связывало очень сильное чувство, достаточно сильное, чтобы побудить их забыть обо всем, что стояло у них на пути, и бросить все ради совместной жизни. Александре Коллонтай исполнилось тогда пятьдесят пять лет (в то время для женщины это считалось преклонным возрастом), она стала бабушкой, ее стан, некогда такой гибкий и изящный, сильно располнел. И хотя ее по-прежнему переполняла невероятная энергия, это уже была не та ослепительная Коллонтай. Боди был моложе нее на несколько лет. Не настал ли для Коллонтай решающий момент связать свою жизнь узами товарищества с человеком, который разделял ее представления о возлюбленном товарище?

Глава одиннадцатая. Возвращение в скандинавский рай

Александра Коллонтай вернулась в Москву в июне 1927 года — в тот самый момент, когда подготовка к XV съезду ВКП(б) обострила обстановку до предела. Каждая из сторон готовилась к столкновению, как все понимали, неизбежному. Три месяца спустя Коллонтай сообщили о ее назначении в Осло — на ту же должность, которую она с таким удовольствием занимала ранее. Марсель Боди с тревогой отзывался об этом назначении. Когда он весной того же года был проездом в Осло, тогдашний посол СССР в Норвегии по прозвищу Макар задал ему вопрос: «Александра Коллонтай уступит мне свое место [она еще находилась в Мексике. — *Примеч. авт.*], чтобы занять мое?» По словам Боди, Александра ухватилась за это предложение, а Литвинов поддержал ее кандидатуру при обсуждении в Центральном комитете. Думается, этот рассказ свидетельствует о желании Сталина одновременно уладить две проблемы: пристроить Коллонтай после Мексики, держа ее подальше от Москвы и ожесточенных политических схваток, и найти преемника для Макара, который умудрился подпортить российско-норвежские отношения своими многочисленными промахами.

Коллонтай получила официальное известие о своем назначении в конце октября. Молотов, который готовился занять место Бухарина во главе Коминтерна, принял ее для того, разумеется, чтобы удостовериться в ее верности линии Сталина и напомнить ей, какое значение тот придавал Коммунистической партии Норвегии, одной из наиболее близких к Москве. Коллонтай сумела заверить Сталина в своей благонадежности. Она сделала это во время беседы с Молотовым, но в первую очередь благодаря своим публикациям.

Проект 3

ГОЛОС ЛЕВИНА.

Империалистическая война 1914 года.

II Интернационал изменил заветам Маркса и предал интересы рабочего класса. Ведущая сила II Интернационала – германская социал-демократия – выявила свою оппортунистическую сущность. Она протянула руку собствен – ной правящей буржуазии и попла на полный классовый мир.

Я воочию видала и пережила день позорного отречения немецкой социал-демократии от революционной классовой борьбы. Я находилась в рейхстаге 4-го августа 1914 года и перед моими глазами прошла вся гнусная картина падения лидеров немецкой социал-демократии, их голосование за военный бюджет и их обещание поддерживать правительство Бетман-Хольвега.

Шарлоттенбург 4 авг. (нового стиля 14 г.)

.....Заседание. Великом занимает речь канцлера. В зале напряженно. Все депутаты на местах. На хорах – полно. Публика – вся внимание. Речь канцлера деловито отчетливая. Хорошо подготовленная. Брошен упрек по адресу России, что факел войны брошен ею... Это место вызывает клику-шествующее одобрение зала и публики на хорах. Аплодируют и левые скамьи. Речь канцлера не раз прерывают аплодисменты. Но когда Бетман бросает мимоходом заявление о возможном или уже совершившемся (а оно уже было фактом вчера !) вторжении в Бельгию – в зале тишина. Чуть певеление на левых скамьях – и снова напряженное внимание.

Перерыв. Через час заседание возобновится.

Спешу в кулуары вниз.

В зале много военных. Некоторые депутаты явились уже в форме. Встречаю Либкнехта. Расспрашиваю о вчерашнем заседании фракции.

" Они безнадежны. Угар любви к отечеству затуманил им головы. Ничего не поделаешь. Сегодня заявление фракции будет внесено ".

А " меньшинство " ?

Меньшинству остается подчиниться " партийной дисциплине".

Но самое чудовищное, что " Заявление " фракции прочтет Хаазе, Хаазе, который сам противник голосования!..

Либкнехт резко не одобряет товарищей, идущих в добровольцы. Этому нет оправдания.

Среди забот о большом, о главном, Либкнехт, как всегда, отзывчиво откликается на мою личную тревогу о сыне. Он озабочен участью арестованных товарищей. Предлагает использовать перерыв и поехать в Главное командование за справкой.

*) Кайзера и генералов кровавых немецкой империалистической Германии

Мне кажется, ему тяжело в кулуарах Рейхстага, где собственные товарищи глядят на него неодобрительно за его резкие суждения о войне, за критику "Заявления".

Едем в переполненном публикой "омнибусе".

„Сегодня-мы разваливаем Интернационал... Пролетариат не простит немецкой социал-демократии сегодняшнего шага. Пройдет десять лет раньше,чем этот день забудется".

Но как ни удручен он мировыми событиями, он находит время и силы помочь нам,русским товарищам, и отозваться на мою личную заботу...А между тем, сейчас мы ведь „враги", и его заступничество будет отмечено, как минус неугомонному Карлу.

Столько в нем светлого, человечного... Таким, именно таким должен быть настоящий социалист.

В Главном Командовании нас долго держат в приемной. Либкнехт нервничает. Обычно магический титул "член Рейхстага" не действует сегодня. Что такое член Рейхстага для этих тупых физиономий в военных мундирах, как машина,точно, четко,без мысли выполняющих предписания свыше?

– Поглядите,там, направо,фабрикуется общественное мнение и создаются легенды о том, что на Германию напали, – обращает Карл Либкнехт мое внимание на дверь с надписью : „Отдел печати". – Здесь сочиняются телеграммы о наших победах и сообщения о шпионах. Завтра появится опровержение, но опровержения печатаются мелким шрифтом – их никто не читает.

Либкнехт делает несколько шагов в сторону стола, где заседают офицеры. Хочет взять стул.

– Ни шагу дальше, – грубо останавливает его часовой.

У Либкнехта нервно подергивается щека.

Наконец,Либкнехта приглашают к адъютанту Кесселя."

Спешим в Рейхстаг.

Сейчас решительная минута... Я еще не верю в голосование. Мне все еще кажется, что в последнюю минуту фракция перерешит.

Вторая половина заседания открывается в 5 часов. Снова наплыв публики на хорах. Но напряжение утреннее спало.наоборот, лица какие-то успокоенные, почти довольные. Даже шутят.

Из очерков А. М. Коллонтай о В. И. Ленине «Голос Ленина». 1927. Машинописный текст с правками А. М. Коллонтай [РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 1. Д. 216. Л. 3–4]

30 октября 1927 года она опубликовала в «Правде» важную статью, которую затем широко растиражировала коммунистическая пресса, особенно во Франции. В связи с отбором делегатов для близившегося XV съезда ВКП(б)

Коллонтай в своей статье воспевала единство, выражая надежду, что съезд единодушно осудит оппозицию. Это верный способ, писала она, держать руку на пульсе моральной эволюции масс, приверженных единству партии. Она утверждала: «Массы не верят в оппозицию. Они воспринимают каждое заявление оппозиции с иронией. В настоящий созидательный период необходимо не только единство действия, но и единство духа, мысли». По ходу изложения Коллонтай, между прочим, делала отсылку к ленинским принципам, которые оспаривала в таком уже далеком прошлом. «Оппозиция, — добавляла она, — должна перестать нарушать единство партии, перестать быть в конфликте с волей миллионов членов партийной общественности».

Как же идеалистка и в прошлом революционерка могла встать на такую странную для нее позицию? Коллонтай сама пребывала в некотором замешательстве. Хотя она и написала эти строки, столь приятные Сталину, но в то же время нанесла визит Наталье Седовой, жене Троцкого, которому на грядущем съезде предстояло стать главной мишенью для критики.

Дни, наступившие вслед за публикацией вышеуказанной статьи, ознаменовались в Москве сильнейшими столкновениями между сторонниками Сталина и теми, с кем он боролся. 7 ноября, в десятую годовщину революции, столичные улицы наводнили участники двух демонстраций. С одной стороны, официальная демонстрация, организованная партией, собрала огромные толпы. С другой стороны, оппозиция изо всех сил старалась быть заметной, в адрес Троцкого летели оскорбления от демонстрантов из лагеря противников, а попытка выхода из оппозиции завершилась полным провалом.

Созванный в начале декабря 1927 года XV съезд ВКП(б) утвердил политическое поражение оппозиционеров. Сталин добился исключения из партии своих противников и потребовал от них выступить с публичной самокритикой. Если Зиновьев и Каменев согласились подчиниться этому требованию, то Троцкий и его ближайшие друзья отказались унижаться подобным образом. Оппозиционеры в массовом порядке были изгнаны из партии, а лидеры оппозиции отправлены в ссылку: Раковский — в Астрахань, Преображенский — на Урал, Радек — в Сибирь, Троцкий — в Алма-Ату. Последний так противился отданному ему приказу, что его пришлось силой сажать в поезд. Иоффе, преданный Троцкому совершил самоубийство 16 ноября, оставив ему прощальное письмо, в котором призывал его продолжать борьбу, «следуя примеру Ленина».

Александра Коллонтай покинула родину 27 декабря 1927 года, отбыв в Осло. Она благоразумно сторонилась этого

трагического спектакля, который явил зрителям развал всей оппозиции и удостоился двусмысленного комментария Бухарина в адрес Зиновьева и Каменева после их отречения: «Железный занавес истории вот-вот должен был упасть на вас, но вы вовремя спаслись». Слова столь же ироничные, сколь и оскорбительные!

Отбытие послом в Осло в конце декабря стало для Александры спасительным решением. Топор не обрушился на ее голову, тогда как почти все ее друзья пали его жертвой. Конечно, Шляпников был еще жив и писал мемуары. Дыбенко командовал войсками в Средней Азии, его открытая, резкая неприязнь к Троцкому в какой-то мере его обезопасила, по крайней мере на первом этапе радикальных чисток.

Целая и невредимая, Александра Коллонтай отправила сообщение с утешениями жене Троцкого, высланного в Алма-Ату. Это единственный раз, когда она продемонстрировала свою солидарность с оппозицией.

В Осло, укрывшись в своем посольстве, Коллонтай постаралась доказать Сталину, что она полезна своей стране и может ему пригодиться.

Прежде всего ей требовалось воссоздать атмосферу доверия, поскольку образ действий ее предшественника Макара нанес серьезный удар русско-норвежским отношениям. Она писала Литвинову, что ощутила в Осло такую же атмосферу недоверия к Москве, как и в Мехико, и что она приложит усилия к тому, чтобы восстановить связи, существовавшие в прошлом. Ей открывались три области для ведения переговоров. Прежде всего ей предстояло развить торговый обмен, который был довольно вялым, затем урегулировать наболевший вопрос рыболовецкого промысла в арктических водах, против чего, как часто бывает, выступали прибрежные жители, и, главное, успешно завершить подписание договора о ненападении между Норвегией и СССР. В последнем пункте СССР чувствовал себя особенно уязвимым из-за угрозы, исходившей от Англии, которая желала ослабить советское влияние во всем скандинавском мире, и это желание, ввиду недавнего разрыва отношений между Москвой и Лондоном, сильно беспокоило СССР.

Чтобы убедить своих собеседников в доброй воле советской стороны, Коллонтай избрала крайне сдержанный язык и стиль ведения переговоров, представив позицию своей страны в наиболее приемлемом для Осло виде. Литвинова даже раздражали, как он считал, излишние и ненужные уступки.

Кроме того, Коллонтай силилась сделать из своего посольства место проведения приемов и встреч на высшем уровне. Здесь она принимала Илью Эренбурга, восхвалявшего

современное в искусстве и искусство революционное. Когда же ее саму пригласили почтить память Ибсена, она, пользуясь случаем, в разговоре о «Кукольном доме» смогла продемонстрировать, что Нора, героиня Ибсена, являлась образцом эмансипации для всех женщин своего поколения, показав, что мужа можно бросить без всяких последствий и что значение имеет лишь признание женщин равными мужчинам.

По прибытии в Осло Коллонтай смогла обосноваться в бывшем посольстве царской России, что позволило ей придать особый лоск ее приемам, хотя она и сетовала на то, что, будучи не только послом, но и женщиной, вынуждена по старинке браться за все, что вменялось в обязанность ей подобным, включая работу и домашние дела. Но этого оказалось недостаточно, чтобы замедлить ее активность и тем более помешать ей писать. Во время своего пребывания в Норвегии она продолжала вести дневник, который из осторожности, как всякий советский гражданин, привыкший к полицейским нравам своей страны, закрывала на ключ в ящике письменного стола, надеясь защитить его от посторонних глаз.

Всегда очень активная, она ненадолго принимала у себя Мишу с семьей, а также некоторых друзей. Она считала, что использовала два своих норвежских года наилучшим образом и сумела удовлетворить Центральный комитет. Она действительно примирила Осло с Москвой. К тому же ее здоровье улучшилось, поскольку скандинавский климат подходил ей лучше мексиканского, и мирная жизнь в Осло стала для нее отдохновением от напряженной политической обстановки в СССР. В результате она изумила Эренбурга своей вечной молодостью, обаянием и элегантностью; по возвращении в Москву он написал о Коллонтай восторженный рассказ.

Александра Коллонтай. Швеция, Стокгольм, 1930. [РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 1. Д. 31. Л. 74]

В апреле 1928 года она испытала удовлетворение от того, что Москва признала ее усилия. Она получила от Чичерина послание, предписывавшее ей вернуться на несколько дней в Москву. Ей поручали неожиданное и почетное задание. Король Афганистана Аманулла-хан собирался совершить официальную поездку в СССР в сопровождении королевы. Чтобы его принять, советское правительство сочло необходимым обратиться к женщине просвещенной, прекрасно образованной и свободно разбиравшейся в протокольных вопросах. По характерным для советской политики причинам супруга ни одного высокопоставленного партийного деятеля СССР не годилась на эту роль, но Коллонтай, в силу ее дипломатического опыта и аристократического происхождения, это задание подходило. Поступившее предложение одновременно взволновало Коллонтай

и привело в восторг, и она устремилась в Берлин (в не в Париж), чтобы обзавестись достойным случая гардеробом. В Москву она вернулась роскошно одетой.

Она превосходно исполнила свою роль. Всегда находясь возле короля и недалеко от Сталина, она показала афганской королевской чете Ленинград, императорские дворцы и вела долгие беседы с Аманулой-ханом. Когда тот поведал ей, что королева Сорайя его вторая супруга, но при этом он не развелся с первой, Коллонтай сделала вывод, что король благосклонно относится к свободе в любви, к новому взгляду на отношения между мужчиной и женщиной, а значит, идейно ей близок.

И королева Сорайя также показалась ей женщиной современной. Она доверила дневнику свое несколько искаженное понимание королевских откровений. Во время этой «королевской» миссии Коллонтай как-то случайно встретила Дыбенко на одном из приемов и отметила про себя (о чем говорит ее дневниковая запись), что страсть, которую она к нему некогда испытывала, угасла. С того дня она навсегда перевернула в своей жизни страницу с Дыбенко.

Королевское приключение развлекло Коллонтай и принесло ей пользу, ибо она превосходно исполнила свою роль и впечатлила всех, с кем встречалась, легкостью в обращении и элегантностью.

Когда королевский визит завершился и Коллонтай готовилась вернуться в Осло, ей позвонил по телефону Сталин, и они имели долгую беседу. Он сказал ей, что сомневается в лояльности Коммунистической партии Норвегии по отношению к Москве. Однако Александра Коллонтай заранее поняла, что ей нужно сказать Сталину и что тот желал услышать, и, таким образом, постаралась его обнадежить. Она ручалась за лояльность норвежских коммунистов, мало заботясь о том, правда это или нет.

Затем у нее состоялась встреча, на которой она прониклась симпатией к Анастасу Микояну — народному комиссару внутренней и внешней торговли СССР. Она расхваливала ему достоинства норвежской рыбы, объясняя необходимость закупки рыбы, выловленной норвежцами, ибо это являлось гарантией их политической преданности, которая так заботила Сталина. Микоян понял намек и поручил Коллонтай закупить у Норвегии большое количество трески. Получив задание, Коллонтай возвратилась в Осло, где ее встретили с восхищением и радостью.

К тому же благодаря еще одному подвигу СССР Коллонтай через какое-то время стали уважать в Осло еще больше. Норвежская полярная экспедиция под руководством

исследователей Нобиле и Амундсена стала жертвой непогоды и технических неполадок. Исследователи пропали, спасательные отряды отправились на их поиски. Нобиле, которому удалось выжить, был спасен советским ледоколом «Красин». Его возвращение стало в Осло событием национального масштаба, а его спасение советской командой освятило вновь завязавшуюся дружбу между двумя странами.

Советский посол также извлекла пользу из этого успеха. Но ее пребывание в Осло прервал новый вызов в Москву. Александру вызвали летом для участия в собрании исполкома Коминтерна. Сталин считал ее присутствие необходимым для того, чтобы она просветила партию о разногласиях между сторонниками и противниками Троцкого внутри Коммунистической партии Норвегии. На этом собрании она повстречала Мориса Тореза, имевшего репутацию одного из преданнейших сторонников Сталина, Анри Барбюса и Георгия Димитрова, чья репутация в Коминтерне была уже изрядно подпорчена.

Коллонтай в очередной раз имела возможность наблюдать атмосферу подозрительности, царившую в СССР. Только что началось так называемое Шахтинское дело — крупный процесс, на котором инженеры и технические специалисты обвинялись в саботаже советской экономики, — и это создавало еще более удушающую политическую обстановку. Дело закончилось вынесением смертных приговоров. Для Александры, которую всегда ужасала смертная казнь, такой вердикт был невыносим, но она знала, что время возмущения прошло и благоразумие требует от нее молчать ради того, чтобы обезопасить себя и Мишу. Поэтому она продолжила свое пребывание как ни в чем не бывало.

VOR TID

Nr. 47 | Ekspedisjon og redaksjon: Tullinsgate 2b, Oslo. Telefon 10459 | LØRDAG 24. NOVEMBER 1928 | «Vor Tid» koster: Kr. 4,50 pr. kvartal, 35 øre pr. nr. | 21. årg.

Et intervju med Madame Kollontay om russisk teater

Alexandra Kollontay, Sovjetunionens minister i Norge.

Den 27. oktober har det berømte Kunstnerteater i Moskva feiret sitt 30-årsjubileum. Tredve år er i og for sig ikke noen lang levetid for et teater, og det vilde ikke være så meget å jubilere for hvis man bare tok hensyn til årene. Men tar man hensyn til innsatsen, kan Stanislawskis teater med den beste samvittighet feire dagen som en begivenhet ikke bare i russisk teater men innenfor «verdensteatret», et begrep som jo er blitt aktuelt i vår tid ved det forsøk som er gjort på en internasjonalisering av teaterkunsten. Kunstnerteatret har da også villet markere sin internasjonale karakter ved å innby representanter for alle lands teatre til sitt jubileum. Det er jo heller ikke bare et tomt navn for folk utenfor Russland. Det har sendt turneer rundt i Europa og Amerika, det har overalt forfektet sin idé og gitt impulser til scenekunsten i alle land. Stifteren og lederen av teatret er som nevnt Stanislawski, et navn som nevnes ved siden av Max Reinhardt og Gordon Craig. De danner et trekløver som har betydd en fornyelse av det europeiske teater i tiden efter århundreskiftet. Men tiden går sin ubønnhørlige gang, og man blir ikke stående ved det som er opnådd engang. Nu er der nye navner knyttet til teatrets utvikling, og idag kan man igjen tale om et trekløver — de to russere Meyerhold og Tairov og tyskeren Piscator.

Jubileet i Moskva bragte oss til å be Sovjetunionens minister i Norge, Madame Kollontay, om et intervju om russisk teater med utgangspunkt i Stanislawskis Kunstnerteater. Madame Kollontay stillet sig som alltid elskverdig til disposisjon.

— Kunstnerteatret, uttaler hun, har vært et fremskrittsmoment i teaterlivet. Og ikke bare i teaterlivet. Det var med å forberede revolusjonen i 1905, ikke en praktisk forberedelse, men en ideologisk og da særlig blandt de intellektuelle. For oss i St. Petersburg var det i denne tiden en oplevelse når Kunstnerteatret kom fra Moskva. Det spilte Ibsen, og særlig var det «En folkefiende» som rev oss med og bragte diskusjonens bølger til å gå høit. Noen mente at individets rett måtte gå foran majoritetens, mens vi som tilhørte den socialistiske retning fant at Ibsen preket individualismen for sterkt — majoriteten hadde rett og den enkelte fikk bøie sig. Vi fylte teatret slik at vi kunde være tolv i de små losjene istedenfor fem, og vi hang på ett ben bare for å kunne se! Politi og censur var redd for virkningen av stykket. På denne måte fikk Kunstnerteatret stor betydning for oss unge. Senere

Scene fra „Et dukkehjem" med fru Kommissarewski som Nora.

3

Фрагмент статьи неизвестного автора «Интервью Коллонтай о русском театре» из норвежской газеты «Наше Время» («Vor Tid»). 24 ноября 1928. На норвежском языке. [РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 2. Д. 27. Л. 4]

Ее московская жизнь состояла преимущественно из встреч, иногда чисто светских и продиктованных благоразумием, иногда дружеских, где она обнаруживала близких себе людей, которые,

так же как она, боялись и молчали, объятые ужасом. По воле Сталина Коллонтай, как обычно, поселили в прекрасном гостевом доме Народного комиссариата иностранных дел, расположенном напротив Кремля. Именно здесь она приняла Дыбенко, сосланного на весьма неблагодарную командную должность в Средней Азии и срочно приехавшего в Москву ради встречи с ней. Его речи были пропитаны горечью, он жаловался на судьбу. Но беседа велась в осторожном тоне и ограничилась личными делами.

Коллонтай также приняла прибывшую с визитом американскую журналистку Луизу Стронг. Эта коммунистка, которую восторгало все, что она видела, не внушала ей никакого доверия, и разговор у них получился безупречно банальный. Луиза Стронг с удовольствием доложила об их беседе кому следует. До отъезда Коллонтай снова увиделась со Сталиным. Он настойчиво твердил ей, что нужно присматривать за Коммунистической партией Норвегии и информировать его о малейших отклонениях от официальной линии.

Александра отправилась в Осло проездом через Берлин, где собиралась встретиться с Боди. Они заранее договорились, что поживут какое-то время в Лиллехаммере, близ Осло, где она намеревалась отдохнуть, что стало ей просто необходимо после напряженных дней, проведенных в Москве. В течение трех недель они жили вместе, работали бок о бок и главным образом вели тревожные разговоры. В 1928 году некоторые советские партийные руководители, дипломаты мечтали бежать из СССР при первой удобной возможности, предвидя неистовство грядущих чисток. Боди, как известно, в этот раз порывался предложить такой вариант Александре. К тому же их совместное пребывание в Норвегии было своего рода тайной, они никого об этом не извещали. Но в 1928 году Коллонтай считала, что бежать ей не время. Как и большинство ей подобных, ее сковывал страх навлечь на себя сталинский гнев. Она не могла бросить в России Мишу и других близких, сделать их заложниками Сталина.

А. М. Коллонтай (3-я слева) среди участниц одного из совещаний женщин Востока. Москва, 1930-е. [РГАКФД]

После краткого мига счастья и страха, которые Коллонтай и Боди разделили друг с другом, настал час расставания. Боди отправился — на сей раз открыто — в Осло, чтобы там присоединиться к жене и дочери и вместе с ними покинуть Норвегию. Оставшись в одиночестве, Коллонтай вновь принялась за работу, но оказалась в особенно неблагоприятных условиях. В конце 1928 года пресса отзывалась об СССР крайне неодобрительно. В Париже советская власть похитила белого генерала Кутепова, который бесследно исчез. Разразился грандиозный скандал, и «рука Москвы» стала предметом всеобщего осуждения. В Осло после этого похищения все норвежцы, встречавшиеся Коллонтай, выражали ей свое негодование, а она была вынуждена отстаивать заведомо проигрышные позиции. Ей пришлось приспосабливаться к более жесткому курсу Москвы. Вот почему, когда находившаяся в изгнании великая русская балерина Анна Павлова появилась в Осло, Коллонтай, возможно, полагавшая, что за ней следят, заявила норвежскому Министерству иностранных дел ноту протеста в связи с приемом, оказанным «женщине, которая предала Россию». Образ Коллонтай в глазах общественности померк.

Ей пришло время покидать Норвегию, и такой шанс представился: умер советский посол в Стокгольме Виктор Копп.

Конечно, назначению Коллонтай в Швецию, чего она так желала, мешало одно обстоятельство — с 1915 года она являлась персоной нон грата в этой стране. Оценивая свои шансы на то, что ее примут, Коллонтай провела целое расследование и написала Литвинову, что ее назначение будет одобрено. В октябре 1930 года она прибыла в Стокгольм. Несколько недель спустя она представила свои верительные грамоты шведскому королю, и еще через две недели запрет, действовавший в отношении нее с 1915 года, был снят.

Тем не менее не все было так просто с этим новым назначением. Швеция с СССР находились в отвратительных отношениях, поскольку в свое время Швеция взяла на себя инициативу и предложила всем Скандинавским странам связать себя антисоветским пактом. Поначалу немногие шведы рисковали отвечать на приглашения Коллонтай. Конечно, у нее уже имелось там несколько друзей, включая детей бывшего лидера Социал-демократической партии Швеции (СДПШ) Карла-Яльмара Брантинга, с которым Александру многое связывало. Но он умер в 1925 году, и с СДПШ Александра с тех пор держалась на расстоянии.

Перечень деловых встреч и визитов

в Москве в ноябре - декабре /за 44 дня/ 29г.

Сталин	2	раза.
Микоян	2	"
БЗЯ	5	"
Госиздат	1	" /Халатов/.
Пчелин	3	" /Художник/.
Френкель	7	" /Отд. Виз НКИД/.
Асмус	4	" /Экспр/.
Сабянин	1	"
Короткин	1	" /Секр./.
Стронг	4	"
Таничка	4	" /Щепкина-Куперник/.
Лебедев	2	" /В.П./.
Каменева	1	" /О.Д./.
Каменев	2	" /Л.Б./.
Скобелев	3	" /Главк./.
Маслов	2	" /П.П./.
Хайкис	2	"
Аккерман	1	"
Кисляковa	1	"
Коммисс.	2	"
Именитов	2	"
Наговицын	1	" /О пенсиях,о Котрох./.
Куурпр	1	"
Биткер	2	" /О Мише, об алюмин./.
Платонов	5	"
Мороз	6	"
Берге	4	"
Зиглин	1	"
Хинчук	2	"
Бернацк.	10	" /О дочери/.
Артузов	1	"
Горб	1	"
Мессинг	3	"
Раскольн.	2	"
Бубнов	1	"
Крупская	1	"
Уншлихт	1	"
Дыбенко	3	"
Седенина	1	"
Баранов	1	"
Крюмова	1	"
Молотов	2	"
Стасова	1	"
Дюшен Т.	5	дней.
Анд.В.А.	7	дней.
Женя Кам.	2	"
Петров	1	раз /ВОКС/.
Урбэ	5	"
Эрбет	2	"
Хейденшт.	3	"
Аррти	3	"
Мексик.	2	"

Филер	1	раз /НКЗдр./.
Спилованек	7	заседаний.
Лацтян		
Мейерхольд	1	раз.
Шляпников	6	"
Кубяк	2	" /НКЗем/.
Мартницкая	2	"
Скосаревск.	1	"
Менжинская	1	"
Зеладович	2	раза.
Владимиров		
Златкина	3	" /Женотдел/.
Солдатова К.	5	"
Карасев А.	1	"
Керженцева	6	"
Сапожников	3	"
Лоренц	2	"
Леленька	2	"
Амер.журнал.	2	"
Сидоров	1	"
Богданов	3	" /Мишины дела/.
Аркадьев	много раз.	
Литвинов	3 раза	
Коллегия	несколько раз	
Ротштейн	3 раза	
Стомоняков	4	"
Суханов	1	"
Верочка,Зоя,	ежедневно.	
Бузовкина		
Мануильский	1	раз.
Пятницкий	2	"
Коган	5	"
Флоринский	почти ежедневно.	
Безухов	6	раз
Дикштейн	2	"
Краснинников	2	"
Родимов	1	"
Татарийский	2	"
Серебровский	2	"
Альберт	2	"
Кагахан	2	"

20 ноября 1929г., Москва.

Хроника одного дня.

Ночь плохая, полу-бессонная. Накануне устала нервами.

Между 9 - 10ч. утра.	Телефон из НКЗ.
	" от О.Д. Каменевой.
	Письмо о теплых вещах Миши /надо озабо - титься/.
	Бернацкий опять справлялся об арестованной дочери.
Между 10-10 1/2ч. у.	Разговор с Давтяном об НКИД архивах.
	" " Лоренцом.
В 10 1/2 час.утра.	Машина. НКИД. Заседание по ревизии архива НКИД /Давтян, Спильвалек, я. Служащие НКИД/.
12 1/2 час. утра.	В Шифрчасть - отправка шифровки. Оттуда в Управление Делами.
1 1/2 час. дня.	Протокольная Часть. Разговор с Флорин - ским. По телефону: со Сталиным, с Микояном, с Над. Конст. /справляюсь, когда примут?/.
2 часа дня.	Отдел Виз. Справка для Миши. О Котрохо - вой - пенсия.
2 1/2 часа дня.	Машина на Соф. наб. Телефон от Тани и к Мейерхольду. Телефон от Зоечки. К Урбю. Тел. от Анны Луизы Стронг.
3 часа дня.	Хозяйственные переговоры и распоряжения по дипчае на 22-ое.
3 1/2 час. дня.	Обедаю /яйцо, хлеб, чай, сыр, груша/.
4 часа дня.	Полпред Леонид Старк /тяжелый рассказ его о самоубийстве Аси/.
5 1/4 часа дня.	Спешно переодеваюсь. Машина - к Эрбету на дипчай.
6 1/2 час.вечера.	От Эрбета на Соф. наб.. Дыбенко /приехал из Туркестана/.
7 1/2 час. вечера.	К Над. Конст. в Кремль. Машины нет.
10 1/2 час. вечера.	Зоечка. Пьем чай /хлеб,сыр,пастила/.

Перечень деловых встреч и визитов А. М. Коллонтай, наброски распорядка дня, планов работы и др. Ноябрь 1929–1935. [РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 1. Д. 16. Л. 1–2]

Однако проблемы, с которыми Коллонтай приходилось иметь дело, заслуживали внимания. Недоверие шведов к СССР и его

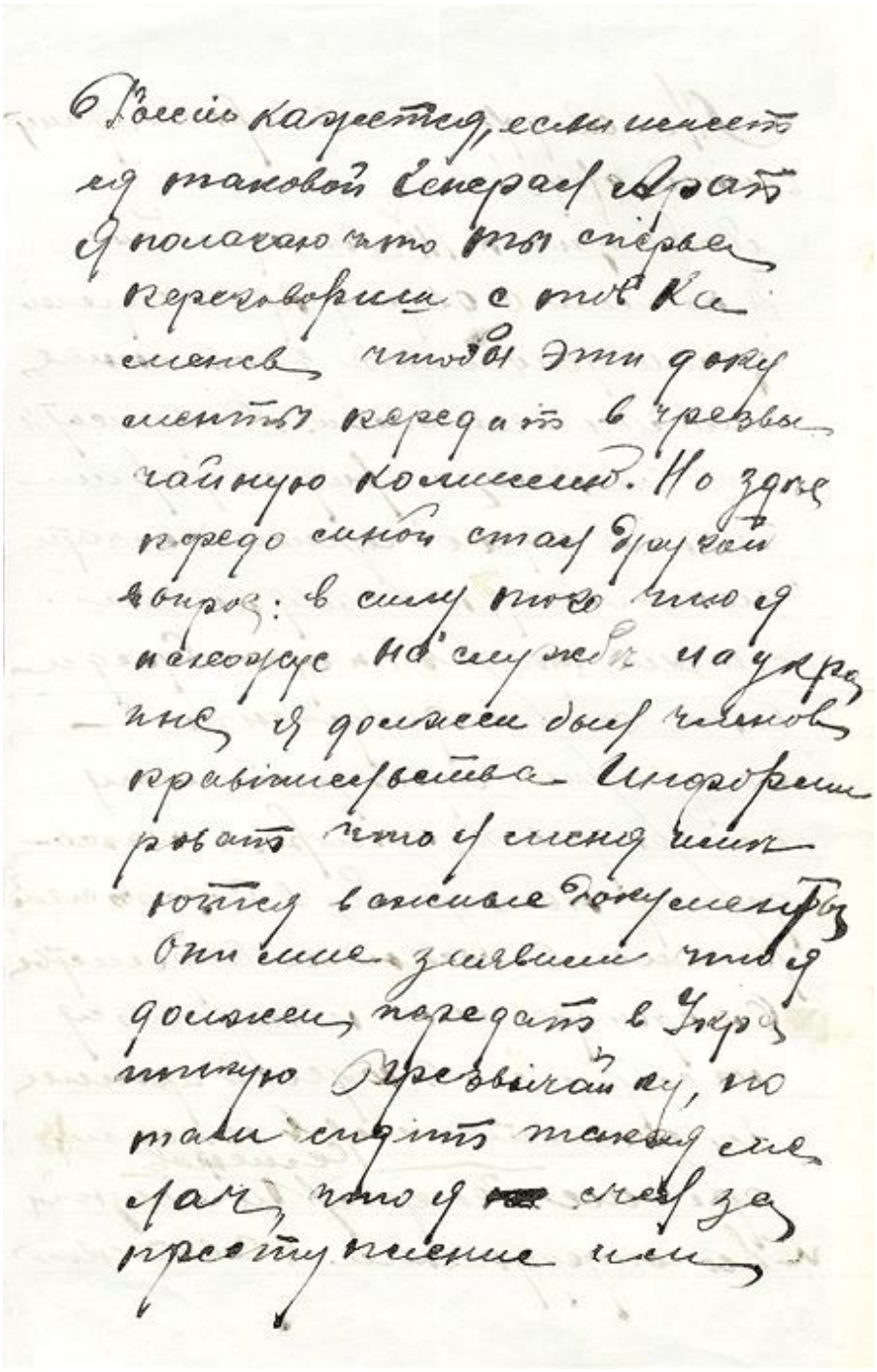
политике можно было преодолеть лишь со временем, а до тех пор следовало вести переговоры по конкретным проблемам, которые проще решить. Во главе повестки дня стоял вопрос о долгосрочном кредитном соглашении, заключения которого СССР хотел добиться от Швеции, чтобы развивать торговый обмен с этой страной. Не менее важную часть задания, порученного Коллонтай, представляло возвращение золота, которое Керенский, будучи главой правительства, поместил на хранение в разные шведские банки. После длительных переговоров Александра Коллонтай добилась того, что в 1933 году это золото вернулось в страну.

В следующем году ей удалось заключить со Швецией экономическое соглашение. В обмен на крупный шведский заем Россия должна была импортировать промышленное оборудование. Это соглашение, поначалу считавшееся выгодным для обеих сторон, впоследствии вызвало резкую неприязнь у шведского правительства. Коллонтай, оценивая политические последствия такой реакции, отказалась от принятых обязательств. Но этот отказ компенсировался заключением другого, не менее важного, соглашения, которое объединяло СССР, Швецию и Финляндию в рамках общего проекта по экспорту меди.

В 1934 году Александра Коллонтай, больше, чем когда-либо, убежденная в важности культурных связей для облегчения понимания между народами, сумела поставить на ноги Русско-шведское культурное общество, в рамках которого происходили многочисленные встречи писателей и художников. Посольство СССР, которое шведское общество одно время бойкотировало, вновь стало местом, куда все хотели быть приглашенными. Жители Стокгольма ценили возможность услышать Давида Ойстраха, встретиться и подискутировать с такими писателями, как Илья Эренбург или Михаил Шолохов. И Коллонтай, всегда элегантная и прекрасно принимающая гостей, сумела сделать свое посольство одним из самых востребованных мест Стокгольма. Она была все так же привлекательна, но ее старый друг Иван Майский, советский посол в Лондоне, побывав у Коллонтай с визитом в 1932 году, отметил произошедшую с ней перемену: «Она всегда казалась столь же молодой, но внутренне она стала гораздо серьезнее, глубже». Он не единственный подметил ее часто встревоженный вид и крайнюю осторожность в выражениях, что составляло основной смысл заметок Майского.

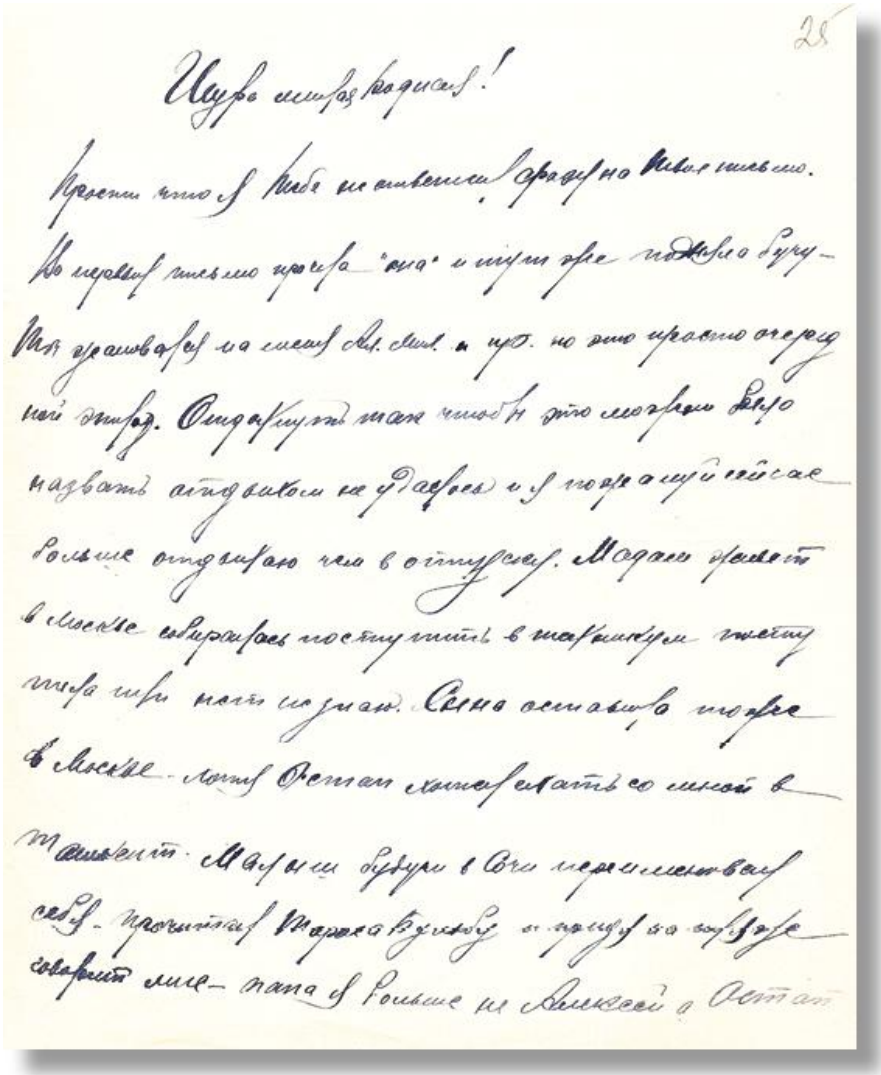
Шлю вам дорогой мой боевой армейский друг.

Я обращаюсь к Вам с просьбой:
Я посылаю с двумя красноармейцами ряд документов захваченных моими агентами. Документы эти вся канцелярия по дезинформированию южной армии: печати, штемпеля, кассовые книги, списки, приказы и отчеты. Среди всех этих документов не указана одна фамилия из генералов, которая находится на службе в Советской России в военном ведомстве. Он одновременно находится на службе и в южной армии. Его фамилия в южной армии ~~генерал~~ Семенов. Помощник его сотрудничал в Советской



Письма П. Е. Дыбенко на имя А. М. Коллонтай о военных действиях и обстановке на фронтах гражданской войны, планах поездок и личных вопросах. 20 сентября 1932. Подлинники. Автограф П. Е. Дыбенко [РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 1. Д. 430. Л. 5–6

об., 25–26]


25

Дура милая Надюша!

Прости что я тебя не поздравил заранее письменно. Во первых письмо пропало "ана" и дура где только бумаги украшаются на месте Ал. Сем. и пр. но это просто очередной отпад. Отдыхнуть так чтобы это могло быть назвать отдыхом не удалось и я поражающейся больше отдыхаю чем в отпуске. Мария хочет в Москве обязательно поступить в парикмахерскую тогда мама ни в чем не знает. Сама остается тоже в Москве - хочет Эстан хочет ехать со мной в Ташкент. Мама и будет в Оче переживать себя - прокляла Марию вдвоем и приду на свадьбе говорит мне - папа я Ромке и Алешке и Эстан

и тебя трудится писать еще Андрей. Смер
ит. отправляет его Астахов.
В среде буду в Одессе в Одесский
Контроль бы нетрудно тебя. Ведь знаешь
Муре трудно даже вырезать из текста и стихи
свои внутренне которое переживаешь
в этих не книжке стихотворе когда бываешь у тебя.
Так много откровенного в стихах хочется и так
много мал стихотв которые с тобой стоит вспомнить
и радость и тепло и новую энергию.
Спасибо дорогая что не забываешь
Крепко крепко тебя и целую Павел
19/20/18 г.

А Л Е К С А Н Д Р А М И Х А Й Л О В Н А !

Советская Колония горячо приветствует Вас, Александра Михайловна, как своего политического руководителя в годовщину Международного Женского Дня и поздравляет Вас с высокой наградой - ОРДЕНОМ ЛЕНИНА, полученный Вами от Советского Правительства за боевые заслуги перед страной Советов.

Советская Колония с гордостью числит в своих рядах заслуженного борца за освобождение рабочего класса, пропагандиста и талантливого агитатора международного масштаба, всем известного организатора трудящихся женщин - тов. КОЛЛОНТАЙ.

Собрание особенно подчеркивает Вашу активную роль в борьбе за революционный мир в дни империалистической войны, когда Вы, раз'езжая по сотням пролетарских центров Европы и Америки, неутомимо вели по указаниям ЛЕНИНА пропаганду революционной борьбы против войны и за мир в интересах рабочих масс, а также Вашу роль в боевые Октябрьские дни, как одного из ближайших соратников В.И.ЛЕНИНА.

Собрание приветствует Вас, как блестящего политического представителя первой пролетарской республики за-границей, одного из первых Красных Дипломатов, и выражает свою твердую уверенность, что Вы, Александра Михайловна - полная сил и здоровья - будете еще долго, долго на почетной службе нашей Великой Революционной Родине С.С.С.Р. и Международного Рабочего класса.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ТОВАРИЩ К О Л Л О Н Т А Й !

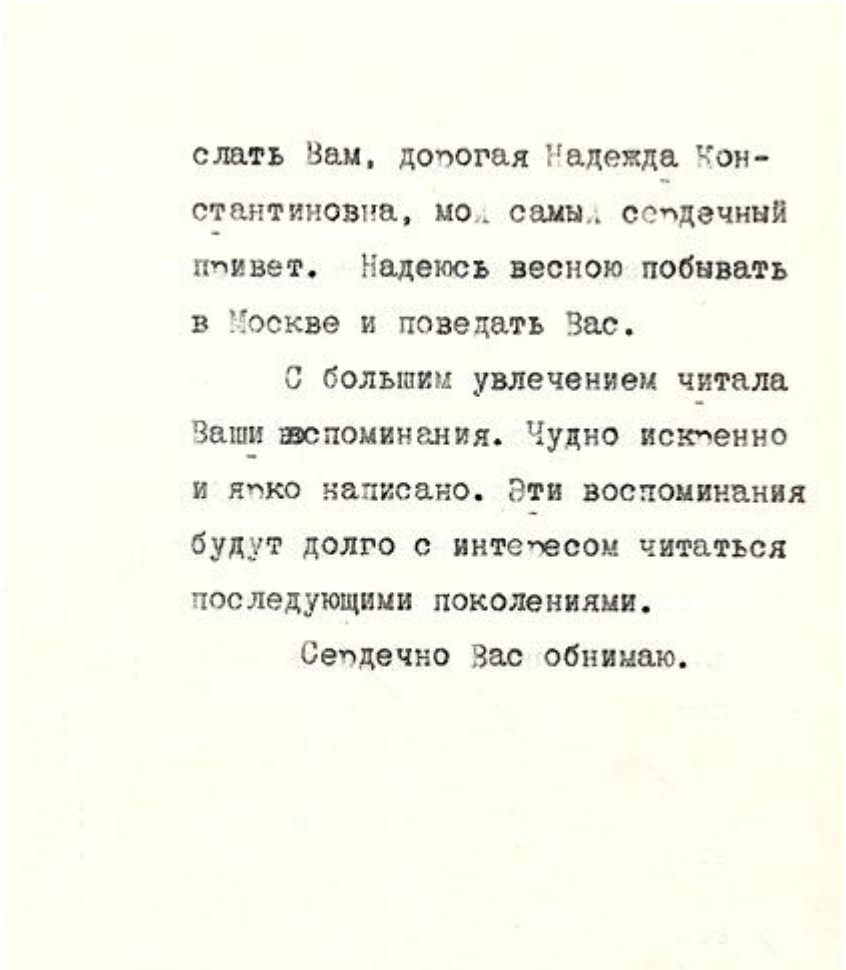
Стокгольм, 8-го марта 1933 г.

Письмо членов советской колонии в Стокгольме на имя А. М. Коллонтай с поздравлением по случаю награждения орденом Ленина за заслуги в организации женского рабочего движения. 8 марта 1933. [РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 1. Д. 17. Л. 1]

Стокгольм, 14 Марта 1933 г.

Дорогая Надежда Константиновна,

8-ое Марта этого года невольно заставило еще раз вспомнить многие эпизоды этих 20 истекших лет. Четко помню первый листок Правды, посвященный женскому дню, для которого я доставала статейки Цеткина, Бебеля и других... Хорошо, что орден Ленина получили сейчас именно наиболее активные товарищи по бывш.женотделам, и в связи с этим, мне особенно захотелось по-



слать Вам, дорогая Надежда Константиновна, мой самый сердечный привет. Надеюсь весною побывать в Москве и поведать Вас.

С большим увлечением читала Ваши воспоминания. Чудно искренно и ярко написано. Эти воспоминания будут долго с интересом читаться последующими поколениями.

Сердечно Вас обнимаю.

Письмо А. М. Коллонтай из Стокгольма на имя Н. К. Крупской о женском дне 8 Марта и о книге воспоминаний Н. К. Крупской о В. И. Ленине. 14 марта 1933. [РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 1. Д. 362. Л. 1–1 об.]

Обязанности, принятые Коллонтай на себя в Стокгольме, не помешали ей расширить круг своей деятельности. В 1934 году СССР вступил в Лигу Наций, которую Германия покинула годом ранее. Александра Коллонтай тогда входила в состав советской делегации и приняла очень активное участие в работе комиссии по правам женщин, а также комиссии, занимавшейся проблемой трафика опиума.

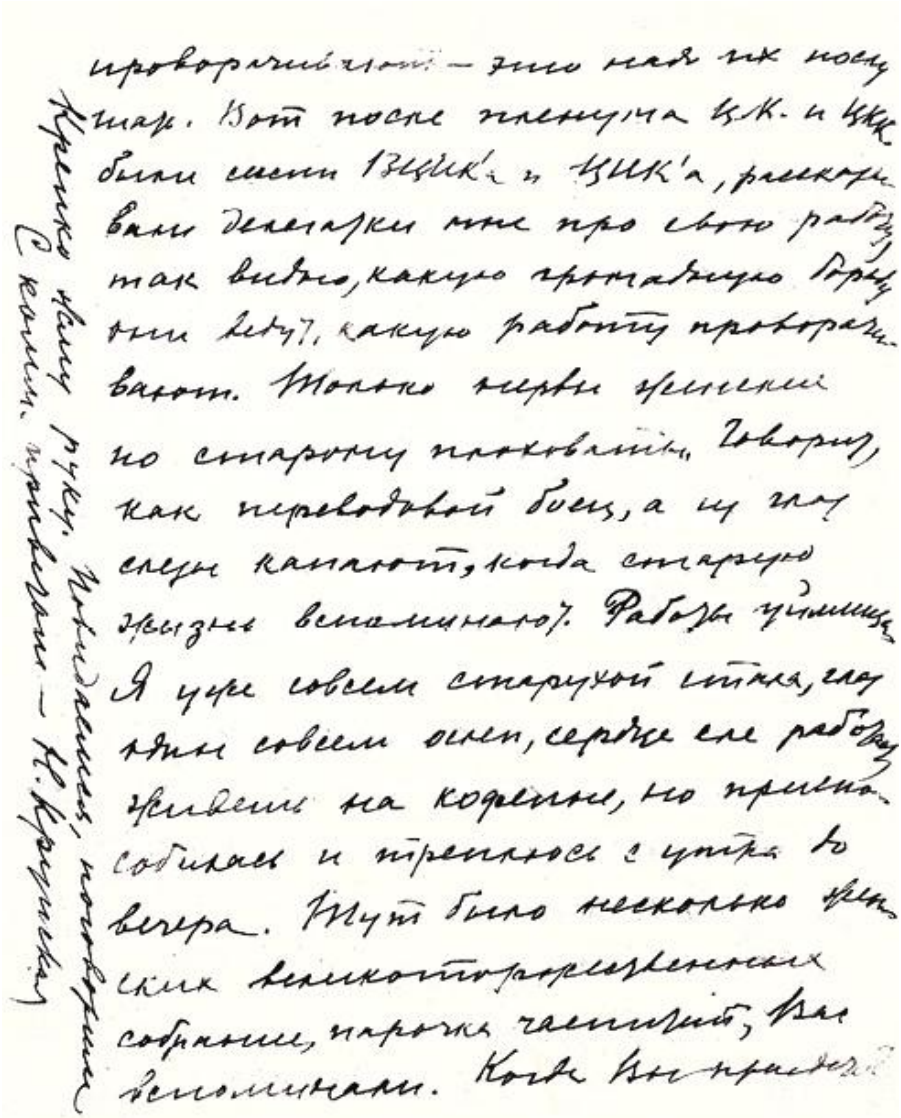
Ей пришлось несколько раз за год съездить в Женеву, и она получила тем большее удовольствие от участия в этих заседаниях, что установила связь с некоторыми делегатками, столь же увлеченными женским вопросом, как и она. Они были

шведками, англичанками, американками, а все вместе — феминистками, позволившими Коллонтай вернуться к милому ее сердцу делу. Это казалось ей тем более важным, что в родной стране все достигнутое в данной области благодаря ее усилиям оказалось практически уничтожено.

Женотдела больше не существовало. Еще на XVI съезде ВКП(б) Каганович заявил, что сопротивление женщин коллективизации свидетельствовало об их отсталости. Чтобы преодолеть эту отсталость, нужно, говорил он, заняться их политическим воспитанием, вместо того чтобы без конца обсуждать их права и условия жизни. Это камень в огород Александры Коллонтай и всех, кто работал на укрепление Женотдела. Партотделы, занимавшиеся женщинами, были тогда объединены с отделами пропаганды и агитации, особенно в сельской местности. Женщинам следовало всецело посвятить себя выполнению норм, предусмотренных пятилетним планом, а не заострять внимание на своих специфических проблемах. Больше никто не осмелился поднять вопрос о Женотделе. Институт брака восстановили. Женщины по-прежнему каждый год отмечали 8 Марта, но это все, что осталось в наследие от той битвы, которую Александра Коллонтай так яростно вела с самого начала своей политической жизни.

2

Дорогая Александра Михайловна,
спасибо за письма. Я им была очень
рада. Сейчас работа среди женщин
— после съезда колхозников и ударников —
пошла сильно на подъем. Это чув-
ствуется. День 8-го марта прошел
с исключительным подъемом, и это
характерно его праздновали не только
женщины. Сейчас требования к работе
очень велики. Вопросы культурного
подъема стоят остро очень. Краска,
изменившая лицо страны. Особенно
заметно это на акции. Выходит
колхозница со Б.Т.О., в белых сапо-
гах, в плаще, и как она говорит! „Мы
не до конца еще овладели методом
рационального работы... и не
чтобы это была декларация, а-
весь дух был подчеркнут.
А какую работу женщины у нас



Письмо Н. К. Крупской на имя А. М. Коллонтай о своей книге воспоминаний о В. И. Ленине, об активизации работы среди женщин и женском дне 8 Марта. 30 марта 1933. [РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 1. Д. 362. Л. 2–2 об.]

В некотором смысле ее выбор был продиктован тем, что она являлась послом. Здесь она пребывала вдали от событий, сотрясавших СССР. Мише удалось устроиться на работу за границей, и он поручил сына заботам Александры. Казалось, что семья Коллонтай в безопасности — при том очевидном условии, что Сталин сохранит уверенность в ее лояльности.

Судя по годам, проведенным Александрой в Стокгольме, ее

выбор в этом отношении однозначен. Еще в 1927 году она внесла свой вклад в дискредитацию Зиновьева и Каменева. Когда в ноябре 1929 года партия вынудила «правых уклонистов» Бухарина, Рыкова и Томского подвергнуть себя унизительной самокритике, обвинить самих себя во «фракционности», она присоединилась к тем, кто нападал на них. В своих мемуарах Анжелика Балабанова выразила сожаление по поводу соглашательства Коллонтай, а Виктор Серж подытожил: «Женщина-оппозиционер встала в один ряд со всеми».

Александра Коллонтай. 1934. [РГАКФД]

Впоследствии Коллонтай не раз представлялся случай продемонстрировать полное единение со Сталиным как на

словах, так и на деле. Еще в ее бытность послом в Норвегии Троцкий, задумавший бежать в эту страну, попросил визу и помощи у своей соотечественницы, которая ему отказала. Затем он адресовал ту же просьбу Швеции и еще раз обратился к Коллонтай как к представителю СССР в этой стране на тот момент. Во второй раз он получил от нее неприязненный ответ. Он с горечью отметил, что если раньше она была «левее» Ленина и его самого, то теперь переметнулась на сторону Сталина.

Коллонтай сделала стратегический и понятный выбор. С 1927 года политический ландшафт СССР формировала власть Сталина и все ей сопутствовавшее, включая устранение старых большевиков. Чистки, начавшиеся в 1920-х годах, непрестанно расширялись и видоизменялись. Соперников (точнее, тех, кого Сталин считал таковыми) поначалу сокрушали политически и вынуждали сознаться в своих «преступлениях», а затем окончательно уничтожали. В 1927 году такая участь постигла левых, в 1929 году — правых. В 1933 году крупная чистка затронула партию на всех уровнях, устраняя неугодных. В 1934 году убийство Кирова в Ленинграде положило начало террору, вымывавшему волна за волной целые категории населения (белых офицеров, рядовых членов партии, ответственных работников различного уровня), которых судьба приводила в ГУЛАГ, отныне прекрасно организованный, или на эшафот, ибо смертная казнь была восстановлена, чем Александра Коллонтай больше не возмущалась, по крайней мере публично.

А. М. Коллонтай на приеме. Швеция, Стокгольм, 1934. [РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 1. Д. 31. Л. 77]

Наконец, с 1936 года показательные процессы привели к гибели всех соратников Ленина, вынужденных к тому же обвинить самих себя в самых невероятных преступлениях, начиная с саботажа экономики или покушений на убийство сторонников Сталина и заканчивая предательством родины. Гитлер, тем временем пришедший к власти в Германии, обычно изображался тем, кто подстрекал к такому предательству и кому оно выгодно. И поверх голов всех, кто подвергся чистке, возвышался враг революции и социализма — Троцкий.

Советская армия также не избежала неистовства Сталина, и Коллонтай наблюдала, как в этом вихре исчезают те, с кем она когда-то делила свою жизнь. Шляпникова вынудили «сознаться» в 1930 году. Арестованный и подвергшийся пыткам в 1935 году, он умер в тюрьме, где его, вполне вероятно, убили. Дыбенко поначалу, казалось, пощадили, так как он входил в число судей, отправивших на смерть Тухачевского и других крупных военачальников, но впоследствии и он был арестован и расстрелян.

Полпред СССР в Норвегии А. М. Коллонтай. Москва, 1935. [РГАКФД]

Фамилия КОЛЛОНТАЙ, Имя Александра, Отчество Михайловна.

1. Родилась в 72 году в апреле мес. 2. Место рождения: Ленинград (Петербург). 3. Пол: женский. 4. Народность: русская.

5. Соц.происхождение: а) бывш.сословие (звание): дворянское.

б) Основное занятие родителей: отец генерал, мать из крестьян.

6. Основная профессия (занятия для членов ВКП(б) к моменту вступления в партию, а для беспартийных к моменту начала работы в советских учрежд.) п и с а т е л ь.

7. Сколько лет работал по этой профессии: 37 лет. 8. Год ухода с производства или оставления с/х. - 9. Соц.положение: Полпред СССР в Швеции.

10. Партийность: член ВКП(б).

11. Партстаж: с 15 г., револ.стаж с 1898 г. № п/б.0626992. 12. Состоит ли в ВЛКСМ: нет.

13. Состоял ли в др.партиях (каких, когда, как долго и где).до

14. Состоял ли ранее в ВКП(б) - с какого и по какое время и причины выбытия:

До 1906 г. во фракции большевиков, агитатором, пропагандистом, кассиром ПК (1905-6г.) По вопросу о Гос.Думе перешла в меньшевистскую фракц. В 1914 г. в момент войны порвала с меньшевиками и в 1915 г. перешла официально к большевикам.

15. Членом какого профсоюза состоит: совторгслуж. С какого года: с 1922 г.

16. Образование: высшее.

	Назв.уч.завед. (вуза и пр.) и его местонахожд.	Назв.факультета, отделения, цикла или уклона:	Окончил или нет:	Дата (м-ц,год) поступ.	окончания	Продолжительность обучения (и т.п.)		
	1.	2.	3.	4.	5.	6.	7.	8.
Общее и специальное.	Сдала экзамен на гимназич.аттестат при 6-й гимназии, Цюрихск. университета	Экономия и статист. отделение	-	два года университета			-	
Партийно-политическое:	-			-			-	

17. Имеет ли научные труды и изобретения и по каким вопросам: по экономич., политическим и соц.вопросам (см.мою биографию в истории **испарре** 22-23г.)

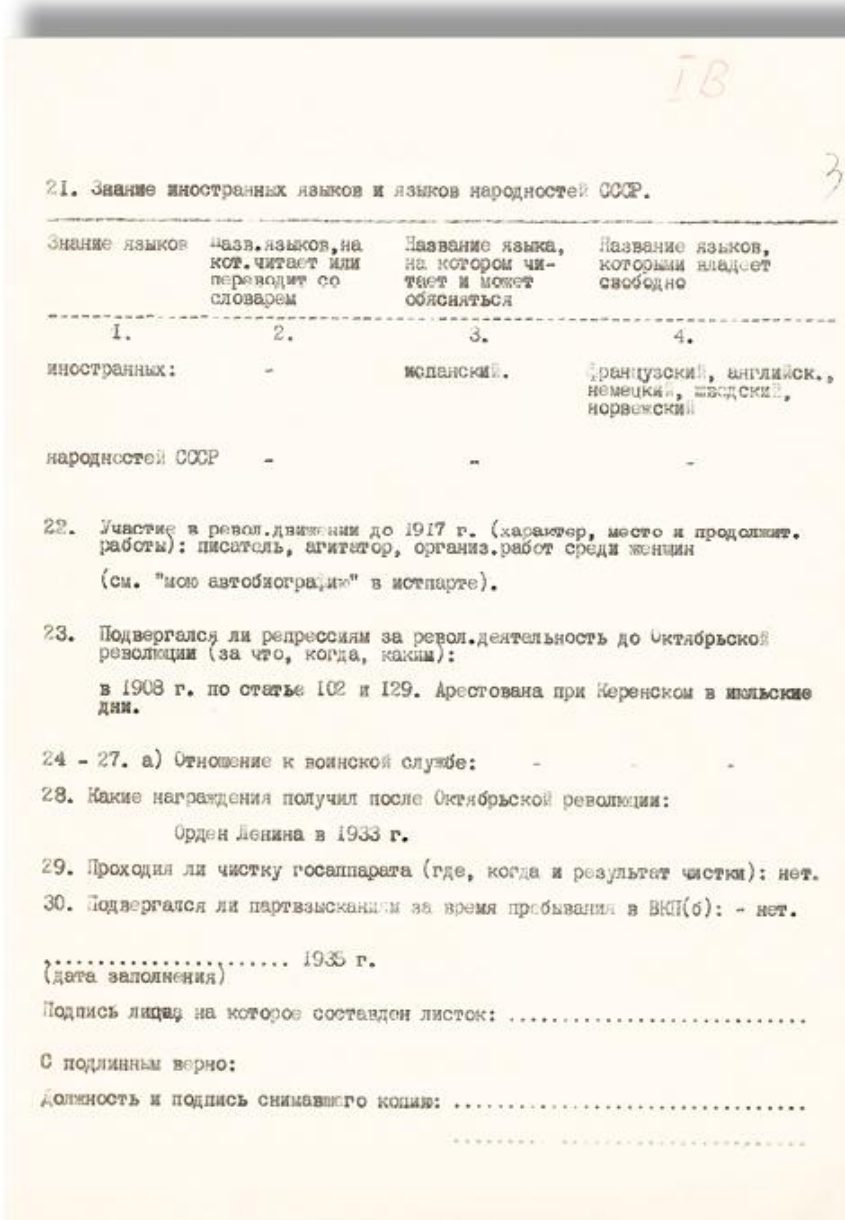
18. Был ли заграницей (где, когда, как долго и цель поездки): в Цюрихском университете, потом в эмиграции с 1908 г. по 1917 г. С 1922 г. до сих пор Полпред СССР.

19. Рабочий и служебный стаж, начиная с начала работы по найму по момент заполнения личного листка (указывается работа продолжительностью не менее 6 месяцев).

Местонахожд. учреждения или предприятия:	Название учреждения или предприятия:	ДОЛЖНОСТЬ ИЛИ ВЫПОЛНЯЕМАЯ Работа	Дата (мес. год) Вступ.	Ухода	продолж. пребывания на должности лет - мес.	
1	2	3	4. 5.	6.	7.	8.
Ленинград-Москва	Наркомат Госпризрения, ныне Собез	Наркомсобез	17г.	18г.		
Москва	При Цека (по работе среди женщин)	По работе среди женщин Завсенотдел	18г. 20г.	20г. 21 г.		
Крым	Крымск. респ.	Член Крымск. Совнаркома, пред. политотдел	19г.	19г.		
Украйна	Наркомат проп. Украйны	Нарком	19г.	19г.		
Москва	Цека	в комсомоле, предст. Цека	19г.	20г.		
Норвегия	Наркоминдел	Полпред	22г.	26г.		
Мексико	"	"	26г.	27г.		
Норвегия	"	"	27г.	30г.		
Швеция	"	"	30г.	пребываю.		

20. Участие в выборных (партийных, советских и профсоюзных) органах.

Где (местонахождение выборного органа) 1.	Название выборного органа 2.	В качестве кого избран 3.	Дата избран. 4.	ухода 5.
Ленинград	1) Петросовет	членом	март 17г.	окт. 17г.
	2) Цека ВКП(б)	"	июль 17г.	февр. 18г.
	3) Членом ВЦИК	"	19г.	23г.
	4) Членом Исполкома Коминтерна и завед. М.Р.С. ИККИ	"	21г.	23г.



21. Знание иностранных языков и языков народностей СССР.

Знание языков	Назв. языков, на кот. читает или переводит со словарем	Название языка, на котором читает и может объясняться	Название языков, которыми владеет свободно
1.	2.	3.	4.
иностранных:	-	испанский.	французский, английск., немецкий, шведский, норвежский
народностей СССР	-	-	-

22. Участие в револ. движении до 1917 г. (характер, место и продолжит. работы): писатель, агитатор, организ. работ среди женщин

(см. "мою автобиографию" в истпарте).

23. Подвергался ли репрессиям за револ. деятельность до Октябрьской революции (за что, когда, каким):

в 1908 г. по статье 102 и 129. Арестована при Керенском в июльские дни.

24 - 27. а) Отношение к воинской службе: -

28. Какие награждения получил после Октябрьской революции:

Орден Ленина в 1933 г.

29. Проходил ли чистку госаппарата (где, когда и результат чистки): нет.

30. Подвергался ли партвзысканиям за время пребывания в ВКП(б): - нет.

..... 1935 г.
(дата заполнения)

Подпись лица, на которое составлен листок: .....

С подлинным верно:

Должность и подпись снимавшего копию: .....

Анкета с биографическими сведениями А. М. Коллонтай. 1935. [РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 1. Д. 19. Л. 2–3]

Коллонтай знала обо всем, но не проронила ни слова. Не ускользнул от ее внимания и тот факт, что в 1938 году лишь два соратника Ленина оставались еще живы, уцелев в этой буре: Сталин и она сама. В 1936 году, беседуя с Марселем Боди во время прогулки в лесу близ Стокгольма, вдали от ушей тех, кто мог передать содержание их разговора Сталину, Коллонтай

заметила: «Мы просто должны делать то, что нам говорят. Между мной и моими сотрудниками нет ни товарищества, ни дружбы. Наши отношения холодны, и недоверие повсюду». И добавила: «Я поняла, что Россия не может перейти от обскурантизма к свободе за несколько лет. Диктатура Сталина или кого-нибудь другого, того же Троцкого, была неизбежна. Эта диктатура проливает много крови. Но ведь и при Ленине пролилось много крови, и, вероятно, много невинной крови».

Во время этой прогулки Коллонтай сделала Боди признание, заставившее того вздрогнуть. Не сделала ли она его хранителем ужасной государственной тайны? Она рассказала, что Давиду Канделаки, главе торгового представительства СССР в Стокгольме, приближенному, насколько она знала, к Сталину, поручено последним доставить послание Гитлеру для заключения торгового договора с Германией. Сталин хотел избежать столкновения с Германией и заверил ее в своих мирных намерениях. Видя смятение Боди, Коллонтай настаивала: «Сталин больше всего боится войны с Гитлером и стремится переключить его внимание на западные державы, а ради этого он готов вести с ним переговоры». Боди, обязавшись не разглашать эти секретные сведения, решил, вероятно с согласия Коллонтай, по возвращении сообщить их Леону Блюму. Последний отказался ему верить, будучи полностью убежден, что Сталин не может искать контакта с Гитлером. «Все говорит против этого и всегда будет говорить», — возразил Блюм.

Полпред СССР в Швеции А. М. Коллонтай беседует с министром иностранных дел Швеции М. Сандлером. Швеция, 1937. [РГАКФД]

Это не рядовой эпизод. Он свидетельствует о трезвомыслии Коллонтай. Конечно, в трагический период 1936–1939 годов она чувствовала себя обязанной — ради собственного выживания — всецело и напоказ держаться «линии» Сталина. Но, получив сведения, важность которых для будущего понимала, она постаралась передать их западным руководителям, и делала это с риском для собственной жизни. Она убедилась в этом вскоре после того самого разговора с Боди, так как во время одной из поездок в СССР в 1938 году (ее тогда за год вызывали в Москву дважды) Ежов пригласил ее для беседы и долго расспрашивал о Боди, о содержании их недавних разговоров и назвал Боди «предателем». Коллонтай покинула встречу с мыслью, что репрессии вот-вот обрушатся на нее. Ее беспокойство оказалось напрасным, и она сумела вернуться в Стокгольм.

Правда, в тот период она предоставила Сталину несравненные гарантии своей верности. В то самое время, когда старая большевистская гвардия ликвидировалась или была на пути к тому, Коллонтай опубликовала два текста — статью в газете «Известия» и исправленную версию очерка, написанного еще в 1927 году и посвященного женщинам — героиням революции.

Статья в «Известиях» восходила к публикации 1919 года, в которой рассказывалось о том решающем дне, когда на квартире у меньшевика Суханова было принято решение об Октябрьском перевороте. В статье 1919 года отмечалось сдержанное отношение Каменева и Зиновьева к ленинской идее немедленного государственного переворота, но о самих оппозиционерах и их идеях говорилось с сочувствием, подчеркивалось, что обсуждение проходило в атмосфере «коммунистического товарищества». В 1937 году Коллонтай нарисовала совсем иной портрет — «предателей Ленина и партии», которыми овладел страх перед необходимостью действовать. Точно так же в 1919 году она приветствовала революционный пыл товарища Троцкого, который в 1937 году стал «Иудой Троцким, предателем и будущим агентом гестапо». И последняя неожиданность заключалась в том, что Сталин, отсутствовавший в версии 1919 года, в 1937 году стал «самым точным и решительным проводником политики Ленина и партии», сумевшим еще в 1917 году разоблачить «банду предателей революции — Троцкого, Зиновьева и Каменева».

Что касается очерка «Женщины в 1917 году», то в его первоначальной версии на первом плане стояли революционерки, такие, как Крупская и сестры Ленина, тогда как в 1937 году он превратился в оду бастующим прачкам, безликой массе, собравшейся на первую конференцию работниц Петрограда. Блистательные женщины той эпохи, которых прославляла сама Коллонтай, были заменены толпой во главе с «гениальным Сталиным» и Лениным…

Продемонстрировав таким образом свою верность Сталину, Коллонтай, о чьем скором аресте уже писали некоторые европейские газеты, смогла вернуться невредимой в Стокгольм.

Ее внимание в тот момент переключилось на новую революционную надежду, центром которой должна была стать Испания. Эта страна, вызвавшая в Коллонтай задор, направила послом в Стокгольм женщину, которая, как и она, являлась живым доказательством того, что коммунистическая дипломатия открыта для так называемого слабого пола. Эту женщину по имени Изабель де Паленсия Коллонтай приняла с распростертыми объятиями. Они подружились и стали вместе трудиться в поддержку революции.

Министр иностранных дел Швеции М. Сандлер, находившийся в СССР с официальным визитом, во время осмотра канала Москва — Волга. Среди сопровождающих лиц — посол СССР в Швеции А. М. Коллонтай. 1937. [РГАКФД]

Коллонтай проводила в своем посольстве концерты и светские вечера, чтобы собрать средства для испанских республиканцев. Она даже попросила сотрудников посольства отчислять из своей зарплаты определенную сумму в качестве помощи детям и женщинам молодой республики. На заседании Лиги Наций в Женеве она присоединилась к скандинавским делегатам, которые вместе с ней от имени СССР выступили с призывом поддержать лагерь республиканцев. Изабель де Паленсия написала биографию Коллонтай, в основу которой положила свои воспоминания, ставшие ценным свидетельством их энтузиазма, совместных усилий и ужасного разочарования, которое они испытали впоследствии, когда республика рухнула.

Но Испания оказалась далеко не единственной катастрофой, которую довелось созерцать двум дипломаткам. Пока Франко громил республику, Гитлер сумел завладеть Чехословакией, расторгнув все договоренности, достигнутые с ним в Мюнхене при участии лидеров западных стран — Чемберлена и Даладье.

Александра Коллонтай поделилась своими переживаниями со своим лечащим врачом Адой Нильссон, с которой быстро очень сблизилась. После отъезда из Стокгольма Изабель де Паленсии и еще более тягостного для Коллонтай отъезда Зои Шадурской, в течение долгого времени работавшей там же в торговом

представительстве, Ада Нильссон стала единственной подругой, которой Коллонтай могла в разговоре безбоязненно открыть сердце. Накануне одного из своих вызовов в Москву в 1938 году Коллонтай сообщила ей о своих опасениях и попросила в случае ее невозвращения забрать ее бумаги и спрятать в укромном месте, чтобы однажды просвещенные умы узнали о ее вкладе в установление исторической правды.

Именно к Аде Нильссон Коллонтай обратилась в августе 1939 года, когда произошло событие, о котором она тремя годами ранее по большому секрету поведала Боди, — заключение германо-советского пакта. Оно не стало для нее сюрпризом, но все равно потрясло ее. И в то же время она не могла отмежеваться от своей страны. Это проявилось в том, как Коллонтай говорила о случившемся со своей конфиденткой. Ада Нильссон впоследствии утверждала, будто Коллонтай совершенно не ожидала германо-советского пакта, тогда как Боди свидетельствовал об обратном. Коллонтай не только рассказала ему о миссии Канделаки, но и добавила, что подозревает Сталина в возможности заключения такого пакта. Правда, и Бухарин в то же самое время питал такие подозрения.

Когда в соответствии с секретными протоколами к пакту Гитлер в начале сентября вторгся в Польшу, Коллонтай написала Аде Нильссон длинное письмо в попытке объяснить — даже оправдать — пакт и политику Сталина. Как же СССР прошел путь от поисков коллективной безопасности, воплощенных в фигуре Литвинова, к союзу с Гитлером? Ответ Коллонтай заключался в том, что СССР прикладывал отчаянные усилия ради обеспечения мира силой переговоров, а не оружия и, чтобы достичь этого, подталкивал государства в сторону более передовых международных отношений, отмеченных печатью прогресса. Она добавляла, что, заключив пакт, СССР действовал в соответствии с целями Лиги Наций.

Это письмо вызывает удивление и жалость. Как понять, почему Коллонтай, дальновидная и опытная в политических вопросах, не прибегла к более правдоподобным аргументам: слабости западных демократий перед лицом Гитлера, которую показал Мюнхен, испытываемой Сталиным необходимости выиграть время для подготовки к неизбежному столкновению с Гитлером, чтобы потом договориться с Францией и Англией? Действительно, Гитлер никогда не скрывал своих территориальных притязаний на Востоке. Он считал богатую хлебом Украину, Кавказ с его нефтью и даже Сибирь сферой естественной экспансии германской нации ради освоения ею жизненного пространства (Lebensraum). То, что Коллонтай забыла

о таких правдоподобных доводах и вместо этого заявляла, будто, имея дело с Гитлером, Сталин толкает мир вперед, — плохо соотносится с ее тонким умом и, скорее всего, свидетельствует о сильном замешательстве.

Подруга Коллонтай Изабель де Паленсия внимательно следила за ее высказываниями в защиту германо-советского пакта и в биографии Коллонтай написала следующее: «Почему люди так возмущены этим пактом? В Англии лорд Ванситтарт в течение многих лет ориентировал английскую политику таким образом, что сделал Гитлера оплотом против России».

Однако именно после статей о революции, отредактированных согласно требованиям сталинской эпохи, после жалких оправданий пакта, заключенного с Гитлером, Коллонтай предстояло вновь превратиться во взыскательного и здравомыслящего бойца, которым она была так долго. 1939 год стал поворотным моментом в ее умонастроениях и поведении. Коллонтай, уютно устроившаяся в положении преданного посланника Сталина, укрывшаяся в Швеции, кое-как исполнявшая свои дипломатические обязанности, хотя и сделавшая несколько действительно полезных вещей для своей страны, стала подлинной вершительницей внешней политики СССР, которая сыграла важную роль в отстаивании советских интересов в скандинавском мире и при этом силилась защитить этот мир от притязаний Сталина.

Полпред СССР в Швеции А. М. Коллонтай, министр иностранных дел Швеции М. Сандлер и другие на заседании 4-й

сессии ЦИК СССР 7-го созыва. 1937. [РГАКФД]

В течение пяти лет Коллонтай будет выстраивать подлинно дипломатические отношения не только на личном, но и на государственном уровне. Разумеется, Сталин понимал, что в тот момент Коллонтай была ему полезна не тем, что льстила ему или заверяла в своей преданности, а тем, что служила своей стране, своим авторитетом и способностями помогая ей преуспеть в соблюдении государственных интересов.

В эти годы Коллонтай не пользовалась какой-то удивительной свободой. НКВД как никогда прежде будет находиться рядом с ней, в ее тени, в самом сердце посольства. Агенты этой зловещей структуры продолжат шпионить, следовать за ней повсюду, рыться в ее бумагах, которые они фотографировали и без конца отправляли в Москву. Тем не менее она будет действовать по-своему, часто самовольно и без чьего-либо вмешательства.

Если вспомнить, что в эти годы весь дипломатический корпус подвергся чистке, неугодные лица были устранены и заменены блеклыми и послушными аппаратчиками, можно только в очередной раз удивиться судьбе, уготованной Коллонтай. Правда заключается в том, что в сентябре 1939 года Сталин учел скандинавский опыт Коллонтай, который очень пригодился ему в приграничном районе страны, где он столкнулся с критической ситуацией. И, вполне вероятно, гарантии, данные Коллонтай в 1935–1939 годах, помогли убедить Сталина в том, что он может использовать ее, ничем не рискуя.

Глава двенадцатая. «Тайный дипломат»

Страной, заставившей Александру Коллонтай той ужасной осенью 1939 года собраться и давшей ей возможность сыграть роль настоящего дипломата, стала Финляндия — край ее детства, где находилось ее семейное имение Кууса, в котором она счастливо проводила летние каникулы.

Финляндия, расположенная в непосредственной близости от Ленинграда, давно являлась предметом забот советской дипломатии. С момента прихода к власти Гитлера Коллонтай получила инструкции внимательно наблюдать за отношениями между Финляндией, Германией и Скандинавскими странами. Во второй половине 1930-х годов Финляндия по-прежнему изъявляла желание сохранять нейтралитет, следуя примеру скандинавского мира. Но в Москве опасались, как бы она под давлением Берлина, напротив, не сделала выбор в пользу прогерманской ориентации и не побудила своих соседей, Швецию и Норвегию, к объединению в прогерманский и антисоветский союз.

Поэтому Москва стала предпринимать шаги навстречу Хельсинки, предполагая, что финско-советский союз послужит Финляндии защитой от Германии. Эти попытки были отвергнуты, Хельсинки ответил, что финский нейтралитет не подлежит обсуждению.

После осени, проведенной в бесплодных дискуссиях, Москва 1 декабря 1939 года объявила о признании легитимным финского правительства под руководством коммуниста Отто Куусинена, провозгласившего себя его главой, и начала военное наступление против Финляндии. Штурм был плохо подготовлен, и, ко всеобщему удивлению, финские войска в течение четырех месяцев сдерживали советскую армию. Хотя Финляндию поддержало небольшое интернациональное воинское подразделение, состоявшее преимущественно из шведов, ни одна великая держава не пришла ей на помощь, что еще больше заставляло восхищаться героизмом этой маленькой страны перед лицом советского колосса. Лига Наций исключила СССР из своих рядов в качестве наказания за проявленную агрессию, но, поскольку эта организация доживала свои последние дни, данное решение осталось без последствий и не произвело никакого впечатления.

Александра Коллонтай, наблюдавшая за столкновением, выступила с инициативой и обратилась к шведскому

правительству, которое, хотя и не оказывало военной помощи, поставляло Финляндии оборудование. Она предостерегла шведского министра иностранных дел от любого нарушения Швецией своего нейтралитета и подчеркнула, что, поддерживая Финляндию, Швеция рискует вступить в конфликт с Москвой.

А. М. Коллонтай с внуком В. М. Коллонтай. Швеция, Стокгольм, 1940. [РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 1. Д. 31. Л. 84]

В то самое время, когда советская армия испытывала затруднения в борьбе с финскими войсками, Кремль приветствовал инициативу Коллонтай, что побудило ее продолжать в том же духе. Спустя два месяца, когда положение в советских войсках выправилось, финны поняли, что настало время сесть за стол переговоров, если они хотят извлечь выгоду из своего продвижения по советской территории и закрепить успех. Но переговоры с Москвой представляли собой сложную политическую проблему, поскольку Москва признавала лишь коммунистическое правительство Куусинена, хотя финское правительство, премьер-министром которого являлся Ристо Рюти, а министром иностранных дел — Вяйнё Таннер, было на месте. Кто же мог вести переговоры с Москвой?

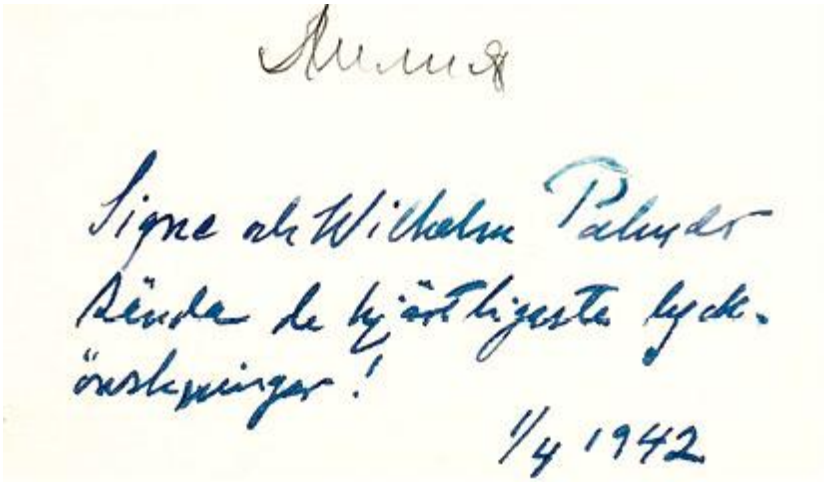
Коллонтай взяла ситуацию в свои руки и создала благоприятные условия для переговоров, обратившись к Швеции, чье посредничество позволило начать диалог между Москвой и Хельсинки. Она представила этот проект новому министру иностранных дел СССР Молотову, который хотел — вслед за Сталиным — одновременно окончить войну в Карелии и отобрать

у финнов территории, которые те успели захватить в результате наступления.

Под давлением Коллонтай министр иностранных дел Швеции выдвинул условия дипломатического вмешательства своей страны. Швеция требовала, чтобы Москва отказалась от поддержки правительства Куусинена и вела переговоры с легитимным правительством. В обмен на это финны должны были отступить из Карелии и согласиться отдать в аренду или уступить СССР острова в Балтийском море, на которых Москва намеревалась возвести военные базы. В то же время в одном пункте Хельсинки проявлял непреклонность: Финляндия ни за что не отдала бы город Ханко, чего требовала Москва. Этот полуостров обеспечивал контроль над входом в Финский залив и безопасность Хельсинки. Ханко стал камнем преткновения в переговорах, Москва отказывалась уступать.

Трудные переговоры длились два месяца, и за это время Москва избавилась от неудобного правительства Куусинена и решительно обозначила свои территориальные претензии. Наконец 28 февраля СССР выдвинул финнам ультиматум с требованием сдаться в течение 48 часов, и благодаря этому 12 марта был подписан мирный договор. Финляндия лишалась одной десятой части своей территории (земель, прилегающих к Ленинграду, Карельского перешейка, Ханко) с расположенными на ней высококачественными сельскохозяйственными угодьями и значительной частью медной промышленности.

СССР сознавал, что его требования относительно умеренны, но, опасаясь выступления на стороне финнов германских или союзных войск, предпочел мирный договор продолжению войны. Конечно, мир дался финнам дорогой ценой, но после того, как их первые успехи остались в прошлом, трудности военного характера и отсутствие поддержки извне обрекали их на поражение, которое в гораздо большей мере противоречило их интересам.



Signe ak Wilhelm Palmér
Sända de hjärtligaste lyck-
önskningar!
1/4 1942

2

Дорогая АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВНА !

Горячо поздравляем Вас с днем Вашего рождения.

Желаем Вам долгой и продуктивной жизни на благо нашей дорогой и Великой Родины и светлого счастья в Вашей личной жизни.

Сотрудники Торгпредства СССР
в Швеции

Сирен и Хельми -

3

LEGATION OF THE
UNITED STATES OF AMERICA

Dear Mme Kollontay

My sincere congratulations
and good wishes on your
birthday. I'm only sorry
I didn't in time. Not it
was on April 1st - but I

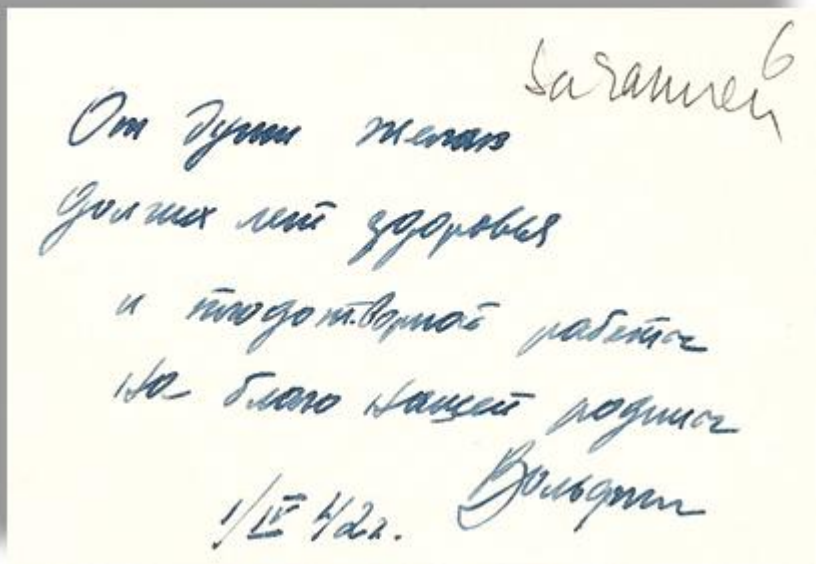
5

ypb

Mr & Mme V. MARKOVITCH

avec tous leurs meilleurs
vœux pour votre fête

Charlie Markovitch



За границей 6

От души желаю
долгих лет здоровья
и плодотворной работы
на благо нашей родины

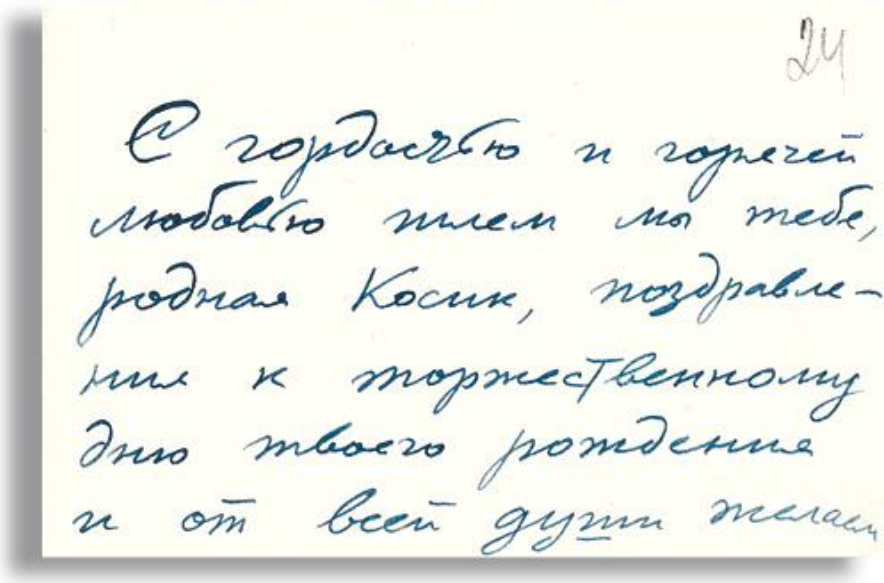
1/XII 42 г. Вольдт

Прошу не отказать принять
мое сердечное поздравление
с искренними пожеланиями
всего самого лучшего

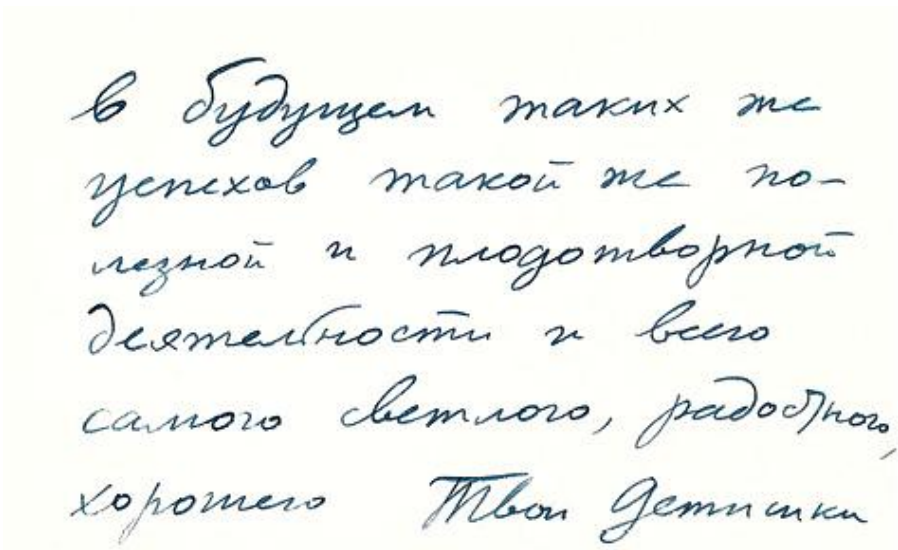
Victor Jacobson

A. Johnson & Co.
Stockholm

За границей


24

С гордостью и горячей любовью шлем мы тебе, родная Косик, поздравления к торжественному дню твоего рождения и от всей души желаем


в будущем таких же успехов такой же полезной и плодотворной деятельности и всего самого светлого, радостного, хорошего Твои Детишки

Поздравительные письма, телеграммы от политических деятелей, сотрудников, друзей и близких на имя А. М. Коллонтай в связи с 70-летием со дня рождения. 1–10 апреля 1942. Подлинники. Машинописный и рукописный тексты, пометки — автограф А. М. Коллонтай. На русском, английском, французском и шведском языках. [РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 1. Д. 20. Л. 2–3, 5–7, 14, 21, 24–24 об.]

После подписания мирного договора Коллонтай постаралась укрепить советско-шведские отношения, которые пострадали из-

за высокомерия Молотова. Она далеко не исчерпала себя в роли миротворца, которую на себя примерила, ибо положение дел в скандинавском мире в тот период стремительно менялось. Гитлер бросился оккупировать Норвегию — Англия не смогла ему помешать — и Данию. После окончания «странной войны» в западной части Европы Бельгия, Голландия и Франция оказались оккупированы германскими войсками. Гитлер требовал открыть территорию Финляндии для прохода его войск и вооружений. Кто мог этому помешать? Однозначно не его советские союзники. И тем более не Швеция. По мере ухудшения советско-шведских отношений Коллонтай всеми силами старалась сохранить связи между двумя странами.

Разрыв германо-советских отношений с началом операции Барбаросса, начатой 22 июня 1941 года, придал новый импульс миссии Коллонтай. Ей еще раз было поручено провести переговоры со Швецией касательно ее нейтралитета, ибо Москва опасалась, как бы весь скандинавский мир, впечатленный сокрушительным наступлением вермахта вглубь советской территории летом 1941 года, не перешел на сторону Германии.

Эти подозрения усиливались из-за позиции Финляндии, которая вновь стала проявлять враждебность к СССР, рассчитывая благодаря германской экспансии вернуть территории, утраченные согласно мирному договору. Финское правительство объявило, что война, которую ее войска вели против СССР, шла независимо от боевых действий Германии и не имела иной цели кроме возврата утраченных территорий, что было достигнуто за шесть месяцев. Затем Финляндия, после первых поражений осознавшая, что советская армия в состоянии дать отпор, проявляла гораздо меньше желания продолжать войну, которая больше не могла ей ничего дать.

Александра Коллонтай в этот период работала над поддержанием контактов в Финляндии. И когда уверенность в победе Германии стала слабеть, она попыталась подтолкнуть Хельсинки к переговорам с СССР. Но германское давление на всем скандинавском пространстве — Гитлер даже решился на бомбардировку севера Швеции, чтобы убедить ее отказаться от нейтралитета, хотя и тщетно, — обрекало любые переговоры на провал. В Москве усилия Коллонтай были отмечены высокой наградой в 1942 году и, что особенно важно, повышением, состоявшемся в следующем году, с возведением в ранг чрезвычайного и полномочного посла. Еще одно невиданное достижение для женщины. Но Коллонтай, как рассудили Сталин и Молотов, доказала свою эффективность.

На ее счет Сталин также мог отнести тот факт, что, несмотря

на его беспокойство, Швеция отнюдь не последовала примеру финнов и не поддержала немцев в войне, твердо придерживаясь статуса нейтральной державы.

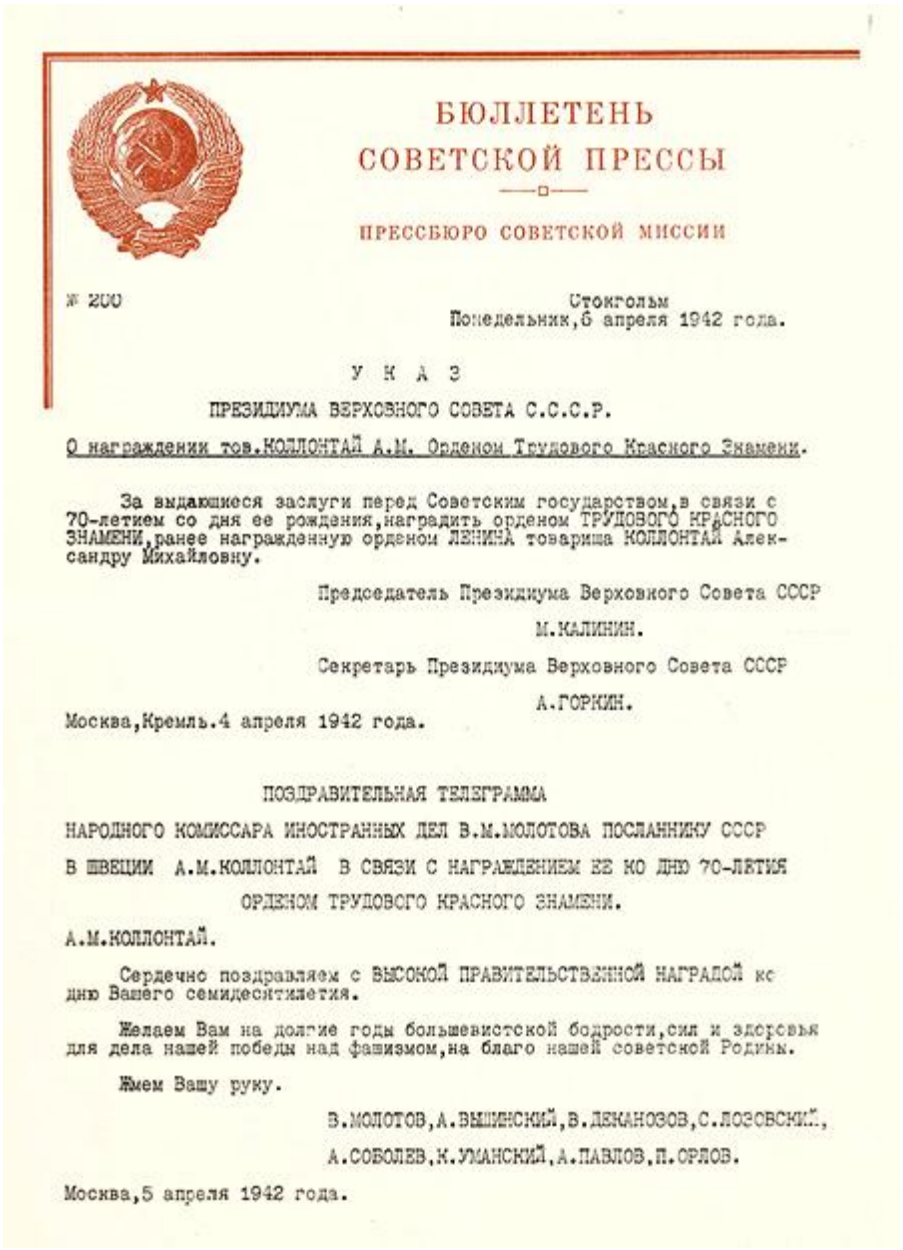
Признанных таким образом заслуг Александры Коллонтай оказалось недостаточно, чтобы уберечь ее от несчастного случая со здоровьем, который едва не стал для нее смертельным. Истощенная своими бесконечными демаршами, тревогой, едва находившая время для сна, Коллонтай поведала в письме от 16 июня 1942 года своей подруге Изабель де Паленсия, что ее нервная система пришла в негодность. Непреклонная, стойкая Александра, никогда ни на что не жаловавшаяся, призналась близкой подруге, что держится из последних сил. Ее личный врач непрестанно выражала беспокойство, но не сумела заставить ее прерваться на отдых.

Последствия этого проявились в августе 1942 года, когда Александра потеряла сознание. Сосудистый спазм, повышение кровяного давления до опасного уровня ее сломили. Все уже думали, что потеряли ее. Тем не менее на Рождество она вновь появилась на публике после нескольких месяцев, проведенных в больнице. Она была спасена, но в каком состоянии пребывала! Она восстановила способность говорить, хотя и медленно, частично восстановила способность пользоваться правой рукой, что было так необходимо той, кто не могла жить без того, чтобы писать. Зато ноги ей отказали, и она до конца дней оказалась прикованной к инвалидному креслу. Левая часть тела, левая рука оставались парализованными, а мышцы лица еще некоторое время с трудом обретали подвижность.

Коллонтай в то время было уже семьдесят лет, но ее энергичность не соотносилась с ее возрастом, который в то время считался весьма почтенным. Во время восстановительного периода, который она провела в городе Сальшёбаден в компании главным образом Миши, примчавшегося к ее постели, Коллонтай подменял и одновременно следил за ней (НКВД не изменял своим привычкам) Владимир Петров — молодой чиновник, присланный из Москвы. Тогда же НКВД, озабоченный тем, чтобы поставить посольство и посла под более строгое наблюдение, решил заменить шофера и секретаря Коллонтай, то есть наиболее приближенных к ней сотрудников.

Когда военное положение СССР выправилось, а здоровье Коллонтай пошатнулось, в Москве решили, что свобода действий, предоставленная ей ранее в чрезвычайных обстоятельствах, не может продолжаться. Новая команда, Петров и секретарь, тщательно копались в ее бумагах, фотокопии которых вновь отправлялись в Москву. Но та, что вызывала к себе такой интерес,

сохраняла бдительность, несмотря на ослабленное состояние, и, привыкшая к полицейским штучкам своей страны, поступила по-своему. Она постановила, что будет содержать секретаря за счет собственных средств, а посланник из Москвы займется второстепенными задачами.



БЮЛЛЕТЕНЬ
СОВЕТСКОЙ ПРЕССЫ

ПРЕССБЮРО СОВЕТСКОЙ МИССИИ

№ 200

Стокгольм
Понедельник, 6 апреля 1942 года.

У К А З

ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА С.С.С.Р.

О награждении тов. КОЛЛОНТАЙ А.М. Орденом Трудового Красного Знамени.

За выдающиеся заслуги перед Советским государством, в связи с 70-летием со дня ее рождения, наградить орденом ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ, ранее награжденную орденом ЛЕНИНА товарища КОЛЛОНТАЙ Александру Михайловну.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
М. КАЛИНИН.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
А. ГОРКИН.

Москва, Кремль. 4 апреля 1942 года.

ПОЗДРАВИТЕЛЬНАЯ ТЕЛЕГРАММА

НАРОДНОГО КОМИССАРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ В.М.МОЛОТОВА ПОСЛАННИКУ СССР В ШВЕЦИИ А.М.КОЛЛОНТАЙ В СВЯЗИ С НАГРАЖДЕНИЕМ ЕЕ КО ДНЮ 70-ЛЕТИЯ ОРДЕНОМ ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ.

А.М.КОЛЛОНТАЙ.

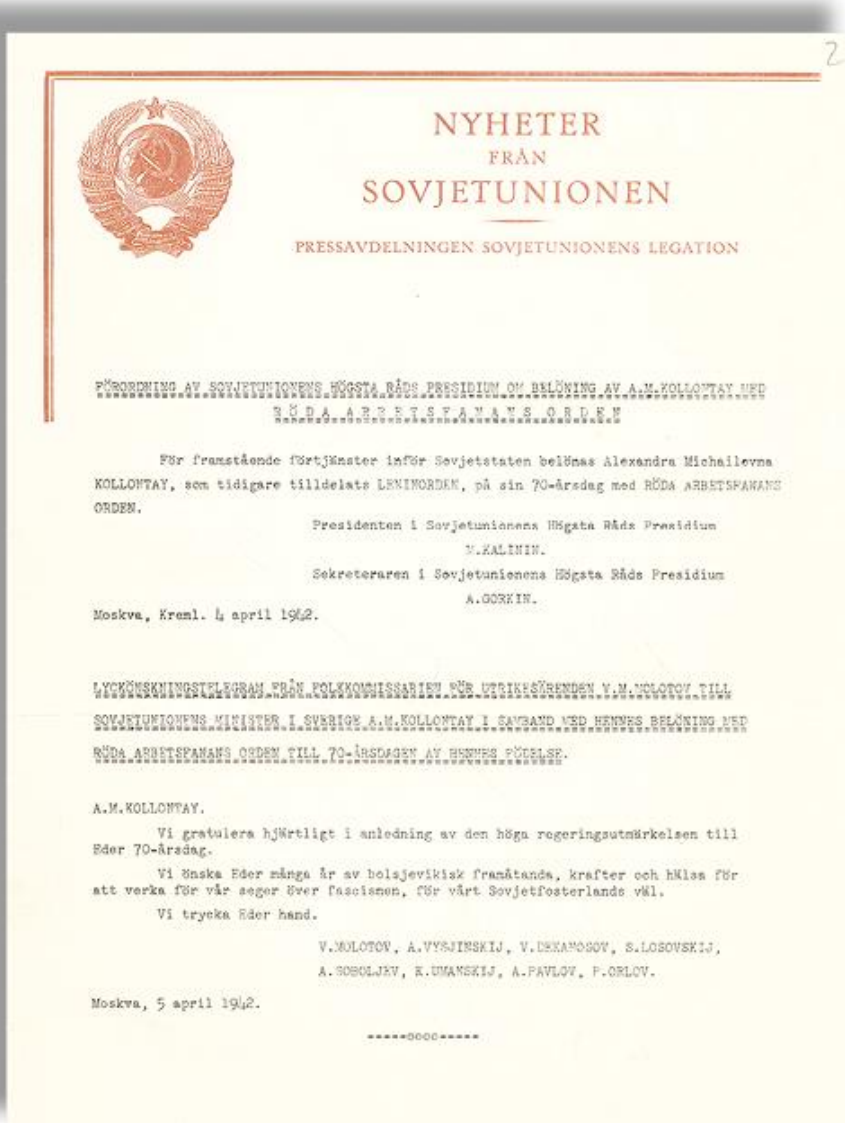
Сердечно поздравляем с ВЫСОКОЙ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ НАГРАДОЙ ко дню Вашего семидесятилетия.

Желаем Вам на долгие годы большевистской бодрости, сил и здоровья для дела нашей победы над фашизмом, на благо нашей советской Родины.

Жмем Вашу руку.

В.МОЛОТОВ, А.ВЫШИНСКИЙ, В.ДЕКАНОЗОВ, С.ЛОЗОВСКИЙ,
А.СОБОЛЕВ, К.УМАНСКИЙ, А.ПАВЛОВ, П.ОРЛОВ.

Москва, 5 апреля 1942 года.



NYHETER
FRÅN
SOVJETUNIONEN

PRESSAVDELNINGEN SOVJETUNIONENS LEGATION

FÖRORDNING AV SOVJETUNIONENS HÖGSTA RÅDS PRESIDIUM OM BELÖNING AV A.M.KOLLONTAY MED RÖDA ARBETSFANANS ORDEN

För framstående förtjänster inför Sovjetstaten belönas Alexandra Michailovna KOLLONTAY, som tidigare tilldelats LENINORDEN, på sin 70-årsdag med RÖDA ARBETSFANANS ORDEN.

Presidenten i Sovjetunionens Högsta Råds Presidium
M.KALININ.

Sekreteraren i Sovjetunionens Högsta Råds Presidium
A.GORKIN.

Moskva, Kreml. 4 april 1942.

LYCKÖNSKNINGSTELEGRAM FRÅN FOLKKOMMISSARIEN FÖR UTRIKESÄRENDEN V.M.MOLOTOV TILL SOVJETUNIONENS MINISTER I SVERIGE A.M.KOLLONTAY I SAMBAND MED HENNES BELÖNING MED RÖDA ARBETSFANANS ORDEN TILL 70-ÅRSDAGEN AV HENNES FÖDELSE.

A.M.KOLLONTAY.

Vi gratulera hjärtligt i anledning av den höga regeringsutmärkelsen till Eder 70-årsdag.

Vi önska Eder många år av bolsjevikisk framåtanda, krafter och hälsa för att verka för vår seger över fascismen, för vårt Sovjetfosterlands väl.

Vi trycka Eder hand.

V.MOLOTOV, A.VYSJINSKIJ, V.DEKANOSOV, S.LOSOVSKIJ,
A.SOBOLJEV, K.UMANSKIJ, A.PAVLOV, P.ORLOV.

Moskva, 5 april 1942.

-----oooo-----

Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении А. М. Коллонтай за выдающиеся заслуги перед СССР и в связи с 70-летием со дня рождения орденом Трудового Красного Знамени. 5 апреля 1942. Подлинник. Машинописный текст. На русском и норвежском языках [РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 1. Д. 21. Л. 1–2]

В выдвижных ящиках стола Коллонтай Петров среди массы документов обнаружил ее дневник, который привлек его особое внимание. Тем не менее ему оказалось трудно найти в нем записи, компрометирующие их автора политически, хотя

Коллонтай на страницах дневника возмущалась судьбой Дыбенко, несправедливостью партии по отношению к тому, кто ей так преданно служил. Известно, что миллионы советских граждан были отправлены в ГУЛАГ или казнены за гораздо более невинные строки, чем эти. Однако отправленные в Москву документы не вызвали там никакой реакции. Коллонтай могла дальше отдыхать в своем шведском укрытии. Конечно, она всемирная известность некоторым образом давала ей защиту. Но наиболее правдоподобное объяснение, почему на нее тогда не обрушилась кара, заключается в том влиянии, которое она имела в скандинавском мире, и той роли, которую она играла и еще могла сыграть в советско-финляндских отношениях.

Весной 1943 года, едва оправившись от болезни, Коллонтай обеспокоилась судьбой дорогой для нее Финляндии. Она знала, что союзники решили под конец войны сообща навязать Германии «безоговорочную» капитуляцию. Не будут ли они так же требовательны к Финляндии?

Положение этой страны, к которой она испытывала столь давнюю привязанность, в то время было очень деликатным. Финны, как и все союзники Германии, после поражения вермахта под Сталинградом понимали, что Гитлер проиграл войну и что им следует как можно скорее высвободиться из союза с Германией, чтобы не оказаться вместе с нею втянутыми в намечавшуюся катастрофу. Однако Гитлер не собирался мириться с уходом ни одного из своих союзников: германские войска, развернутые на финской территории, могли, в случае выхода Финляндии из числа стран «оси», устроить там страшную расправу.

Mössebergs Sanatorium

JÄRNVÄGSADRESS:
FALKÖPING C.
POSTADRESS:
MÖSSEBERG
RIKSTELEFON
FALKÖPING
SANATORIET 144 o. 421
KANSLIKANSLIKONTORET 46
ÖVERLÄKARENS MOTTAGNING 844
" BOSTAD 706

2

Mössebergs den 9 марта 1943 г.

Дорогой Хохля,

Посылаю Вам, мои дорогие детки, фотографию снятую на балконе моей комнаты. Мой насморк совсем прошел, но доктор пока запретил приезды сюда, так как после насморка сердце всегда слабеет. Настроение у меня бодрое и праздник 8 марта я провела хорошо, сидела на солнышке утром и получала масса телеграмм и писем.

Как Вы, мои дорогие? Мои мысли часто с Вами и вся моя нежность и вся моя любовь всегда вьется около Вас.

Ваша Аня.

Moskva, Bolshaja Kalujskaja 11 kv.149
den 23 mars 1946.

Дорогой Мишуля,

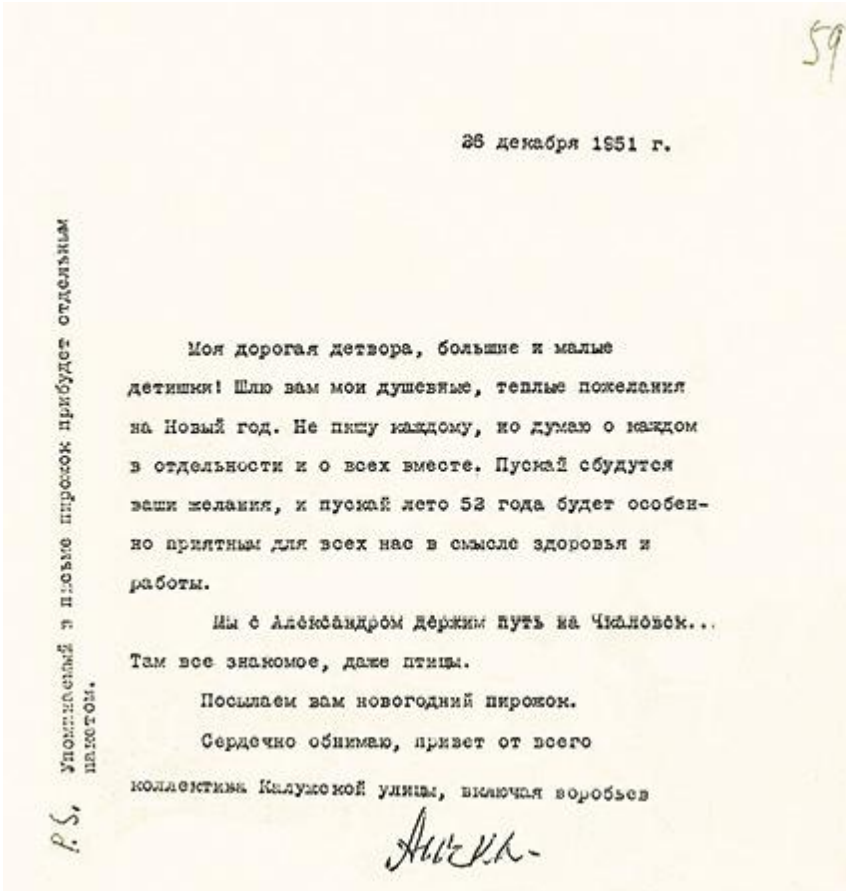
Посылаю тебе старую хорошую фотографию. Мы с тобой на Хольменколлен перед поездкой в Америку. Я очень люблю эту карточку. Вовочка удивился, что Ты такой высокий. Он себе взял тоже одну. Теперь нам не хватает только карточки Ирочки. Приехал Чернышев, но еще не был у меня. Страшно занят, так что я не получила еще ни твоего письма, ни твоей посылки. За все благодарю за-очно. Володин доклад отложен, так как Володичка не успел его переписать. Вероятно доклад будет 2-го апреля.

Здоровье мое как обычно, но в последнее время у меня часто бывают боли в сердце, особенно по вечерам. Врач говорит, что это от неправильного кровообращения, когда ложусь - сразу прилив к сердцу. Принимаю все меры, чтобы это излечить. Постараюсь поехать за-город, но сейчас жду Аду. Кстати прошу уплатить ей за некоторые вещи я попросила ее привести.

Вчера у меня был Володя и Танечка Щепкина. Вспоминала как она с тобою ездила в Потсдам и рассказывала Володе, какой ты был красивый и симпатичный мальчик. А Володя щеголял перед ней рассказыванием английских анекдот.

Как только получу от Чернышева твое письмо, пишу подробнее Нежно обнимаю моих детишек . Словами не передашь всего моего тепла и моих мыслей о Вас, мои дорогие. Эми шлет привет.

Маша Мей



59

26 декабря 1951 г.

Моя дорогая детвора, большие и малые детишки! Шлю вам мои душевные, теплые пожелания на Новый год. Не пишу каждому, но думаю о каждом в отдельности и о всех вместе. Пускай сбудутся ваши желания, и пускай лето 52 года будет особенно приятным для всех нас в смысле здоровья и работы.

Мы с Александром держим путь на Чкаловск... Там все знакомое, даже птицы.

Посылаем вам новогодний пирожок.

Сердечно обнимаю, привет от всего коллектива Калужской улицы, включая воробьев

Ант. К.

P.S. Упомянутый в письме пирожок прибудет отдельным пакетом.

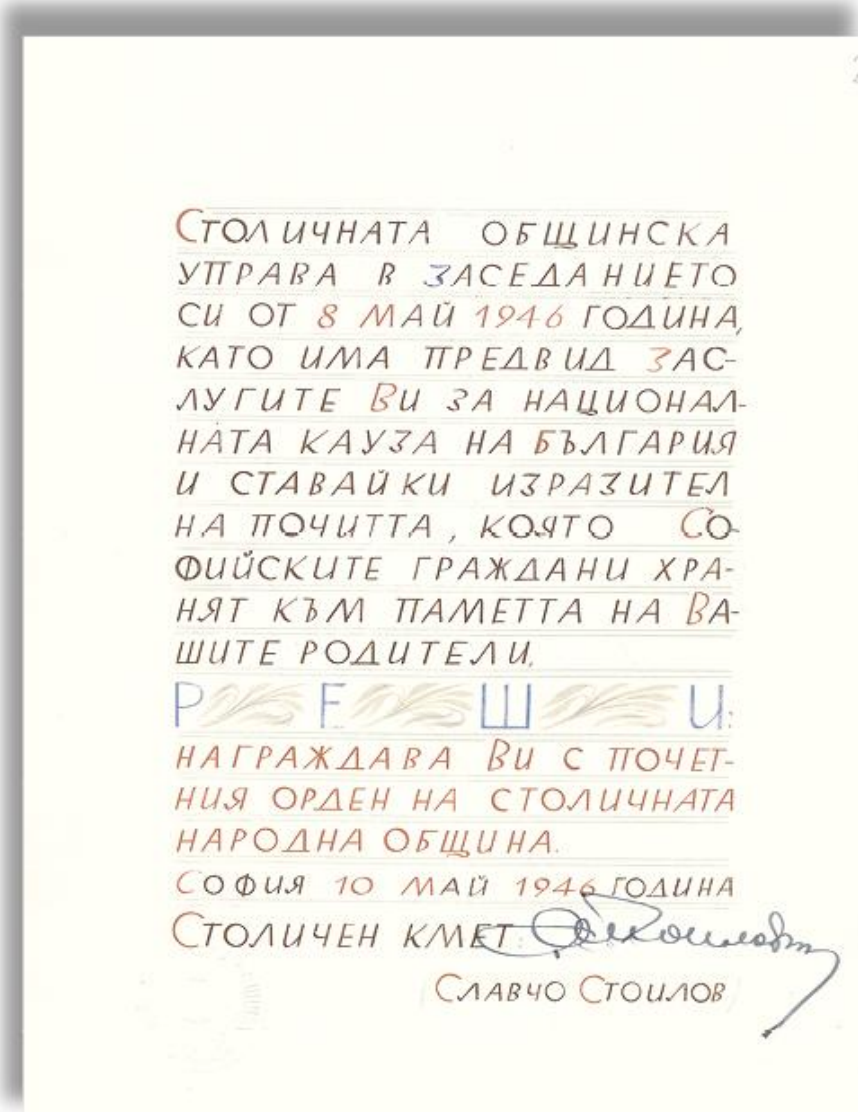
Письма А. М. Коллонтай сыну М. В. Коллонтай с воспоминаниями о своей жизни и деятельности, о состоянии здоровья и по другим личным вопросам. 9 марта 1943 — 26 декабря 1951. Копии. Машинописный текст, подписи — автографы А. М. Коллонтай. [РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 1. Д. 544. Л. 2, 22, 59]

Что касается Коллонтай, то она думала и говорила, что германо-финский союз определен не совсем точно и оставляет пространство для переговоров. Чтобы помочь финнам начать диалог с Москвой, Коллонтай рассчитывала в очередной раз опереться на Швецию. Там она нашла незаменимого посредника для исполнения своего плана — Маркуса Валленберга. Этот шведский банкир, представитель могущественной финансовой династии, вложил значительные средства в Финляндию. Коллонтай убедила Валленберга, что в его интересах вмешаться в дела финского президента Рюти ради защиты своих капиталов. Именно под покровительством Валленберга, восприимчивого к ее доводам, Коллонтай предстояло провести в отеле банкира тайные

переговоры с Юхо Кусти Паасикиви, посланником Финляндии в Швеции, чья репутация либерала была ей хорошо известна. Коллонтай и Паасикиви договорились подталкивать президента Рюти к тому, чтобы тот как можно скорее запросил Москву, на каких условиях может быть заключен мир.

Однако летом 1943 года их переговоры прервала яростная атака советских войск на Карельском перешейке, которая смела финскую оборону. В Берлине это вызвало такую обеспокоенность, что Риббентроп тотчас же вылетел в Хельсинки с целью убедить президента Рюти, что Германия в состоянии оказывать сопротивление и тому не следует менять лагерь. Президента Финляндии Риббентроп так впечатлил, что он согласился выполнить его требования и тут же отправил письмо Гитлеру, в котором обещал, что его страна не будет заключать никаких соглашений с СССР, кроме как с одобрения Германии. Этот пункт легко расшифровать. После Сталинграда поползли слухи о «великой измене», то есть о советско-германском примирении. Гитлер тотчас же опубликовал письмо финского президента, чья позиция настолько возмутила правительство страны, что оно вынудило своего президента покинуть пост. На смену Рюти пришел маршал Маннергейм, который через советского посла в Стокгольме, Коллонтай, сразу же сообщил Москве о своем желании направить туда делегацию, чтобы узнать об условиях заключения мира и как можно скорее начать переговоры.

Александра
Домонтовичу Колонтай
Москва



Столичната общинска управа в заседанието си от 8 май 1946 година, като има предвид заслугите Ви за националната кауза на България и ставайки изразител на почитта, която софийските граждани хранят към паметта на Вашите родители,

Р Е Ш И:

награждава Ви с почетния орден на столичната народна община.

София 10 май 1946 година

Столичен кмет

Славчо Стоилов

Решение управы Софийской столичной народной общины (Болгария) о награждении А. М. Коллонтай почетным знаком общины. 10 мая 1946. Подлинник. Рукописный текст. На болгарском языке. [РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 1. Д. 26. Л. 1–2]

Усилия Коллонтай, тайная дипломатия, которой она неустанно занималась, наконец увенчались успехом. Московские переговоры привели к заключению перемирия, а в сентябре 1944 года — мирного соглашения. Во время этих переговоров Молотов проявил гораздо больше настойчивости, чем надеялись финны, слушая Коллонтай, но им пришлось подчиниться и принять то,

что они так долго отвергали. Молотов навязал Финляндии возврат к границам 1940 года, считая его даже ценнее репараций. Кроме того, СССР заявил свои права на полуостров Порккала близ Хельсинки, отказавшись ради этого от Ханко. Ярость немцев была безгранична и вылилась в новую войну, в которой финны противостояли остаткам вермахта. Эта ужасающе жестокая война на истощение продолжалась до апреля 1945 года.

Шведы приветствовали Коллонтай в роли миротворца, уверившись в том, что ее предложения, ее требовавшие времени маневры, хотя она часто недооценивала желание Молотова добиться от Финляндии максимальных уступок, все же подтолкнули финнов к переговорам и, возможно, уберегли их от участи Румынии и Венгрии — двух других стран, находившихся под властью Гитлера. Конечно, Черчилль также старался отстоять финнов перед Сталиным, но нельзя недооценивать роль Коллонтай в сохранении суверенитета этой страны. Привилегированный международный статус, которым Финляндия пользовалась в годы «холодной войны», разительно отличавшийся от тотального господства, навязанного СССР всей Восточной Европе, в действительности установился с 1944 года, и роль Коллонтай в его установлении неоспорима. Ее усилия получили признание Нобелевского комитета, который в 1946 году номинировал Коллонтай на Нобелевскую премию мира (хотя лауреатом она так и не стала) за роль посредника в переговорах о выходе Финляндии из войны.

Сразу после заключения мира, потребовавшего от Коллонтай столько усилий, она вновь взялась за исполнение своей миссии в Швеции, стараясь укрепить советско-шведские отношения, которым не уделяла достаточно внимания в годы войны. Ее посольство стало как никогда популярным местом встреч и приемов. Она рассылала все больше приглашений, проводила все больше приемов, на которые спешило попасть шведское общество. Коллонтай в тот период пользовалась статусом дуайена дипломатического корпуса в Стокгольме, что добавляло ей популярности. Но годы шли, и ее здоровье расшатывалось. Этому способствовали тайные переговоры, ее приходы и уходы, тревога. Сердечные приступы следовали один за другим, и, несмотря на свою энергичность, она была вынуждена позволить своему сотруднику Семенову, временно исполнявшему ее обязанности в те месяцы, когда она была при смерти, заменять ее на многочисленных приемах и представлениях.

В апреле 1945 года Молотов пригласил Коллонтай в Москву «для консультаций». Что же означал этот вызов? Консультации? Или отзыв? Точно не было понятно. Но она занимала свой пост в

Стокгольме так много лет, что предположение об отзыве не казалось таким уж невероятным. Возможно, это объясняет, почему накануне ее отъезда в шведской столице устроили большой прием в ее честь, который она посетила в инвалидном кресле: она все так же улыбалась и выглядела элегантно, несмотря на истощенный вид.

В ее распоряжение предоставили советский военный самолет, который доставил ее в Москву в сопровождении ее врача и двух медсестер. Однако приезд омрачили чрезвычайные погодные условия. Температура упала ниже тридцати градусов мороза, лица, которым поручили встретить посла Коллонтай, не смогли вовремя добраться до аэропорта, где ее никто не ждал. Задержка вышла недолгой и, как могла заключить Коллонтай, никоим образом не входила в планы советского правительства, настроенного доброжелательно. Коллонтай поселилась в уютной квартире на Казанской улице, которую могла украсить по своему усмотрению и где могла приступить к работе, а ее секретарь последовал за ней, разделив с ней кров.

Именно тогда Министерство иностранных дел раскрыло ей свои намерения. Ее назначили советником Министерства иностранных дел, а дипломат Чернышев отправлялся в Стокгольм в качестве посла вместо нее. Сталин и Молотов, извещенные о частых проблемах Коллонтай со здоровьем, в том числе об очень серьезной пневмонии в феврале 1945 года, решили положить конец ее миссии, но с соблюдением всех приличий, о чем свидетельствовали материальные условия, в которых она оказалась по возвращении.

Портрет А. М. Коллонтай с мексиканским орденом Ацтекского орла. Москва, 13 апреля 1946. [РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 1. Д. 31. Л. 90]

Последовали и дальнейшие почести, доказывавшие ее привилегированное положение. Ей вручили орден Ленина и орден Трудового Красного Знамени, в то время как Мексика наградила ее орденом Ацтекского орла. Хотя Нобелевская премия мира ускользнула от нее в последний момент, оказаться в числе номинантов было почетно, и ее это очень порадовало. Король Швеции в том же году прислал ей свой портрет в дорогом обрамлении. Она находилась в окружении близких, ибо Миша с семьей проживали неподалеку от нее и преданного ей секретаря. Также в Москве у нее было много друзей, в том числе Иван Майский, Елена Стасова и, конечно же, Зоя — «подруга юности и старости».

Так началась для Александры Коллонтай новая жизнь, менее суетная, менее официальная, поскольку Министерство

иностранных дел не так часто обращалось к своим советникам, но зато более простая в материальном плане и богатая на личные встречи. Жизнь поневоле тихая — на это обрекали возраст, частичный паралич, инвалидное кресло. Но вместе с тем, поскольку сама Коллонтай не изменилась, — трудовая. Поначалу Коллонтай посвящала время отстаиванию интересов — своих собственных и Миши. Она имела право на пенсию, но требовала так называемой персональной пенсии, полагавшейся старым большевикам, имевшим особый, то есть дореволюционный, стаж. Приложив немалые усилия, она смогла доказать, что примкнула к партии в 1915, а не в 1917 году, когда ее избрали в Центральный комитет.

I 6

Madame,

Un jour d'hiver, il y a plus de 30 ans, Vous êtes venue en Norvège comme réfugiée politique. Ce jour est marqué par un événement heureux pour mon Pays et, j'ose le dire, aussi pour Vous. Il existe entre les honnêtes gens un lien mystérieux qui les unit avant même qu'ils se connaissent. C'est ainsi que dès le premier moment Vous avez trouvé chez nous un foyer et des amis dévoués, tandis qu'en Vous s'est créé une vraie compréhension du peuple norvégien et une confiance dans son caractère qui n'a jamais été ébranlée.

Lorsque mon Pays quelques années plus tard -- en réalité comme le premier pays du monde -- reconnaissait l'Union Soviétique, nous avons eu le privilège de recevoir en qualité de son premier représentant la femme qui est aujourd'hui mondialement reconnue comme un des diplomates les plus éminents de notre siècle.

Pendant Vos deux longs séjours en Norvège comme Ministre de l'Union Soviétique Vous avez travaillé avec une infatigable énergie et un talent sans pareil pour créer entre le Grand Pays des Idées Nouvelles et la Norvège des liens de compréhension et de sympathie. Votre activité fut couronnée d'un succès complet, et lorsque Vous nous avez quitté pour prendre un autre poste

les relations entre nos deux Pays étaient marquées d´une amitié et d´une confiance exceptionnelles.

On est quelques fois aussi près de ceux que l´on quitte que de ceux que l´on rejoint. Je crois que c´est la vérité aussi dans Votre cas, Madame, puisque même après Votre départ de la Norvège Vous étiez toujours et partout là où nous somme -- c´est à dire dans nos coeurs -- tandis que de Votre côté l´intérêt pour le destin du peuple norvégien n´a cessé de Vous inspirer des efforts continuels pour notre bien.

Sa Majesté le Roi de Norvège a, plus que tout autre, su apprécier Votre activité. Pendant mon récent séjour à Oslo je fu appelé près de Sa Majesté qui me dit ceci: "Quand Vous serez de retour à Moscou, Andvord, Vous remetterez à Madame Kollontay cette Grand´Croix de l´Ordre de St.Olav, le plus haut signe de distinction que je puisse lui donner, avec mes remerciements chaleureux pour tout ce qu´Elle a fait pour les relations entre la Norvège et l´Union Soviétique pendant de longues années et pas moins pendant la guerre lorsque de profondes ténèbres enveloppaient mon Pays".

Agréez donc, Madame, ce signe de reconnaissance, de sympathie et de respect du peuple norvégien avec ses voeux les plus sincères.

Moscou, le 10 juin 1946.

Письмо посла Норвегии в СССР Р. О. Андворда с сообщением о том, что король Норвегии Хокон XII награждает А. М. Коллонтай орденом Святого Олафа, и выражением благодарности за плодотворную деятельность в борьбе за установление дружеских отношений между Норвегией и СССР. 10 июня 1946. Подлинник. Машинописный текст. На норвежском языке [РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 1. Д. 27. Л. 1–2]

А. М. Коллонтай в Кремлевском дворце после вручения ей норвежским послом высшего норвежского ордена Святого Олафа. Москва, 10 июня 1946. [РГАКФД]

Получив персональную пенсию, она занялась Мишей, для которого просила «пенсию СССР», то есть уровнем ниже. В самом деле природа оказалась к Мише не более благосклонна, чем к его матери: перенеся в свои пятьдесят лет несколько сердечных приступов, он стал настоящим инвалидом. Коллонтай обратилась со своей просьбой лично к Сталину. В те годы, когда Коллонтай жила в Москве, она не отказывала себе в удовольствии писать Сталину не только для того, чтобы попросить его о чем-то для себя лично, для своего сына и внука (еще одного Владимира Коллонтая), но и чтобы заверить его в своей преданности или поздравить с принятыми им решениями, даже если она и сомневалась в их значимости. Так, в 1947 году, когда Сталин отменил смертную казнь — весьма условное решение, не имевшее практических последствий, — Коллонтай отправила ему хвалебное письмо, в котором вспоминала о собственной борьбе против смертной казни, мимоходом критиковала цинизм Ленина в данном вопросе и приводила его знаменитые фразы: «Не разбив яиц, омлет не сделаешь»; «Революции в белых перчатках не делаются».

Arbeiderbladet — Lørdag 29. mars 1947

ALEXANDRA KOLLONTAY 75 ÅR 1. APRIL

Alexandra Kollontay fyller mandag 1. april 75 år. Hun feirer dagen i sitt hjem i Moskva. Med kortere mellomrom var hun i Norge fra 1915 til hun i 1930 reiste til Stockholm som ambassadør i Sverige. Da hun var blitt utnevnt til denne stillingen måtte Sverige i hui og hast oppheve den utvisningsordren hun fikk da hun i 1915 holdt foredrag rundt om i Sverige mot krigen. Det var i den første verdenskrigs dager.

Alexandra Kollontay var datter av den russiske general Mikhael Domontovitsj. Hennes mor var finsk og i Finnland, på godset Kuusan-Hovi, var den lille Sjura som hun dengang ble kalt, i alle sine sommerferier. Kuusan-Hovi var hennes barndoms paradis på jord. Hennes kjærlighet til Finnland, hennes mors land, har alltid vært stor og hun hadde et inngående kjennskap til landet og befolkningen. Hennes første større vitenskapelige arbeid var «De finske arbeideres liv», som kom ut i 1903, et verk som enda i dag er et kildeskrift for studiet av emnet.

Allerede som barn var hennes sinn åpent for den sosiale urettferdighet i verden og som ganske ung tok hun del i det illegale revolusjonære arbeid. Hun fant ikke sine kunskaper store nok og ville studere. Men de russiske Universiteter var dengang lukket for kvinnene. De gamle russiske myndighetene var redd for studentene, ikke minst de kvinnelige. Sammen med en del likesinnede unge kvinner skaffet hun seg ved privatundervisning en del av de kunnskaper som regjeringen nektet dem. Men hun fant at det ikke var tilstrekkelig og reiste fra mann og sønn, som hun begge elsket, til universitetet i Zürich og studerte nasjonaløkonomi og statistikk. Hun sa en gang: Hvis valget står mellom kjærlighet og arbeid, så vær aldri i tvil. Velg arbeid.

Alexandra Kollontay er en av de få gjenlevende som deltok i den fredelige demonstrasjonen foran Vinterpalasset i 1905, da tsaren lot sine kosakker skyte inn i den fredelige folkemassen. I over tre år etter det levde hun mer og mindre illegalt i sin fødeby St. Petersburg (Leningrad). På et stort kvinnemøte høsten 1908 trakk hun opp skillelinjene

Alexandra Kollontay, russisk minister i Stockholm.

mellom de borgerlige kvinnesakskvinner og frigjøringsbevegelsen hos arbeiderklassens kvinner i Russland. Under møtet fikk hun melding om at politiet var etter henne og ville arrestere henne. Gjennom en bakdør kom hun seg bort og reiste ut av landet. Og så tok hennes landflyktighet til.

Til den første verdenskrigen brøt ut levde hun i en rekke land, mest i Tyskland hvor hun stadig var på foredragsreiser og var overalt en velsett taler som med sine logisk oppbygde foredrag og sin strålende veltalenhet henrev sitt publikum.

I 1914, da spørsmålet om hvorledes de tyske sosial-demokratiske representantene skulle stemme ved bevilgningen av krigskredittene, satt hun på galleriet i riksdagen og led den store skuffelsen at partiet gikk inn for bevilgningene.

Men hun ga ikke opp håpet om verdensfreden. Ut av Tyskland måtte hun og kom i de første dagene av 1915 til Norge og bodde så i en årrekke på Holmenkollen Hennes første offentlige opptreden i Norge var på et stort kvinnemøte som Arbeiderpartiets kvinner hadde arrangert på den internasjonale kvinnedagen 8. mars i Folkets Hus store sal som var fullpakket. Der holdt hun en flammende tale mot krigen som de som var til stede enda husker.

Seinere på året var hun på Arbeiderpartiets landsmøte i Trondheim hvor hun igjen holdt en stor fredstale som ble tolket av Tranmæl på en ypperlig måte og som gjorde et veldig inntrykk. Hun talte også på et åpent møte på torget i Trondheim og det ble sagt at det aldri hadde vært en slik folkemasse samlet der og som så henrevet fulgte hennes tale.

Under sitt første opphold i Norge — som hun kaller sitt annet fedreland — var hun et par ganger på foredragsreise i USA, fra New York til Californiu, fra Seattle til Ny-England og talte mot krigen.

I begynnelsen av mars kom Kerenski-revolusjonen i Russland. Samme morgen meldingen kom styrtet hun ned fra Holmenkollen til sine norske venner og sa begeistret: Husk, dette er den politiske revolusjon, ikke den sosiale. Men den kommer.

Hun reiste hjem og ble tatt imot med stormende begeistring etter sin 9 år lange landflyktighet. Men da hun høsten 1917 vendte tilbake til Russland etter et påtenkt kort besøk til Sverige, hvor hun forøvrig ikke kom, da hun led skipbrudd underveis, lot Kerenski henne arrestere på den finske grensen. I 6 uker satt hun i fengsel til hun slapp fri ved novemberrevolusjonen. Med liv og sjel gikk hun opp i revolusjonen, ble valt inn i folkekommissærenes råd som folkekommissær for den sosiale forsorg. Som sjef for denne administrasjonsgrenen la hun grunnen for vern av mor og barn i Sovjet-Samveldet.

I oktober 1922 vendte hun for annen gang tilbake til Norge, denne gangen ikke som landflyktig, men som sitt lands offisielle representant, først som sjef for handelsdelegasjonen og da Norge anerkjente Sovjet-Samveldet de jure, som sitt lands minister, en stilling hun hadde til hun i april 1926 ble sendt som minister til Mexico. Der var hun i 1½ år og kom så for tredje gang tilbake til Norge som minister og var her til hun i 1930 ble minister i Stockholm.

I mars 1945 vendte hun tilbake til sitt hjemland og bor nå i Moskva hvor hun er i fullt arbeid dels med å skrive sine erindringer, dels med annet arbeid for utenriksdepartementet.

Alexandra Kollontay er en strålende

personlighet, overordentlig kunnskapsrik, original og inspirerende. Hun har øvet en betydelig innflytelse på russisk internasjonal politikk de siste 30—35 årene. Hun har i den siste menneskealder vært en av de mest omtalte politiske personligheter i Europa og det foreligger en betydelig litteratur om hennes personlighet og om hennes allsidige virksomhet.

Selv har hun skrevet en rekke bøker og essays. Alle bærer de vitnesbyrd om hennes overlegne politiske begavelse, hennes lærdom og hennes evne til å meddele seg. Til jul kom første delen av hennes selvbiografi ut på norsk.

Fra sin tidligste ungdom har Alexandra Kollontay vist i handling sin brennende interesse for fredsarbeidet og i sitt begivenhetsrike liv har hun mange ganger hatt den lykke å kunne gjøre positiv innsats for fredens sak. Allerede i 1915 priste Hjalmar Branting «fru Kollontays almen-menneskelige uttalelser mot det massemyrderi som pågår, mot chauvinismen i alle land og for fred snarest mulig.» Da hun samme år ble utvist fra Sverige på grunn av sin uredde kamp mot krigen, reiste Hjalmar Branting støttet av Zeth Höglund en kraftig protestaksjon i riksdagen.

Vårt land har hun alltid følt seg knyttet til. Hun levde noen av sine lykkeligste arbeidsår her. Mange vil huske hennes glødende skildringer av den utviklingen det russiske folk og hele verdens arbeidsmasser ville gjennomløpe i fredens og solidaritetens tegn.

Mange nordmenn som oppholdt seg i Stockholm under krigen vil minnes hennes indignasjon over det tyske overfallet på Norge og hennes oppriktige sorg over at hun ikke hadde noen anledning til å gjøre en aktiv innsats for å hindre denne ulykken. Hun holdt seg alltid meget nøye underrettet om forholdene i Norge og utviklingen av motstandskampen gjennom okkupasjonsårene. Hun var utrettelig når det gjaldt å oppmuntre de norske i Sverige og gi dem håp og tillit til framtiden.

Under Helsinkiprosessen er det blitt opplyst at hun gjentatte ganger under vinterkrigen prøvde å finne utvei til å stanse krigen, og hun spilte en betydelig rolle før og under fredsforhandlingene i mars 1940. Det er også kjent at hun søkte å mildne fredsbetingelsene for Finnland.

Det voldte henne stor sorg at Finnland på nytt kom i krig med Sovjet-Samveldet og denne gangen som Tysklands allierte. Men hun ga aldri opp håpet om at denne ulykkelige krigen skulle stoppes og at det skulle etableres gode og tillitsfulle forhold mellom Sovjet-Samveldet og Finnland. Hun hadde da også den tilfredsstillelse å være den som formidlet fredsforberedelsene og som direkte førte de preliminære fredsforhandlingene.

Alexandra Kollontays helse er nedbrutt etter hennes årelange uhyre anstrengende arbeid. Men hennes ånd er ung og spenstig og hun har aldri sviktet sin ungdoms ideale.

I de årene Alexandra Kollontay var i Norge vant hun våre hjerter ved sin elskverdighet, sitt åndfulle og spirituelle vesen og ved sin åndfulle og kunnskapsrike tale, sin menneskekunnskap og sin forståelse av menneskers liv og menneskers kamp. Hennes liv har vært et liv i arbeid og hårde kamper fullt av skuffelser, men også fullt av seire. Det har gitt henne den indre kraft og styrke som gjør henne til den personlighet hun er.

Vi takker henne, hyller henne og ønsker henne enda mange gode arbeidsfylte år.

Rachel Grepp.

Статья Рашеля Греппа «Александре Коллонтай 1 апреля 75 лет» в норвежской газете «Арбеидербладет» («Arbeiderbladet»). 29 марта 1947. Типографский экземпляр На норвежском языке. [РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 2. Д. 37. Л. 9]

Сталин никогда не отвечал на эти письма, тем более не реагировал на исправления, которые Коллонтай вносила в некоторые свои более ранние тексты с конечной целью выпятить роль Сталина в революции. Молчание Сталина не мешало тому, чтобы обращенные к нему просьбы Коллонтай часто удовлетворялись. Она также получала «путевки», позволявшие ей проводить лето в комфортабельных домах отдыха, предназначенных для высших партийных руководителей. Коллонтай жаловалась на слабое здоровье, лишавшее ее активной жизни, однако в течение всех лет после своего возвращения в Москву она пребывала в исключительно благоприятных с материальной и политической точек зрения условиях. Хотя для всей страны это были ужасные годы.

С 1947 года стали появляться все новые признаки того, что чистки возвращаются. Сначала политический процесс в Восточной Европе, разоблачение титоистских уклонов — после разрыва с Тито — и «космополитизма». В СССР науку поставили под контроль, всем навязывались идеи Лысенко, а Жданов проводил чистку в мире науки и искусства. Страна жила в страхе, предчувствуя возобновление террора.

Александра Коллонтай была свидетелем этого политического упадка, но хранила молчание и делилась своими опасениями лишь с очень немногими друзьями. Не объяснялось ли это предчувствием скорого конца?

В январе 1950 года она написала одному другу: «В этом году я не в лучшей форме, но надеюсь, что с приходом тепла силы мои вернутся. В Швеции считают, что старость начинается только в девяносто лет, и Бернард Шоу, достигнув этого возраста, просил избавить его от поздравлений: „Я только почти стар“, — говаривал он». Когда Коллонтай писала эти строки, ей было семьдесят восемь лет. Она еще думала о будущем, хотя периодически и жаловалась на свою «инвалидность и зависимость от посторонней помощи».

В январе 1952 года Коллонтай написала сестре своей подруги Зои: «Мое сердце в плачевном состоянии, но так как я еще не завершила свое дело на этой планете, то не собираюсь исчезнуть в пространстве, словно маленький атом».

Однако смерть была ближе, чем она себе представляла и тем более желала.

8 марта 1952 года, за несколько дней до своего восьмидесятилетия и, по примечательному совпадению, в день сорок первой годовщины учреждения Международного женского дня, Коллонтай почувствовала ужасную боль в груди. На рассвете следующего дня она умерла. Вышинский сообщил ее семье о том, как она распорядилась себя похоронить и где хотела бы покоиться. Согласно ее указаниям в Министерстве иностранных дел провели небольшую церемонию. Семенову, временно исполнявшему ее обязанности в Стокгольме, пока она была больна, поручили произнести речь в ее честь. Он прощался с «дипломатом» и не упомянул о революционерке, большевичке, столь преданной партии с 1915 года, и вообще о женщине-политике и ее деятельности. Эта речь, выбор того, кто ее произносил, — посредственного дипломата — все свидетельствовало о том месте, какое Сталин отводил Коллонтай в истории страны.

Папка Биография 1

Заметки 1947 года

Как я работаю..

I. Как писатель, ни минуты не теряю; если передышка в четверть часа - разбираю стол, отвечаю на мелкие письма и т.п.

Все сама переписывала от руки (600 страниц материала - четыре раза).

Серьезные статьи: сбор материалов, разнообразных - за и против - читала много, очень много.

Делала план, потом конспект- стержень.

Тоже для лекций.

Массу читала и трудов, не непосредственно относящихся к делу.

Если беллетристика: долго вынашивала, пока образ не был так ясен, что не смела изменить ни слова, ни жеста.

Мысли часто заносила в записную книжку. Иногда кусок

Писать люблю на свежую голову. На заданную тему - плохо пишу. Должна гореть, загореться вопросом .

Написав перечитываю много раз и правлю, только когда уже не могу найти более точное слово или выражения считаю работу готовой.

Порядок вокруг себя: в книгах, в столе.

II. Как полпред.

Порядок вокруг. Добросовестность в исполнении дел. Сбывать мелкие дела ежедневно, не откладывая. Не залеживать, не откладывать, отвечать, встречаться.

Быть внимательным к тем, кто сейчас не у дел (напр. помогает, если потом вновь у власти, да и просто лишний друг Союза.

Всегда помнить

Как писатель - не начинала новой, не закончив.

Доконченная могла лежать годами, если была неудовлетворительна.

Одевалась в своем стиле, строго, линии модные, а стиль Коллонтай. Много лет: с 1905 г. по Рев. платья прямые (прнсесс застежка сзади на пуговицах, высокий ворот, длинные рукава.

Главное, что сделала за жизнь.

Подняла в России и помогла двинуть разрешение вопроса равноправия женщин во всех областях, включая и кладя особый вес на разрешение равноправия в сексуальной морали. Ликвидация двойной морали

М о е

Настойчивость.
Рабочая дисциплина.
Чтение - любимое занятие.
Запоминание лиц и имен

мой характер

Сильно развитая фантазия.
Самостоятельность мышления и смелость в этом.
Крепкий организм.
Бесстрашие моральное и физическое.

Уменье отдыхать. Отдых: общение с людьми созвучными вне области работы. Общение с природой. Творчество в писании вне

намеченного дела и работы.

Смолоду: нельзя быть счастливой, если кругом несчастье.

Характеристика моя

Дружелюбие к людям, благожелательность. Легче жить, чем со злобой. Примеры: Сем., Конк. Сам.

Ко мне много недоверия, враждебности, особенно со стороны женщин (Лилина, Самойлова, Смидович и др.)

Перед трудностями никогда не пасовала. Имея цель - шла упорно.

Слишком большая вера в правильность своего анализа событий (раб. оппоз.) плюс эмоциональность. Эмоц. искажала логику.

Авторитетов привыкла смолоду не признавать

Черты характера мои

Эмоциональность.

Ум: аналитический, догму, правила - плохо воспринимал

Более стратег(и)(в дипломатии) , чем тактик. На дальний прицел. Усидчива и терпелива в работе.

Задачи любила большие, трудные, иначе зевала и скучала. Но никогда не пренебрегала мелочами.

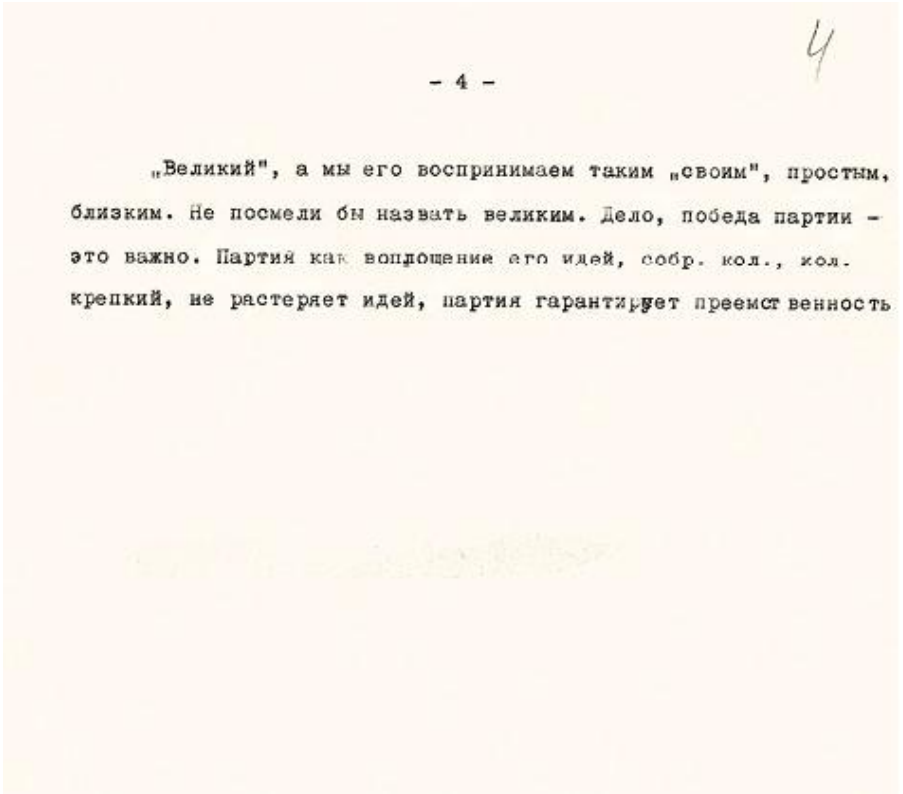
Слово „~~не~~сносить". Слово „напыщенность".

Разносторонность интересов. мешало иногда, отвлекало, но и служило отдыхом.

Л е н и н

Ненавидел, издевался над всем, что напыщенно, внешне.

Открытие памятника Робеспьера. „Эти формальности отнимают время, а его так мало".



- 4 -

4

„Великий", а мы его воспринимаем таким „своим", простым, близким. Не посмели бы назвать великим. Дело, победа партии - это важно. Партия как воплощение его идей, собр. кол., кол. крепкий, не растеряет идей, партия гарантирует преемственность

Дневниковые записи А. М. Коллонтай об особенностях и чертах ее характера. 1947. [РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 1.Д. 48. Л. 1–4]

Коллонтай была похоронена на Новодевичьем кладбище, где покоится так много прославленных русских и советских людей. Ее могила расположена на «аллее дипломатов», неподалеку от останков Чичерина и Литвинова — двух министров, которым она служила. Соседство, безусловно, почетное, но для большевички со столь длинным послужным списком не являлась ли Кремлевская стена более подходящим местом последнего успокоения?

Все подтверждает тот факт, что Коллонтай было отказано в признании ее большевистского прошлого, и прежде всего то, каким образом объявили о ее кончине.

По традиции — и Коллонтай всегда придавала этому большое значение — о смерти известного коммуниста сообщалось в официальном некрологе, опубликованном в «Правде» и подписанном важным лицом из числа партийной иерархии. В этом заключалось признание исторической роли покойного. Однако же «Правда» обошла смерть Коллонтай молчанием.

Марсель Боди писал в связи с этим: «После смерти Александры Коллонтай я каждый день открывал „Правду", желая

найти там некролог и, быть может, статью в память об этой крупной революционной фигуре, которую высоко ценил Ленин и счел нужным пощадить Сталин. „Правда“, столь многословная, когда речь заходила о посмертном прославлении любого партийного деятеля, не посвятила Александре Коллонтай ни одной строчки. Не было объявлено ни о ее смерти, ни о похоронах. Эта неблагодарность по отношению к старому товарищу, которая, при всех оговорках, всей душой служила стране и революции, позволяет судить о партии и государственном строе».

Могила А. М. Коллонтай. Москва, Новодевичье кладбище, не ранее 10 марта 1952. [РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 1. Д. 31. Л. 95]

Вместо объявления в «Правде» короткий некролог был опубликован в «Известиях» — правительственном печатном органе. И это также нельзя назвать официальной данью уважения, поскольку текст подписан всего лишь «группой друзей и коллег». Тем более не являлось это признанием большевистского прошлого Коллонтай. В некрологе отдавалось должное «первой женщине-послу» и ее дипломатической карьере.

Внук Коллонтай взялся исправить такую несправедливость и восполнить столь урезанную биографию. Он распорядился выгравировать на стеле, возвышающейся над могилой, следующее: «Александра Михайловна Коллонтай, 1872–1952. Революционер, Трибун, Дипломат». И это превосходно резюмировало такую полную жизнь.

Менее чем через год после смерти Коллонтай умер Сталин. Александра Коллонтай совершила почти уникальное деяние в бурной истории страны, прошедшей через революцию. Она единственная, или почти единственная, среди всех деятелей революции, кому удалось избежать губительной ярости Сталина, не порвав навеки с родиной. Наконец, если Сталин, прежде чем уйти в мир иной, вновь погрузил свою страну и партию в террор (только что отгремело «Дело врачей»), то Александра Коллонтай закончила свои дни мирно, не разделяя страха, которым было охвачено общество, никогда даже не затрагивая эту тему, кроме как в самых интимных беседах. Это свидетельствует прежде всего о незаурядности ее личности, которую невозможно понять в отрыве от долгой истории России и не столь долгой — СССР, ибо она принадлежит им обоим и во многих отношениях является их отражением.

Заключение. Кем же на самом деле была Коллонтай?

Насыщенная жизнь Коллонтай вызывает много вопросов, и самый главный из них связан со Сталиным. Чем объяснить ее исключительную судьбу, особенно в том, что касается отношений со Сталиным? Что это были за отношения? Это наводит на последний и очень деликатный вопрос: кем на самом деле была Коллонтай? Революционеркой? Сталинисткой? Оппортунисткой, умеющей приспособиться к любым историческим поворотам?

Что касается революционерки, то ее биография свидетельствует о всецелой и стойкой приверженности делу революции. Александре Коллонтай, как и многим женщинам из ее аристократического окружения, не давало покоя реальное положение дел в стране (отсталость, нищета, распространенная в обществе), и одновременно с этим ее возмущали привилегии, которыми пользовалось меньшинство, и одолевали мысли о том, что такой порядок поддерживался верхами общества. У «кающегося дворянина», описанного Тургеневым и воплощенного Кропоткиным, было и женское лицо — лицо Веры Засулич и главным образом Александры Коллонтай.

Как же она прошла путь от «кающейся дворянки» до той, что примирилась со Сталиным? Признаки этого примирения стали заметны очень рано, уже с середины 1920-х годов, когда Сталин начал движение в сторону абсолютной власти и столкнулся с Троцким, как оказалось, главным препятствием на этом пути, а Коллонтай в их конфликте встала на сторону Сталина. Действительно, в 1924 году она передала Институту марксизма-ленинизма письма Ленина, которые содержали критику в адрес Троцкого и пригодились Сталину в дуэли с последним. В 1926 году, когда амбиции и жестокий характер Сталина уже не вызывали сомнений, Коллонтай ответила безоговорочным отказом Троцкому, призывавшему ее присоединиться к оппозиции.

Впоследствии она никак не комментировала чистки, в которых исчезали не только те, кто ей не нравился (например, Зиновьев), но и те, с кем она была близка (представители «рабочей оппозиции», Бухарин) и даже делила жизнь (Дыбенко и Шляпников). Всех их перемолола репрессивная машина Сталина. В годы чисток невозмутимая Коллонтай посвятила себя миссии посла и, казалось, не замечала арестов, губительных строек, уносивших жизни тех, что превратились в настоящих рабов, а

совсем недавно были простыми гражданами или уважаемыми членами партии, и создававшегося тогда же ГУЛАГа. Наконец, во время своего московского периода, когда Сталин обеспечил ей спокойную жизнь на пенсии, одновременно открыв новую эпоху террора, Коллонтай писала Сталину любезные письма и приветствовала его действия.

Оплатила ли она свое спокойствие и спасение союзом с тем, кто стер в пыль всех близких ей людей, за исключением членов ее семьи, которые, как она и, вероятно, благодаря ей, пережили сталинский террор?

Ничто, однако, не говорит в пользу гипотезы, будто Коллонтай потакала сталинизму, чтобы обезопасить саму себя и своих близких. Она не могла не знать, что ни одному большевику не удалось избежать сталинского террора, став союзником вождя. Старые большевики поддерживали Сталина, чтобы обеспечить свое выживание взаимными обвинениями и устранением общего противника (сначала левые, объединившиеся против Бухарина, затем — уцелевшие в той чистке и объединившиеся против Троцкого), но все они в конечном итоге, несмотря на свое подчинение Сталину, были уничтожены. Тем более Коллонтай знала, что, пощадив некоторых большевиков, Сталин заставлял их в качестве платы атаковать своих же близких. Об этом свидетельствует пример Молотова. Когда тот находился на пике своего могущества, его жену Полину Жемчужину арестовали по обвинению в заговоре и отправили в ГУЛАГ, где она томилась с 1945 по 1953 год, пока Молотов заседал рядом со Сталиным и участвовал в веселых застольях, описанных Джиласом.

Коллонтай всегда отдавала себе отчет в происходящем. Марсель Боди, бывший ее очень близким доверенным лицом, передал ее слова, сказанные ему в 1936 году, когда он стал вспоминать имена их друзей, ликвидированных Сталиным. В ответ на перечисление Боди имен бесчисленных жертв Коллонтай заключила, что в Российском государстве «диктатура была неизбежна», что «она началась с кровавой бани при Ленине» и что «какой бы человек ни руководил СССР, иначе быть не могло».

Такое утверждение сильно смахивает на оправдание Сталина, но в свете жизни и произведений Коллонтай это был просто вывод, основанный на политическом опыте, приобретенном ею с начала XX века. Отсюда вытекает следующее. Прежде всего, и вся ее жизнь тому свидетельство, Коллонтай хотела остаться в своей стране, а не покинуть ее навеки. Литвинов однажды, когда они говорили с Коллонтай о Сталине и его системе, признался ей в охватившем его страхе и желании бежать из этой безнадежной страны. Коллонтай же не допускала и мысли о том, чтобы спасать

свою жизнь бегством.

К тому же она всегда оставалась горячо предана делу революции. Она признавала, что революция споткнулась о русскую отсталость и сбилась с пути. Но, тем не менее, не разделяла выдвинутых Троцким обвинений в предательстве революции. Она, не жалея сил, взялась за преобразование своей страны — дело, которое после революции шло с таким трудом. Пока Сталин находился у власти, она размышляла и говорила Марселю Боди, что «Сталин — это государственный деятель».

Точно так же в 1936 году она была убеждена в том, что война с Гитлером неизбежна, что заключить с ним союз, чтобы отвести угрозу от других стран, — единственный способ спасти СССР и что только Сталин мог это сделать. Этим же объясняются относительная поддержка, которую она оказывала Сталину в тот период, и снисходительное отношение к ней самой после войны. Сталин сумел одновременно отсрочить угрозу, заключив пакт с Гитлером, и привести страну к победе. Возможно, поэтому Коллонтай никогда не вспоминала о развале Советской армии самим же Сталиным, который в 1938 году расстрелял весь ее командный состав и, заигравшись в стратега, в 1941 году допустил вражеское вторжение в собственную беззащитную страну. Но еще раз подчеркнем, что умеренность Коллонтай в суждениях лучше всего объясняется ее безграничным желанием не отрываться от своей страны, не быть изгнанной из нее.

Когда в 1923 году она стала объектом странной махинации со стороны «Правды», опубликовавшей статьи на ее излюбленные темы за подписью А. М. К., что поставило Коллонтай одновременно в смешное и опасное положение, именно к Сталину она обратилась, чтобы тот помог разобраться ей с проблемой, которая навлекала на нее позор. И он ее поддержал. В 1925 году она вспоминала об этом эпизоде в присутствии Марселя Боди, настаивая на том, как она признательна Сталину.

Эта перипетия также проливает свет на то, что в условиях политической неопределенности того времени беспокоило Коллонтай больше всего. Не арест или пытки ее пугали, в чем она по секрету признавалась Боди. Она писала ему: «Как защититься от оскорбления?» Таким образом, видно, что для Коллонтай, как и для многих старых большевиков, страх быть отринутой партией, быть отделенной от нее играл очень важную роль. Но она также боялась опозориться перед народом, перед своим народом. Ее репутация в России имела для нее большое значение. Она еще не знала, что в середине 1930-х годов старых большевиков под пытками заставят публично признаваться в самых невероятных преступлениях и тем самым обрекут их на народное презрение и

отвержение.

Хотя Коллонтай не имела полного представления о том процессе, который позволит Сталину однажды выставить себя единственным преемником Отца революции, она очень рано увидела в Сталине того, кто способен претендовать на это положение и чью власть поэтому нельзя ставить под сомнение. В 1934 году во время пленума, на котором она присутствовала, находясь в отпуске, она сделала в блокноте следующую запись: «Никогда еще я не ощущала так отчетливо созидательную силу нашей партии в строительстве социализма… Я была поражена тем, как увлеченно присутствовавшие слушали Сталина и реагировали на каждый его жест. К нему тянуло как магнитом. Подъем, вызванный его личностью, чувством безграничной уверенности в его моральной силе, несгибаемой воле и ясности мысли. Когда Сталин рядом, легче жить. Мы смотрим в будущее с большей уверенностью, и душа переполняется радостью».

Эти поразительные строки не предназначались для глаз цензора, хотя Коллонтай знала, что за ней следят. Они, как и многие другие приведенные в книге цитаты, показывают личность, которую трудно разгадать. Но они также свидетельствуют о желании Коллонтай оставаться частью послереволюционной судьбы своей страны. Конечно, ее восторженность по отношению к Сталину (которой она, возможно, не делилась с близкими) может вызывать улыбку или, напротив, печаль при мысли о том, что тогда творилось на самом деле. Но эта восторженность помогает понять исключительную судьбу Коллонтай, способность пережить весь сталинский период истории своей страны и быть ей полезной, что было для нее особенно важно.

Сталин — сознавая, что ему дает деятельность Коллонтай, ее репутация в мире, а также ручательство подлинной большевички, когда он уничтожил и лишил легитимности почти всех сподвижников Ленина, — признавал вклад Коллонтай в его моральный авторитет и избавил ее от испытаний, которым подверг ей подобных. Но в конце этого совместного приключения Сталин не смог удержаться от того, чтобы расторгнуть тайное соглашение, связывавшее их так долго, и вычеркнул Коллонтай из истории партии, отдав соответствующие распоряжения после ее смерти. Время отомстило за Коллонтай. Десталинизация стала приговором для Сталина, тогда как Коллонтай уцелела. Ее сочинения, ее революционная, политическая, а затем дипломатическая деятельность запечатлены на скрижалях истории: да, она проявляла слабость и отрекалась, но все это не умаляет масштаба ее личности. Верная своему плану всегда быть

с народом, что служило ей путеводной звездой, Коллонтай вошла в историю наряду с другими бесспорными героями коммунистического движения, ее героями — четой Лафаргов, Либкнехтом и Розой Люксембург. И в истории останется прежде всего такой образ Коллонтай, который восхищал всех, кто ее знал, — образ валькирии революции, боровшейся за все хорошее.

Библиография

Архивные материалы

Архив Александры Коллонтай хранится в составе центрального партийного архива, в настоящее время носящего название Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ). Архив распределен по следующим фондам:

Фонд 134:

134.1: Личные и официальные документы, распределенные следующим образом:

(1–28): Приказы. Назначения.

(32–33: 55 л. + 35 л.): Автобиографические записки.

134.2

(1–61): Вырезки из прессы, статьи Александры Коллонтай начиная с 1900 года (статьи о Финляндии), и статьи об Александре Коллонтай, написанные к ее столетнему юбилею.

134.3

(1–79): Документы и автобиографические записки, отражающие двадцать три года дипломатической жизни, 1922–1940; особенно листы 56–71, содержащие сведения о Швеции, Финляндии, нейтралитете скандинавских стран и «холодной войне».

(34–37): Документы, связанные с деятельностью Коллонтай в партии и правительстве. Документы, повествующие о «рабочей оппозиции» и отношениях с Лениным и Зиновьевым.

(76): Текст Коллонтай (58 листов), подводящий итог шестидесяти лет ее революционной, политической и дипломатической деятельности.

134.4: Ссылки на дневник и письма:

(1–31): Переписка с близкими (Коллонтай, Маслов, Шляпников, Дыбенко); № 15 — о браке с Дыбенко. Документы по большей части рукописные; все имеют гриф «секретно».

Литература

Lenczyk H. Alexandra Kollontaï: Essai bibliographique. Uppsala, 1972.

I. Автобиографии Александры Коллонтай

Коллонтай А. М. Американские дневники, 1915–1916 годы. Повторно опубл.: Исторический архив. 1962. Янв. С. 128–159.

Коллонтай А. Из моей жизни и работы. Одесса, 1921.

Коллонтай А. М. Из моей жизни и работы: Воспоминания и дневники. М., 1974.

Коллонтай А. М. Отрывки из дневника 1914 года. М., 1924.

Haupt G., Marie J. J. Les bolcheviks par eux-mêmes. Paris, 1969.

Kollontaï A. M. Autobiography of a Sexually Emancipated Woman / ed. by I. Fetcher. London, 1972.

Kollontaï A. M. Autobiographie (suivi de Les Abeilles travailleuses). Paris, 1976.

II. Труды Коллонтай, посвященные проблемам женщин

Коллонтай А. М. Социальные основы женского вопроса. СПб., 1900.

Коллонтай А. М. Крест материнства // Современный мир. 1914. Янв. С. 42–54.

Коллонтай А. М. Общество и материнство. Государственное страхование материнства. Пг., 1916.

Коллонтай А. М. Новая мораль и рабочий класс. М., 1918.

Коллонтай А. М. Положение женщины и эволюция хозяйства. М., 1921. Переизд. в 1923 году под названием «Труд женщины и эволюция хозяйства». Яростную критику позиций Коллонтай в данном вопросе см.: *Виноградская П.* Вопросы морали, пола и быта у тов. Коллонтай // Красная новь. 1923. Июнь. С. 179–214; *Она же.* Вопросы быта // Правда. 1923. 20 июля.

Коллонтай А. М. Общинный котел и индивидуальные алименты // Брак и семья: Сб. статей и материалов по современному праву. М., 1926. Критику этой работы см.: *Лавров Е.* Половой вопрос и молодежь: О некоторых итогах и новых откровениях // Молодая гвардия. 1926. Март. С. 136–149. См. также на эту тему: *Bailes K. E.* Alexandra Kollontaï et la Nouvelle Morale // Cahier du monde russe et soviétique. 1965. Vol. VI(4). P. 471–497.

Kollontaï A. M. La famille et l'État communiste. Bruxelles, 1921.

Kollontaï A. M. La femme nouvelle et la classe ouvrière. Paris, 1932.

Kollontaï A. M. Conférences sur la libération des femmes. Paris, 1978 (пер. с нем. яз.). Текстовая запись публичных лекций, прочитанных в Свердловском университете в 1921 году.

Kollontaï A. M. Marxisme et révolution sexuelle. Paris, 2001 (пер. с рус. яз.).

III. Политические труды Коллонтай

Коллонтай А. М. Жизнь финляндских рабочих. СПб., 1903.

Коллонтай А. М. Финляндия и социализм. СПб., 1906.

Коллонтай А. М. По рабочей Европе. СПб., 1912.

Коллонтай А. М. Кому нужна война? Берн, 1916 (изд. на фр. яз., подпольно опубл. в Швеции под названием «Qui veut la guerre?»).

Коллонтай А. М. Работница и крестьянка в советской России. Пг., 1921.

Коллонтай А. М. Рабочая оппозиция. М., 1921. Текст на фр. яз. см.: Socialisme et barbarie. 1964. Juin. P. 57–107.

Коллонтай А. М. В тюрьме Керенского. М., 1928.

Коллонтай А. М. Воспоминание об Ильиче. М., 1959.

Ленин в Смольном: утро нового мира: Сб. воспоминаний и документов о II Всероссийском съезде Советов. М., 1962 (тексты А. М. Коллонтай).

IV. Художественные произведения Коллонтай

Домонтович А. Женщина на переломе: Психологические этюды. М.; Пг., 1923. Это произведение состоит из двух повестей и короткого романа под названием «Большая любовь».

Коллонтай А. М. Любовь пчел трудовых. Пг., 1923. Книга содержит три повести: «Любовь трех поколений», «Сестры» и «Василиса Малыгина».

V. О Ленине

Письма В. И. Ленина А. Г. Шляпникову и А. М. Коллонтай (1914–1917) / под ред. Л. Б. Каменева. Л., 1925.

VI. Об Александре Коллонтай

Арманд И. Статьи, речи, письма. М., 1975.

Ваксберг А. И. Валькирия Революции: Александра Коллонтай. Смоленск, 1998.

Зайцев П. М. В Кронштадте // Новый мир. 1957. Июль. С. 167–176.

Иткина А. М. Революционер, трибун, дипломат: Страницы жизни Александры Михайловны Коллонтай. М., 1964.

Allilueva S. Only One Year. New York, 1969.

Atkinson D., Dallin A., Lapidus G. W. Women in Russia. Stanford,

1977.

Body M. Alexandra Kollontaï: Mémoires // Preuves. 1952. Avril P. 12–24.

Clements B. Bolshevik Feminist: The Life of Alexandra Kollontaï. London, 1979.

Egge A. Alexandra Kollontaï et Marcel Body: deux âmes sœurs dans une période difficile // Revue d'histoire nordique. Presses universitaires du Midi, 2017. P. 181–191.

Fainsworth B. Alexandra Kollontaï: Socialism, Feminism and the Bolshevik Revolution. Stanford, 1980.

Fetcher I. A. Kollontaï. München, 1970.

L'Europe des femmes, XVIIIe — XXIe siècle: Recueil pour une histoire du genre / ed. par V. Le Gac, F. Virgili. Paris, 2017.

Palencia I., de. Alexandra Kollontay: Ambassadress from Russia. New York, 1947 (перевод с оригинального издания на швед. яз.).

Porter C. Alexandra Kollontaï: A Biography. London, 1980.

Sandor Stora J. Alexandra Kollontaï, marxisme et révolution sexuelle. Paris, 1979.

Valh A. Biographie d'Alexandra Kollontaï. Paris, 1974.

VII. Воспоминания об Александре Коллонтай

Майский И. М. А. М. Коллонтай // Октябрь. 1962. Июль. С. 107–112.

Майский И. М. Воспоминания советского посла. М., 1964.

Миндлин Э. Л. Необыкновенные собеседники: Книга воспоминаний. М., 1958. С. 490.

Миндлин Э. Л. Не дом, но мир: Повесть о А. Коллонтай. М., 1969.

Подлящук П. Товарищ Инесса: Документальная повесть. М., 1965 (2-е изд.).

Славные большевики. М., 1958. С. 193–210 (глава, посвященная Александре Коллонтай).

Dullin S. Des hommes d'influence: Les ambassadeurs de Staline en Europe, 1930–1939. Paris, 2001.

Fischer R. Stalin and German Communism. Cambridge (Mass.), 1948. P. 159–160 (встреча с Коллонтай).

La première femme ambassadeur // L'Illustration. 1924. n° 6255.

Maïski I. Journal, 1942–1943. Paris, 2017 (сокращенная версия трех томов воспоминаний И. М. Майского, опубликованных Йельским университетом под названием «The Complete Maïski Diaries»).

Petrov V. Empire of Fear. London, 1956.

Бонч-Бруевич В. Д., Воровский В. В., Калинин М. И., Киров С. М., Коллонтай А. М., Крупская Н. К., Луначарский А. В. Деятели Октября о религии и церкви. М., 1968.

Коллонтай А. М. На старую тему // Новая жизнь. 1911. С. 174–185 (реферат книги Греты Майзель-Гессе «Сексуальный кризис»).

Коллонтай А. М. Половая мораль и социальная борьба // Новая жизнь. 1911. Сент. С. 155–182.

Коллонтай А. М. Союз защиты материнства и реформа сексуальной морали // Новая жизнь. 1912. Нояб. С. 239–254.

Коллонтай А. М. Профсоюзы и работницы // Правда. 1921. 22 мая.

Коллонтай А. М. Письма к трудящейся молодежи // Молодая гвардия. 1922. Февр.; 1923. Февр. — март. Четыре письма, третье из которых посвящено Анне Ахматовой. Критику этого третьего письма см.: *Лелевич Г.* Анна Ахматова // На посту. 1923. 2 марта. С. 178–202.

Коллонтай А. М. Рука истории // Известия. 1937. 24 окт. С. 3 (исправленная версия статьи, опубликованной в 1919 году).

Указатель имен

Аванесов В. А. 134
Аксельрод П. Б. 32, 64
Александр II, российский император 7, 12, 13
Александр Невский, князь 15
Аллилуева С. И. 199
Аманулла-хан, афганский король 222
Амундсен Р. 223
Андворд Р. О. 262
Антонов А. С. 152
Арманд А. Е. 55
Арманд Е. Е. 55
Арманд И. Ф. 54, 61, 62, 64, 87, 128, 129, 138

Багратуни Я. Г. 100
Базаров (Руднев) В. А. 49
Бакунин М. А. 10, 12, 13, 27
Балабанова А. И. 51, 70, 168, 202, 236
Барбюс А. 224
Бебель А. 29, 38
Бедный Д. 123
Белинский В. Г. 13
Бердяев Н. А. 8
Бернштейн Э. 31–33
Бестужев-Рюмин К. Н. 21
Блюм Л. 240
Блюмкин Я. Г. 122
Богданов А. А. 49, 50
Брайант Л. 107
Брантинг К.-Я. 227
Бубнов А. С. 101, 113
Булгаков С. Н. 50
Бурко М. 46
Бухарин Н. И. 48, 70, 79, 112, 113, 135, 156, 162, 163, 203, 217, 220, 235, 243, 272

Ваксберг А. И. 84
Валленберг М. 256
Вандервельде Э. 51, 64
Ванситтарт Р. 244
Вебб Б. 32
Вебб С. 32

Виноградская П. С. 177, 178, 181
Волкова В. 44, 45
Володарский В. (Гольдштейн М. М.) 123, 124
Вольф Б. 207
Вышинский А. Я. 268

Ганецкий (Фюрстенберг) Я. С. 84, 95, 96
Гапон Г. А. 36
Гед Ж. 64
Геркнер Г. 30–32, 35
Герцен А. И. 9, 10
Гитлер А. 237, 240, 243, 244, 247, 252, 253, 256, 258, 273, 274
Горький М. 45, 49, 50, 96, 97, 115, 138, 183
Грепп Р. 264
Гримм Р. 70

Даладье Э. 243
Деникин А. И. 121, 135, 137, 138
Джилас М. 273
Дзержинский Ф. Э. 101
Димитров Г. 224
Домонтович М. А. 15–24, 26, 28, 33
Достоевский Ф. М. 13
Драгомиров И. М. 21
Дыбенко П. Е. 90, 92, 95, 96, 102, 107, 108, 113, 114, 117–120, 127, 135–139, 142–144, 157, 169, 176, 179, 220, 223, 224, 230, 237, 255, 272

Ежов Н. И. 241
Екатерина II, российская императрица 12, 102, 108

Жданов А. А. 265
Жемчужина П. С. 273
Жорес Ж. 51, 60, 63, 64

Залуцкий П. А. 82
Засулич В. И. 32, 42, 43, 271
Зиновьев Г. Е. 48, 68, 87, 96, 98, 101, 104, 128, 131, 133, 147, 162, 166, 169, 175, 179, 186, 203, 212, 213, 219, 220, 235, 241, 272

Ибсен Г. 221
Иоффе А. А. 122, 220

Каганович Л. М. 235

Калинин М. И. 140
Кальес П. Э. 207, 209
Каменев Л. Б. 48, 64, 86, 87, 96, 101, 103, 104, 128, 133, 162, 203, 212, 213, 219, 220, 235, 241
Канделаки Д. В. 238, 243
Каплан Ф. Е. 122–124
Каутский К. 31, 35, 59
Келлог Ф. 205, 207
Керенский А. Ф. 95, 97, 98, 229
Киров С. М. 237
Кобецкий М. В. 173, 179
Коларов В. 166
Коллонтай В. Л. 22–27, 30–33, 58, 59, 92, 96, 97, 174
Коллонтай В. М. 216, 249, 263, 269
Коллонтай М. В. (Миша) 24, 29–31, 33–36, 38, 46, 49, 59, 62–65, 76, 92, 96, 97, 120, 132, 171, 183, 185, 191, 215, 216, 221, 224, 226, 235, 255, 257, 261, 263
Коллонтай М. И. 96, 97, 174
Коллонтай П. И. 22
Колчак А. В. 121, 125, 127, 135
Копп В. Л. 227
Корнилов Л. Г. 97, 98
Короленко В. Г. 25
Короленко Н. 108
Красин Л. Б. 205
Кропоткин П. А. 10, 178, 271
Крупская Н. К. 40, 56, 57, 61, 68, 87, 128, 185, 233, 234, 241
Крыленко Н. В. 117
Куйбышев В. В. 184, 190
Кузнецов Н. В. 184
Кун Б. 131
Кутепов А. П. 226
Куусинен О. В. 247–249
Кюстин А. де 7, 8, 11

Лавров П. Л. 9, 10
Лафарг Л. 35, 54, 57,58, 197, 276
Лафарг П. 35, 54, 57, 58, 276
Ленин (Ульянов) В. И. 6, 11, 14, 32, 37, 38, 40, 42, 49, 50, 54–57, 60–62, 64, 65, 67–70, 72–77, 79, 80, 83–90, 92–98, 101–105, 107–109, 111–115, 117–120, 122–125, 127, 128, 131, 133–135, 141, 145–152, 154, 156, 157, 161–168, 171, 177, 182, 183, 185, 186, 190, 197, 203, 204, 218, 220, 233, 234, 236–238, 241, 242, 264, 268, 272, 273, 275

Либкнехт К. 38, 46, 48, 59, 64, 131, 276
Лилина З. И. 68
Линдхаген К. 120
Литвинов М. М. 60, 170, 178, 190, 203, 212, 217, 220, 221, 227, 244, 268, 273
Ломов (Оппоков) Г. И. 101
Луначарский А. В. 38, 49–52, 54, 96, 98
Лысенко Т. Д. 265
Люксембург Р. 32, 35, 42, 46, 64, 70, 131, 276

Майзель-Гессе Г. 53
Майский И. М. 60, 229, 233, 261
Макар А. М. 217, 220
Макманус А. 166
Максимилиан Баденский 129
Маннергейм К. 258
Мануйлов В. В. 210
Маркс К. 10, 11, 15, 27, 29, 31, 32, 54, 151, 197
Мартов (Цедербаум) Ю. О. 42, 54, 64, 88
Масалина (Массалин-Мравинская, Домонтович) А. А. 16–21, 23, 33
Маслов А. (Чемеринский И. Е.) 199
Маслов П. П. 37, 38, 49, 54, 58, 59
Махно Н. И. 152
Межинская К. И. 159
Меринг Ф. 64
Местр Ж. де 8, 11
Микоян А. И. 210, 223
Милюков П. Н. 98
Мирбах В. фон 122
Михаил Александрович, великий князь 82
Молотов В. М. 82, 184, 217, 219, 248, 252, 253, 258, 260, 261, 273
Мравинская А. К. (Адель) 17, 24
Мравинская Е. К. (Евгения, Женя) 20
Мравинский (Мровинский) К. И. 17–20

Наполеон I, французский император 101
Натансон М. А. 88
Николаева А. 159
Николаева К. И. 98, 111, 126
Николай II, российский император 81, 82
Николай Николаевич, великий князь 82
Нильссон А. 243, 244

Ниссен А. 67
Нобиле У. 223

Ойстрах Д. Ф. 229
Острогорский В. П. 21

Паасикиви Ю. К. 256
Павлова А. П. 226
Паленсия И. де 242–244, 253
Панина С. В. 106
Парвус (Гельфанд) А. Л. 83, 84, 87, 95
Пестковский С. С. 209
Петр I, российский император 9
Петров В. М. 255
Писарев Д. И. 13
Платтен Ф. 123
Плеханов Г. В. 32, 37, 38, 50, 54, 60
Покровский М. Н. 50
Полынов Н. Б. 84
Преображенский Е. А. 213, 220
Прудон Прудон П.-Ж. 10
Пугачев Е. И. 8, 10, 12
Пушкин А. С. 13
Пятаков Г. Л. 70, 113, 213

Радек (Собельсон) К. Б. 48, 95, 113, 156, 162, 220
Разин С. Т. 109
Райхенбах Г. 164
Раковский Х. Г. 192, 205, 213
Раппопорт Ш. 54
Раскольников Ф. Ф. 90–92, 96
Риббентроп И., фон 256
Ривера Д. 211, 212
Рид Дж. 90, 102, 107, 141, 142
Романовы, династия 97, 113, 187
Рудзутак Я. Э. 166
Рыков А. И. 133, 162, 235
Рюти Р. 248, 256, 258
Рязанов Д. Б. 54

Садуль Ж. 152
Самойлова К. Н. 98, 126
Санд Ж. 9, 10
Сандлер М. 240, 242, 245

Саткевич А. А. 25–27, 30, 33, 92
Свердлов Я. М. 98, 101, 110, 118, 127, 128, 132–134, 164
Седова Н. И. 219
Семенов В. С. 260, 268
Серж В. (Кибальчич В. Л.) 175, 236
Смидович С. Н. 197, 199
Сокольников Г. Я. 101
Сорайя, афганская королева 223
Сталин (Джугашвили) И. В. 85–87, 98, 101, 133, 166, 169–171, 181, 183–186, 190, 199, 203, 204, 207, 212, 213, 217, 219, 220, 222–224, 226, 235–238, 240–246, 248, 253, 256, 258, 261, 263–265, 268–270, 271–275
Стасова Е. Д. 28, 32, 37, 261
Страхова М. И. 27, 28
Стронг Л. 224, 226
Струве П. Б. 32, 33
Сулькевич М. А. 122, 127
Суриц Я. З. 173, 175, 178, 179
Суханов Н. Н. 100, 241

Таннер В. 248
Тито (Броз) И. 265
Ткачев П. Н. 10–12
Токвиль А., де 8, 13
Толстой Л. Н. 13, 21, 109, 178
Томский М. П. 235
Торез М. 224
Троцкий (Бронштейн) Л. Д. 37, 38, 42, 54, 70, 96–98, 101, 102, 105, 112–114, 122, 147, 152, 161–163, 166, 170, 177, 178, 186, 190, 197, 203, 212, 213, 215, 219, 220, 224, 236–238, 241, 272, 273
Тургенев И. С. 21, 271
Тутолмин И. Ф. 21
Тухачевский М. Н. 152, 238

Ульянов Д. И. 14, 137
Урицкий М. С. 101, 124

Фишер Р. 199–201
Франко Ф. 243
Франц-Фердинанд, австрийский эрцгерцог 63
Фрунзе М. В. 165

Хеглунд Ц. 120
Хогдон, миссис, гувернантка 18

Хокон XII, король Норвегии 262

Цеткин К. 38, 40–42, 46, 48, 51, 60, 64, 66, 141, 166, 167

Чаадаев П. Я. 9
Чайковский Н. В. 10
Чемберлен Н. 243
Чернышев И. С. 261
Чернышевский Н. Г. 13, 27
Черчилль У. 258
Чичерин Г. В. 52, 60, 113, 170, 222, 268
Чхеидзе Н. С. 87

Шадурская З. Л. 34, 97, 243
Шиллер Ф. фон 41
Шляпников А. Г. 58, 59, 65, 70, 77, 79, 82, 84, 86, 87, 92, 102, 104, 143–146, 148, 149, 151–154, 156, 157, 164–166, 168, 209, 220, 237, 272
Шолохов М. А. 229
Шоу Б. 265

Щепкина (Щепкина-Куперник) Т. Л. 84

Эберт Ф. 129
Эренбург И. Г. 221, 229

Юденич Н. Н. 121

notes

Примечания

1

Святой Довмонт, выходец из Литвы, бежал в Псков. Став псковским князем под именем Тимофей, он женился на младшей дочери Александра Невского. Почитался как святой и погребен в Троицком соборе.

2

В Российской империи развод был непростой юридической процедурой, требовал разрешения церковных властей и долгих хлопот, что объясняет, почему между расставанием четы Коллонтай и официальным разводом прошло столько времени.

3

Статья опубликована в сентябре 1915 года. — *Примеч. пер.*